БРАЙАН ДЖЕЙКС
ЖЕМЧУГ ЛУТРЫ
Впервые на русском языке

К Сампетре
Остров Выдриное Кольцо
Айсберги
Дом Лутры
Лес Цветущих Мхов
Скала Скелета
Остров Сампетра
Таверны и Пристань
Восточная бухта
Дворец Ублаза
Море
Аббатство Рэдволл
Берег
Церковь Святого Виниана

ИЗ ЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ
имя

РЭДВОЛЛ

СЕРИАЛ

«РЭДВОЛЛ»

ВОИН РЭДВОЛЛА

ВОЙНА С КОТИРОМ

ПОХОД МАТИАСА

МЭРИЕЛ ИЗ РЭДВОЛЛА

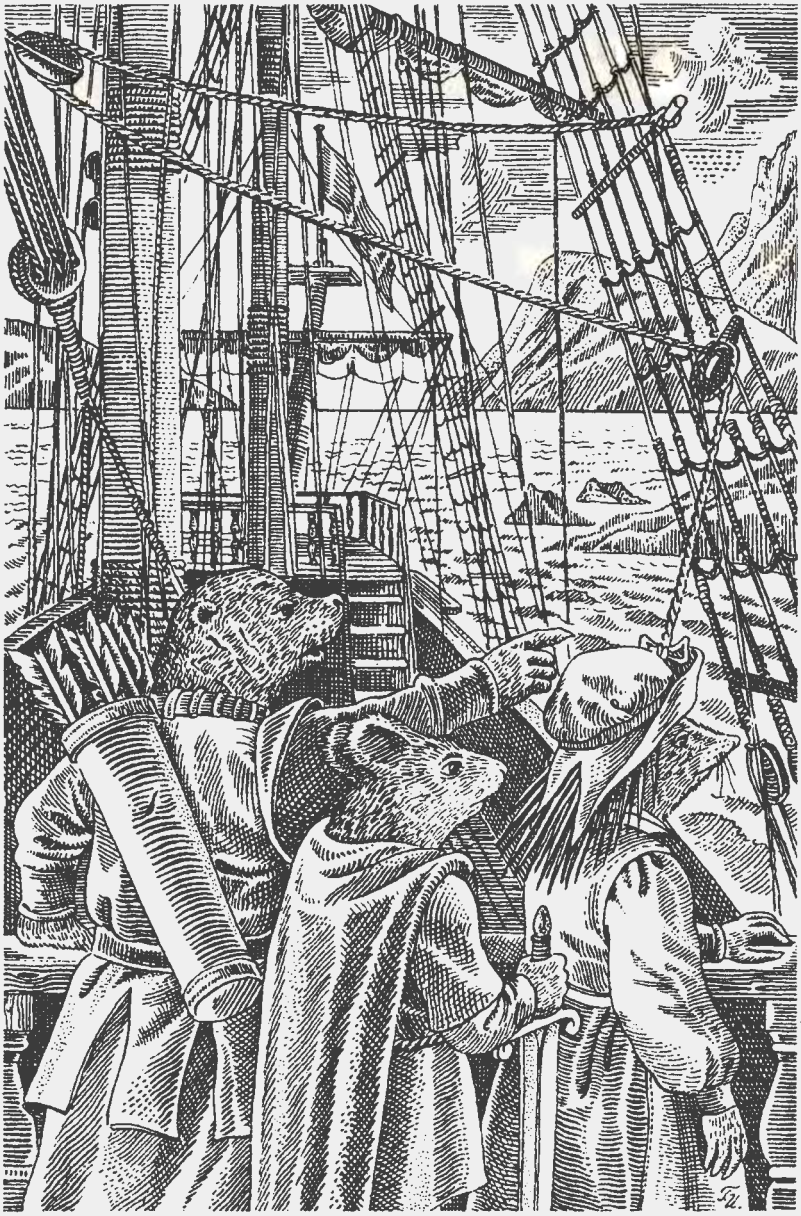
САЛАМАНДАСТРОН

МАРТИН ВОИТЕЛЬ

КОЛОКОЛ ДЖОЗЕФА

ИЗГНАННИК

ЖЕМЧУГ ЛУТРЫ



Брайан Джейкс

ЖЕМЧУГ ЛУТРЫ

Санкт-Петербург
Издательство «Азбука-классика»
2004

УДК 82-93
ББК 84.4 Вл
Д 40

Brian Jacques
The Pearls of Lutra
Copyright © 1996 by Brian Jacques
First published by Hutchinson Children's Books 1996

Издательство выражает благодарность
литературному агентству Эндрю Нюрнберг

Перевод с английского
Владимира Правосудова

Дизайн переплета Вадима Пожидаева

Иллюстрации на обложке
Антона Ломаева

Иллюстрации на форзаце
Сергея Рожина,
Дмитрия Тимохина

Художники
Ольга Саксон,
Игорь Ганзенко,
Александра Ларионова,
Юсуп Ханмагомедов,
Светлана Макарова,
Сергей Ботнарюк

Джейкс Б.

Д 40 Жемчуг Лутры / Пер. с англ. В. Правосудова, С. Степанова. — СПб.: Азбука-классика, 2004. — 432 с.

ISBN 5-352-00815-0

Впервые на русском языке!

Где-то далеко от аббатства Радволл лежит остров Сампетра, которым правит император Ублаз. Гипнотический дар Ублаза держит в страхе и повиновении многочисленную армию хищников. Но настоящим императором Ублаз почувствует себя тогда, когда в его короне будут красоваться шесть розовых жемчужин... Одна из них, на беду обитателей аббатства, оказалась в Радволле.

© В. Правосудов, перевод, 2004
© С. Степанов, перевод стихов, 2004
© «Азбука-классика», редактура, 2004
© «Азбука-классика», 2004

ISBN 5-352-00815-0

Будь проклят Безумный Глаз,
На чужое разинувший пасть!
Будь проклят тот день, когда он решил
«Океанские слезы» украсть!

Корабельные крысы помнят
О том, как в морской дали
От крови красные волны
Их мертвых братьев несли.

Широко огромное море,
И побережий не счесть,
Но всюду зеленые стрелы
Несут жестокую месть!

Помнят о том мертвые
И те, кто лапы унес, —
Страхом Воин из Рэдволла
Платит за те шесть «слез».

Больше такого пираты
Вовеки не совершат,
Вовеки веков будут помнить они
О тех, что на дне лежат.

На позор и на гибель
Вышли мы в океан.
Шесть «слез» за корону!
Будь проклят жадный тиран!

ШЕСТЬ «СЛЁЗ» ЗА ОДНОГО АББАТА

КНИГА
ПЕРВАЯ

1

Молодая ежиха Пижма слыла среди обитателей аббатства Рэдволл воплощением серьезности и здравого смысла. Благодаря этому ей — одной из немногих среди молодняка — разрешили выходить за стены аббатства, в основном чтобы собирать травы для снадобий сестры Цецилии. Сквозь полог крон Леса Цветущих Мхов пробивались лучи теплого весеннего солнца; пройдя сквозь нежную дымку молодой листвы, они заливали лес зеленоватым светом. Где-то вдалеке кукушка тянула, бесконечно повторяясь, свою песню, приветствовала наступление нового сезона. Пижма поставила корзинку на мшистую кочку и стала раскладывать еду: головку желтого сыра, маленькие

булочки с орехами, немного каштанов в сахаре и фляжку с морсом из бузины. Наскоро протерев уголком передника две деревянные кружки, она внимательно оглядела кроны ближайших деревьев.

— Арвин! — позвала она. — Я знаю, что ты здесь. Вылезай немедленно, а то я съем все одна. Тебе и крошки не достанется.

С ближайшего вяза тотчас же спрыгнул бельчонок, приземлившийся точно к еде. Не выказывая удивления от его неожиданного появления, Пижма стала разворачивать чистые салфетки, строго отчитывая тем временем своего подопечного:

— Тебе было сказано раз и навсегда — так далеко не уходить! Я, между прочим, за тебя отвечаю. А это что за грязные лапы? Вытри их мхом, да получше, а не то ни кусочка не получишь. Слышал, ты, мелюзга?

Арвин обтер лапки о свою чистую льняную рубаху, оставив на ней две грязные черные полосы. Победно улыбнувшись, он немедленно схватил сладкий каштан.

— Я никуда никогда не убегаю, — затараторил бельчонок. — Никуда я не денусь, и отвечать за меня не придется. Я слишком голоден, чтобы уходить далеко от твоей корзинки.

Пижма попыталась скрыть улыбку, но без особого успеха. Фыркнув, она протянула приятелю кружку морса.

— Мелюзга и есть мелюзга, — сообщила она. — Что с нее взять.

— Да, я мелюзга, страдающая, умирающая с голоду мелюзга. Но сейчас Арвин поест и станет большой и сильной мелюзгой. Эге-гей! Берегись!

Бельчонок ни секунды не мог посидеть на месте. Даже во время еды он все время прыгал вокруг кочки-стола и напевал:

— Мелюзга — ха-ха-ха! Мелюзга — ха-ха-ха! Пижма-фижма — хи-хи-хи!

— Будет тебе Пижма-фижма, если живот заболит от прыжков во время еды, — бурчала себе под нос Пижма, перебирая собранные с утра травы для сестры Цецилии. — Так, стебли зрелой амброзии, свежие побеги ангелики. Посмотрим, что еще нужно сестре Цецилии... Да, еще зимолюбка, надо посмотреть, нет ли ее у скал.

Пижма посмотрела вверх — небо на глазах темнело и затягивалось тучами; вот уже и несколько мелких капель упали на ее мордочку.

— Ну вот, дождь! — вздохнула ежиха. — Кто бы мог предположить. Небо-то было чистое-чистое. Арвин, помоги мне уложить все в корзинку. Доешь потом, пока я поищу в скалах местечко, где можно будет переждать дождик.

Друзья быстро собрали остатки еды и заготовленные травы и направились дальше в глубь леса. Холодный ветер усилился и уже вовсю теребил верхушки деревьев, проделывая в плотном пологе леса дыры для капелек дождя. Затем и вовсе пошел ливень. Глинистая почва словно барабан гудела под мелкой дробью капель. Пижма прикрыла Арвина плащом, и они побежали искать укрытие от непредсказуемой весенней погоды.

— То солнце, то дождь — ну и дела! — верещал бельчонок.

Пижма и Арвин поспешили спрятаться в скале из пластов песчаника. Они наваливались друг на друга, словно книги, упавшие на полке набок.

— Пижма, разведи костер, Арвин хочет погреться, — жалобно проскулил замерзший бельчонок.

Пижма внимательно разглядывала пряно пахнущий росток, попавшийся им под лапы при входе в пещеру. Выслушав жалобы бельчонка, она ответила ему:

— У меня с собой нет ни кремня, ни сухого трута. А кроме того, старый летописец Ролло всегда говорит, что только взрослым и очень опытным зверям можно разжигать костер в лесу. Огонь — страшно опасная штука, если упустить его.

Арвину точка зрения летописца Ролло, похоже, не показалась особо убедительной.

— Огня они, видите ли, боятся. Скажешь тоже. А раз так, — и с этими словами он выскочил из пещеры под дождь, — раз уж я все равно промок до нитки, то теперь мне дождь не страшен. Все, Арвин пошел гулять!

Он тотчас же скрылся из виду, и ежихе оставалось только крикнуть ему вслед:

— Не отходи далеко от камней, слышишь? Не уходи в лес и смотри не порви рубашку, а не то матушка Аума надерет тебе хвост, и поделом!

Пижма с грустью уселась на землю у входа в пещеру и сквозь пелену дождя стала разглядывать землю между ближайших камней, надеясь отыскать еще несколько побегов зимолюбки. Было ясно, что день был безнадежно испорчен дождем. С ее точки зрения, это было нечестно, особенно если вспомнить, сколько ей пришлось упрашивать Ауму, чтобы та отпустила Арвина с нею. Утро было ясным и солнечным; Пижма сама уложила корзинку с едой, еще раз внимательно выслушала указания сестры Цецилии и вышла за ворота, держа корзину одной лапой и Арвина — другой. Чувствовала она себя при этом необычайно взрослой и ответственной. Стоявший на дежурстве выдра Вальджер подмигнул ей и, ободряюще махнув хвостом, выпустил ежиху с бельчонком через главные ворота.

Пижма улыбнулась, вспомнив, каким взглядом провожала ее со стены Фиалка — мышь-полевка. Ох уж эта воображуля Фиалка! Вечно она важничает, напускает на себя то такой, то этакий серьезный вид, вечно язвительно шутит. Но зато легкомысленную и излишне разговорчивую Фиалку никогда не отпустили бы одну за ворота! Молоденькая ежиха не поленилась специально помахать Фиалке лапкой, небрежно сообщив той:

— Я тут прогуляюсь, у меня кое-какие дела есть в Цветущих Мхах. Счастливо оставаться, Фиалка. До встречи.

Ошеломленная полевка чуть не позеленела от зависти. Вот и отлично. Так ей и надо, этой задаваке!

— Пижма-а-а-а!

Жалобный крик Арвина мгновенно вернул ежиху к реальности. Отбросив корзину, она выскочила из пещеры и стала карабкаться по камням в ту сторону, откуда, как ей показалось, донесся плач.

— Пижма-а-а!

Осторожно и не очень ловко ступая по неровным камням, Пижма крикнула в ответ:

— Арвин, ты где? Подавай голос, чтобы я нашла тебя!

— Я провали-и-и-ился! Пижма, помоги-и-и!

Поспешив к тому месту, откуда доносился крик, ежиха опустилась на четвереньки у края широкой трещины в одной из скал. Сунув в темноту передние лапы, она с облегчением почувствовала, что за них тотчас же ухватились мокрые лапки бельчонка.

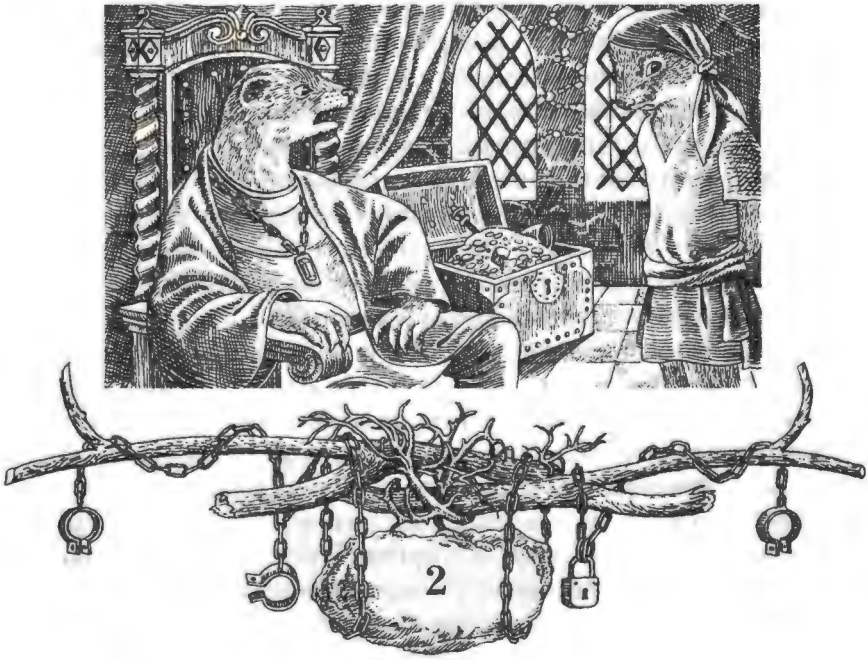
— Держись крепче, сейчас я тебя вытащу, — пропыхтела Пижма.

Но не успела она начать тянуть Арвина, как тот — ловкий и проворный, — почувствовав опору, мгновенно подтянулся на ее лапах, бесцеремонно наступил ей на нос, затем на затылок и выбрался из своей ловушки.

— Смотри, смотри! — завопил он. — Там... там — внизу!..

Пижма легла на край расщелины и заглянула вниз. Тотчас же раздался испуганный визг: на молоденькую ежиху уставился череп с пустыми глазницами. Его беззубые челюсти, казалось, ухмылялись ей, а дождь, барабанивший по его темени, еще добавлял всей картине зловещей мрачности. В выбеленных костях и истлевших остатках одежды, прилипших к ним, угадывались контуры скелета, попавшего в безжизненную каменную пасть этой расщелины. Прогремел гром, и вспышка молнии на миг осветила место чьей-то трагедии. Еще один возглас ужаса непроизвольно вырвался из груди Пижмы.

Забыв о собранных травах, корзине и остатках еды, не обращая внимания на ливень и пронизывающий ветер, Пижма схватила Арвина за лапку и потащила его за собой — вниз по камням, потом прочь от них, спотыкаясь, падая и кувыркаясь по мокрой траве. Оба зверька мчались по лесу так, словно найденный скелет вот-вот погонится за ними. Они неслись не разбирая дороги, сердца бешено колотились в груди, и единственным их желанием было как можно скорее добраться до безопасных стен родного дома — аббатства Рэдволл.



2

Говорят, что дальше, чем то место, где солнце опускается в море, лежит остров Сампетра. С первого взгляда это просто тропическая жемчужина, затерявшаяся в бирюзовых водах, там, где всегда стоит вечное лето. На самом деле Сампетра прогнил, как скелет выброшенной на берег летучей рыбы. Все дороги зла сходятся на этом острове, он — гавань для всех морских разбойников. Пираты, морские крысы и прочий океанский сброд — порождения Сампетры, мрачного царства могущественной куницы, жестокого императора Ублаза.

Его еще называют Безумный Глаз, но только тайком, потому что никто из осмелившихся так

назвать императора в лицо не прожил после этого и дня. Живет он во дворце, построенном на плоской вершине укрепленной скалы на юго-западе острова. Любой корабль, зашедший в гавань Сампетры, должен платить немалую дань ее повелителю, а тот капитан, который не захочет становиться на якорь во владениях Ублаза, объявляется императорским указом его личным врагом. Это значит, что корабль, а также капитан и вся его команда оказываются вне закона и ограбить или убить их становится делом чести для верноподданных.

Безумный Глаз хитер и могуществен. На острове не растут деревья, но император в одном из дворцовых дворов хранит целый склад леса. Любая доска, любой кусочек дерева, необходимые для ремонта корабля, выдаются только тем, кто верно платит немалую дань властителю. Остров, кстати, еще и отличное место для отдыха и развлечений местного сброда: берега бухты просто усыпаны тавернами. У императора Ублаза состоит на службе полк морских крыс, вооруженных трезубцами, что отличает их от остальных пиратов. Но больше всего внушают ужас огромные хищные ящерицы, прозванные надзирателями. Они обитали на Сампетре еще с незапамятных времени, и лишь Ублаз силой своего взгляда сумел подчинить их себе.

Горностай Конва, капитан пиратского корабля «Морской Змей», становился все мрачнее по мере того, как его судно подходило ближе и ближе к причалу Сампетры. На пирсе уже выстроились крысы с трезубцами и ящерицы-надзиратели, и Конва прекрасно знал, чего они ждут: отконвоировать его во дворец, к самому императору. Знай пират хоть какие-нибудь молитвы или заклинания, он беспрестанно твердил бы их про себя, моля судьбу о том, чтобы Ублаз вдруг забыл о сокровище, названном «Слезами Всех Океанов». Но надежды были тщетны, и воспоминания о страшных, безумных глазах повелителя

словно магнитом притягивали обратно в гибельную для него Сампетру.

Не успел корабль пришвартоваться, как у Конвы отобрали капитанский палаш и увели прочь под охраной двух крыс и двух ящериц. Остальная стража поднялась на борт, чтобы члены команды, согнанные в кубрик, не сошли на берег до того, как будет получено разрешение портовых властей.

Конву бесцеремонно втолкнули в какое-то по-варварски роскошное помещение, оказавшееся тронным залом. Сам император восседал на огромном троне из резного кедра.

Ублаз вызывал восхищение. Густой коричневый мех покрывал его от головы до пушистого хвоста; красоты добавляли и кремово-желтые уши, и такого же цвета полоска на шее. Император был облачен в шелковую зеленую мантию с золотой каймой; синие сапфиры сверкали на рукоятке его серебряного кинжала, покоившегося в ножнах из акульей кожи. Лицо Ублаза было неподвижно. Хищные острые зубы виднелись за его чуть приоткрытыми тонкими губами; над напомаженными усами и коричнево-черной точкой носа горели два миндалевидных, черных как ночь глаза. Эти глаза сейчас неподвижно глядели на пирата.

Некоторое время в зале стояла тишина. Император сверлил взглядом оцепеневшего горностая. Беззвучный приказ повелителя заставил капитана говорить:

— О Всемогущий и Всеведущий, все твои приказания мы выполняли честно, не щадя сил. Мы нашли логово выдры Лутры на далеком северном побережье. Напав на них из засады, мы перебили их всех до единой, и все их имущество, все до последней мелочи, было погружено на мой корабль.

Ублаз заговорил тихим, чуть громче шепота, голосом:

— Что же ты захватил? Перечисли мне свою добычу.

Пират послушно забормотал:

— Кубки, инкрустированные драгоценными камнями, подносы, костяные браслеты с резьбой — на лапы и на хвосты, одно золотое ожерелье, шкатулка с мелким сиреневым жемчугом, другая шкатулка — из створок ракушки гребешка. В этой шкатулке находилось шесть больших розовых жемчужин.

Император прохрипел:

— «Слезы Всех Океанов»! Ты добыл их для меня!

Конву затрясло от страха. Рухнув на мраморный пол, он дрожащим голосом произнес:

— О Всемогущий, их похитили!

Ублаз только вздохнул и откинулся на спинку трона, — видимо, плохая весть не застала его врасплох.

— Расскажи, как это случилось, — потребовал он.

Два надзирателя внесли в тронный зал носилки с рундуком, в котором хранилась добыча пиратов. Ублаз кивнул, и ящерицы молча поставили открытый рундук перед троном.

Тем временем горностай срывающимся голосом продолжал рассказывать:

— Через два месяца после того, как мы перебили племя Лутры, я вел корабль на юг, вдоль берега. Там, где начинается побережье Страны Цветущих Мхов, в море впадает река — я хотел пополнить запасы пресной воды перед долгим переходом через открытое море. Мы бросили якорь в устье реки, и, когда корабль был уже готов вновь поднять паруса, я обнаружил, что пропали два члена команды — ласки Чутконос и Седоглуп. Вместе с ними исчезли и розовые жемчужины из шкатулки. Дезертиры украли их и сбежали с корабля. Почти весь экипаж я отправил в погоню. Через три дня мы нашли тяжело раненного Чутконоса. Эти двое переругались из-за жемчужин, и Седоглуп избавился от сообщника, ткнув его кинжалом. Само собой, Чутконоса и все окрестности мы обыскали, но жемчужин у него не было. Перед смертью он сказал, что успел нанести Седоглупу не менее серьезную рану, рубанув того по голове палашом.

Мы пошли по следу Седоглупа и через два дня вышли к огромному зданию — аббатству Рэдволл. Сомнений не было — единственный след дезертира ведет прямо к воротам аббатства. Рэдволл — сооружение добротное и хорошо укрепленное, живет там бог знает сколько народу, и мы сделали все, чтобы не попасться им на глаза.

Жив Седоглуп или мертв — жемчужины все равно остались там, за стенами аббатства. О Всемогущий, большего я сделать не смог — мой экипаж был слишком малочислен для штурма. Я поспешил в обратный путь и на всех парусах помчался в Сампетру, чтобы как можно скорее передать тебе эти вести, пусть и нерадостные.

Ублаз обошел сундучок с добычей, лениво копаясь в трофеях острием кинжала.

— Щербатые кубки, — негромко бормотал он, — костяные браслеты, золотое ожерелье, еще вопрос, не латунное ли... Мелкий жемчуг, шкатулка, понимаешь, перламутровая. Мелочовка! Если не считать розовых жемчужин, так пока и не доставшихся мне, ничего стоящего у рода Лутры и не было.

Подойдя к дрожащему пирату, император поинтересовался:

— Ну, храбрый Конва, а с тобой что прикажешь делать?

Наводящие ужас глаза куницы словно вонзились в мозг горностая. Тот, потеряв остатки достоинства и желая любой ценой вымолить пощаду, рухнул перед Ублазом на колени и запричитал:

— О Всемогущий, пощади меня! Позволь мне искупить вину! Я соберу большую команду и призову на помощь других капитанов. Вместе с ними я вернусь к Рэдволлу и во что бы то ни стало добуду «Слезы Океанов».

Ублаз поставил ногу на шею горностая и придавил его голову к полу.

— Неужели ты думаешь, что я отправлю такого болвана, как ты, за тридевять земель — на штурм аббатства Рэдволл? Слыхал, слыхал я об этом местечке. У его стен,

наверное, целый курган сложен из костей бездарных военачальников, рискнувших штурмовать аббатство. Печальна была участь этих захватчиков. Нет, если уж я решил завладеть «Слезами Всех Океанов», то отправлю на это дело кого-нибудь поумнее. Эй, ты, — окликнул Ублаз стоявшую на страже у дверей крысу с трезубцем, — вызови сюда генерала надзирателей.

Наклонившись над горностаем, император пощекотал ему ухо острием кинжала.

— Я сохраню тебе жизнь. Пока. По крайней мере, до тех пор, пока не разузнаю всю правду об этой истории. Увести его! Передайте его дежурным надзирателям, пусть покантуется у них в казарме.

Конва и не думал молить о пощаде. Его не казнили на месте, но как знать, сколько он протянет, безоружный, в логове этих странных хищных тварей? Словно в оцепенении, скованный ужасом, он вышел из тронного зала.

Ласк Фрилдор — генерал надзирателей — стоял навытяжку перед императором. Плоские немигающие глаза ящерицы замерли, уставившись в одну точку. Слышалось лишь легкое шуршание чешуи по мраморному полу — это непроизвольно подергивался хвост главного надзирателя. Ублаз одобрительно кивнул. Генерал никогда не подводил его: крутой нрав безжалостной ящерицы внушал страх всем без исключения обитателям Сампетры.

— Все ли идет хорошо, моя верная правая лапа? — обратился к Ласку Фрилдору Ублаз, налив себе и генералу вина.

Стоило ящерице открыть пасть, как даже могущественный император поспешил отвернуться, не в силах выдержать зловонного дыхания рептилии.

— Ваш-ше Величес-ство, — раздался голос генерала, — я готов ис-сполнить любой ваш-ш приказ-з.

Куница, отхлебнув вина, промокнул губы шелковым платком.

— Отлично! — сказал император. — Приказываю тебе взять отряд верных собратьев и отправиться на корабле Конвы для выполнения моего особого задания.

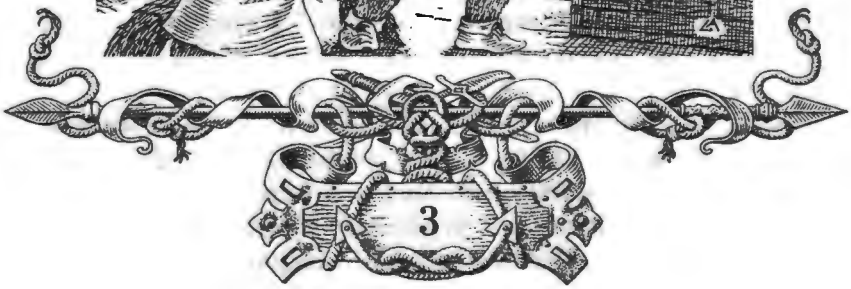
Генерал моргнул в знак подтверждения:

— Я готов отправитьс-ся хоть на край с-света, если это будет угодно моему повелителю, императору Ублаз-зу.

Он взял протянутый императором кубок с вином, поднял до уровня шеи и, не отрывая взгляда от глаз повелителя, длинным языком стал быстро-быстро лакать вино.

Ублаз тем временем подробно объяснял цель своего приказа:

— Путь предстоит неблизкий. Далеко на востоке, там, где солнце встает из-за моря, лежит Страна Цветущих Мхов. Возьмешь «Морского Змея» с экипажем; старшим помощником там Ромска, толковый хорек, с тобой пусть отправится пара десятков твоих надзирателей. А теперь слушай внимательно, что ты должен будешь сделать...



3

Сагитар Пилозуб была крупнее большинства морских крыс; ловкая, сильная, жилистая, она благодаря своему уму и характеру заняла весьма высокое положение старшины стражи, состоявшей из крыс, вооруженных трезубцами. Старшина стражи уступала в важности, пожалуй, только Ласку Фрилдору, генералу надзирателей. Отправив своих подчиненных патрулировать по знакомым маршрутам порт и окрестные таверны, старшина Сагитар стояла на краю пирса, провожая взглядом корабль. Это отправлялся в далекий путь к берегам Страны Цветущих Мхов «Морской Змей». Крепко сжимая древко трезубца, Сагитар позволила себе довольно улыбнуться:

теперь она одна занимала почетнейшее место правой лапы повелителя Ублаза, только она отвечала за порядок в порту и поведение пиратского сброда, бросившего якоря в гавани Сампетры.

Но судьба порой шутит злые шутки даже с удачливыми морскими крысами. Оглядев горизонт, Сагитар поняла, что о безмятежном почивании на лаврах ей мечтать не приходится: с запада к острову приближался корабль. Старшине стражи достаточно было одного взгляда, чтобы узнать «Флибустьер» — только это судно несло на своих мачтах три красных вымпела, бодро реявших на ветру.

Несколько ударов трезубцем о настил пирса — и на зов старшины примчался один из стражников.

— Эскадрон на этот причал! Немедленно! — скомандовала Сагитар.

Отдав честь взмахом трезубца, крыса-стражник бросилась выполнять приказание.

В порт Сампетры редко заплывали корабли, капитаны которых могли сравниться дурной славой с капитаном «Флибустьера». Сейчас, стоя на носу своего корабля, одетый в огненно-красный шелк, со сверкающей саблей наголо, горностай Барранка был просто воплощением дерзости и отваги. Одну лапу он небрежно заложил за черный кожаный пояс; концы ленточки, завязанной у него на голове, развевались по ветру.

— Эгей, — прокричал капитан, — смотри-ка, старая крыса Сагитар на сей раз лично возглавила торжественную встречу нашей посудины! Какая честь для нас! Ребята, нельзя разочаровывать таких гостеприимных хозяев.

Ловко спрыгнув с бушприта на палубу, Барранка грозным голосом проорал приказ экипажу:

— Свистать всех наверх! Все лапы — на палубу! Вооружиться до зубов!

Экипаж «Флибустьера» был сборищем крыс, хорьков, ласок и горностаев — отчаянных сорвиголов даже по пиратским меркам. И вот эта разношерстная компания бро-

силась к борту, сверкая частоколом сабель, кинжалов, палашей и топоров.

Барранка подозвал своего старшего помощника, горностая Ветродуя, и негромко сказал ему:

— Что-то не видать ни одного из этих крокодилов Ублаза.

Ветродуй, вынув кривой кинжал, кровожадно лизнул клинок и цыкнул по железу почти черными острыми зубами.

— Тем лучше, капитан. А даже если они где-то и засели, им не удастся заставить отступить экипаж «Флибустьера», это я могу обещать кому угодно!

— Согласен, дружище. Пусть они нас боятся. Смотри, какой караул выстроили! — Капитан Барранка усмехнулся и несколько раз молниеносно, с немалым мастерством взмахнул саблей. — Вот увидишь, укорочу я этой Сагитар хвост; чует мое сердце — быть сегодня драке. Никогда мне эта выскочка не нравилась. Да и она от меня не в восторге была.

Почти полсотни крыс-стражников выстроились на причале. Сагитар мрачно наблюдала за тем, как «Флибустьер» подходит к пирсу вплотную и швартуется правым бортом. С корабля до нее донесся наглый, вызывающий голос капитана Барранки:

— Эй, шутовское воинство, а где же ящерицы? Где почетный эскорт от Фрилдора?

Сагитар грозно нацелила трезубец на скалящегося в улыбке пирата и сказала:

— Ласк Фрилдор пусть меньше всего тебя волнует. Случись что — и ты, и твой сброд, вы будете иметь дело со мной. Ясно вам?

Барранка перегнулся через борт и преувеличенно внимательно оглядел причал.

— Нет, я действительно не вижу старину Фрилдора, — сообщил он своему экипажу. — Неужели почтенный генерал надзирателей оказал нам всем большую услугу, по-

дохнув наконец, как того ждали все уважающие себя звери? Вот потеха-то была бы.

Сагитар не могла сдержать легкой улыбки, скорее походившей на гримасу.

— Не угадал, приятель, — процедила она сквозь зубы. — Ласк жив-живехонек и плывет себе сейчас на борту «Морского Змея» к берегам Страны Цветущих Мхов.

Обернувшись, Барранка подмигнул Ветродую:

— Вот ведь радость-то моему братцу Конве — такого пассажира на борт получил. Да ведь наверняка этот, с чешуйчатым хвостом, не один в такую даль поплыл, а с целой компанией таких же.

Сагитар поспешила злорадно передать Барранке последние новости:

— Твой брат Конва — больше не капитан «Морского Змея». Он — пленник императора Ублаза, и содержат его в казарме надзирателей. Я передам ему привет от тебя, если его там еще не сожрали. Ладно, давай лучше посмотрим, какую дань ты нам приготовил.

Сагитар собралась перебраться через борт, но Барранка стремительно преградил ей путь. Его глаза с ненавистью буравили старшину стражи.

— Если хоть одна лапа крысы с трезубцем ступит на палубу моего корабля, я прикажу всему экипажу вступить в бой. А тебе, старшина, я лично вспорю брюхо. Экипаж, приготовиться к отражению абордажа!

Команда «Флибустьера» сгрудилась на правом борту, который словно ощетинился направленным на стражников оружием. Острие сабли Барранки нацелилось в горло Сагитар.

Сглотнув слюну, старшина прошипела:

— Я предупреждаю: ты нарушаешь приказ самого императора Ублаза. Ты меня понял?

Пират не собирался отступать ни на шаг.

— Вовсе нет, — заявил он. — Приказы и обычаи нарушаешь ты, а не я. Где это видано: посторонние на борту,

да еще и обшаривают корабль в поисках добычи? Мои матросы сами выгрузят на причал дань императору. Придешь за тем, что положено, завтра. А сейчас — проваливай отсюда, крыса! И можешь доложить императору.

Весть о прибытии «Флибустьера» мгновенно облетела порт. Капитана Барранку знала и любила вся морская братия. Вскоре всем капитанам, поднявшимся на борт его корабля, хозяин уже предлагал горячий грог.

Гости рассказали, как арестовали и заключили под стражу его брата. Барранка не сдерживал своего гнева:

— Сколько это будет продолжаться? Ребята, да кто он нам, этот Ублаз,— хозяин, что ли? Кунице просто повезло первой наткнуться на этот остров. А до того Ублаз был точно таким же пиратским капитаном, как и любой из нас. А теперь он забирает у нас лучшую добычу, придумал какие-то дурацкие правила да еще и взял моду арестовывать и казнить любого, ему не угодившего! Я еще помню те времена, когда мы, морские крысы, были свободными! — торжественно заявил он. — И единственные законы, которым мы подчинялись, были те, что устанавливали мы сами. А теперь, ребята, вы только посмотрите, во что мы превратились!

Высокий мрачный капитан-ласка по имени Килехвост пожал плечами:

— Против Безумного Глаза и его армии никому из нас не устоять.

Барранка оглядел собравшихся и вновь обратился к ним:

— Слушайте меня, ты, Старый Рубака, ты, Каменная Лапа, и вы, Кровавая Морда, Собачья Смерть и Ураган! Вы все — капитаны, за каждым из вас — верный экипаж. По моему разумению, наших раза в два больше, чем стражников с надзирателями, подумайте об этом. И еще: Ласка Фрилдора сейчас на острове нет, и неизвестно, когда он вернется. С ним наверняка отправился отряд его

ящериц. Так что если уж брать остров в свои лапы, то делать это надо прямо сейчас!

Наступило молчание. Затем ласка Собачья Смерть поднялась с места и встала рядом с Барранкой.

— Я с тобой, друг, — заявила она. — Хватит, натерпелись! С тех пор как наши корабли стали бросать якорь в Сампетре, даже наши жизни перестали принадлежать нам. Вспомните, как куница заставляет нас охотиться на корабли тех капитанов, кто отказывается заходить в этот порт и отдавать половину добычи. Подумать только, мы должны убивать и топить друг друга!

Еще одна капитанша — Кровавая Морда — согласилась с протестующими.

— Собачья Смерть и Барранка правы, — сказала она. — Ублаз слишком жаден. Он захватил весь запас строевого леса. В прошлый раз, когда мой корабль побило на рифах, он содрал с нас всю — всю! — добычу всего за несколько досок и часть мачты. Нет, пора освободиться от этого нахлебника, иначе он разорит и угробит нас всех!

Килехвост кивнул и сказал:

— Я с вами. Безумный Глаз слишком жесток и злоупотребляет своей властью. Помните, как он казнил двух моих матросов? Только за то, что они поспорили с надзирателями из-за доли добычи, их просто выволокли на причал и убили. Я ему этого не простил.

Барранка поднял саблей котелок с грогом и сказал:

— Пусть каждый, кто присоединяется к нашему восстанию, зачерпнет своим кубком моего морского грога и обмакнет в него свои усы. Тот же, кто не выпьет с нами, будет против нас.

Так, по старой пиратской традиции, был заключен договор между мятежными капитанами.

Ублаз смотрел на «Флибустьер» сверху, из узкой бойницы одного из дворцовых покоев. Сагитар молча стояла

рядом с куницей, ожидая приказаний. Вскоре император обернулся и сказал старшине крысиной стражи:

— Старый Рубака, Ураган, Каменная Лапа — все капитаны собрались на борту корабля Барранки. Как ты думаешь, Сагитар, что они там замышляют?

Сагитар постаралась хорошенько продумать ответ, чтобы не навлечь ненароком гнев повелителя:

— А кто их разберет, что на уме у этого сброда, Ваше Величество.

Острие серебряного кинжала легко скользнуло по тунике Сагитар.

— Я разберу. Ублазу ведомо все, потому я и император. Они готовят мятеж против меня. Они решили, что без Ласка Фрилдора я буду слабее. Но мы им покажем, кто на острове хозяин! Согласна, моя верная правая лапа?

Крыса отсалютовала трезубцем и почтительно склонила голову:

— Я только жду приказаний Вашего Величества.

Поковырявшись кинжалом в зубах, куница решительно объявил:

— Собирай своих крыс! Пусть они в полном вооружении перекроют вход на этот причал. Не нападай, но не выпускай в порт никого из капитанов. Задержи их на борту «Флибустьера» и жди моих приказаний.

Сагитар бросилась выполнять приказ. Ублаз вызвал дежурного надзирателя и распорядился:

— Построй всех ящериц во дворе да притащи сюда арестованного Конву.

Грат Длинная Стрела, дочь выдры Лутры, чудом спаслась два сезона назад. Ее нашли спустя три дня после того, как Конва напал на дом ее семьи. Она ползла по вязкому руслу полувысохшего ручья, корчась от боли из-за чудовищных ран, покрывавших ее тело. Ондатра Глинк и его жена Сич вытащили ее на берег и перенесли в свой дом, стоявший на мшистом склоне. Как могли,

ондатры выхаживали раненую, кормили ее горячим густым супом, тепло укрывали.

Грат весь сезон была на пороге смерти. Лишь какой-то внутренний огонь, то еле тлевший в ней, то ярко вспыхивавший — отчего она просыпалась посреди ночи, вырываясь из объятий кошмарных сновидений, — лишь это пламя поддерживало в ней жизнь. Мало-помалу она стала выздоравливать. Теперь она по большей части крепко и спокойно спала да еще хорошо ела — набираясь сил и поправляя здоровье. По ее просьбе Глинк срезал и принес ей большую тисовую ветку. Осколком кремня Грат придала заготовке нужную форму, пропарила и изогнула ее над углями очага. Затем она туго натянула свой новый лук и натерла его пчелиным воском. После настал черед стрел. Оперение для них Грат сделала из перьев мертвого чибиса, найденного Сич на берегу.

А потом одним ранним весенним утром Грат молча встала, вышла из дома и направилась к ручью. Глинк и Сич пошли следом за молчаливой выдрой, внимательно глядя ей в спину. За все время, что Грат провела в их жилище, она почти не разговаривала с ними, как и они с нею. Ондатры вообще молчаливы и между собой едва обмениваются словом-другим за день.

На берегу, уже у самого устья ручья, обе ондатры присели на камень, а выдра скрылась на другой стороне, там, где виднелся вход в старую нору. Это был дом ее семьи, построенный отцом Грат — Лутрой.

Затем Грат также молча собрала груду камней, веток и корней, перемешала их с речным илом, песком и травой и завалила вход в нору, ставшую братской могилой всей ее семьи.

Окончив работу, Грат искупалась в ручье, смыв с себя грязь. По всей ее шкуре серебрились шрамы от заживших ран. Она долго стояла в воде, глядя, как беззвучно стекает ручеек к большой реке, как отражаются в нем небо и звезды, и беззвучно оплакивала своих близких.

Взяв свой большой лук и колчан, полный стрел с зеленоватым оперением на концах, Грат вновь перешла ручей и крепко пожала лапы двум ондатрам.

— Друзья, — сказала она им, — я даже не знаю, как вас зовут, но я благодарю вас обоих за то, что вы спасли мне жизнь: подобрали, выходили, вылечили. Сюда я больше никогда не вернусь, так что — прощайте, и пусть судьба хранит вас!

Забросив за спину лук и колчан, Грат развернулась и пошла прочь — на запад, к прибрежным дюнам. Обе ондатры молча провожали высокую выдру взглядом, пока та не скрылась из виду. Тогда Глинк сказал жене:

— Не хотел бы я быть на месте тех, кто убил родню этого зверя. В ее лапах — сама смерть.

4

Отрывок из записей Ролло — береговой землеройки, летописца аббатства Рэдволл, что в Стране Цветущих Мхов:

Весенняя погода меняется легко и мгновенно, как настроение мыши-хозяйки, выбирающей грибы для супа. Подумать только, как запросто силы природы разрушают самые продуманные планы.

Вот сегодня утром было настолько тепло и приятно, что аббат Дьюррал решил организовать первый общий обед на свежем воздухе. Бедняга Дьюррал весь вечер и бо́льшую часть ночи хлопотал на кухне, готовя весенний обед вместе со своим старым другом Хиггли Стампом. Не правда ли, странно: Хиггли был одним

из хранителей винного погреба в роду Стампов, но стал кухонным братом нашего аббатства, а Дьюррал был простой кухонной мышью, но вот ведь теперь он — аббат Рэдволла. Но жалко мне старика, никак ему не преодолеть в себе эту страсть к стряпне.

Сезоны сменяют друг друга, и о наших старых друзьях остались только воспоминания. Да и сами мы, некогда молодые и полные сил, уже изрядно поседели. Орландо, великий предводитель барсуков, давно покинул нас, ушел в Саламандастрон, далекую крепость на горе, чтобы там дожить отпущенные ему сезоны так, как и подобает мужественному воину-барсуку. Даже не знаю, жив он еще или нет. Его дочь Аума стала матушкой аббатства.

Итак, нас осталось двое — Аума и я, береговая землеройка Ролло, — только двое из тех, кто жил здесь в те давние сезоны. Остальные отправились на давно заслуженный покой. Ушли и Маттимео, и Тесс Церковная Мышь, чей сын Мартин сейчас главный воин аббатства. Они ушли с миром в душе, уверенные в том, что мудрость и опыт, переданные ими аббатству, будут с толком использованы теми, кто сейчас живет за его крепкими стенами, кто хранит *древние традиции... Великие сезоны! Как же далеко меня занесло. Меня следовало бы прозвать Ролло Вольное... нет, Безудержное Перо. Так на чем это я остановился? Ах да, Кротоначальник аббатства убедил-таки аббата перенести пиршество на более позднее время. Эта нечаянная отсрочка даст возможность кротовьей команде приготовить большой-большой турнепсово-картофельно-свекольный пирог — весьма вкусное и чрезвычайно домашнее блюдо.*

Эх, ревматизм дает о себе знать: болят, болят лапы. Пора заканчивать и прямым ходом на кухню, где я смогу в полной мере насладиться видом и ароматом по-настоящему хорошей *еды. Нет, только не подумайте: я вовсе не жадная зверюшка. Просто я способен по достоинству оценить качественно приготовленное блюдо, и к тому же,*

должен признать, я несколько проголодался. Мой верный теплый плащ защитит меня от буйства стихий. Да, с годами прогулка от надвратной башни до аббатства не становится короче и требует от меня, постаревшего, все бо́льших усилий...

Накинув плащ, Ролло-летописец потряс за плечо свернувшуюся калачиком у камина старую толстую выдру:

— Эй, Вальджер, старина, вставай-просыпайся. Самое время проверить, как идут дела на кухне.

Вальджер зевнул, потянулся и сонно поморгал глазами. Затем, почесав похожий на корабельный руль хвост, он встал и заявил:

— Сам вставай-просыпайся, Ролло. Я вовсе и не спал; так, прикрыл глаза — уж больно надоел мне скрип твоего пера. Эй, да вы посмотрите на него: вот вырядился-то, сто одежек, и все без застежек!

Летописец недовольно фыркнул:

— Эх, молодо-зелено. Вот подожди, доживешь до моих лет, тогда поймешь, что одежка не бывает лишней. Когда холодно — тут уж не до красоты и не до моды. А мне приходится так кутаться аж до самого лета. Ничего не поделаешь — возраст.

Продолжая беззлобно переругиваться и подшучивать, старые друзья вышли из башни.

Кухня представляла собой царство пара, шума и веселья. Ежиха Тизель, супруга Хиггли Стампа, защипывала края сливово-яблочного пирога, перед тем как поставить его в печь. Она как раз собиралась открыть дверцу духовки, когда Копуша, маленькая кротиха, врезалась в нее сзади, толкая мучную тележку. Тизель как подкошенная повалилась назад и плюхнулась в тележку. Копуша же, ничего не заметив, продолжала толкать тележку изо всех сил. Кротоначальник, заметив неладное, тотчас же сунул под колесо тележки клин из-под бочки и пошире распахнул духовку, где пропекался знаменитый кротовый тур-

непсово-картофельный-неизвестно-с-чем-еще пирог. Тележка остановилась как вкопанная. Кротоначальник схватил Тизель сзади за завязки передника, и ее пирог, вырвавшись из лап, перелетел прямо в печь и упал рядом с творением кротовой команды.

Улыбнувшись, крот пробубнил:

— Ну вот и поставили пир-рожок. Хур-хур!

Брат Хиггли Стамп тем временем украшал разноцветный трюфель желтым кремом, не забывая отдавать распоряжения всем присутствующим:

— Эй, Пинким, смотри, чтобы грибной суп не пригорел! Помешивай, помешивай его почаще.

— Да уж не забуду. Морковку туда добавлять?

— Пора, пора, наверное. Эй, Котелок, будь хорошим кротиком: сходи в погреб и посмотри, не откупорил ли мой братец Фарло новую бочку доброго октябрьского эля. Скажи ему, что я вряд ли смогу обойтись без хорошей кружечки эля, готовя сироп для пропитки торта.

— Уже бегу, хур-хур. Впрррочем, может быть, вы хотите сами сходить, отдохнете чуть-чуть?

— Иди-иди, лентяй! Кстати, Мартина случайно никто не видел?

Аббат Дьюррал задумчиво почесал подбородок:

— По крайней мере, мне он на глаза не попадался. Может быть, он в лазарете, вместе с сестрой Цецилией? Пойду посмотрю.

Ветер и дождь сотрясали верхушки деревьев в Стране Цветущих Мхов. Могучие стволы гнулись и трещали под жутко воющими порывами: природа исполняла дикую песнь бушующей стихии.

Взявшись за лапы, с трудом переводя дыхание, Арвин и Пижма пытались выбраться на опушку леса. Усталые, испуганные, в непогоду они чуть не заблудились. Наконец Пижма заметила мелькнувший в просвете между деревьями шпиль над башней Рэдволла. Спотыкаясь, изму-

ченные зверьки побежали по направлению к дому. Лапы их разъезжались на раскисшей глине, ямы и канавы словно специально оказывались на дороге, а больше всего им мешал плотный колючий кустарник, так и норовивший преградить путь. Стараясь обойти особенно густые заросли крапивы, они обогнули могучий старый дуб, угодив прямо в лапы какому-то зверю в темном плаще.

— Ой-ой-ой!

Маленький бельчонок и молодая ежиха взвыли во весь голос, почувствовав, что вырваться из этих лап невозможно.

— Ну-ну, малыши мои, вот вы где.

На них сверху, ободряюще улыбаясь, смотрел Мартин, воин Рэдволла. Со вздохом облегчения Арвин и Пижма ткнулись мордочками в его плащ. Положив ладонь на плечо Арвину и взяв Пижму за лапу, Мартин повел их к аббатству.

— Сестра Цецилия очень беспокоится о вас, — сказал Мартин. — Она сказала, что вы должны были вернуться уже несколько часов назад, когда буря только-только начиналась. И где, позвольте узнать, вы были все это время, да еще так вымазались, исцарапались и изодрали свою одежду?

Арвин, который теперь, бок о бок с Мартином, не боялся ничего на свете, поспешил сообщить своему спасителю:

— Я нашел скелет с черепом! Там, среди скал.

Мартин аж присвистнул:

— Что? Скелет?!

— Между слоями песчаника, — пояснила Пижма. — Там, в узкой расщелине между камнями, лежит скелет неизвестно какого зверя.

Мартин понял, что юная ежиха едва держится на ногах от усталости, и позволил ей опереться на его плечо. Заодно он прикрыл ее от дождя полой плаща.

— Теперь все будет хорошо и ничего бояться не надо, — приободрил Мартин своих младших спутников. —

Когда вернемся в аббатство, вы все подробно расскажете. Да, чуть не забыл: сегодня, пока вас не было, мы решили устроить Весенний Пир, но из-за погоды перенесли его под крышу, в Большой Зал. Ну, малыши, как вам нравится эта новость?

Но бельчонок и ежиха настолько устали, что даже такое известие не могло их взбодрить.

Как только Мартин доставил Арвина и Пижму домой, сестра Цецилия немедленно отправила их в постель, в лазарет. Мартин не успел еще дойти до дверей, как оба зверька уже крепко уснули, намаявшись и напереживавшись за этот день. Повесив плащ сушиться, Мартин прошел вслед за Цецилией вниз по лестнице, объясняя ей на ходу:

— Их что-то очень сильно напугало в лесу. Расскажу, когда соберемся вместе с остальными старшими.

Никто из обитателей Рэдволла не смог бы сказать наверняка, почему первый Весенний Пир этого сезона так удался. То ли повара постарались на славу, то ли просто все беззаботно веселились — неизвестно. Мартин и Цецилия сидели за столом рядом с аббатом, Кротоначальником, ежом Хиггли, барсучихой Аумой и другими старшими. Они с удовольствием наблюдали за молодежью. Даже самые младшие жители аббатства были допущены к общему столу и радовались вместе со всеми.

— Эй, Гаффи, пер-редай мне это, значит, того пир-рога. А теперрь дерржи, значит, сливовый пудинг. Объедение, хур-хур.

— Спасибо, кротище. Я тебя и не узнал: думаю, кто бы это мог быть за грудой крема на усах? Господин аббат, а не желаете ли попробовать этого пудинга, клубничного?

Аббат, улыбаясь, покачал головой:

— Нет-нет, спасибо, Дюргель. Я его сам испек, специально для тебя и для Гаффи. Для меня же нет ничего

лучше весеннего салата. Весенний салат после долгой зимы — это самое милое дело. Что скажешь, Аума?

Барсучиха отвечала, держа в лапе большой ломоть сыра:

— Согласна, Дьюррал, но если добавить к салату мягкого сырку, да с горячим хлебцем, — будет еще лучше.

Мартин подмигнул ей из-за горки грибного пюре с луком-пореем:

— Никогда не видел матушку-барсучиху в печали, когда дело доходит до еды.

Переждав взрыв хохота, Аума с улыбкой напомнила храброму воину:

— Это я только делаю вид, по привычке. А привычка эта у меня с тех пор, как ты все тащил и тащил к себе поближе еду, а потом жевал и жевал, еще младенцем, когда у меня на коленях сидел.

Фарло Стамп, хранитель винного погреба, плеснул себе октябрьского эля.

— Смотри в оба, старуха, — хихикнул он, — а не то Мартин вспомнит детство и опять усядется к тебе на колени и мигом смолотит весь твой любимый сыр с хлебом.

Ролло отставил блюдо с орехово-черничным фланом и постучал по столу половником.

— Эй, молодежь! — сказал он, когда в зале воцарилось некоторое подобие тишины. — Как насчет спеть-станцевать для бедных старичков, пока они не заснули тут со скуки?

На просьбу летописца мгновенно откликнулись мышка Пинким и белочка Краклин: встав и поклонившись друг другу, они затянули старинную балладу.

— Вот-вот, послушай. Кошмарнейший дуэт, — шепнула Цецилия на ухо Мартину.

— Ну и парочка! — негромко сказала барсучиха, а вслух объявила: — Эй, крот Котелок, а как насчет хоровода?

Кротишка немедленно притащил откуда-то барабан и сразу же отбил на нем замысловатую дробь своими боль-

шими копательными когтями. Этим он хотел сказать брату Хиггли:

— Эй, не зевайте, бррат Хиггли! Хур-хур! Доставайте этот, как его, ваш... ежестр-рун.

Вообще на ежеструнах умеют играть только сами ежи, но следует признать, что брат Хиггли был большим специалистом по этой части.

Узнав веселую, заводную мелодию, малыши и подростки наперебой закричали:

— Лягушки в канаве! Лягушки в канаве!

При этом все пустились в пляс.

Аума некоторое время еще сидела за столом, отбивая такт лапой, но затем вдруг, не в силах больше утерпеть, выскочила в центр зала и стала танцевать со всеми вместе, размахивая огромными лапами и басом подвывая:

— Лягушки в канаве!

Кое-кто из малышей сообразил, что, уцепившись за могучие лапы Аумы, а то и встав на ее широченные ступни, можно неплохо отдохнуть, не выходя из круга танцующих. А через некоторое время барсучиха залихватски взвизгнула и встала на все четыре лапы, подставив мелюзге свою широкую спину. Впрочем, не настолько уж и забылась опытная воспитательница: когда бóльшая часть танцоров взгромоздилась ей на спину, а оставшиеся вцепились в ее мохнатые бока, она, все так же пританцовывая, направилась к коридору спальных комнат в сопровождении веселого крота-барабанщика и не менее радостного ежа с ежеструном над головой.

Когда Аума, уложив малышей спать, наконец вернулась за общий стол, дышалось ей тяжело и было видно, что она изрядно устала.

— Фу-ух! — вздохнула барсучиха. — Старею, старею. Нелегко мне стали даваться такие игрушки.

Мартин ободряюще потрепал ее за усы и сказал:

— Брось, притворщица! Аума, признайся, что ты веселилась не меньше самих малышей.

Налив кружку холодного мятного чая, он протянул его матушке Ауме и продолжил говорить уже серьезным тоном:

— Я нашел в лесу Пижму и маленького Арвина, но в каком они были виде! Грязные, мокрые, измученные, но главное — очень напуганные.

— Точно, — подхватила сестра Цецилия. — Они так испугались, что и говорить толком не могли. Как рухнули на кроватки в лазарете, так и спят до сих пор. Но, честно говоря, странно это все. Ведь Пижма — это просто воплощение здравого смысла. Просто так, из-за какой-то ерунды, она не пришла бы в такой ужас и не измучила бы себя беготней по лесу под дождем. Мартин, она не рассказывала, что же их так напугало?

Мартин обвел взглядом присутствующих и сказал:

— Они нашли в лесу какого-то мертвеца.

Вопросы посыпались со всех концов стола:

— Что это был за зверь?

— Где они на него наткнулись?

— И как он там оказался, хотелось бы знать?

Мышь-воин жестом призвал всех к молчанию.

— Думаю, это животное умерло давно. Пижма говорит, что от несчастного остался один скелет да немного гнилых лоскутьев одежды. Они наткнулись на него в какой-то трещине в груде песчаника, в скалах нашего леса. Я эти места знаю неплохо, и, когда мне удалось найти Арвина и Пижму, они уже были измучены не только страхом, но и долгой беготней.

Кротоначальник кивнул и отхлебнул эля из кружки.

— А нам завтрра, стало быть, надо сходить туда, посмотреть, что там за покойник. Что скажешь, Мар-ртин?

Мартин отодвинул стул и решительно встал из-за стола.

— А зачем до завтра ждать? — неожиданно для всех заявил он. — Ночь — вполне подходящее время. Места знакомые, и к рассвету я уже вернусь, выяснив все, что

нужно. А кроме того, мне и самому интересно, так что я теперь и не усну, пока не разберусь, что здесь к чему. Начнем действовать, не откладывая поход до утра.

— Отличная мысль, Мартин. Только возьми и меня с собой, вот только найду свой ясеневый посох, — сказал Вальджер.

Вслед за ним и остальные стали проситься пойти с Мартином:

— Хур-хур, возьмите и меня. Вам может понадобиться, это самое, хорроший р-раскопщик.

— Пойду-ка я, принесу из винного погреба прочную веревку, авось пригодится.

— Отлично, а я приготовлю лампы. Свет может потребоваться в любой момент.

Мартин на миг задумался, а затем согласно сказал:

— Так тому и быть. Пойдем все вместе. Я возьму меч. Собираемся здесь же как можно быстрее. Аума, не желаешь ли остаться тут, запереть ворота да приглядеть за порядком?

— С удовольствием, дружок. Если честно, никакого желания шататься по окрестным лесам после такого ужина и веселья у меня нет.

5

Обитатели Рэдволла направились по лесной тропе на север от аббатства. Возглавлял экспедицию Мартин-воин, вооруженный древним мечом, принадлежавшим некогда самому Мартину Воителю Первому, одному из первых строителей аббатства. Ему же принадлежит свод заповедей. Дух его по сию пору наведывался в Рэдволл, помогая его обитателям мудрым советом. А потом в течение многих и многих поколений меч был в руках врагов, пока его не обрел вновь Маттиас, прадед нынешнего Мартина.

Безмолвные как тени скользили по ночному лесу рэдволльцы. Опытные путешественники, они прекрасно знали, что скорость в сочетании со скрытностью — вот залог безопаснос-

ти в лесу. Луны на небе не было, но Мартин, прекрасный следопыт, вел свой отряд самым кратким и надежным путем, огибая буреломы и не выходя из глубокой мглы у самых стволов деревьев. Вскоре перед ними возвышалось нагромождение плит слоистого песчаника.

Мартин жестом приказал всем оставаться на опушке и, позвав с собой Вальджера и Кротоначальника, направился к камням, обнажив меч. Крот и выдра следовали за воином, держа в руках лампу и веревку. Дождь кончился, и южный ветер стремительно подсушивал промокший лес. Мартин взобрался на ближайший камень, подождал, пока его спутники разожгут лампу, и стал внимательно осматривать все трещины и ямы. Время от времени приходилось опускать лампу, привязанную к веревке, в наиболее глубокие и темные трещины. Неожиданно, где-то на полпути к самому высокому камню, Мартин услышал какое-то шуршание, недовольный вздох и, обернувшись, увидел, что Кротоначальник, шедший позади, исчез.

— Хур-р-р! — донеслось из ближайшей расщелины.

В яму тотчас же опустили лампу, и Вальджер поинтересовался:

— Эй, ты там как, не поранился?

Недовольно потирая ушибленный затылок, Кротоначальник пробурчал:

— Чего там... хур-хур... Я тут, кажись, нашел этот ваш... скелет... Хур-р-р!

Мартин ловко спрыгнул в яму и поспешил получше осветить белевшие в свете лампы кости, торчавшие из груды лохмотьев.

Вальджер присмотрелся к черепу и с сожалением в голосе произнес:

— Бедняга. Представить только: помирать здесь одному, без надежды на помощь.

Мартин тем временем наклонился над останками и вынул какой-то предмет из кучки костей, бывшей некогда правой передней лапой этого зверя.

— Посмотрим-посмотрим, — пробормотал Мартин, — не эта ли штуковина привела тебя сюда, к такой смерти.

Едва слышимый свист, донесшийся с опушки, заставил выдру распластаться на камнях.

— Эй, тихо там, и прикройте лампу, — негромко, но требовательно произнес он. — Похоже, у нас гости.

Мартин проворно сбросил плащ и отдал его кроту.

— Накрой лампу, но не гаси ее, — распорядился он. — Эй, Вальджер! Придержи там веревку.

С помощью друга Мартин мгновенно выкарабкался из расщелины и, приказав тому оставаться на камнях, особо не высовываясь на всякий случай, поспешил к друзьям, оставшимся на опушке.

Старик летописец Ролло чуть не взвизгнул, когда Мартин-воин бесшумно вырос перед ним как из-под земли.

— Не пугай ты меня так! — буркнул он недовольно.

Аббат подозвал Мартина:

— Вон там, в той стороне: я сначала услышал какие-то голоса. Еще думаю — показалось. А потом смотрю — нет, идут двое, ну, две такие светлые тени. Да вон они, видишь?

На фоне ночного леса действительно выделялись два силуэта.

Мартин наклонился к Хиггли Пеньку и сказал ему на ухо:

— Бери свою кочергу и иди за мной.

Прикинув, куда направляются незнакомцы, Мартин и Хиггли вышли им наперерез, пользуясь тем, что лес был лучше знаком им, чем чужестранцам. Хиггли с полуслова понял замысел воина: они встали по обе стороны узенькой тропинки, спрятавшись — один за вязом, а второй — между корнями огромного бука. Кочерга была положена поперек тропинки, и друзья крепко взялись каждый за один ее конец.

— По моему сигналу — резко приподнимаем кочергу, — распорядился Мартин.

Друзья затаились, прислушиваясь к голосам незнакомцев, становившимся все ближе и ближе.

— Нет на свете ничего темнее темноты, как говаривала, бывало, моя старая матушка.

— Да неужели?! Мудрое наблюдение. А я-то думал, что она у тебя света белого от тьмы кромешной не отличила бы. Ой!

Мартин и Хиггли Пенек подняли кочергу как раз вовремя: незнакомец не успел ничего заметить и, сделав очередной шаг, споткнувшись, растянулся на земле прямо перед ними.

Тут Мартин увидел, что второй незнакомец — какая-то птица. Схватив плащ Хиггли, он набросил его на чужака и постарался придавить того к земле. Сам же Хиггли, как и остальные рэдволльцы, накинулся на упавшего зверя, тоже пытаясь скрутить и обезвредить незнакомца, что оказалось не так-то легко — тот отчаянно сопротивлялся, орал и весьма умело пинался задними лапами.

— Ребята, засада! Отряд, тревога! Маме передайте, что ее сын погиб в бою как герой!

Топтавшаяся под плащом птица умудрилась садануть повисшего на ней Мартина головой о дерево, вынудив того на миг ослабить хватку. Одновременно до мышиоина донесся голос второго незнакомца, и Мартин побежал к своим, крича на ходу:

— Отставить! Успокойтесь и отпустите его! Это же заяц!

Заяц же, расшвырявший к тому времени бо́льшую часть нападавших, встал наконец на ноги и с негодующим видом начал отряхиваться, приговаривая:

— Ну и дела! Заяц я, оказывается! А кто ж я еще такой, по-вашему, а? Что — головастик длинноногий, решивший прогуляться ясным солнечным деньком вокруг родной лужи?

Прошмыгнув мимо Мартина, он освободил своего спутника, который оказался большой амбарной совой, взъеро-

шенной и недовольно моргающей. Заяц встал в боевую стойку и бесстрашно бросил вызов нападавшим:

— Жалкие трусы! Бесчестные разбойники! Ишь чем промышлять надумали: нападать целой толпой на мирных путников! Ну да не на тех напали, ясно? Я вам сейчас покажу! Защищайтесь, если это вам поможет. Я вам сейчас преподнесу пару уроков древнего и благородного боевого искусства. Ну, подходи, кому жить надоело!

Комично пританцовывая, заяц свирепо топорщил усы и при этом убедительно наносил показательные удары лапами в воздух, то и дело приседая и деловито уворачиваясь от ударов воображаемого противника.

— Что встали на месте, гнусные, трусливые животные? Боитесь? Слышишь, ты, набивка для матраса, бери на себя вон тех шестерых, а я уж с этой дюжиной управлюсь!

Не переставая прыгать и размахивать лапами, заяц так увлекся, что не заметил, как ткнулся носом в толстенную ветку, свисавшую над тропинкой. Он тотчас же с преувеличенной готовностью рухнул на землю, словно получив настоящий нокдаун, и, раскинув пошире лапы, стал театрально обращаться к несуществующему судье поединка:

— Вы видели? Чертовски нечестная игра! Мерзкое жульничество! Коварнейший удар и абсолютно не по правилам! Невиданная беспринципность, вычесть десять очков! Вы слышите? Я требую десять очков — не меньше!

Тут заяц сделал паузу и посмотрел на своего товарища, который, все так же моргая, сосредоточенно приводил в порядок помятые перья.

— Да, помощи от тебя не дождешься!.. — сокрушенно взвыл заяц. — Слышишь, ты, перина на просушке, не стой как вкопанный! Что вылупился, как жаба, у которой зубы болят? Давай, давай, помоги мне расправиться с этими разбойниками.

Прикладывая все усилия, чтобы не рассмеяться, Мартин протянул зайцу лапу дружбы.

— Приношу свои извинения, — сказал он, — вам и вашему другу. Мы с друзьями подумали, что как раз вы и есть разбойники или какие-то еще злоумышленники. Но вы же не станете отрицать, что бдительность в лесу лишней не бывает и мы не преступили границ разумной и необходимой обороны.

Заяц с готовностью сменил гнев на милость. С достоинством пожав протянутую ему Мартином лапу, он поцокал и поклонился остальным рэдволльцам:

— Мир, говорите? А я с самого начала так и думал. Просто проверить вас решил, вот. А теперь позвольте представиться: меня зовут Звездохват Лепус (это значит «заяц» по-научному) Горный, с далеких Северных гор (что на севере, как, надеюсь, вы понимаете). Впрочем, друзьям дозволяется называть меня кратко, по-приятельски: просто Хват. Того же, кто некогда, вплоть до этого мига, был моим единственным спутником на этой дороге, можете величать Снопом. Запомнить нетрудно: Хват и Сноп. Как вы, вполне вероятно, заметили, Сноп — сова, хотя и не принадлежит, увы, к тем мудрым птицам, бестолочь преизрядная, скажу я вам.

Сноп всей честной компании поморгал огромными глазами, поклонился и сообщил:

— А, куда тут: рад познакомиться, почтенные господа. Мне очень, очень приятно, вот.

Хват закатил глаза и в отчаянии покачал головой.

— Ой, я больше не могу! — взвыл заяц. — От него гораздо меньше вреда, когда он молчит. Ой, а это что такое? Смотрите: толстая-толстая мышь-на-костре идет сюда!

Кротоначальник и выдра Вальджер присоединились к компании; крот при этом не стал гасить лампу. Он приветственно сморщил нос и обратился к зайцу:

— Хур-хур, ну вы, любезный, и шутник! Никаких, это, горрящих мышей тут нет, а есть только кр-р-рот с лампой.

В общем, здравый смысл и добрые чувства восторжествовали, и, не тая обид друг на друга, вся компания направилась в аббатство.

По пути аббат Дьюррал подобрал корзину Пижмы. Просматривая на ходу ее содержимое, он бормотал:

— Все нашла, что просили, все нужные травки, даже немного свежей зимолюбки! Какая она все-таки молодец, наша Пижмочка, сама прилежность! И как жаль, что ее так напугал этот скелет! Кстати, Мартин, вы что-нибудь успели там выяснить про эти кости?

Мышь-воин поплотнее закутался в плащ и сказал:

— Не слишком-то много мы узнали. Ну, понятно, что при жизни этот бедняга был горностаем и, похоже, пиратом, судя по лохмотьям. Но странное дело, в лапе он сжимал ложку Фермальды. Получается, что этот горностай побывал в нашем аббатстве!

Старая ложка была аккуратно вырезана из подходяще изогнутой ветки крушинного куста. Мартин передал ее аббату, который тоже сразу узнал знакомую вещь.

— Точно-точно, эту ложку и вправду носила при себе старая Фермальда. А, понял! Бедняга, на кости которого мы наткнулись, — Седоглуп, горностай, который появился у нас две осени назад.

Мартин озадаченно почесал подбородок:

— Две осени назад? А почему тогда я его не видел?

— Действительно — почему? А, вспомнил, тебя же в тот год не было в Рэдволле. Ты отправился к землеройкам Гуосим, воевать против лис-воришек.

По прибытии в Рэдволл бо́льшая часть компании разошлась по своим спальням. Не собиравшиеся ложиться Мартин, Ролло и сам аббат вызвались подложить дров в камин в Большом Зале и собрать на стол то, что осталось от Весеннего Пира, чтобы угостить нежданных гостей.

Хват налил себе и тут же выпил полную кружку клубничной наливки, а затем приступил к ужину, решительно расправился с внушительным куском пирога,

основательной порцией свежего салата и парой ломтей сыра. После чего он смахнул слезу умиления уголком своей белой туники и вздохнул:

— Ну и дела! Знатно, ребята, вы меня подкормили. Ущипните меня кто-нибудь, я хочу убедиться, что все это — не сон.

Сноп, оказавшийся действительно еще совсем юной совой, прервал расправу над морковно-грибным фланом и заметил:

— Брось придуриваться, лопоухий. Чтобы ты уснул, когда по соседству еда пропадает? Да никогда в жизни! Я-то видел, как морковка сама выдергивалась из земли и убегала куда глаза глядят, как только ты появлялся на краю поля.

Мартин с улыбкой послушал перебранку старых приятелей, а затем обратился к сидевшим рядом летописцу и аббату:

— Похоже, у брата Хиггли завтра будет одной головной болью меньше: с такими едоками ему не придется утром решать вопрос, куда девать остатки вчерашнего пира. А пока я попросил бы рассказать о том горностае, что побывал у нас в мое отсутствие. Начинай, Ролло.

Поглядывая время от времени в свои записи, Ролло-летописец поведал Мартину такую историю:

— Горностай по имени Седоглуп появился у стен аббатства где-то в середине осени. Выглядел он, как и все горностаи, — разбойник разбойником, но был при этом абсолютно безопасен: из-за страшной раны на голове он едва держался на ногах. Кто его так отделал — неизвестно. Скорее всего кто-нибудь из своих же. В общем, пожалели мы его: впустили, стали кормить, как могли лечили рану. Но до конца он так и не выздоровел, так и остался слабым, болезненным, да и с головой у него явно не все в порядке оказалось. Я как сейчас помню, что Седоглуп прятался по самым темным углам аббатства, боялся всего, даже тени пролетающей птицы, и все бормотал себе под

нос: «Безумный Глаз найдет меня! Его когти дотянутся куда угодно. Какой же я дурак — позарился на „Слезы Океанов“! Ведь смерть ходит по пятам за всеми, кто к ним прикоснется. И поделом, поделом тебе, бестолочь! Вот доберется до тебя Безумный Глаз, попробуй-ка избежать его мести, куда там...»

Тут Мартин перебил летописца:

— Подожди-ка. Пока, на первый взгляд, все это полная белиберда. Хотя — как посмотреть... «Слезы Океанов», Безумный Глаз, когти, которые могут достать кого угодно за тридевять земель... Получается, что этому Безумному Глазу позарез нужны эти «слезы», где бы они ни оказались... Да, а почему все-таки этот Седоглуп оказался там, на камнях, да еще и с ложкой Фермальды?

— Помню-помню я этого плаксу, — вступил в разговор аббат. — Даже самые терпеливые обитатели Рэдволла устали от его беспонятного нытья и причитаний. Вскоре жалела его одна лишь старая Фермальда.

Мартин еще раз обтер рукавом старую ложку.

— Да, кто ж не помнит старушку Фермальду, — грустно улыбнувшись, сказал он. — Странная была белка. Вечно говорила стихами, что-то напевала, даже на вопросы отвечала в рифму. Говорят, такое с возрастом бывает. Но никому ее странности в тягость не были. Она придумала свой мир, где все про всё стихами говорят, но никого туда не тянула. Она даже жить перебралась куда-то на чердак, спускалась только иногда, всегда улыбалась, довольная такая. Кстати, может быть, там, на чердаке, и разгадка этой тайны найдется. Ладно, извини, Ролло, перебил я тебя.

Летописец отложил свой свиток и пожал плечами, заметив:

— А особо-то больше и рассказывать нечего. Фермальда забрала Седоглупа к себе на чердак, поселила его где-то там, по соседству с собой; его потом порой неделями никто и не видел. Наверное, думал, что там безопаснее

всего. Только, помню, как-то раз спускается Фермальда на кухню, еды взять, а накладывает в кастрюльку только на себя одну...

Тут вновь подал голос аббат:

— Точно-точно. Ролло, ты уж извини меня, но я тогда как раз был там, помогал Хиггли торт печь. Я и спрашиваю Фермальду: чего, мол, на гостя-то не рассчитываешь? Уж не голодом ли его морить собралась? А она посмотрела на меня и говорит: «Нет его». Я, конечно, помню, что у него за рана была и как он себя чувствовал. Вот и говорю ей тихонько, чтобы раньше времени никого не беспокоить: «В каком смысле — нет? Умер, что ли?» А она отвечает, да так, что поди разбери. Бубнит свои вирши, и всё.

Мартин подался вперед и, сгорая от любопытства, спросил:

— Отец-настоятель, а что она тогда сказала, вы не запомнили?

Дьюррал откинулся на спинку стула, скрестил лапы на груди, засунув их в широкие рукава, и прикрыл глаза.

— Помню, конечно, — сказал он. — Сам не знаю почему, но стишки Фермальды всегда хорошо запоминались. А эти — так просто впечатались в память:

Мертвый, нет, мертвый дважды, мертвец
С дырой в голове нашел свой конец.
Явятся с запада, спросят его.
Скажи, мол, не было тут никого.
Эти слова припомни в тот час,
Чтоб не взбесился Безумный Глаз.

Наступила тишина. Из дальнего угла зала, откуда-то с лестницы, вдруг послышался какой-то шум. Мартин поднял лапу, призывая сохранять молчание, и, бесшумно ступая по полу, направился к лестнице. Следом за ним крался Ролло. Неожиданно, громко шаркая, их обогнал

Хват. Заяц первым подошел к нижней ступеньке и поднял с нее два осколка фарфоровой тарелки.

— Тарелка упала, вот и все дела! — торжествующе объявил Хват. — Мы, зайцы, ребята решительные и соображаем побыстрее некоторых. Пока вы там себе невесть чего воображали, я уже тут как тут: все выяснил, во всем разобрался, вот так!

Мартин стремительно взбежал по лестнице, а Ролло раздраженно процедил зайцу сквозь зубы:

— Премного вам благодарны, господин Безмозглый Торопыга. Спасибо, что спугнули того, кто подслушивал нас с верхней площадки. Ваше шарканье за версту предупредило любого, кто там прятался, о том, что его раскрыли.

Горный заяц оскорбленно всплеснул ушами и заявил:

— Ах вот как! Да если бы вы действовали хотя бы чуточку быстрее, хотя бы вполовину того, как действовал я, подозреваемый в подслушивании уже держал бы ответ перед вами!

Ролло крепче сжал кулаки и не сдавался:

— Что же ты, дважды быстрый, не схватил подозреваемого и даже не увидел, кто там прятался? Нет, ты еще и нам помешал выяснить, кто нас подслушивает, и сцапать его по-тихому!

Хват обезоруживающе улыбнулся рассердившемуся летописцу и похлопал его по плечу:

— Не беда, старина, все мы иногда ошибаемся. Может быть, в следующий раз ты воспользуешься моим советом и, действуя порезвее, сумеешь добиться своего.

С этими словами дерзкий заяц поспешил вернуться к столу, чтобы ни в коем случае не отстать от Снопа, уплетавшего ужин.

Мартин спустился в зал и, покачав головой, сообщил:

— Никого. Малыши спят. Может быть, кто-то из них оставил тарелку на верхней ступеньке лестницы, кто-то

случайно сдвинул ее на самый край, вот она от сквозняка и соскользнула вниз.

Сова Сноп с важным видом заявил:

— Я вот чго думаю. Сквозняк — дело такое, он еще и не то вытворяет. Если резко открыть амбарные ворота, он может и здоровую сову с лап сбить, если, конечно, врасплох застать или если устал и лапами плохо цепляешься. Вот такие дела.

Аббат Дьюррал положил лапы на плечи Мартину и Ролло.

— Сдается мне, что друг Сноп абсолютно прав, — с улыбкой сказал он. — И что нам всем сейчас нужно — так это дуновение ласкового бриза, который перенес бы нас наверх, в спальни. По-моему, нам давно пора отдохнуть.

Мартин с трудом удержался от того, чтобы зевнуть, и поспешил согласиться:

— Отличная мысль, отец-настоятель. Договорим утром, за завтраком. — Посмотрев на гостей, он сказал: — А вы, ребята, когда доедите, устраивайтесь пока здесь на матрасах, где сидят малыши. Места тут хватит, у камина тепло. А завтра мы что-нибудь придумаем.

Совенок бодро помахал в ответ поварешкой и сообщил:

— Само собой! А матрасики у камина — самое милое дело для нас.

Хват же, отставив вылизанную миску из-под трюфелей, возмущенно заявил:

— Для каких это «нас»? Ты за себя отвечай, понял? Для «нас»! Ты как хочешь, а я себе кресло аббата давно присмотрел. Еще не хватало, на матрасе спать! Это ты, считай, подушкам да матрасам родственник. Привык в амбаре сидеть, глазами моргать, бестолочь.

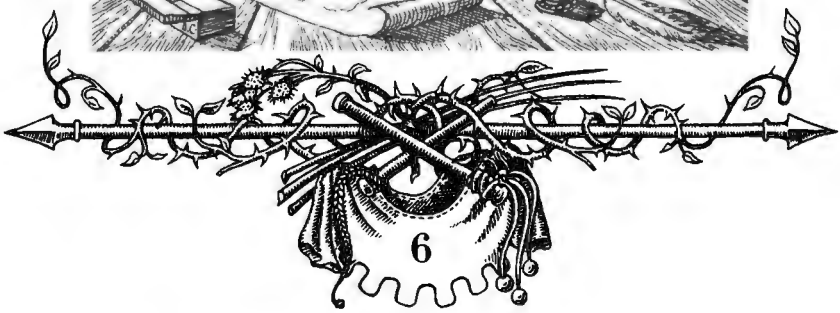
— Что верно, то верно. Моя старая матушка говорила: «Лучше быть совой в амбаре, чем принцем во дворце». Вот как.

— Сделай одолжение, растолкуй, что твоя мамаша имела при этом в виду?

— А я почем знаю? Но звучит шикарно, согласен?

— Да согласен, согласен. Иди спи, смотри перья не спали около камина... Спокойной ночи.

В аббатстве было тихо-тихо. Чуть слышно трещали дрова в камине. Ветер завывал в трубе. И хотя до рассвета оставалось всего несколько часов, Мартин-воин не спал: он лежал с открытыми глазами и обдумывал события прошедшего вечера. Скелет Седоглупа в расщелине; ложка Фермальды; ее странные стихи; какой-то Безумный Глаз (знать бы, что это за зверь такой); да еще загадка — кто же подслушивал их разговор в Большом Зале? Что же все это значит?



6

Пират Конва провел кошмарную ночь в казарме надзирателей. Зажатый в угол, голодный, дрожащий, он со страхом вглядывался в плоские, ничего не выражающие глаза ящериц, гадая, которая из них и когда именно бросится на него, чтобы сожрать беззащитного, безоружного пленника. В общем, под утро он уже и сам не знал, радоваться ему или печалиться, когда двое дежурных надзирателей выволокли его из казармы и потащили во дворец.

Аудиенция была назначена в одном из верхних залов. Куница нежился на широком подоконнике, обдуваемый теплым утренним бризом. За спиной Ублаза, на самом карнизе, располо-

жились четыре огромные черноспинные чайки. Внушительных размеров, свирепого вида, они особенно выделялись среди морских пернатых хищников кроваво-красным пятном на кончике крепкого, увесистого, янтарного цвета клюва.

О жестокости Безумного Глаза давно ходили легенды. Конва их слышал не раз и в ужасе сопротивлялся надзирателям, которые с немалым трудом впихивали его в зал.

Ублаз был не в настроении созерцать страхи пленника. Пригвоздив пирата к месту одним взглядом, он хрипло прокричал:

— Перестань дергаться, болван! Если бы я хотел убить тебя — ты еще вчера бы отправился рыб кормить. Садись за стол и делай, что тебе говорят!

Конва постарался по возможности быстрее и точнее исполнить приказ. Ублаз кончиком кинжала придвинул ему кусок пергамента и угольные карандаши.

— Итак, ты видел те шесть жемчужин, держал их в руках, запомнил их форму, цвет, у тебя была шкатулка, в которой их хранили. Это так? Отвечай! — рявкнул император.

Конва кивнул и пропищал:

— Да, Ваше Величество.

Острие кинжала легко царапнуло лапу пирата.

— Отлично. Значит, ты можешь нарисовать их мне, сами жемчужины и шкатулку.

Конва растерянно взял карандаши и пролепетал:

— Но... я не знаю... мое умение рисовать... весьма ограниченно...

Приподняв морду пирата острием кинжала, Ублаз ухмыльнулся и пригрозил:

— Жить захочешь — нарисуешь.

Конва стал проворно водить углем по бумаге, попутно отвечая на вопросы императора.

— Скажи мне, крыса корабельная, не было ли на жемчужинах каких-то отметин, не отличались ли они друг от друга по форме или по цвету?

— Нет, Ваше Величество, все шесть были одинаковы: идеально круглые, ровные, одного цвета.

— А как насчет размера?

— Все были одинаковыми. Крупнее, чем любая жемчужина, когда-либо виденная мной. Примерно вот такого размера.

Конва протянул Ублазу пергамент с шестью кружочками. Император одобрительно хмыкнул и сказал:

— Ну вот, а говорил, что не умеешь. Молодец, пират. А теперь скажи, какого цвета жемчужины.

— Ваше Всемогущество, они были светло-розовыми, неяркими. При дневном свете они казались более мягкими, кремовыми, а под лампой их цвет густел, становился похожим на оттенок только что распустившегося розового бутона.

— Надо же, какой поэт в тебе пропадает. Впрочем, на твоем месте я бы еще не так запел. Ну а теперь опиши мне, где они хранились.

— Это была шкатулка из большой глубоководной раковины. Обе ее створки были хорошо отполированы и отливали перламутром. Кто-то приделал к ним петли и защелку из твердого дерева. Изнутри раковина выложена мягким красным бархатом. Каждая жемчужина лежала в отдельной выемке. Насколько я помню, выглядело все это вот так.

Когда пират закончил рисовать, Ублаз взял пергамент, посмотрел на плод стараний Конвы и положил рисунок перед чайками, которые не мигая, абсолютно безучастно тоже осмотрели набросок.

Ублаз внимательно посмотрел в глаза самой крупной чайке и сконцентрировал все свои гипнотические способности на ней. Вскоре чайка действительно оказалась целиком и полностью под влиянием безумных глаз и зловещего голоса императора.

— Летите на восток, к берегам Страны Цветущих Мхов, — приказал император. — Найдите место, кото-

рое называют аббатство Рэдволл. Следите за всем, что там происходит, и разыщите мне эти жемчужины. Если вы найдете или шкатулку, или сами жемчужины, немедленно украдите их и принесите сюда, на Сампетру. Если вам не удастся найти сокровища, ждите поблизости от Рэдволла, когда приплывет мой верный генерал Ласк Фрилдор и его команда. Если они смогут раздобыть жемчужины, передайте генералу мой условный сигнал.

Ублаз снял с лапы браслет с большим драгоценным камнем и повесил его на шнурке на шею предводителя чаек.

— По этому браслету генерал узнает моих посланников. Вы заберете у него жемчужины и немедленно полетите сюда. А теперь — вперед! Летите за море, и пусть ваши крылья будут быстрее, чем самый быстрый ветер. А когда вы вернетесь с жемчужинами, я отблагодарю вас и всех чаек, живущих на Сампетре. Вперед!

Ответом императору были долгие гортанные крики полетевших на восток черноспинных чаек.

Глянув в бронзовое полированное зеркало, император пригладил мех у себя на груди и на шее, а затем, обернувшись, подмигнул дрожащему Конве:

— Сдается мне, ты видел и слышал слишком много, Конва. Слишком, слишком много. Ну-ка посмотри мне в глаза.

Пиратский капитан Старый Рубака первым услышал топот лап на пирсе и звон трезубцев. Он приоткрыл дверь каюты и выглянул наружу.

— Крысиная стража! — взвыл он. — Весь причал кишит крысами! Ребята, нас заперли на этом корабле!

Капитан Барранка схватил палаш и рванулся к дверям. На ходу он прокричал:

— Сейчас посмотрим, как им понравятся на вкус наши клинки! За мной, ребята!

Старый Рубака быстро захлопнул перед ним дверь.

— Не вздумай лапу высунуть за порог, иначе нас тут всех перережут! Их слишком много, но пока мы на борту, надеюсь, они сюда не сунутся.

Капитан-хорек Каменная Лапа посмотрел в иллюминатор, вернулся к столу и наполнил свой кубок

— Да, ребята, ну и время мы выбрали для восстания. Мы здесь заперты крысиной стражей, а все наши экипажи на берегу. Положение — хуже не придумаешь. Остается ждать гениальных предложений. Готов начать регистрацию.

Старый Рубака продолжал вести наблюдение.

— Пока крысы стоят и не двигаются, — сообщил он. — На трап не заходят, близко к борту не суются. А вот и Сагитар! Довольная, наверное, думает, что перехитрила нас. А это еще кто? Глазам своим не верю! По-моему, сам Безумный Глаз пожаловал сюда в окружении целой когорты своих надзирателей.

Барранка, все еще державший палаш наготове, почесал затылок:

— Предлагаю выслушать, что собирается нам сказать император. Если честно, мериться с ним взглядами не стоит.

После небольшой паузы с причала донесся голос Ублаза.

— Друзья! Морские братья! — обратился он к заговорщикам. — Вы чем-то недовольны? У вас есть жалобы? Выходите, давайте поговорим и обсудим все ваши предложения.

Приоткрыв дверь каюты, Барранка прокричал в ответ:

— Уж чего-чего, а жалоб у нас накопилось! А что касается того, где и с кем их обсуждать, то нам и здесь, в каюте, неплохо. Ублаз, я к тебе обращаюсь! Больше мы твоим приказам подчиняться не будем. Думаю, ты заметил, что по численности мы намного превосходим твою стражу?

— Ну, друзья, надеюсь, до драки или до поножовщины дело не дойдет! — преувеличенно добродушно произнес Ублаз, одновременно жестом отдав сигнал страже приблизиться к мятежному кораблю. — Эй, капитаны, выходите! Пойдемте ко мне во дворец, накроем стол, поговорим по душам.

Неожиданно для всех Барранка выскочил на палубу, взмахнул палашом и взвыл:

— Эй, в тавернах! Выходи на берег все, кто слышит!

Отчаянный шаг оказался небесполезным. Буквально в следующую секунду из окрестных таверн появились пираты и, поняв, что дело неладно, стали с угрожающим видом спускаться к причалу. Развернувшись, Ублаз ткнул в сторону пиратов серебряным кинжалом и властно прокричал:

— Всем стоять на месте! Дело касается только меня, императора, и тех, кто остался на борту «Флибустьера».

Стоявшие на носу и на корме «Флибустьера» Барранка и Каменная Лапа лихорадочно оценивали ситуацию. Конечно, Ублазу не удалось напасть неожиданно. Но каждый капитан понимал — опытная, обученная стража и отряд надзирателей без большого труда сдержали бы первый натиск толпы пиратов на узком причале и почти наверняка передовой отряд стражников ворвался бы на корабль и перебил мятежных капитанов раньше, чем подчиненные пробились бы на помощь своим командирам.

Барранка не зря слыл среди пиратов сообразительным капитаном. Обернувшись к Ублазу, он крикнул:

— Прикажи своим солдатам не делать резких движений, тогда и наши матросы не будут нападать на них! А теперь давай поговорим. Никакой дани мы тебе больше платить не будем. Запас строевого леса, который находится у тебя во дворце, ты разделишь между всеми капита-

нами. И отдельно мое персональное требование: ты немедленно освободишь моего брата Конву. Хватит, насиделись в твоих тюрьмах!

Безумный Глаз пришел в ярость. Нацелив кинжал на Барранку, он прокричал:

— Я — император Ублаз, которому никто не смеет глядеть в глаза! Еще не хватало, чтоб морской сброд диктовал мне свои условия! А что касается твоего братца, Барранка, можешь спросить этого глупца, что бывает с теми, кто осмеливается не исполнить мой приказ.

По сигналу императора четверо надзирателей выволокли на причал большой парусиновый мешок. Перевернув мешок, они вытряхнули из него труп Конвы. Останки несчастного горностая были изуродованы так, словно тот погиб от падения с большой высоты. Безумный Глаз усмехнулся и сказал:

— Вот видишь, твой братец почему-то подумал, что он — птичка. Мне стоило только взглянуть на него, и он вдруг решил вскарабкаться на подоконник и выпорхнуть в окно.

Барранка на миг замер в ужасе, а затем, стряхнув оцепенение, закричал во весь голос:

— Клянусь, что вся моя жизнь с этого дня будет подчинена только одной цели — заставить тебя, Ублаз, навеки закрыть свои безумные глаза! Я объявляю тебе войну! Руби канаты, Каменная Лапа! Это война!

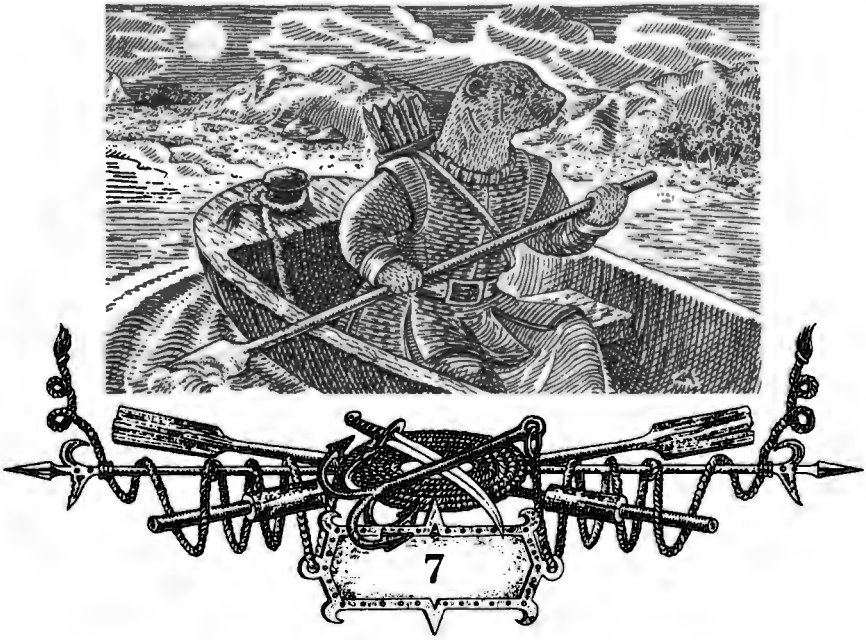
Один удар саблей по носовому канату, один — палашом по кормовому, и «Флибустьер» начал отходить от причала. Остальные капитаны стали сноровисто подтягивать снасти и устанавливать паруса. Килехвост подбежал к борту и прокричал остававшимся на берегу матросам:

— Уходите в глубь острова, в горы! Вооружитесь кто чем может и ждите, пока мы дадим о себе знать. Ребята, мы вернемся, и Сампетра будет нашим, настоящим пиратским островом! Мы начинаем войну!

Матросам не пришлось долго объяснять, что к чему. Со свистом и с воинственными криками пираты стали уходить из гавани.

Заметив, что Сагитар дернулась устроить погоню, Ублаз положил ей лапу на плечо.

— Пусть разбегаются, — сказал император. — Без своих капитанов они — ничто. Толпа неорганизованных негодяев. Сделай-ка лучше вот что: собери экипаж из стражников и принимай под командование корабль Старого Рубаки — «Кровавый Киль». Выследи Барранку, перебей всех капитанов, но его привези мне живым. Только живым.



7

Выдра Грат, по прозвищу Длинная Стрела, приладила очередную стрелу к луку и стала невозмутимо ждать, когда очередная морская крыса высунется из шлюпки. Ее стрелы уже пронзили четырех морских крыс, чьи трупы теперь чернели на песке по соседству со шлюпкой. За бортом лодки сидели, скрючившись, всего два живых пирата.

Грат крепко сжимала свой огромный лук. Прислонившись к тетиве щекой, она глядела сквозь дырочку для стрелы, выжидая очередную жертву и тихонечко напевая что-то себе под нос.

Пиратский капитан Сорвиголова и его рулевая крыса Карвел лежали, распластавшись на

песке, под прикрытием борта шлюпки, которая не так давно красовалась на большом корабле Сорвиголовы под названием «Рассекающий Волны».

Карвел беспрестанно хныкал:

— Смотри, смотри! Прилив-то уже вон как высоко! У нас нет ни единого крабьего шанса выбраться живыми с этого побережья. Вот скажи мне, зачем ты приказал вытащить шлюпку так далеко на берег?

Сорвиголова с бессильной яростью швырнул горсть песка в сторону своего рулевого, но ветер снес песчинки, ударив их о борт лодки раньше, чем они достигли морды морской крысы.

— А потому, — в очередной раз злобно объяснил капитан, — что, оставь мы ее пониже, прилив унес бы ее, пока мы ловили рыбу среди во-он тех камней. А уж если мы заговорили о камнях, скажи мне лучше, кто, как не ты, посадил на рифы корабль, оставив в нашем распоряжении какую-то жалкую скорлупку?

На сей раз Сорвиголова решил выместить свою злость на рулевом, пнув того в бок.

— Это ж надо, — продолжал ругаться капитан, — такое судно утопить! С добычей за два сезона! Слышишь, рулевой, если мы отсюда выберемся, я тебе не то что лапы не подам, я тебя просто подвешу над морем вниз головой, чтобы тебе рыбы голову отъели. Вот только боюсь, не повезет им с таким ужином, вряд ли там хоть капля мозгов найдется.

Совершенно неожиданно для капитана Карвел пнул его в ответ. Пинок удачно пришелся Сорвиголове в живот. Капитан с трудом перевел дыхание и злорадно прошипел:

— Ну, дождешься ты у меня, жаба! Неужели забыл, что по морским законам за удар, нанесенный капитану, полагается смертная казнь?

Карвел ловко избежал ответного удара и вдруг выхватил кинжал. Он все равно уже нарушил один из основных морских законов, и терять ему было нечего.

— Ага, капитан без корабля! — съехидничал он. — Хватит, надоело мне слушать твои дурацкие приказы! Только попробуй тронь меня еще раз хоть пальцем, узнаешь тогда, что такое мой кинжал и как глубоко он ранит!

Ловким ударом Сорвиголова выбил кинжал из лапы противника. Карвел вновь попытался пнуть его, но капитан перехватил его заднюю лапу и нанес ответный пинок. Крыса-рулевой взвыл и, метнувшись в сторону, потянулся за лежавшим на песке кинжалом. Но не успел он вновь схватить оружие, как...

Вж-жик!

Карвел упал на песок, древко стрелы торчало у него прямо между глаз.

Сорвиголова в отчаянии огляделся и прикинул расстояние, отделявшее его жалкое укрытие от полосы прилива, получалось примерно два корпуса шлюпки. Пробравшись к корме, Сорвиголова стал отчаянно подкапываться под борт. Наконец его лапы наткнулись на толстую веревку, закрепленную на задней банке шлюпки. Пиратский капитан изо всех сил тянул за веревку и с огромным трудом передвинул шлюпку чуть-чуть ближе к спасительной воде. Только желание жить помогало старому пирату скрипя зубами сдвигать ее дюйм за дюймом к полосе прибоя. Наконец морская вода омыла его лицо. Он злорадно ухмыльнулся. Нет, он, старый капитан, не позволит перехитрить себя. Он спасется, и пусть один, пусть на утлой шлюпке, но все-таки доберется до безопасного места.

Нащупав под лапами удобный камень, Сорвиголова обернулся, чтобы посмотреть, сколько раз ему еще будет нужно подтягивать лодку. И вдруг кровь застыла у него в жилах. Он увидел пылающие местью глаза выдры Грат.

Полная луна ярко освещала нескончаемую череду волн. По лунной дорожке вдоль берега плыла небольшая

шлюпка. Управляла ею выдра Грат, по прозвищу Длинная Стрела, капитан маленького, отбитого в честном бою у противника корабля.

«Морской Змей» шел под всеми парусами. На вахту заступил опытный рулевой — морская крыса Рубихвост. Он изо всех сил налегал на руль, чтобы удержать корабль на нужном курсе — на восток, только на восток, туда, где каждое утро встает солнце. На носу корабля стояла Ромска, хорьчиха, ставшая в этом рейсе капитаном «Морского Змея». Хоть Ублаз и объявил, что теперь она принимает корабль под свое командование, излишних иллюзий по поводу своего назначения она не питала. Она прекрасно знала, что незаменимых капитанов для Ублаза нет. Если Ласк Фрилдор привезет императору «Слезы Всех Океанов», Ублаз не постоит за хорошей наградой и выполнит все просьбы своего генерала. А лестной характеристики в свой адрес хорьчиха от него никак не ждала.

Вперевалочку, морской походкой Ромска подошла к рулевому и, придерживаясь лапой за канат, сказала:

— По-моему, неплохо идем, приятель. Не слишком ли только торопимся в такой-то шторм? А если разобраться, то торопиться нам совсем некуда.

Рулевой нервно огляделся:

— Ты бы потише. Того и гляди, кто-нибудь из надзирателей подслушает.

Ромска хитро усмехнулась и покачала головой:

— Нет, приятель, сегодня нас никто подслушивать не станет. Скрывать не буду, когда на меня смотрят эти скользкие твари, у меня сердце в пятки уходит. Но клянусь, никто из них сегодня лапой не пошевелит, чтобы вытянуть у нас хоть какой-нибудь секрет. И знаешь почему?

Рубихвост чуть поправил руль и спросил:

— И почему же?

Прикусив кончик уса, Ромска подмигнула ему:

— Потому, что ящерицы родились и выросли в тропиках и на корабле оказались впервые. Неудивительно, что они с трудом переносят холод и качку. Мы же к морю привыкли, а холода, ветра и постоянные брызги нам и вовсе нипочем, ты ведь сам прекрасно знаешь, что бывало и похуже.

Рубихвост непонимающе посмотрел на нее:

— Ну и что с того? Чем нам это может помочь?

Ромска снова усмехнулась.

— Между прочим, — сказала она, — я разместила надзирателей в лучших каютах. Знаешь где? На носу корабля. Вот уж где качает так качает. Целыми днями они летают то вверх, то вниз, без остановки. Так что, если тебе хочется посмотреть на позеленевшую от морской болезни ящерицу, не поленись, в свободное от вахты время пройдись на бак, загляни в каюты. Сам генерал и вся его компания лежат на койках, а вой стоит такой, словно они помирать собрались. Ты уж поверь мне на слово — этим ящерицам не до шпионства.

Хорошенько обдумав сказанное, рулевой злорадно расхохотался:

— Ну, у тебя голова варит, Ромска! Соображаешь, капитан!

Сама же Ромска неожиданно наступила ему на ногу, тихонько пробурчав:

— Отставить смех. Сделали серьезные лица. Смотри, сам генерал к нам пожаловал.

Кожа генерала надзирателей, обычно серо-синяя, приобрела мертвенно-зеленый оттенок. Вцепившись в протянутые вдоль борта канаты, генерал надзирателей с трудом пробрался из своей каюты к кормовой палубе. С нескрываемым неодобрением он посмотрел на рулевого и капитана и просвистел:

— Вода... корабль... плавать... плох-хо... Я и мои... надзиратели... много... болеть... С-сколько... еще... до Ц-ц-цветущих Мх-хов?.. Сказ-зать... можешь?

Ромска очень серьезно осмотрела горизонт, послюнявила палец и выставила его вверх, словно прикидывая, откуда дует ветер.

— Ну, вообще-то не так долго, — задумчиво сказала она, — хотя море непредсказуемо... Вдруг ветер переменится... или в настоящий шторм попадем. Тогда путешествие может затянуться.

— Какой... ещ-ще... настоящ-щий... ш-ш-шторм?.. — У генерала просто отвисла челюсть. — А ч-что, мож-жет быть... хуж-же... чем с-сейчас?

Рубихвост просто таял от удовольствия, но изо всех сил старался сохранить серьезное выражение морды.

— Да разве это шторм, генерал? — махнул он лапой. — То, что мы видим сейчас, — это так, легкая рябь на поверхности пруда. Эй, капитан, подтвердите мои слова.

Ромска деловито кивнула:

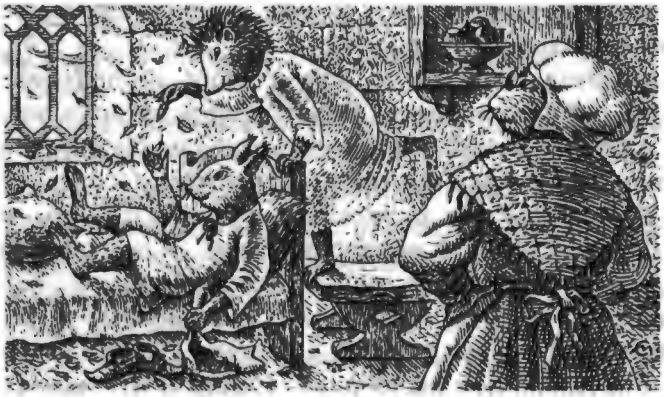
— Это правда. Но, генерал, вам не о чем беспокоиться. Император приказал мне доставить вас и ваших надзирателей к берегам Страны Цветущих Мхов. Я дала ему торжественную клятву. Пусть волны будут выше самых высоких гор, пусть корабль покроется коркой льда, но свое слово я сдержу. А еще я прикажу коку, чтобы он побаловал вас чем-нибудь вкусненьким. Закажу-ка я ему для ваших надзирателей жареных рыбьих внутренностей. Вот только масло у нас немножко прогорклое, ну да ничего.

— Не-е-ет! — завопил генерал, перегибаясь через борт.

С трудом сдерживая рвоту, генерал позорно поплелся к дверям своей каюты.

Ромска и Рубихвост едва сдержались, чтобы не рассмеяться ему в спину.

— Ну ты и загнула, — прошептал рулевой. — Рыбьи кишки на прогорклом масле — ну и гадость!



8

Весенняя заря на чистом, без единого облачка небе только поднималась над Рэдволлом, когда маленький Арвин, подскочив к кровати Пижмы в лазарете, огрел ее подушкой.

— Вставай, Пижма! Соня-просоня!

Такое оскорбление ежиха оставить без наказания не могла.

— Сейчас я тебе покажу, кто у нас соня-просоня! — воскликнула она.

Вызов был принят, и дуэль на подушках началась.

— Злючка-колючка! — обзывался Арвин, нападая на Пижму.

— Ах ты личинка! Вот я тебе задам! — кричала она в ответ, переходя в контратаку.

Разумеется, через пару минут одна из подушек наткнулась на край кровати и распоролась от края до края. Вся палата лазарета оказалась засыпана перьями, а баловники повалились на кровати, умирая от смеха.

— Ах вот как эти хулиганы ведут себя там, где положено тихо лежать и выздоравливать! — сказала сестра Цецилия, появившаяся на пороге лазаретной палаты. Уперев руки в бока, она недовольно заявила: — А я-то собиралась нести вам завтрак в постель! Я-то по глупости своей подумала, что вы больны, устали и что вам нужно отдохнуть.

Пижма попыталась сказать что-то в свое оправдание, но тут маленькое перышко попало ей в нос, и она чихнула.

Арвин невинно улыбнулся и подошел к рассерженной сестре Цецилии.

— По-моему, Пижма немножко простудилась, — сказал он.

Но обмануть опытную, много повидавшую на своем веку мышь оказалось не так легко. Уловка не сработала.

— Этого еще не хватало! — заявила сестра Цецилия. — Значит, так: завтрака не получите, пока не наведете здесь чистоту. Арвин, возьми швабру и собери все перья. А ты, Пижма, бери иголку и нитку, зашивай наволочку, а потом вместе набивайте подушку заново. И побыстрее.

Малыши принялись за работу, а сестра Цецилия, поразмыслив, решила ужесточить наказание за столь серьезный проступок.

— Не забудьте застелить постели, а кроме того, когда закончите с подушкой, выбейте покрывала и протрите пыль на всех полках. Все слышали?

Грозно посмотрев на провинившихся, старая мышь вышла за дверь. Арвин тотчас же упер руки в бока и стал передразнивать сестру Цецилию:

— Эй, Пижма, ну-ка быстро, бери швабру! Что за беспорядок, в жизни такого не видела! Ох уж мне эти безобразники!

Не успели они вволю насмеяться, как в дверь кто-то постучал.

— Сюда нельзя! — прокричал в ответ Арвин. — Здесь живут только наказанные и прочие трудные подростки.

В дверном проеме показалась голова ежихи Тизель.

— Вот это да! Да что здесь такое творится? — всплеснула она лапками.

Пижма поняла, что дело принимает нешуточный оборот, и, став серьезной, спокойно ответила:

— Ничего особенного, госпожа Стамп. Это совершенно случайно. Вот подушка просто распоролась, и всё. А сестра Цецилия сказала нам, чтобы мы сначала убрали в комнате, а только потом спускались на завтрак. Арвин, давай приступай! Начинай подметать!

Понаблюдав за ними некоторое время, ежиха от души расхохоталась и сказала:

— Будете копаться, так и до завтра не управитесь. Ладно, я вас прощаю. Спускайтесь вниз, на кухню, а я уж как-нибудь тут уберусь. У меня-то это побыстрей получится.

Арвина и Пижму не пришлось долго упрашивать, но перед тем, как выскочить за порог, они осыпали ежиху благодарностями.

— Ладно, ладно, — растроганно сказала она. — Кыш отсюда, пока я не передумала.

На кухне уже вовсю шла раздача завтрака. Пижма и Арвин приблизились к ожидающим своей очереди зверям, встав за Хватом. Тот обернулся, внимательно посмотрел на вновь прибывших, затем похлопал по плечу стоявшего рядом с ним Снопа.

— Слушай, старина, — сказал он, — не зря я тебе говорил, что странные зверюшки обитают в этом аббатстве. Ты только погляди, кто это за мной очередь занял, какая-то ёжептичка. Правда смешно?

Продолжая выдергивать перья из колючек на голове, Пижма ответила:

— Никакая я не ёжептичка, а просто ежиха. Меня зовут Пижма. А это Арвин, мой друг.

Недолинявший, потрепанный заяц элегантно отставил ногу и галантно поклонился:

— Счастлив познакомиться. Мое имя Хват, а эту кучу перьев можете называть Снопом.

Пижма кивнула:

— Я уже знаю.

Хват вплотную, нос к носу, приблизился к ней и, глядя в глаза, спросил:

— А хотелось бы знать, откуда ты все это знаешь?

Вопрос застал Пижму врасплох.

— Ну... я... это... наверное, мне кто-нибудь сказал.

Схватив бельчонка за лапу, она потащила его за собой в дальний конец зала, где было меньше шансов попасться на глаза придирчивой сестре Цецилии.

Они сели между кротихой Копушей и полевкой Фиалкой. Пижма старалась не отрывать взгляда от тарелки, с аппетитом уплетая горячие картофельные оладьи с медом и запивая все это душистым травяным чаем.

Фиалка, отхлебнув чаю, не глядя ни на Пижму, ни на кого другого, заявила достаточно громко, чтобы слышали все сидящие по соседству:

— А вот мне кое от кого стало известно, что кое-кому из наших молодых воспитателей больше не будут разрешать брать с собой в лес малышей. А почему? Да потому, что они попадают в разные неприятные истории, возвращаются домой очень-очень поздно, исцарапанные, грязные и промокшие. Вот такие слухи ходят у нас по аббатству.

Копуша оторвалась от тарелки и осведомилась:

— Кто же это сказал тебе, Фиалка?

Фиалка поджала губы:

— Что знаю, то знаю. А больше ничего не скажу, сами выясняйте.

Арвин подмигнул Копуше. Та заговорщицки наморщила нос и, отвернувшись, вдруг ткнула пальцем куда-то за соседний стол:

— Хур-хур, вот кто нам сейчас все р-р-раскажет.

Фиалка приподнялась со скамейки и, наклонившись над столом, уточнила:

— Кто-кто?

Стоило ей отвернуться, как Арвин, стянув с дальнего угла стола тарелку с кашей-размазней для самых маленьких, поставил ее на скамейку прямо на то место, где сидела Фиалка. Та же все не унималась:

— Да кто же нам все будет рассказывать? Кого вы имели в виду?

— Да так, одна мышка-всезнайка, — отмахнулась от нее Копуша. — А может быть, я и ошиблась...

Фиалка разочарованно вздохнула и преспокойно уселась на свое место.

Плюх!

Мартин, сидевший во главе стола вместе со старшими обитателями Рэдволла и двумя новыми гостями, услышал всплеск и обиженное хныканье Фиалки.

— Ну и что это у нас там творится? — спросил он, поднимаясь со своего места. — Все понятно, — вздохнул он. — Это Фиалка. Я так и думал: стоит им сесть рядом с Пижмой — жди неприятностей.

Услышав знакомое имя, Хват о чем-то задумался, а потом, поманив к себе Мартина, прошептал ему в ухо:

— Занятная история получается. Сегодня утром я имел честь познакомиться с этой вашей ежихой. И знаешь что? Когда я ей представился и представил Снопа, она сказала, что уже знает, как нас зовут, и почему-то сразу же убралась подальше. Вот и ответь мне на вопрос: как она могла узнать мое имя, если, когда мы появились у вас в аббатстве, ей уже полагалось видеть десятый сон?

Мартин задумчиво почесал подбородок, подумал и нашел логичный и даже многое объясняющий ответ:

— Помнишь, нас ночью кто-то подслушивал?

Тут от тарелки с недоеденным сырным фланом оторвался Сноп:

— Вот-вот, правильно мыслишь, вояка. Как говаривала моя старая матушка, хуже ежа на ступеньках могут быть только два голодных зайца в буфетной. Вот так-то.

Мартин улыбнулся совенку:

— А твоя матушка, верно, мудрой птицей была. А теперь тихо, сделаем серьезные лица. Аума ведет провинившихся.

Барсучиха действительно привела слегка упиравшихся Фиалку и Пижму и поставила их прямо перед аббатом.

— Стойте смирно, — строго приказала она. — А теперь расскажите отцу-настоятелю, что у вас там случилось, да не вздумайте врать.

Дрожащим от слез голосом Фиалка пожаловалась:

— Она поставила мне на скамейку тарелку с кашей, и я туда села. Честное слово.

Не успела Фиалка договорить, как Пижма гневно возразила:

— Я?! Да никогда в жизни! Даже несмотря на то, что ты дразнилась.

С трудом пряча улыбку, аббат Дьюррал покрутил усы.

— Склока, едва не переросшая в драку, — очень серьезный проступок. Как будем их наказывать? Что скажешь, Мартин?

Суровый воин сумел сохранить серьезное выражение лица.

— Я предлагаю потребовать с них честное слово никогда так больше не делать. Пусть поцелуются, извинятся друг перед другом, и дело с концом.

Пижма хотела было что-то возразить, но, посмотрев в сторону, заметила Арвина, которому было заметно не по себе. Он переминался с ноги на ногу и явно порывался подойти к столу старших.

— Ну что ж, я согласна,— сказала Пижма и быстренько чмокнула Фиалку в щеку.— Я прошу прощения за то, что подставила тебе тарелку с кашей. Больше я так никогда не буду. Извини меня.

Фиалка тоже без особой охоты чмокнула Пижму в щеку и быстренько пробормотала:

— Извини, что я тебя дразнила. Больше никогда так не буду.

— Ну вот и все.— Мартин довольно потер руки и облегченно вздохнул, считая судейскую миссию исполненной.

Аума бросила в его сторону взгляд, от которого запросто могло бы свернуться молоко.

— И это все?! — спросила она.

С демонстративной суровостью оглядев присутствующих, Ролло-летописец заявил:

— Мы не можем позволить, чтоб юные радволльцы ругались, дрались или усаживали друг друга в замечательную кашу. Думаю, им стоит преподать хороший урок.

В этот момент к столу старших, не сговариваясь, бросились Арвин и Копуша. Честность победила страх, и они решили взять на себя свою долю наказания.

— Господин аббат, это я подставил ей тарелку с кашей! — поспешил признаться Арвин.

— Да, а я в это вр-ремя отвлекала ее,— вздохнув, созналась Копуша.

Понимая, что дольше сохранять серьезность никому из присутствующих не удастся, аббат Дьюррал вынес скорый приговор:

— Все ясно. Вас двоих я приговариваю к тому, чтобы играть весь день только во дворе, Фиалка же пусть сделает уборку в надвратной башне, а Пижма подметет лестницу, ведущую в детские спальни.

После завтрака Мартин, Ролло, Сноп и Хват решили прогуляться вокруг аббатства.

Мартин положил лапу на плечо старому летописцу и сказал:

— Я тут вот что подумал: Пижма осталась одна на верхнем этаже. Если это она нас подслушивала, бьюсь об заклад, что сейчас она прямиком направилась на чердак, где жила Фермальда.

Горный заяц подмигнул Мартину:

— А ты и вправду соображаешь, вояка. Сдается мне, что пора и нам двинуть лапы туда, чтобы посмотреть, чем же занимается наша юная Пижма на пыльном, давно пустом чердаке.

Развернувшись, Хват резво двинулся к аббатству. Последовав за ним, Ролло заметил Мартину:

— Хорошо, что в аббатстве вновь появился заяц. Последний был, если помнишь, еще во времена твоего отца. Звали его, кажется, Бэзил.

Мартин улыбнулся всплывшему из памяти полузабытому образу.

— Точно-точно. Отец предупреждал, что зайцы хоть и потешные на вид, но в бою очень опасные, серьезные противники. Будем надеяться, что, случись у нас неприятности, Хват покажет себя настоящим зайцем.

9

Нескольких взмахов метлой вполне хватило для того, чтобы привести винтовую лестницу в полный порядок. Куда больше привлекала и в то же время пугала Пижму другая лестница, та, что вела из верхнего коридора на чердак. Получив возможность подняться наверх для уборки, она тем не менее побоялась сразу подняться на самый верх лестницы. Чердак всегда манил и в то же время отпугивал малышей. Чтобы скрыть свой страх, Пижма даже начала мести лестницу, ведущую на чердак, с нижней ступени. Но через три ступеньки поняла всю глупость этой затеи, набралась смелости и, перехватив метлу так, чтобы та хоть как-то напоминала оружие, стала подниматься по пыльным ступеням.

На чердаке Пижма заметила узкий луч света, пробивавшийся через небольшое подковообразное окно. Пойдя на свет, она оказалась в длинной комнате с низким сводчатым потолком. Пижма поняла, что скорее всего очутилась там, где жила старая Фермальда. Несколько раз наткнувшись на запыленную мебель, она все же разыскала лампу, трут и огниво. Теперь света хватало, чтобы получше разглядеть беличье жилище. Комната была давно заброшена и изрядно пропылилась с тех пор, как ею перестали пользоваться. Обставлена она была всяким хламом, стащенным сюда из разных уголков чердака и подвала. Когда Пижма опустилась в одно из потертых кресел, вокруг нее тотчас же поднялось облачко пыли.

— Ну что, сударыня? Нашли что-нибудь интересное?

Не сдержав испуганного крика, ежиха подскочила на месте.

В чердачную комнату вошел Мартин, за ним Ролло, Хват и Сноп. Пижма принялась лихорадочно изображать уборку, начав подметать пол прямо с середины комнаты, и, стараясь не глядеть в глаза Мартину и летописцу, забормотала невнятные объяснения:

— Я тут... это... подмести немного собралась... Я в том смысле, чтобы прибраться немножко...

Ролло закрыл рукавом рот и, помахав лапой, сказал:

— Пижма, прекрати поднимать пыль! Убери метлу.

Мартин сел в кресло, и его глаза оказались на одном уровне с глазами Пижмы.

— Скажи, пожалуйста,— обратился он к молодой ежихе,— зачем ты вчера подслушивала наш разговор?

Пижма вытерла глаза уголком передника и сказала:

— Я вовсе не собиралась никого подслушивалась. Просто, проснувшись в лазарете, я жутко захотела есть. Тогда я вспомнила, что, когда мы возвращались из леса домой, вы что-то говорили про Весенний Пир. Вот я и пошла в Большой Зал. Но там было темно, на лестнице я остановилась и услышала какие-то голоса. Посмотрела вниз и поняла, что

ужин давно закончился. Конечно, кое-что из вашего разговора я расслышала, но не специально. Когда до меня дошло, что еды на столах больше не осталось, я решила вас не беспокоить и вернуться в лазарет и неуклюже наступила на тарелку, которую кто-то из малышей оставил на лестнице. Она покатилась вниз и, наверное, разбилась, а я бегом бросилась обратно и легла спать.

Ролло присел на подлокотник кресла.

— Полагаю, ты слышала, что мы говорили о Седоглупе, Фермальде и о том времени, когда он жил тут, у нее на чердаке.

На Пижму было жалко смотреть. Она смущенно глядела в пол прямо перед собой и негромко бормотала:

— Да, так получилось, что я все это слышала... и мне было так интересно... особенно стихотворение, которое прочитал господин аббат... Вот я и решила: поднимусь сюда и поищу ответ на ее загадку. Я только хотела вам помочь.

Мартину стало жаль несчастную Пижму. Он взял ее за лапку и сказал:

— Никто и не думает, будто ты хотела сделать что-то плохое. Но посмотри вокруг: нашла что-нибудь интересное? По-моему, ничего тут нет. Старая, пыльная мебель... Что тебе здесь делать? В конце концов, тебе было сказано подмести главную лестницу. К чему проявлять самодеятельность? Так что, уважаемая, можете идти. В вашем распоряжении весь оставшийся день для игр во дворе.

Пижме не понравилось, что ее выставляют с чердака. Тогда Мартин отвел ее в сторону и сказал:

— Знаешь что, Пижма-фижма, как тебя называет Арвин, у меня для тебя есть другое дело. Если мне память не изменяет, этот сезон уже седьмой с тех пор, как аббат Дьюррал стал настоятелем Рэдволла. И вот у меня появилась мысль: а что если ты вместе с нашими новыми гостями приготовишь ему в качестве сюрприза большой торт? Согласна?

Хват потирал лапы от удовольствия.

— Отличная мысль! Сдается мне, что господин настоятель заслужил скромного тортика на семилетие своего руководства аббатством. Что скажешь, Сноп?

Совенок, поморгав, кивнул и сказал:

— Как говаривала моя матушка, самый лучший сюрприз — тот, которого не ожидаешь. И если мы не разболтаем всему аббатству о том, что готовим торт, сюрприз удастся на славу.

Хват, радостный, с готовностью направился к лестнице.

— Вот это здорово! Никогда прежде не готовил ни пирогов, ни тортов! Так что, Пижма, придется тебе показать мне, как это делается. Иначе у нас ничего не получится.

Пижме идея с тортом была очень даже по душе.

— Во-первых, вымойте лапы чисто-чисто, никаких пятнышек, соринок... Во-вторых, пусть наш брат Хиггли выделит нам плиту и отдельный большой стол на кухне. Из продуктов нам понадобятся фрукты, орехи, крем и, наверное, кружка октябрьского эля, чтобы замешать его в тесто. Я знаю, что господин настоятель очень любит темное тесто, пропитанное элем...

Веселые голоса вновь назначенных кондитеров удалились вниз по лестнице. Мартин тем временем подмигнул Ролло и сказал:

— Слушай, а может, и мы сходим посмотрим, это должно быть забавное зрелище.

Мартин встал с кресла, но его место тотчас же занял, соскользнув с подлокотника, старый летописец.

— Нет, Мартин, если хочешь, иди один. Я останусь тут, осмотрюсь, подумаю немножко.

Оставшись один на чердаке, Ролло продолжал сидеть в кресле. Он вздыхал, откидывался на спинку, наклонялся вперед, а затем, прикрыв глаза, задремал, и его передние лапы соскользнули с подлокотников на края сиденья.

10

Вскоре дремоту летописца Ролло как рукой сняло. Кому, как не ему, было знать, как часто вещи теряются, а потом находятся между подушкой кресла и его подлокотником. Вот и сейчас, опустив лапу с подлокотника, он с улыбкой извлек из щели за подушкой небольшой пергаментный свиток. Похоже, старушка Фермальда не слишком отличалась от него самого в последние годы жизни. Придвинув поближе лампу и вооружившись очками, старый летописец аккуратно развязал свиток, расправил его и присмотрелся к мелкому, неровному, но вполне разборчивому почерку. Буквы складывались в слова, слова — в строчки...

Очень непривычно называть бывшего пирата другом. Но вот этого горностая Седоглупа я с удовольствием называю своим другом. Интересно почему? Разве он не из тех, кто, приходя к нам с моря, всегда нес с собой беду и угрозу? Но я называю его другом, потому что он сам так первым назвал меня. Остальные не понимали его, он надоел всем своими постоянными жалобами и странным поведением. Но я-то знаю, что из-за этой глубокой раны на голове он не мог вести себя по-другому. Как же жесток оказался мир!

Я не боюсь смерти. Когда я увидела ее печать на лице Седоглупа, я решила сделать все, что в моих силах, чтобы скрасить его последние дни. Сидя здесь, у меня на чердаке, мы много разговаривали, и он рассказывал мне о дальних странах, о теплых морях, о тех островах, где никогда не бывает зимы. Мысленно я уже видела прибой, разбивающийся о побережье Сампетры, я узнала об императоре, которого называют Безумный Глаз. Да, мой друг жил не самой лучшей жизнью, но в последние дни он раскаялся во всем зле, которое совершил. И хотя я старалась всячески успокоить его, он всегда волновался, опасался мести своих бывших товарищей и повелителя. Седоглуп поведал мне одну тайну, о которой попросил не рассказывать никому на свете.

Однажды утром я проснулась и обнаружила, что он исчез, ушел из нашего аббатства, чтобы найти смерть где-то в другом месте и не осложнять жизнь ни мне, ни моим друзьям. Если когда-нибудь к нам придут те, кто охотился за моим несчастным другом, я выйду им навстречу и скажу, что никакого Седоглупа никогда здесь не было. Может быть, я спасу Рэдволл от лишних бед и неприятностей, потому что Рэдволл — это мой дом.

Что же касается тайны, которую поведал мне мой друг, я выполню свое обещание. Не буду рассказывать о ней, но напишу, а иначе «Слезы Всех Океанов» так и останутся навеки потерянными. А ведь когда-нибудь они могут пона-

добиться для великого и благородного дела. Седоглуп оставил «Слезы» мне как последний подарок своему единственному другу. Когда меня не станет, обрести эти «Слезы» сможет лишь тот, у кого хватит смелости и мудрости найти их, а если они попадут в лапы жадного или неразумного зверя, то принесут ему и всем окружающим только горе и смерть. Во сне я говорила с духом основателя нашего аббатства, с Мартином Воителем, тем самым первым Мартином Воителем, и я знаю, что поступаю правильно.

А тому доброму зверю, чьего имени я не знаю и никогда не узнаю, я скажу вот что: ищи, и найдешь «Слезы Всех Океанов». Но не дай им ослепить тебя своей красотой, пользуйся ими мудро.

Глядеть вверх и в стороны не надлежит,
А туда, где лапы и мертвый дуб лежит.
Там то, что некогда родила вода:
Красота великая, она же — беда.

Ролло аккуратно свернул пергамент, спрятал его в рукав, затем взял лампу и направился вниз. В голове старого летописца роилось множество мыслей, которые никак не выстраивались в единую цепочку: завещание Фермальды, какие-то вопросы да еще это загадочное стихотворение. Он нашел Мартина на кухне и отозвал его в сторонку, чтобы серьезно поговорить.

— Мартин, там, на чердаке, я нашел очень странный пергамент, написанный Фермальдой.

— Я так и знал, что ты что-нибудь найдешь. Ну и где же был спрятан свиток?

— За подушкой кресла Фермальды. Но боюсь, оставшуюся часть этой тайны разгадать будет не так легко.

— Да уж я думаю. Фермальда всегда была странноватой, а тем более в последние годы жизни... Ладно, позже разберемся, что она там понаписала.

Вся кухонная работа уже закончилась, и брат Хиггли, его супруга Тизель и все остальные теперь с удовольствием наблюдали за последними усилиями Пижмы и ее перепачканных в муке и креме помощников. Сам торт был уже готов и теперь остывал на большом каменном столе.

— Ну что ж, по-моему, подарок господину настоятелю удался на славу, — сказала Тизель. — А как украшают его эти семь марципановых шариков! Точно по семи годам его настоятельства. Советую до вечера убрать торт в надвратную башню, чтобы аббат Дьюррал случайно не наткнулся на него во время обхода кухни.

Пижма и брат Хиггли вдвоем понесли большой поднос из кухни к воротам аббатства. Хват и Сноп бегали вокруг, отдавая всем присутствующим бесполезные указания:

— Так-так, отойдите подальше, ребята, на два шага в сторону. Так, вы, уважаемые, тоже отойдите в сторону... Эй, ты, пошел прочь! Там, кто-нибудь, откройте двери!

В общую суматоху ворвались гортанные вопли, клекот и отчаянные крики о помощи со стороны ворот.

— Это еще что там происходит? — воскликнул Мартин и бросился из кухни во двор. По пятам за ним последовали Хват и Сноп.

Как оказалось, Пижме и брату Хиггли оставалось пройти совсем немного, когда они подверглись нападению. Четыре большие черноспинные чайки налетели на них прямо с неба, сбив торт на траву. Две из них набросились на Хиггли и Пижму, нанося им удары крыльями, царапая когтями и пытаясь оглушить своими огромными клювами. Тем временем две другие чайки, издавая победный клич, подлетели к торту и начали вытаскивать из крема розовые марципановые шарики.

Ко всеобщему удивлению, первым налетел на них обычно невозмутимый Сноп. При виде ухающей, разъяренной молодой совы две чайки немедленно бросились

прочь, оставив испорченный сюрприз настоятелю. Сноп бросился на чайку, которая уже прижала Пижму к земле, и, словно сковав нападающего клювом и когтями, повис на нем, как якорь. Мартин тем временем подоспел на помощь Хиггли. Подхватив деревянный поднос с земли, мышь-воин обрушил его на спину чайке, сломав при этом поднос пополам. Хват молниеносно сгреб Пижму и Хиггли в охапку и прикрыл их от острых клювов противника своим телом. Мартин успел нанести еще один удар половиной подноса по своей жертве, но затем чайке удалось вырваться и, припадая на одно крыло, взмыть в воздух.

Куда меньше повезло птице, на которую налетел Сноп. Мощные когти и огромный клюв совы быстро сделали свое дело, и вскоре чайка уже неподвижно лежала у ворот аббатства.

Из здания аббатства и из всех пристроек повыскакивали обитатели Рэдволла и во главе с матушкой Аумой и аббатом Дьюрралом сбежались к месту происшествия. Вопросы посыпались один за другим:

— Что здесь случилось?

— Что это за птицы? Орлы, соколы? Кто-нибудь знает?

— Ну ты и глупый! Неужели не видишь, что это всего-навсего мертвая чайка.

— Бр-р! Морская птица! Добра от них не жди. Ты только посмотри на клюв!

Вскоре Аума, аббат и Кротоначальник восстановили порядок.

— Так, ну-ка все отойдите подальше. Воспитатели, уведите отсюда малышей. Нечего им смотреть на эту птицу.

— Хур-хур! Пр-рочь с дор-р-роги! Бр-рат Хиггли, Пижма, вы не р-ранены?

Аума наскоро осмотрела брата Хиггли и ежиху.

— Похоже, у обоих есть по нескольку ссадин и царапин. Вальджер и вы, остальные, отнесите их обоих в лазарет и вызовите сестру Цецилию. Мартин, что это за птица?

Мышь-воин тем временем рассматривал поверженного противника. Покачав головой, он оглядел небо.

— Вообще-то это чайка. Но я никогда не видел, чтобы такая большая морская птица улетала так далеко от моря. Всего их было четыре? Я смотрю, оставшиеся три не пожелали разделить участь их товарища, а наш друг Сноп заставил нападавшего жестоко поплатиться за свое коварство. Наш совенок, несмотря на молодость, оказался отличным бойцом.

Сноп поморгал и сказал:

— Как, бывало, говаривала моя старая матушка, нет смысла без конца точить когти об одного и того же противника. Если уж ввязался в драку, постарайся сделать так, чтобы больше с этим противником тебе встречаться не пришлось.

Тем временем Хват, осмотрев остатки торта, лежавшие на траве, направился к сладкой куче.

— Хорошо сказал, старая подушка, — вздохнул он. — Мамаша твоя, наверно, была та еще птичка в свои годы.

Тизель наконец смогла сорвать злость и лихо ткнула Хвата поварешкой под ребра.

— Ты еще узнаешь, какая я птичка, — сказала она, — если хотя бы притронешься к торту. По-моему, он не слишком пострадал. Сделаем новый крем, и будет как новенький. Да, Мартин, нам, кстати, потребуется и новый поднос.

В неожиданно теплом для столь ранней весенней поры воздухе эхом разносился звон колоколов аббатства, возвещаший о приближении ужина. Обитатели Рэдволла собрались в Малой Пещере. Этот зал был не столь огромен и величествен, как Большой Зал, и обычно служил сто-

ловой. Вся еда была выставлена посреди стола, каждый подходил и брал что хотел и сколько хотел.

Аббат Дьюррал сидел вместе с Мартином и другими старшими на узкой каменной приступке, тянувшейся вдоль одной из стен зала. Когда аббат встал, в зале воцарилась полная тишина.

— Друзья мои, — обратился он к собравшимся, — наверное, нет смысла пересказывать то, что случилось сегодня. Все вы уже об этом знаете. Зачем четырем чайкам понадобилось нападать на двух абсолютно безобидных зверей, является тайной как для меня, так и для всех старейшин аббатства. Тем не менее наш старый друг из Страны Цветущих Мхов, Командор выдр, выставил часовых на стенах аббатства. Его выдры, вооруженные пращами и камнями, будут нести дежурство на тот случай, если внезапная атака повторится. Но на ближайшие дни я попрошу всех без надобности не выходить на улицу. И пожалуйста, будьте внимательнее с малышами. Они еще не понимают всей опасности, и наш долг — защищать их. Да, и последнее: мы очень благодарны нашим новым друзьям Хвату и Снопу за их умелые и решительные действия в столь неожиданной и скоротечной схватке.

В зале раздались аплодисменты.

Сноп скромно потупил глаза и уткнул свой взгляд в тарелку с мелко нарубленным сыром, зато Хват наклонялся и наулыбался за двоих.

— Да уж такие мы, зайцы! — с притворной скромностью говорил он. — В конце концов, я только выполнял свой долг. Спасать ежих, рубить чаек для нас, зайцев, — так, пустяки.

Ролло, сидевший рядом с Мартином, закатил глаза, не в силах больше выслушивать поток заячьего хвастовства.

— Клянусь шкурой и мехом, Мартин, я больше не вынесу болтовни этого длинноухого. Пойдем отсюда. Я даже придумал предлог: давай отнесем поднос с ужи-

ном в лазарет Пижме и брату Хиггли. Поболтаем с ними, посмотрим, как там они.

— Идет, — с готовностью согласился мышь-воин. — Только не упоминай при мне о подносах. Ежиха Тизель мне никогда не простит ее разбитый поднос.

Брат Хиггли и Пижма изо всех сил притворялись спящими, но сестра Цецилия тем не менее поставила в изголовье их кроватей по большой миске.

— Теплая крапивная похлебка — вот лучшее средство при шоке и небольших ранах. Я схожу поужинаю, а вы, будьте любезны, съешьте похлебку всю до последней ложки. А я проверю миски, когда вернусь.

В это время в лазаретную палату вошли Ролло и Мартин с полным подносом еды. Цецилия строго поджала губы.

— Ну-ка потише, — сказала она, переходя на шепот. — Больные уснули. Надеюсь, эту еду вы принесли не для них? Учтите, они на строгой диете из крапивной похлебки.

Мартин улыбнулся ей и прошептал:

— Еда? Ну конечно, нет. Это ужин для нас. Мы с Ролло решили зайти к больным, посидеть с ними, а если они проснутся, мы проследим, чтобы они съели всю похлебку.

Сестра Цецилия улыбнулась в ответ и поблагодарила его:

— Молодец, Мартин. Я так и знала, что с тобой они будут в надежных лапах.

С этими словами она неслышно вышла за порог и тихонечко прикрыла за собой дверь. Брат Хиггли тотчас же вскочил на кровати. Лапы его были сжаты в кулаки, а зубы выбивали отчаянную дробь.

— Бр-р-р! Ох уж мне эта сестра Цецилия! Я бы предпочел оказаться в нашем пруду, с камнем, привязанным к лапам, чем проторчать в этой палате еще хоть один день.

Ролло, слушай, сделай доброе дело: открой окно и выплесни эту мерзкую похлебку. От одного запаха этой гадости я могу заболеть по-настоящему.

Пижма, тоже вскочившая с кровати, радостно воскликнула:

— Брат Хиггли, смотрите, настоящая еда! Пирожки, сыр, вафли, наливка! Ну, ребята, спасибо, вы просто спасли нас от голодной смерти.

Глядя на то, как молодая ежиха уплетает ужин, Мартин не мог сдержать улыбки.

— Ну и как мы себя чувствуем, Пижма? — спросил он.

Отвечать Пижма могла с трудом — мешал огромный пирожок, целиком отправленный ею в рот.

— Как я себя чувствую? Да замечательно! И кстати, мне сказали, что Фиалка все видела. Она как раз убирала в башне у ворот. Вальджер сказал, что она упала в обморок от страха, и сунул ей под нос горящие перья. Вот уж я порадовалась! Надеюсь, от этой вони ей стало еще хуже.

Брат Хиггли откусил добрый кусок сыра, прожевал и задумчиво произнес:

— Как-то глупо все это получается. Не пойму, зачем четырем большим птицам нападать на нас.

Ролло пожал плечами и сказал:

— Насколько я понял, на вас напали только две из них. Другая парочка напала на торт аббата. Получается, что нападение на тебя и Пижму было всего лишь отвлекающим маневром. Неужели им торт был нужен?

Мартин подождал, пока Пижма запьет пирожок, и спросил ее:

— Ну а ты что думаешь по этому поводу?

Ежиха стала серьезной.

— Может быть, вам это покажется смешным, но я уверена, что чаек не интересовали ни мы, ни сам торт. Единственное, что они хотели утащить, — это марципановые шарики. Только зачем они им?

— Вот вам и еще одна тайна, — сказал Мартин, обращаясь к Ролло, который явно о чем-то глубоко задумался.

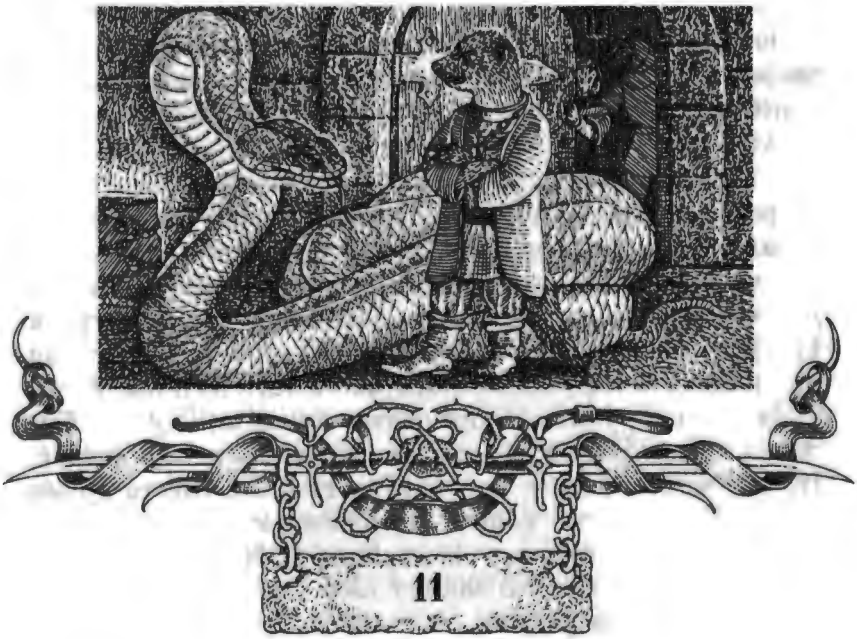
Затем, тряхнув головой, летописец ответил:

— Тайны и загадки... — Вдруг, подпрыгнув на месте, он воскликнул: — Загадки! Ну и дела! Во всей этой суете я совсем забыл!

Он извлек из рукава пергамент Фермальды и сказал:

— Вот, послушайте.

Летописец Рэдволла приступил к чтению вслух записей Фермальды. Брат Хиггли, слушая вполуха, доедал ужин, зато Мартин и Пижма внимательно слушали каждое слово Ролло.



11

Пираты, ушедшие в холмы Сампетры, не слишком беспокоили Ублаза. С ними он разберется потом, когда будет покончено с капитанами. Сидя на троне, потягивая вино и грызя жареное птичье крылышко, император в очередной раз обдумывал последние события. Не было сомнений в том, что заварил всю эту кашу Барранка. Именно его Ублаз хотел подвергнуть примерному наказанию, тогда остальные капитаны будут не столь опасны. Старое как мир средство подавить восстание: отрубить змее голову, и ее длинное тело в конвульсиях распластается перед тобой. Кстати, о змеях.

Ублаз отставил блюдо с едой и стремительно проследовал из тронного зала к массивным

дверям, закрывавшим вход в пещеры. Двое надзирателей стояли на страже у самой тяжелой, с крепким засовом двери. Ублаз ткнул в их сторону серебряным кинжалом и приказал:

— Открыть!

Ящерицы поспешно распахнули перед императором дверь. Вытащив факел из кольца на стене, Ублаз проследовал внутрь, оставив дверь за собой приоткрытой, чтобы стражники видели, что он будет делать в пещере. Довольно вздохнув, Ублаз подошел к каменному постаменту, на котором лежала роскошная золотая корона. Сделанный по личному эскизу императора массивный золотой обруч, украшенный рубинами, прекрасно подходил ему. Это была достойная корона для настоящего повелителя империи. Но кое-чего в короне все-таки не хватало. Шесть зубьев на передней части кольца предназначались для шести больших, розового цвета жемчужин. И вот когда «Слезы Всех Океанов» наконец займут свои места, корона императора будет совершенна.

Едва слышное шуршание и громкое шипение заставили надзирателей отскочить от двери подальше. Заметив это, Ублаз прикрикнул:

— Стоять смирно! Смотрите, и вы будете свидетелями величайшего могущества вашего повелителя!

Ящерицы повиновались, но их обычно ничего не выражающие глаза на этот раз были полны ужаса.

Пещера была залита огненным светом. Это пламя факела отражалось от золотой короны и от поверхности большого, выложенного камнем бассейна в дальнем углу помещения. Вот из этого бассейна, перегнувшись через край, выскользнула и поползла к императору огромная змея. Бледная, цвета слоновой кости, ее каждая чешуйка отражала свет факела, и в сумраке казалось, что к ногам Ублаза продвигается струя золотистого пламени.

Свернувшись кольцами у ног куницы, змея угрожающе подняла голову, занеся ее для смертельного укуса. Не

так много на земле найдется змей опаснее этой — коралловой водяной змеи. Ублазу пришлось сконцентрировать все свои гипнотические силы и перехватить взгляд смертоносной рептилии. Поймав этот взгляд, Ублаз стал монотонно, ритмично напевать свое самое могучее заклинание:

Днем и ночью сторожи!
А сейчас поди-ка
Ляг и тихо полежи,
Ибо я — владыка!

Снова и снова повторял император свое заклинание, качая головой в такт движениям головы змеи. Постепенно его лицо придвигалось все ближе и ближе к змеиной морде, пока противники почти не коснулись друг друга носами. Змея сдалась, закрыла пасть, раздвоенный язык перестал мелькать в воздухе. Наконец опустила голову на холодный каменный пол пещеры. Глаза рептилии словно покрылись мутной, почти непрозрачной пленкой. Ублаз замолчал, встал, слегка пнул змею ногой и повернулся к ней спиной, направившись к дверям.

— Ну что, видели, какова власть вашего повелителя? — почти змеиным шепотом обратился он к часовым-надзирателям.

Он проследовал мимо надзирателей, предоставив им самим закрывать двери. Ублаз прекрасно понимал: то, что видели эти двое, скоро станет известно всем надзирателям и стражникам. Постепенно рассказ об укрощении змеи обрастет новыми страшными подробностями, рано или поздно достигнет ушей пиратов, так что не только верные слуги, но и враги поймут: всякое сопротивление власти куницы-императора бесполезно.

Снасти «Морского Змея» обросли льдом. Корабль с трудом продвигался сквозь густую пелену тумана, ощетинившись по обоим бортам длинными веслами. Ромска ходила взад-вперед по палубе, размахивая длинной, со

множеством узлов веревкой, которой она немилосердно хлестала всех, кто попадался ей под лапу.

— А ну, шевели клешнями, крабы кривобокие! Давай-давай, налегай! В такую погоду либо гребешь, либо подыхаешь. А мы, хорьки, помирать не любим. Давай живей, пошевеливай веслами! А ну, салаги, навались!

Кок Рубби сидел на бушприте и высматривал впереди корабля скалы или огромные глыбы льда, представляющие для корабля не меньшую опасность. Взмахнув лапой, он обернулся и крикнул рулевому по кличке Рубихвост:

— Идем тем же курсом, приятель! Держи руль ровно!

Чтобы ответить, рулевому пришлось с усилием разорвать почти смерзшиеся губы:

— Есть так держать! Следуем тем же курсом!

Генерал надзирателей Ласк Фрилдор, замотанный во все тряпки, на которые ему только удалось наложить свою чешуйчатую лапу, пытался согреться, придвинувшись вплотную к крохотной жаровне, стоявшей посреди его каюты в носу корабля. Как только Ромска вошла в дурно пахнущее помещение, он вскочил и прокричал:

— З-з-закрой дверь! Я умираю от х-холода! З-здесь ж-жутко х-холодно!

Ромска закрыла дверь и, ухмыляясь, посмотрела на ящерицу.

— Ну и на что мы на этот раз жалуемся, чешуйчатая морда? Третий день, как мы попали в штиль, еле тащимся на веслах, а тебе все плохо. Надеюсь, на этот раз тебя не укачивает?

Генерал с трудом прекратил стучать зубами. Справившись с челюстями, он наконец смог ответить капитану:

— С-с-смотри, половина моих надз-зирателей погибла. Они з-замерз-зли. Тут х-холодно. Ес-сли не потеплеет, мы вс-се умрем!

Ромска всплеснула лапами:

— Да что ж ты сразу не сказал? Я сейчас прикажу солнцу, чтобы оно вышло и светило день напролет.

Мутные, почти неживые от холода глаза генерала с ненавистью смотрели на пирата.

— Императору Ублаз-зу будет долож-жено. Ты оскорбляешь генерала надз-зирателей, ж-жалкий х-х-хорек. — Сказав это, Фрилдор сплюнул.

Ромска в ответ только хрипло рассмеялась.

— Слушай, ты, тупица! Мы в море, понимаешь? В открытом море. И никто — ни ты, ни я, ни сам император — ничего не может поделать с погодой. Постарайся вбить это в свою чешуйчатую башку. Все мы в лапах судьбы, и всем нам нужно немножко удачи и везения.

Ласк Фрилдор сжал голову лапами:

— Ты с-сбилас-сь с-с пути. Мы з-заблудилис-сь.

В голосе Ромски зазвучали издевательские нотки.

— Соображаешь, рептилия, даром что вся башка в чешуе. Запросто может быть так, приятель, что ни ты, ни я не выберемся из этой переделки живыми. Я уж давно сомневаюсь, что мне удастся довести корабль до этой дурацкой Страны Цветущих Мхов и тем более вернуться обратно в Сампетру. И знаешь почему? Потому что я и в подметки не гожусь капитану Конве. Да, этот горностай знал свое дело. Для него любое море было что для тебя маленькая лужа. А где теперь Конва, а? Гниет, наверное, в какой-нибудь темнице, потому что твоему императору, видишь ли, не понравилась его физиономия.

Тут с бушприта донесся истошный вопль Рубихвоста:

— Земля! Прямо по курсу — земля! И туман рассеивается!

Ромска мгновенно выскочила из каюты и бросилась на нос. Весь экипаж «Морского Змея» радостно вопил на разные голоса:

— Земля! Земля!

— Добрались, ребята, добрались!

— Земля впереди!

Хорьчиха прищурилась, вглядываясь в далекое скалистое побережье.

— Даже если это не Страна Цветущих Мхов, я все равно рада, что мы куда-то выплыли.

Старый боцман Дурной Глаз взобрался на борт по соседству с капитаном.

— Если это не Страна Цветущих Мхов, то, кровь и клык, куда же нас занесло?

Присмотревшись внимательнее к береговой линии, Ромска уверенно ответила:

— Мы забрались далеко на север, примерно к тому месту, где мы в прошлый раз перебили выдр ради этих проклятых жемчужин. Понятно, я знаю, где Страна Цветущих Мхов. Эй, Рубихвост, принимай вправо! Суши весла, ребята! Боцман, свистать всех наверх! Поднимайте паруса! Пойдем вдоль берега на юг. Ориентироваться будем по солнцу и по прибрежным скалам.

Когда совсем рассвело, подул легкий бриз. «Морской Змей» довольно резво побежал на юг, оставив туманы далеко за кормой. Светило солнце, но погода все же оставалась прохладной. Ромска время от времени помогала рулевому у штурвала ловчее обогнуть очередной скалистый мыс.

— Ничего-ничего! Еще пара дней, и мы увидим большой ручей, сбегающий с берега в море. Это и будет верная примета Страны Цветущих Мхов. Я этот ручей хорошо помню.

Тут раздался грохот и распахнулась дверь каюты генерала Фрилдора. Сам генерал появился на палубе хоть еще и укутанный во всевозможные тряпки, но уже с прежним величественным блеском в глазах.

— Эй, ты, Ромс-ска! — окликнул он капитана. — Подготовь вс-се необходимое для торжес-ственных пох-хорон моих дес-сяти надз-зирателей.

В порыве ярости хорьчиха выхватила саблю и, бросив штурвал, метнулась к генералу надзирателей. Ее левый глаз нервно задергался.

— Я для тебя капитан Ромска, ясно тебе? Я управляю кораблем и исполняю личный приказ императора. У моей команды и без тебя хватает дел. Так что собери своих че-

шуйчатых, тех, кто еще жив. Ничего, у них еще хватит сил выбросить подохших за борт. И предупреждаю тебя в последний раз: не доводи меня! На этом корабле я — капитан!

Ласк Фрилдор ухмыльнулся, показав Ромске свои кошмарные зубы:

— Я прекрас-сно тебя с-с-слышал, Ромс-ска. Ты здес-сь капитан... До тех пор, пока мы не прис-станем к С-стране Цветущ-щих Мх-хов.

И не успел генерал повернуться, чтобы направиться к каюте, как капитанша пиратов заорала на него во весь голос:

— До Страны Цветущих Мхов, говоришь? Да не настанет тот день, когда Ромска, капитан пиратов, испугается какой-то ящерицы! Так что дай мне только знать, когда будешь готов, и я покажу тебе, какого цвета у тебя кишки!

С тех пор как ящерицы проявили слабость на море, испугавшись и качки, и холода, Ромска еще больше уверилась в своих силах. Рубихвост кивнул, не скрывая восхищения своим капитаном:

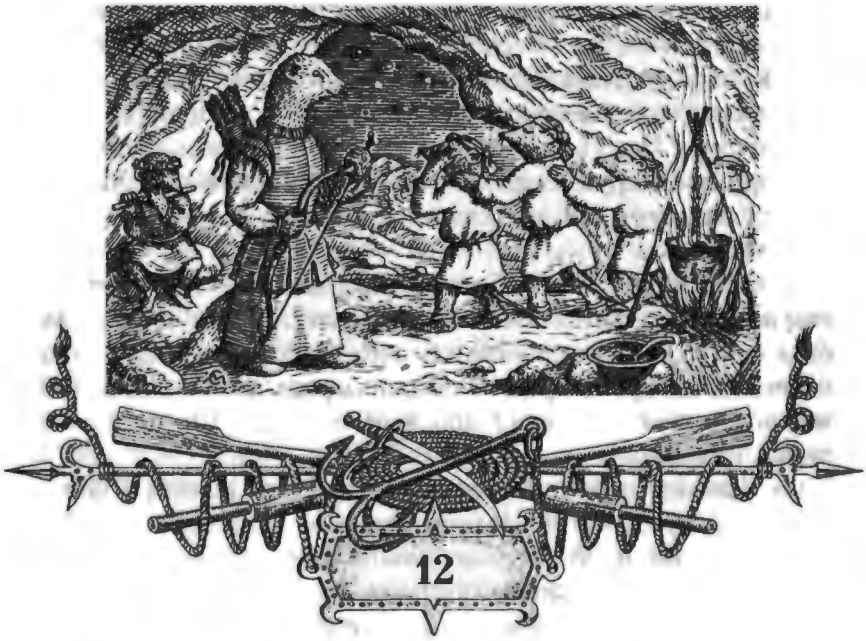
— Молодец, Ромска! Давно бы так с ними! Я думаю, скоро о тебе заговорят во всех тавернах Сампетры.

Ромска почувствовала, что хорошее настроение возвращается к ней. Размахивая саблей и приплясывая, она запела лихую пиратскую песню под одобрительные возгласы свободных от вахты членов экипажа.

Лежа в своей каюте, скрючившись вокруг жаровни, Ласк Фрилдор скрипел зубами, слыша, как веселится Ромска, как подпевают ей матросы, как глухо шлепаются в воду тела его замерзших подчиненных.

— Нич-чего, нич-чего, пират, пока радуйс-ся, — прошипел про себя генерал. — Придет день, и я с-станцую на твоей могиле.

Наступил вечер. Облака на горизонте порозовели и окрасились снизу золотистыми лучами заходящего солнца. Подгоняемый несильным ветром, «Морской Змей» медленно двигался к югу вдоль извилистого берега, который должен был привести его к Стране Цветущих Мхов.



12

Ночь принесла с собой сначала морось, а потом и довольно сильный дождь. Послышались дальние раскаты грома, засверкали молнии, осветившие на миг далекий горизонт. Грат Длинная Стрела отряхнулась и протерла глаза. Ее маленькая шлюпка бодро скакала по волнам, двигаясь вдоль берега на юг. Выдра сидела на корме и вела свое суденышко, слегка поворачивая руль. Ветер изо всех сил рвал единственный квадратный парус шлюпки и гнул невысокую мачту. Прибой и ветер всё норовили бросить шлюпку на прибрежные скалы, и Грат приходилось прикладывать все силы, чтобы удержать лодку на правильном курсе.

Понимая, что двигаться ночью, в полной темноте, вдоль рифов очень опасно, Грат развернула шлюпку носом к берегу. Внимательно присмотревшись, она разглядела узкий проход между скалами, куда и направила свое суденышко. Интуиция не обманула выдру: взмыв на волне, шлюпка вдруг оказалась на спокойной воде, пройдя между скалами, она попала в крохотную, абсолютно спокойную бухту.

Спрыгнув за борт, Грат почувствовала под ногами твердое дно. Схватив канат с носа шлюпки, она потащила суденышко вслед за собой к берегу. Работа ей предстояла нелегкая, но тут откуда-то из полумрака донесся веселый тонкий голосок, едва слышимый сквозь шум дождя и завывания ветра:

— Давайте протянем незнакомцу лапу помощи! Слышите, вы, тугоухие поедатели раковин! Помогите морскому зверю вытащить на берег его лодку.

В темноте замелькали огоньки ламп и откуда-то из-за ближайшего валуна выскочили с десяток маленьких, с неровной шерстью зверюшек с разноцветными повязками на головах. Все они вцепились в канат, и с их помощью Грат довольно быстро вытянула лодку и даже могла оттащить ее на берег, гораздо дальше линии прилива. Самый толстый из маленьких зверьков подошел к ней. Он явно был здесь главным. За пояс у него была заткнута небольшая шпага. Зверек протянул выдре лапу.

— Меня зовут Лог-а-Лог. Я вождь и комадир племени прибрежных землероек Гуосим.

Последовавшее лапопожатие было дружеским и искренним.

— Позвольте представиться: Грат Длинная Стрела, последняя из выдр рода Лутры.

Лог-а-Лог помог Грат вытащить ее скромный багаж из лодки.

— Знаешь, что я тебе скажу, — отвечал он, — останься ты сегодня вечером в море, то к утру была бы не послед-

ней живой, а первой утонувшей из рода Лутры. Эй, Коготок, Завитушка, держите этот тяжеленный лук, иначе он меня раздавит. Тащите его в дом. Пошли, Грат. В такую погоду ни зверю, ни птице негоже оставаться под открытым небом.

Землеройки привели Грат в какую-то расщелину между камнями, где жили ее новые друзья. Она с радостью отхлебнула землеройного пива, которое, согласно традициям племени, следовало время от времени помешивать раскаленной на углях тоненькой шпагой. Вскоре землеройка Коготок принес ей большую миску очень вкусной ухи. Когда миска опустела, ее тут же наполнили добавкой из огромного котла, негромко побулькивавшего на углях в дальнем углу пещеры. Землеройки с опасливым уважением оценили ее аппетит. Наевшись, выдра поведала им свою историю.

Когда рассказ был закончен, Лог-а-Лог потрепал ее по широкой, покрытой шрамами спине и улыбнулся:

— Ну что ж, по крайней мере, ты выжила и ешь ты, как будто голодать тебе пришлось сезонов семь. Повезло тебе, что на нас наткнулась. Мы, племя Гуосим, входим в Партизанский Союз Землероек Страны Цветущих Мхов, хотя до самой Страны еще далеко. Мы, Гуосим, любим путешествовать, понимаешь. Каждую весну мы спускаемся по реке к берегу моря. Наши лодки спрятаны чуть выше по берегу, на ближайшем ручье. Ни один зверь не знает окрестные ручьи и речки так хорошо, как мы.

Тут из угла пещеры донеслись мелодичные звуки флейты. Лог-а-Лог кивнул и обернулся к молоденькой землеройке Завитушке:

— Эй, ты, соня! Хватит дремать у костра. Давай споем нашу любимую песню для Грат — нашего нового друга.

— А вот из меня певица никакая, — вздохнула Грат, — зато я смогу показать вам несколько фокусов.

— Фокусов? Каких еще фокусов?

— А вот каких! Я возьму лук и собью звезду с неба.

Землеройки наперебой запищали, а Грат тем временем незаметно подмигнула Лог-а-Логу. Вождь землероек с важным видом закивал головой:

— Да-да, я с самого начала понял, что наша выдра не простая. Уж что-что, а колдовать она умеет. А ну-ка тащите сюда ее колчан и лук.

Землеройки с опаской следили за тем, как Грат подтягивает тетиву и выбирает стрелу. Затем выдра торжественно возложила лапы на лук и стала бормотать какие-то непонятные заклинания, лишь время от времени добавляя к ним знакомые слова, что-то вроде: «Стрела в небо полетела — с неба звездочка упала». Потом Грат вышла из пещеры и внимательно оглядела небосвод. Землеройки столпились вокруг нее.

— Ну что, какую звезду тебе сбить? Покажи мне! — спросила Грат, обращаясь к Завитушке.

Взвизгнув, Завитушка показала в небо:

— Во-он ту, самую яркую!

Грат старательно и долго прицеливалась, натянув тетиву, затем выстрелила. Стрела ушла вертикально в небо.

— А теперь бегите все быстро внутрь! — закричала выдра.

Землеройки бросились в пещеру, а Грат объясняла им вдогонку:

— Вдруг от звезды что-нибудь отвалится и упадет нам прямо на головы. Встаньте все вокруг костра и смотрите на него, не закрывая глаз, несколько секунд подряд.

Подождав, выдра снова обратилась к землеройкам:

— А теперь закройте глаза и, не открывая их, выходите наружу.

Сделав все, как было приказано, землеройки, держась друг за друга, выбрались из пещеры.

— Теперь поднимите мордочки и по моей команде откройте глаза. И-и-раз!

Землеройки Гуосим разом издали восхищенный вздох:

— Правда! Она попала! Попала!

— Звезда взорвалась! Целый сноп искр!

— Я тоже видела! Я тоже! Искры посыпались во все стороны!

Самая маленькая землеройка забегала вокруг, попискивая:

— Я видела, как стрела попала в звезду! Я видела! Грат — настоящая фокусница, просто колдунья!

13

Тем временем в лазарете аббатства Рэдволл летописец Ролло дочитал вслух загадочное послание Фермальды. Дослушав, Пижма зажмурила глаза и медленно, слово за словом, повторила загадочное стихотворение, которое слышала только один раз. Голос молодой ежихи звучал ясно и четко:

Глядеть вверх и в стороны не надлежит,
А туда, где лапы и мертвый дуб лежит.
Там то, что некогда родила вода:
Красота великая, она же — беда.

Мартин удивленно вскинул брови:

— Неплохо, совсем неплохо. Интересно, что же это за сказку рассказала нам старушка Фер-

мальда? Где находится эта Сампетра? Что за фрукт этот император Безумный Глаз? А этот таинственный подарок Седоглупа — «Слезы Всех Океанов»? Почему они так опасны, да и что это вообще такое? Нет, ребята, вот что я вам скажу: тут действительно загадка на загадке и ребус на ребусе.

Ролло подышал на стекла очков, а затем протер их рукавом и заявил:

— И не говори, Мартин. Вот и мне так показалось.

Пижма положила лапу на пергамент и сказала:

— Так давайте же разгадаем эти загадки. Подыщем ключи, найдем ответы.

Ролло строго посмотрел на ежиху из-под очков.

— Пижма, а как ты себя чувствуешь? — спросил он. — Только отвечай честно.

Брат Хиггли перестал жевать пирог и рассмеялся:

— Это ты ее спрашиваешь? Да ты только посмотри на нее. Если бы я чувствовал себя хоть вполовину так же хорошо, как она, я бы не лежал тут в постели, а пустился бы в пляс. Эта красавица здоровее всех нас будет.

Пижма едва не забегала по комнате, чтобы доказать правоту слов брата Хиггли.

— Вот видите! Ну пожалуйста, давайте разгадывать загадку! Иначе я действительно слягу, думая обо всем этом одна. Ну, что вы на это скажете?

Мышь-воин почесал подбородок:

— Ну, может быть... А что если сестра Цецилия вернется и обнаружит, что один из ее пациентов пропал?

Тут Хиггли, облизав остатки черники с лап, заявил:

— Тогда я уложу ее саму в постель и напою до отвала теплой крапивной похлебкой. Посмотрим, как она ей понравится.

Под общий смех Ролло, Пижма и Мартин пожали друг другу лапы и хором произнесли одну и ту же фразу:

— Вперед! Разгадаем эту тайну!

Три лампы осветили комнату Фермальды, и трое друзей взялись за дело. Ролло сел в кресло и зачитал первые две строчки из стихотворения:

Глядеть вверх и в стороны не надлежит,
А туда, где лапы и мертвый дуб лежит.

Пряча легкую улыбку, Мартин осведомился у Пижмы:

— Нам надлежит не глядеть ни вверх, ни в стороны. Куда нам остается глядеть?

— Я полагаю, вниз.

— Именно так. А что там написано про лапы? Куда мы обычно ими ступаем?

— На пол, наверное.

— Вот именно. А что там сказано про мертвый дуб? Когда дуб умирает, плотники пилят его на доски и кладут на пол.

После короткого обсуждения приняли решение: начать с дальнего угла и двигаться всем вместе. Они опустились на все четыре лапы, поставили перед собой лампы и принялись внимательно осматривать доски пола одну за другой.

Немного не дотянув до противоположной стены, Ролло со вздохом и кряхтением встал и проследовал к креслу, заявив:

— На сегодняшний вечер с меня хватит. Спина ноет, да и глаза, боюсь, уже не те, что раньше. Того и гляди просмотрю что-нибудь важное.

Пижма и Мартин подошли к летописцу.

— Слушай, старина Ролло, — сказал Мартин, — вовсе ты не такая развалина, какой хочешь казаться.

— Я прошу вас, господин Ролло, пожалуйста, только не засыпайте в кресле.

Но Ролло упорно отказывался двинуться с места:

— Нет, раз я решил, значит, так и будет. Ты, Мартин, сильный, Пижма у нас совсем молодая, вот вы и продолжайте поиски. А я уже стар для этого.

Не дослушав летописца, Мартин зашел за спинку кресла и резко отпихнул его от себя. Ролло взвизгнул; одновременно скрипнули маленькие колесики, на которых стояло кресло. Оно так резво покатилось вперед, что чуть не ткнулось в противоположную стену.

— Ну что, будешь помогать нам или нет, старый бездельник? — грозным тоном осведомился Мартин.

— Смотрите! Смотрите сюда! — Опустившись на четвереньки, Пижма внимательно рассматривала пол в том месте, где только что стояло кресло.

Ролло лихо вскочил на ноги и подбежал к ней.

— Ну-ка, ну-ка, что у нас тут? Давай лампу поближе.

На одном из стыков досок виднелся крохотный рисунок черными чернилами. Рисунок был сделан не слишком умелой и твердой лапой, но тем не менее с первого взгляда было понятно, что изображена здесь ложка. Предвидя вопросы своих спутников, Мартин поспешил сообщить:

— Все ясно. Ложка Фермальды у меня с собой. — Вытащив из-за пояса старую деревянную ложку, он попытался всунуть ее в щель между досками пола, бормоча себе под нос: — Ну и что вы прикажете мне теперь делать? Поднять доску?

— Нет, Мартин, ложка слишком тонкая. Боюсь, она может сломаться.

— Да, Пижма, ты права. Есть еще предложения?

— Может быть, стоит покачать ее из стороны в сторону? — предложил Ролло.

Мартин попробовал, но ничего не изменилось. Он сел на пол, обдумывая задачу, и тут Пижма внесла свое предложение:

— А что если попытаться просунуть ее подальше?

Мышь-воин посильнее нажал на ложку, засунув ее до упора в щель между досками.

— Предложение, конечно, дельное, Пижма, но, по-моему, все без толку.

И тут Ролло нашел совсем другое решение:

— А что если мы все сойдем с этой доски, например вот сюда, на эту сторону? А вот теперь попробуй приподнять ее, Мартин.

Мартин так и сделал. Раздался негромкий треск, и доска слегка приподнялась, ровно настолько, чтобы можно было ухватить ее лапами. Совсем вынуть ее из пола уже не составило большого труда. Пока Мартин откладывал доску в сторону, Пижма вынула из открывшегося углубления маленький льняной мешочек из-под муки, в котором явно что-то лежало.

— Ур-ра! Нашли! Молодец, старина Ролло!

Летописец был явно доволен собой.

— Согласитесь, я принял воистину мудрое решение, — без ложной скромности заметил он. — Неразумно было бы пытаться поднять доску, стоя на ней всем втроем. А теперь для дальнейших рассуждений и изысканий я предлагаю перейти в Пещерный Зал, там, наверное, еще жарко горит камин. Все остальные наверняка уже давно спят и не будут мешать нашей беседе. А здесь, на чердаке, как-то сыро и неуютно.

По дороге, в коридоре верхнего этажа, им навстречу выскочила из своей спальни Фиалка. Маленькая мышь-полевка плакала и дрожала от страха. Мартин и Ролло остановили ее и спросили:

— Фиалочка, дорогая, что с тобой? Что тебя так напугало?

Полевка вытерла слезы рукавом ночной рубашки.

— Огромная птица, ужасная злая птица! Она билась в мое окно и едва не схватила меня. А какой у нее был страшный острый клюв, какие злые глаза!

Пижма отвела ее в лазарет, успокаивая:

— Ну, Фиалка, не надо, не надо! Это тебе только приснилось. Оставайся здесь, на моей кровати в лазарете. Тут рядом брат Хиггли, и тебе не будет так страшно.

Около кровати Фиалки пришлось поставить ночник, чтобы полевке было не так боязно.

Выйдя в коридор, Ролло вдруг попятился и покосился на Мартина. Навстречу им из дальнего конца коридора быстро двигалась какая-то непонятная фигура в белых одеяниях.

— Угу-гу, Пижма-фижма! — завыл незнакомец. — Это я, маленькое чудовище!

Чудовище оказалось Арвином, одетым в не по росту длинную белую ночную рубашку. Весело хихикая, он бросился к Пижме. Ежиха обняла его, а потом поинтересовалась:

— А ты что здесь делаешь? Ты давно должен спать.

Арвин вытащил из рукавов ночной рубашки несколько больших белых перьев.

— Да вот, подразнил немножко противную Фиалку. Угу-гу! Угу-гу!

Мартин взял у бельчонка парочку перьев.

— Понятно! Значит, это из-за тебя несчастной полевке снятся кошмары? И что прикажешь мне теперь делать?

Арвин равнодушно пожал плечами:

— Ха! А ничего. Не положено. По законам аббатства малышей нельзя ни бить, ни привязывать, так что Арвин абсолютно свободен.

Несогласный Ролло покачал головой.

— С одной стороны, бельчонок прав, — сказал он. — С надоедливым, противным малышом мы мало что можем сделать. Впрочем, у нас есть несколько веселых наказаний. Например, мы можем предложить матушке Ауме хорошенечко отмыть Арвина. Вот тогда я посмотрю на тебя, когда мыльная пена будет щипать тебе глаза, попадать в рот, в уши, а тебе придется сидеть в тазу неподвижно, пока барсучиха будет тереть твой хвост жесткой, обдирающей щеткой. А потом...

Оставшуюся часть наказания оглашать не пришлось. Арвин вырвался из объятий Пижмы и бросился назад в спальню, бормоча на ходу:

— Нет-нет, не надо! Я буду хорошим! Я никогда больше так не буду, только не говорите матушке Ауме мыть меня жесткой щеткой.

По пути друзья заглянули на кухню и обнаружили вынутую из печи и поставленную на стол остывать огромную грибную кулебяку. Мартин, отрезая от пирога увесистый кусок, улыбнулся и, разделив его на три части, сказал:

— Не припомню, чтобы я таскал что-либо с кухни, когда сам был малышом. Да, ребята, мы втроем ведем себя хуже, чем один маленький Арвин.

Пижма, которой достался самый горячий кусок из середины пирога, подула на него и сказала:

— Мартин, вы не правы. Мы и вдесятером не могли бы доставить окружающим столько неприятностей, сколько это маленькое чудовище. Он наводит страх на всех малышей, да и на все аббатство. Можете мне поверить, уж я-то его хорошо знаю.

Ролло, прожевавший к тому времени первый кусок кулебяки, задал вопрос:

— Ну и что, мы так и будем сидеть здесь и обсуждать наших малышей или кто-нибудь наконец соберется открыть найденный мешочек?

Мартин махнул лапой в сторону Пижмы:

— Эту честь я предоставляю вам, наш юный друг.

В мешке оказалась большая двустворчатая раковина. Неизвестный мастер приделал к ней петли и замок: получилась вместительная, но изящная шкатулка, к тому же не пропускающая воду. Открывая шкатулку, Пижма продекламировала вторую половину стихотворного ребуса Фермальды:

Там то, что некогда родила вода:
Красота великая, она же — беда.

Изнутри дно и крышка шкатулки были выстланы мягкой красной материей. Сама шкатулка явно предназначалась для хранения шести круглых одинаковых предметов. Пять углублений были пусты, в шестом же лежал туго свернутый из пергамента шарик.

Ролло разочарованно вздохнул:

— Так я и знал. Мартин, я тебя предупреждал, что это только начало. Ох уж мне эта Фермальда! Никогда с ней легко не было, а уж разбираться в ее посмертных загадках — врагу не пожелаешь.

Слушая старого летописца, Мартин тем не менее внимательно глядел на Пижму.

— Пижма, я по глазам вижу, что у тебя уже есть какая-то мысль.

Ежиха провела лапой по дну шкатулки и, пожав плечами, сказала:

— Морская раковина, морские птицы... Что-то в этом есть... Думаю, что в углублениях должны находиться пять таких же скомканных кусочков пергамента. Странно...

— Ладно, хватит терять время, — деловито заявил Ролло.— Давайте развернем тот, который нам достался, и посмотрим, что на сей раз подкинула нам судьба.

Слегка дрожащими лапами разворачивая тончайший пергамент, Ролло повторял сам себе:

— Аккуратнее, аккуратнее... Только не порви. Аккуратнее, я тебе говорю. Ну вот, готово.

Трое зверей уставились на клочок пергамента, на котором неровным почерком белки Фермальды было написано несколько строчек:

Слезу для брата Хиггли
Одну роняю я.
Мне нравились твоя стряпня
И доброта твоя.

Ступай, найди подарок.
А та слеза, одна,
Не спрятана далёко,
И всем она видна.

Глядя в огонь, плясавший в камине, Ролло пробурчал:

— Слезы, слезы, опять слезы...

Некоторое время друзья сидели в тишине, разглядывая клочок пергамента и вникая в тайный смысл записанного

на нем стихотворения. В зале было тихо, тепло, и вскоре очки Ролло соскользнули на самый кончик его носа, а голова склонилась на грудь. Мартин подмигнул Пижме и, наклонившись к задремавшему летописцу, дунул ему в ухо. Старый Ролло моргнул несколько раз подряд, выпрямился и как ни в чем не бывало осведомился:

— Ну да, так чем мы тут занимаемся? Пытаемся разобраться в новой загадке?

Мартин с совершенно серьезным выражением лица ответил:

— Именно так. У тебя есть какие-нибудь мысли по этому поводу?

Ролло решительно взмахнул лапой:

— А как же! Я знаю, что нам делать дальше.

Мартин и Пижма, искреннее удивившись, воскликнули:

— И что?

Хитрая искорка промелькнула в глазах Ролло.

— Мы сейчас... — сказал он и, сделав паузу, продолжил: — Отправимся спать, пока не уснули прямо здесь. Иначе ходить нам завтра с болью в спине и с ноющей шеей. И никаких возражений от нашей юной подруги я даже слушать не желаю. Нам всем обязательно нужно выспаться. Мартин, скажи ты ей!

Мышь-воин встал и потянулся.

— Пижма, а ведь он прав. Вот увидишь, утром, после крепкого сна и хорошего завтрака любой зверь на удивление хорошо соображает. Отправляйся в спальню, потому что твою кровать в лазарете заняла Фиалка. И давайте расходиться побыстрее.

Несмотря на все протесты Пижмы, уверявшей, что она ну ни капельки не устала, друзья быстро разошлись по спальням.

Юркнув в постель, Пижма не могла не согласиться с тем, что ее кровать, пожалуй, самое удобное и уютное место в мире. Едва ее голова коснулась подушки, как

юная ежиха перенеслась в таинственное царство сновидений. Ей приснился Мартин, но совсем не тот Мартин, которого она хорошо знала, а другой, в доспехах. Пижма поняла, что это был Мартин Воитель — основатель Рэдволла, тот самый воин, чей портрет был выткан на гобелене, висевшем в Большом Зале. В лапе он сжимал тот же меч, который иногда она видела в ножнах на боку у нынешнего Мартина. Пижма обрадовалась, увидев древнего воина. Он излучал силу, уверенность, и в его голосе она слышала мудрость и доброжелательность.

— Юная обитательница Рэдволла, — обратился к ней Мартин, — ищи и не сдавайся. На своем пути ты встретишь радость и горе, только никогда не забывай, что дружба и верность стоят гораздо дороже любого богатства. Вспомни эти слова в тот день, когда тебе придется возвращать «Слезы» их истинному владельцу. Миг счастья может быть краток, но в стране сновидений нет времени. Спи спокойно и знай, что в самый трудный час я приду к тебе на помощь.

Образ воина растворился в туманной дымке, и остальные сны, снившиеся Пижме в ту ночь, были только приятны и спокойны.

14

За завтраком настоятель подозвал Пижму и шепнул ей на ухо:

— Я сегодня собираюсь прогуляться по окрестностям. Хочешь, пойдем со мной? Денек сегодня погожий, захватим с собой чего-нибудь перекусить... Что скажешь?

К огромному удивлению аббата Дьюррала, Пижма отклонила его предложение:

— Благодарю вас, господин настоятель, но, может быть, есть смысл предоставить эту возможность кому-нибудь другому? Возьмите, например, маленькую Фиалку. Вечно ей не везет, сидит взаперти.

Дьюррал порадовался подобному благородству, но такой выбор Пижмы немало удивил его.

— Вообще-то ты права, — сказал он, почесав лапой в затылке. — Но почему именно Фиалку?

— Потому что я виновата перед ней и хочу снова с ней подружиться. Сегодня ночью Фиалке снились кошмары, и я переложила ее на кровать в лазарете, которая предназначалась мне. Я думала, что там ей будет лучше, но ночью в лазарет пришла сестра Цецилия и заставила ее выпить всю огромную миску крапивной похлебки. Вы только посмотрите на Фиалку, у нее теперь лицо цвета этой самой похлебки. Бедненькая, даже к завтраку не притронулась.

Аббат Дьюррал оторвался от чашки с чаем, поглядел на Фиалку, затем перевел взгляд на Пижму и сказал:

— Ты права, Пижма. Я думаю, что прогулка по окрестностям и хороший пикник помогут Фиалке помириться с тобой. А кстати, скажи, сама-то ты чем собираешься заниматься сегодня?

Пижма перешла на заговорщицкий шепот:

— У меня важное дело с Мартином и Ролло. У нас есть загадка, которую мы обязательно должны отгадать.

Солнечное утро плавно перешло в теплый погожий денек, и аббатство зажило своей обычной жизнью. Взрослые принялись за работу, малыши затеяли игру во дворе. Командор выдр и дежурная смена его отряда расположились на стене аббатства, готовые в любой момент отразить нападение любого противника.

На опушке леса к северу от аббатства зашевелились ветки низких кустов. Наблюдательному зверю это могло показаться странным, ведь в тот день ветра не было.

Высунув из-за кустов голову, Ромска огляделась и снова спряталась в глубине леса.

— В последний раз я была здесь с капитаном Конвой, когда мы преследовали Седоглупа. Это аббатство Рэдволл, я уверена, — заявила она.

Ее спутник Ласк Фрилдор был не в лучшем настроении. Несмотря на теплый день, он до сих пор не мог

прийти в себя после холодной ночи, проведенной в маршброске по мокрому, стылому лесу.

— Давай, поори еще громч-че, — прошипел он, — чтобы нас-с ус-слыш-шали с-со с-сторож-жевой баш-шни.

Ромска наклонилась к нему и угрожающе сказала:

— Попридержи язык, чушайчатая голова. Я буду говорить так громко, как мне будет угодно. А если нас даже и услышат, что с того? Как только обитатели аббатства увидят твою идиотскую рожу, они все остолбенеют от страха.

Генерал не нашел что ответить и, разозлённый, отозвал десятерых оставшихся в живых ящериц подальше в лес, где они могли спокойно обсудить план действий.

Ромска оставила шесть вахтенных матросов на борту корабля, но и при этом ее пираты втрое превосходили надзирателей по численности. Они тоже отошли в глубь леса и уселись вокруг небольшого костерка, который разжег кок Рубби, чтобы подкрепиться съедобными корешками и корнеплодами.

Рубби протянул Ромске испеченный на острие палаша клубень сладкой картошки. Та, откинувшись на ствол поваленного дерева, принялась жевать, задумчиво глядя в небо. Покусывая травинку, к ней подошел боцман.

— Эй, капитан, что будем делать? — спросил он.

Ромска выплюнула плохо пропеченный кусок картошки и спросила:

— Делать? Нет, приятель, делать я ничего не собираюсь. Чешуйчатая морда отвечает за сухопутную часть операции. Вот пускай теперь у него голова болит о том, что и как нужно делать.

Боцман услышал какой-то шорох в кустах, обернулся и сказал:

— Похоже, сюда идет сам генерал. Сдается мне, он намерен с тобой поговорить.

Генерал надзирателей взглядом приказал боцману отойти, а сам сел рядом с Ромской. Помолчав, он сквозь зубы произнес:

— Мож-жет быть, ты была права, друж-жищ-ще.

Отшвырнув недоеденную картофелину в сторону, Ромска вскочила и поспешила спросить:

— «Дружище»? Я не ослышалась? Мне кажется, в твоем голосе что-то изменилось. Ладно, выкладывай, какой у тебя план.

Аббат Дьюррал и мышь-полевка Фиалка сидели на берегу ручья. Поев булочек с сыром и запив их сидром, теперь они просто отдыхали. Настоятель снял сандалии и опустил задние лапы в прохладную воду. Довольно вздохнув, он сказал:

— Какое наслаждение! Что может быть лучше для усталых ног, чем прохладная проточная вода. Фиалка, рекомендую, попробуй.

Полевка с сомнением поглядела на бурлящую воду.

— Честно говоря, я не люблю ходить с мокрыми ногами, — осторожно возразила она, — а полотенец, чтобы их вытереть, у нас с собой нет.

И все-таки аккуратно отставив сандалии, полевка опустила задние лапы в воду. Она вздрогнула, а затем даже взвизгнула:

— Ой-ой-ой! Холодно — аж колется! Но, честно говоря, вы, как всегда, правы, лапки действительно отдыхают. Пойду немножко прогуляюсь босиком вдоль самого берега.

Луссак и Фрадл — двое надзирателей из отряда Ласка Фрилдора — безуспешно пытались поймать сетью хоть какую-то птицу. Обнаружив неподалеку ручей, обе ящерицы пошли вверх по течению в поисках какой-нибудь заводи, где могла бы оказаться рыба. Неожиданно Фрадл вскинул лапу и прошептал:

— Тих-хо. Я слыш-шал чьи-то голос-са.

Пригнувшись, ящерицы двинулись вперед. Вскоре из-за стены осоки и камыша они разглядели одетых в зеле-

ные плащи старую мышь и молодую полевку, весело плескавшихся в прохладной проточной воде. Лусак облизнулся и сглотнул слюну.

— Еда, — прошипел он. — Наконец-то.

Но стоило ему приготовиться к броску, как Фрадл просто повис у него на лапе и торопливо прошептал:

— Нет, это будут пленники для генерала Лас-ска.

Фиалка и настоятель сидели на берегу, вытирая задние лапы о нагретую солнцем траву.

— Ах, как вы были правы, уважаемый настоятель, — щебетала Фиалка. — Как здорово! Очень хорошо, что вы настояли, чтобы я... Ай!

Большой кусок крепкой рыболовной сети накрыл их обоих. Несчастных зверюшек потащили прочь от ручья в густой кустарник. Дрожа от страха и не понимая, что происходит, старая мышь и молоденькая полевка вдруг оказались перед двумя зловонными пастями огромных ящериц, которые не могли им привидеться даже в самом страшном кошмаре.

— Молч-чать! — скомандовали ящерицы. — Вес-сти с-себя тих-хо, или мы вас-с убьем!

15

После обеда на кухне было тихо. Только в одном углу работали повара, им помогали дежурные. Усевшись на мешки с зерном, Мартин и Ролло подробно расспрашивали Пижму.

— Попытайся, пожалуйста, вспомнить что-нибудь еще из своего сна, — попросил летописец.

— Я бы с радостью, Ролло. Я попытаюсь. Помню, что видела Мартина Воителя из древних времен. Он все говорил, говорил что-то, но я запомнила не все. Самым важным, как я поняла, было пожелание искать и не сдаваться. Потом он еще говорил о дружбе и верности...

Да, и еще он упомянул, что в один прекрасный день «Слезы» придется вернуть их истинному владельцу. Простите, но как-то больше ничего не могу вспомнить. До чего же я злюсь на себя за то, что не могу припомнить слово в слово все, что он мне сказал.

Мартин понимающе кивнул:

— Не волнуйся, Пижма. Когда дух Мартина Воителя захочет, нам все станет абсолютно ясно и понятно. Сейчас самое главное для нас — это разгадать нашу загадку. Давайте прочитаем стихотворение еще раз.

Пижма развернула потертый пергамент.

— Мне кажется, что самое важное скрыто вот в этих четырех строчках, — сказала она. — Вот послушайте:

Ступай, найди подарок.
А та слеза, одна,
Не спрятана далёко,
И всем она видна.

Вооружившись очками, Ролло еще раз перечитал про себя таинственное стихотворение.

— Нет сомнений в том, что оно адресовано брату Хиггли, — заявил он. — А не спросить ли нам его, что он думает по этому поводу?

В этот момент брат Хиггли и Кротоначальник появились на пороге винного погреба, откуда они выкатили солидный бочонок ежевичного вина.

Предводитель кротов разогнулся и зафыркал:

— Хур-хур-р, Хиггли! Тепер-рь пер-ретащим бочонок в тот угол.

В это время со стороны зерновой кладовой послышался голос Ролло:

— Уважаемый брат Хиггли, не уделите ли нам минутку?

Оставив Кротоначальника одного перекатывать бочонок, брат Хиггли подошел к друзьям. Физиономия его расплылась в добродушной улыбке.

— Вовремя вы, ребята, — рассмеялся он. — Как я ловко избежал лишней работы! Пускай крот бочки таскает. Ладно, говорите, чем могу быть вам полезен?

Командор выдр поднялся на стену, где ему тотчас же доложили дежурные:

— Ни одной чайки в округе не видно. Все чисто.

Командор только покачал головой:

— Смотрите внимательнее. Пару дней еще подежурим. Может быть, чайки просто наблюдают за нами издалека.

Уловив краем глаза какое-то движение на опушке леса, он опустил глаза и увидел выходившую на поляну хорьчиху. Весь ее внешний вид — латунные серьги, татуированные лапы, потертая морская одежда — говорил о том, что она принадлежит к племени морских пиратов.

Хорьчиха приветливо помахала лапой выдре:

— Эй, ты, вислохвостый! Что это за местечко? Случайно не Рэдволл?

Шкипер сразу же насторожился:

— А если и так, хитроносая? Тебе-то какое дело?

— Да так, просто интересно. Ты не обижайся.

Шкипер фыркнул, оскорбленный бестактностью хорьчихи:

— Ну ты даешь! Чтобы я обиделся из-за того, что какой-то пират назвал меня вислохвостым? Да если бы я сейчас был внизу, я бы этим хвостом тебе так врезал, не хуже любого весла получилось бы!

На делано добродушной физиономии Ромски промелькнуло злобное выражение.

— Ну ты, толстяк отъевшийся! Хорошо тебе говорить оттуда, сверху. А спуститься боишься, пес речной?

Командор погрозил ей кулаком:

— Знаешь, пират, много детей было у моей матери, но, честное слово, дураков среди моих братьев и сестер не водилось. Признавайся, где твоя сабля, где кинжал? Спрятаны в травке где-нибудь поблизости? А еще на шаг даль-

ше дюжина-другая твоих приятелей? Так что выкладывай все, что хотела сказать, и проваливай отсюда.

Тут на стену поднялась ежиха Тизель с полной корзиной еды для дежурных.

— Добрый день, уважаемый командор. Я тут принесла кое-что перекусить для вас и ваших друзей. Ой, а кто это там, внизу?

Командор ткнулся носом в корзину и, довольный, улыбнулся:

— Не беспокойся, я сам закончу беседу с этой невоспитанной зверюгой. А вот за еду спасибо.

Прищурившись, Командор вытащил пращу и раскрутил ее над головой.

— Я тебе еще раз говорю, пират: выкладывай, зачем пришла, если не хочешь получить камнем в лоб.

Ромска поспешила ответить:

— Я хочу знать, где Седоглуп. Я хочу поговорить с ним.

— Никакого Седоглупа здесь нет и не было.

— Да что ты говоришь? Как бы не так! Либо веди его сюда, либо просто верни то, что он у нас украл.

Командор, как и все выдры, не был постоянным обитателем аббатства. Бóльшую часть времени он проводил в Стране Цветущих Мхов, на речках, ручьях и озерах. Он и понятия не имел, о чем говорит Ромска. И следует заметить, что Командор был не из тех зверей, которые любят долгие пустые разговоры.

Вж-жик! Пущенный из пращи камень вонзился в сосновый ствол прямо над правым ухом пирата.

— Последнее предупреждение! — объявил шкипер. — Следующий камень пробьет тебе башку. Так что лучше проваливай.

Ромска поспешила скрыться за деревом, крикнув напоследок:

— Мы знаем, что у вас и Седоглуп, и жемчужины! Отдавайте по-хорошему!

Тут из-за зубца стены высунулась ежиха Тизель и, чтобы как-то утихомирить пирата, объяснила:

— Седоглуп ушел от нас несколько сезонов назад. Его останки нашли недавно, всего пару дней назад, в скалах к востоку отсюда. Он давно умер, так что идите отсюда с миром.

— Проверим, проверим! — взвыла Ромска. — В любом случае завтра утром я вернусь сюда.

Когда Ромска окончательно скрылась из виду, Командор заметил:

— Не стоило бы говорить ей ничего. А сейчас я попросил бы тебя разыскать Мартина и рассказать ему обо всем, что здесь произошло.

Тем временем на кухне брату Хиггли показали кусок пергамента. Он прочитал стихотворение, выслушал первые объяснения и пожал плечами:

— Увы! По поводу подарка ничего не знаю. Старая Фермальда постоянно улыбалась мне, но чтобы она мне что-нибудь дарила — не припомню. Рад был бы помочь вам, но боюсь, не получится. Слеза, которая всем видна... Чушь, болтовня какая-то. Вы уж извините, но мне пора ужин готовить. Желаю удачи, расшифровщики.

Тут на пороге появились Хват и Сноп. Горный заяц обвел кухню голодным взглядом.

— Привет! — бросил он. — У вас тут случайно не полдник? Умираю от голода. Кстати, вы, наверное, тоже ищете, чего пожевать? Угадал?

Ролло спокойно обошел вокруг Хвата и стал осматривать полки за его спиной.

— Не угадал, ненасытный обжора. Знаешь, что мы ищем? Слезу, которая всем видна.

Моргая и переминаясь с ноги на ногу, Сноп сказал:

— Позволю себе заметить, если в самое ближайшее время моему другу Хвату не удастся найти чего-нибудь съедобного, вы увидите не одну слезу, а, боюсь,

целый водопад слез, низвергающийся из глаз голодного зайца.

Пижма, нервно теребя передник, пробормотала:

— Ерунда какая-то. Как можно спрятать что-то и в то же время выставить на всеобщее обозрение? Никакого смысла не вижу.

Оторвавшись от какой-то стряпни, брат Хиггли шутливо поддержал ее:

— И не говори, Пижма. Самое трудное — это искать то, не знаю что, и особенно если неизвестно зачем.

Но зато Хват, который прекрасно знал, что он ищет, уже обнаружил первую находку. Голодному зайцу удалось высмотреть на дальней полке коробку с засахаренными орехами. Он бочком проскользнул вдоль стены кухни и попытался стащить горсть сластей. К сожалению, между ним и полкой оставалось препятствие. Это был большой резной деревянный подсвечник для одной свечи. Эту свечу зажигали один раз в четыре сезона в день первого Весеннего Пира, и воск, капавший с нее в течение многих лет, почти полностью скрыл под собой основание подсвечника. Хват стал спиной к подсвечнику и с отсутствующим выражением на физиономии изображал из себя ничего не делающего зайца. Тем временем, действуя обеими лапами за спиной, он пытался открыть коробку и выцарапать из нее орешки. Пижма и ее друзья, занятые поисками, ничего не заметили, но брат Хиггли, услышав странное шуршание, насторожился. Посмотрев прямо в глаза Хвату, он осведомился:

— А что это ты там делаешь?

Не прекращая попыток открыть коробку, Заяц улыбнулся и переспросил:

— Кто — я? А, да ничего, старина, все нормально. Так вот встал в углу подумать о том, о сем. А что такого?

Хиггли Стамп направился к нему, угрожающе занеся над головой поварешку.

— А мне почему-то кажется, что ты, обжора, решил тут кое-чем поживиться. А ну-ка прочь из кухни!

Здесь я хозяин. Полдник будет тогда, когда я его приготовлю.

Сграбастав Хвата за шиворот, он потащил его к дверям.

— Давай-давай! Пошел отсюда!

Но именно в этот момент обе лапы Хвата вцепились в коробку, и разжать их было уже выше его сил. Хиггли еще сильнее потянул зайца в сторону двери, тот сделал шаг, и подсвечник, оказавшийся в кольце его лап, свалился на пол рядом с ежом и зайцем. Засахаренные орехи из сломавшейся коробки рассыпались по всей кухне.

Мартин и Хиггли помогли Хвату встать, и тут еж дал волю чувствам:

— Ну посмотри, что ты наделал, мерзавец! И из-за чего? Из-за горсти сладких орехов! Посмотри-ка: Большая Летняя Свеча сломалась пополам. Тебе это даром не пройдет, обжора десятибрюхий!

Ролло, Пижма и Сноп опустились на пол и стали собирать орехи. Пижма не смогла скрыть улыбки, наблюдая за старым летописцем.

— Ролло, какой позор! — сказала она. — Собранные орехи надо складывать в коробку, а не есть их. Подумать только, почтенная мышь таскает сладкие орехи, как какой-нибудь малыш. Да вы, оказывается, больший хулиган, чем Хват... Минуточку, а это что такое?

Совершенно случайно Пижма наступила на большой кусок воска, отломившийся от подсвечника при падении. Когда этот кусок хрустнул под ее лапой, из него вывалился и покатился по полу довольно большой розовый шарик. Внимательно посмотрев на него, Мартин восхищенно прошептал:

— Жемчужина! Великолепная розовая жемчужина!

— Вот, значит, как. — Ролло почесал в затылке. — Спрятана и в то же время у всех на виду. Фермальда засунула жемчужину в растаявший воск. Вот и получилось, что все смотрят и никто не видит. Умно придумала старая белка.

Летописец сел прямо на пол, наблюдая за тем, как Пижма зачем-то ломает все более или менее крупные куски воска, упавшие с подсвечника Большой Летней Свечи.

— Слезы... «Слезы Всех Океанов»! Значит, мы ищем жемчужины, — бормотал Ролло. — Как же я раньше не догадался! Самая большая драгоценность, которую дает море. Впрочем, никогда раньше я не слышал, чтобы их сравнивали со слезами. Очень поэтичное сравнение. Эй, Пижма, зачем ты развела весь этот беспорядок, раскидала воск по полу? К чему все это?

В ответ ежиха протянула ему на ладони комочек испачканного воском пергамента примерно того же размера, что и найденная жемчужина.

— Вот, нашла. Уверена, что это ключ ко второй жемчужине.

Хват, всячески пытавшийся изобразить, что он вовсе не жует три больших сладких ореха, не смог удержаться от хвалебной речи в свой собственный адрес:

— М-мм-ммм... Я так и знал, что без меня вы не обойдетесь. Орлиный взгляд и мой недюжинный ум помогли вам найти жемчужину. Ладно, можете не благодарить. Отыскать иголку в стоге сена для нас, зайцев, плевое дело. Ой!

Последнее восклицание было вызвано тем, что тяжелая поварешка брата Хиггли с изрядной силой припечатала Хвата чуть пониже хвоста. Под общий смех заяц пулей вылетел из кухни, успев прокричать:

— Черная неблагодарность! И не стыдно же вам избивать верного, голодного, бескорыстного помощника!

16

Среди пиратов, наводнивших холмы Сампетры, был единственный лис — **Расконса.** Раньше он был боцманом у капитана Старого Рубаки на корабле «Кровавый Киль». Расконса был смел, хитер и тщеславен. После мятежа капитанов он довольно быстро занял место предводителя оставшихся на острове матросов. Лис прославился особым умением орудовать кинжалами в ближнем бою. При нем всегда было не менее десятка клинков, которые Расконса пускал в ход по малейшему поводу. Никто из матросов-бунтарей не стал оспаривать его право на лидерство. Сейчас лис не отдыхал, как остальные пираты, а внимательно смотрел на расстилавшееся перед ним море.

К маленькой бухте у подножия холма довольно быстро приближался «Флибустьер» с остальными капитанами на борту под командованием Барранки. Мятежники не знали, что Сагитар с экипажем из крыс-стражников преследовала их на «Кровавом Киле». Барранка пошел к тихой гавани открытым морем, а Сагитар выбрала маршрут вдоль берега. По всей видимости, ей удалось разгадать замысел мятежников, и сейчас «Кровавый Киль» лег в дрейф за ближайшими к бухточке скалами. Как только Барранка заведет свое судно в бухту, Сагитар перекроет выход из нее, и «Флибустьер» вместе со всеми мятежными капитанами окажется в ловушке.

Расконса не зря слыл сообразительным зверем. План созрел у него практически мгновенно. Для начала лис с напускным безразличием отошел на достаточное расстояние от своих беспечных товарищей, а затем стремглав помчался вниз по склону холма навстречу «Флибустьеру», уже бросавшему якорь в крохотной бухточке.

— Капитан, это я, Расконса! — закричал лис с берега. — Там, за скалами, вас подкарауливает корабль с экипажем из крысиной стражи. Они вот-вот перекроют вам выход.

Барранка оглядел узкую бухту и понял, что развернуть тяжелый «Флибустьер» ему уже не удастся. Путь в открытое море был отрезан.

— Придется принимать бой здесь, — решил Барранка. — Где наши экипажи, недалеко? Давай, дружище, бегом за матросами. Боюсь, без них нам долго не выстоять.

Физиономия Расконсы выражала лишь честность, преданность и готовность пожертвовать собой ради командира.

— Я мигом, капитан! — отчеканил он, отдавая честь. — Я сбегаю за нашими, а вы уж продержитесь здесь совсем недолго.

Барранка в ответ козырнул, и Расконса бросился вверх по склону холма.

— Вот оно — настоящее морское братство,— сказал сам себе капитан Барранка. — Ничего, продержимся. А уж вместе мы дадим жару этим крысам!

Расконса бодро бежал в гору до тех пор, пока не стало ясно, что с корабля его уже никто не увидит. Тогда он замедлил шаг, а затем, найдя удобное для отдыха местечко, и вовсе остановился, чтобы передохнуть. При этом лис внимательно слушал, что же творится на берегу, и выжидал. Когда понял, что пора, он поднялся на вершину холма и уже оттуда бегом сбежал в долину, где отдыхали его друзья-пираты.

— Подъем, братцы! — Крик Расконсы разорвал благостную тишину над лагерем корсаров.— Там сейчас...— задыхаясь, словно от усталости, продолжал говорить лис,— наших капитанов... перережут! Там крысиная стража, целый отряд. За мной, ребята!

Расконса первым бросился вниз, на ходу объясняя ситуацию и отдавая приказания:

— Боюсь, спасти всех капитанов уже не удастся, слишком поздно. У меня есть план: разделимся на три группы. Балтур, бери своих, обходи бухту слева и попытайся взять «Кровавый Киль» штурмом с кормы. Ганчо, забери примерно треть матросов, вы будете штурмовать корабль с правого борта и с носа. Остальные — за мной! Ударим по центру, по основным силам крысиной стражи. Они нам дорого заплатят за смерть наших капитанов!

Одобрительные крики матросов были ему ответом.

Сагитар даже не предполагала, что убить шестерых капитанов и взять одного в плен будет таким трудным и кровавым делом. Как только ее судно перекрыло выход из бухты, она приказала стражникам прыгать за борт и где вплавь, где по грудь в воде добираться до «Флибустьера». Выполняя приказ, отряд Сагитар понес немалые потери. Опытные капитаны грамотно распределили силы, заняв глухую оборону. Вооруженные пиками и абордажными крючьями, они долгое время сбрасывали в воду

всякого, чья голова показывалась над бортом «Флибустьера». Но силы были неравны, и в итоге сторожевые крысы заполнили палубу мятежного корабля. Поняв, что судно им уже не удержать, капитаны отступили на берег, где продолжили отчаянно рубить наседавших крыс. Они с надеждой поглядывали на вершину холма, откуда должна была появиться подмога. Но, видимо, судьба уже отвернулась от них. Первым от удара крысиным трезубцем пал капитан Ураган. Вслед за ним погибли Собачья Смерть и Каменная Лапа. Стоя спина к спине, Старый Рубака, Кровавая Морда и Килехвост из последних сил отбивались от наседавших стражников. С огромным трудом к ним пробился Барранка, успевший между ударами прокричать:

— Куда провалился этот лис с остальными матросами?

Уцелевшим капитанам ничего не оставалось, как развернуться и попытаться убежать от стражников. Но не успели они сделать и нескольких шагов, как Килехвост и Кровавая Морда рухнули, пронзенные трезубцами. Смертельно раненный Старый Рубака, покачиваясь, карабкался по склону холма под прикрытием Барранки. Вскоре Старый Рубака упал на бок и прохрипел Барранке:

— Уходи вверх, я на пару секунд задержу их.

Барранка не стал бы бросать раненого друга, но из окружения крыс уходить было уже некуда. Умирая, израненный горностай прохрипел:

— Да что ж случилось? Где же этот лис?

Навалившиеся на единственного оставшегося в живых капитана крысы скрутили его и заломили его лапы за спину.

— Ну что, корсар? — ухмыляясь, шагнула ему навстречу Сагитар. — Я же говорила, что мы еще встретимся и потолкуем. Видишь, я не ошиблась. И как ты себя теперь чувствуешь?

Барранка хрипло рассмеялся ей в лицо:

— Трусливая крыса! Попадись ты мне, когда у меня были силы и клинок в лапах! А то, я вижу, ты любишь предводительствовать отрядом, оставаясь в тылу.

Сагитар решила не продолжать бессмысленный спор. Она обернулась к своим крысам и приказала:

— Затопить пиратскую посудину прямо в бухте. Всем остальным собраться на борту «Кровавого Киля» и приготовить корабль к отплытию.

Не успели стражники открыть кингстоны «Флибустьера», как над бухтой разнесся боевой клич пиратов. Передовой отряд уже взял на абордаж «Кровавый Киль», и Сагитар чуть не упала в обморок, увидев Балтура и Ганчо во главе огромной толпы матросов, наводнивших палубу ее корабля.

— Давай руби их! — выли пираты. — Накормим рыб до отвала!

— Пленных не брать! Смерть крысам!

Стоя на берегу во главе десятка стражников — своей личной охраны и конвоиров пленного Барранки, — Сагитар еще пыталась сохранять спокойствие и продумывала план дальнейших действий. Но, когда за ее спиной раздались крики матросов и приближавшегося третьего отряда, мужество окончательно покинуло ее. Приказав своим стражникам вступить в неравную схватку, она незаметно покинула поле боя и скрылась в густой траве на склоне холма, направляясь на юг вдоль береговой линии острова.

Барранка победно взвыл и, освободившись от перепуганных конвоиров, бросился навстречу Расконсе.

— Молодец! — крикнул он боцману. — А я уж думал, ты совсем не успеешь.

Пока пираты добивали охрану Сагитар, лис крепко обнял Барранку.

— Ну все, все, капитан, теперь все неприятности и страхи позади, — сказал Расконса. С этими словами он наповал сразил Барранку кинжалом. Затем, отбросив окро-

вавленный клинок подальше, он закричал: — Они убили капитана! Эти негодяи зарезали Барранку! Добивай их, ребята! Я доберусь до этой Сагитар, даже если это будет стоить мне жизни!

И, размахивая кинжалами, лис кинулся в погоню за командиром крысиной стражи.

Лис преследовал Сагитар по пятам, и расстояние между ними неуклонно сокращалось. Задыхаясь и спотыкаясь, крыса добралась до вершины очередного холма, с которого уже был виден купол дворца Ублаза — ее спасение.

Оступившись в очередной раз, Сагитар упала и покатилась вниз по склону. Перекувырнувшись через голову несколько раз, она плюхнулась в неглубокий ручей, сильно ударившись при этом о каменистое дно. Силы оставили ее. Оружие было брошено еще раньше, чтобы не мешало. Лис почти неторопливо подошел к ней, и сталь кинжала царапнула горло сторожевой крысы.

— Ну что, красотка? Что мы с тобой будем делать? — ухмыляясь, спросил Расконса.

Сагитар, потеряв остатки мужества, взвыла:

— Умоляю, пощади меня!

Расконса как следует пнул ее для острастки и сказал:

— Хорошо воешь, крыса! С каким удовольствием я бы распорол тебе брюхо, но тебе повезло, у меня насчет тебя другие планы. Слушай хорошенько.

Еще не веря своему счастью, Сагитар лежала брюхом кверху, стараясь не пропустить ни слова из того, что говорил ей хитрый, безжалостный лис.

На следующий день, около полудня, Ублаз сидел возле большого штабеля строевого леса и презрительно смотрел на скорчившуюся в пыли у его ног Сагитар. Та, не смея поднять глаз на императора, слово за слово пересказывала ему предложения лиса.

— Ваше Величество, этого лиса зовут Расконса. По его словам, это он убил Барранку и теперь командует всеми мятежными матросами. Сейчас пираты направляются в нашу гавань на борту «Кровавого Киля». Он хочет встретиться с вами завтра утром на холме над северной оконечностью гавани. Можно взять вооруженную охрану. Еще он просил передать, что хочет обсудить условия мира.

Задумчиво отламывая кинжалом щепку за щепкой от соснового бревна, Ублаз переспросил:

— Расконса, говоришь? Похоже, с этим лисом можно иметь дело, по крайней мере вести переговоры. Возьми полсотни лучших из оставшихся в живых стражников и взвод надзирателей для охраны. Да, кстати, Сагитар, надеюсь, ты догадываешься, какая участь тебя ждет, если ты еще хоть раз подведешь меня?

Избегая взгляда Безумного Глаза, Сагитар, дрожа, прошептала:

— Ваше Всемогущество, я никогда больше не подведу вас.

Ублаз криво усмехнулся и сказал скользким, как растекающееся по льду масло, голосом:

— Ох, не хотел бы я оказаться на твоем месте, случись такое еще раз.

17

Лог-а-Лог осмотрел шлюпку Грат.

— Я смотрю, твоя посудина в некоторых местах дала течь, — объявил он. — Сейчас я прикажу кое-кому из своих ребят помочь тебе с ремонтом.

Шестеро землероек Гуосим поднатужились, чтобы сдвинуть с места лодку и перевернуть ее. Дело продвигалось не слишком-то успешно. Грат Длинная Стрела улыбнулась и сказала:

— Ребята, поберегите свои силы для другой, более тонкой работы. С этим я и сама управлюсь.

Аккуратно отложив в сторону сложенный парус, сняв мачту, Грат подкопалась двумя лапами под киль шлюпки и, найдя удачную точ-

ку опоры, одним махом перевернула лодку. Коготок восхищенно вздохнул:

— Вот это я понимаю, сильный зверь!

Землеройки живо принялись за работу. Пока одни из них латали дыры в днище и в бортах шлюпки, другие чинили и штопали парус. Ремонт действительно шел быстро и споро. Наконец Грат снова перевернула лодку днищем вниз и сказала:

— Лог-а-Лог, я благодарю тебя и все племя землероек Гуосим за гостеприимство, оказанное мне. Теперь я знаю, что у меня есть целое племя друзей. Я вас никогда не забуду.

Предводитель землероек небрежно отшвырнул ногой камушек и, глядя куда-то в сторону, сказал:

— Да брось ты! В конце концов, какой толк от друзей, если они время от времени не помогают друг другу. Тебе предстоит долгий путь, и давай мы сделаем тебе последний маленький подарочек. Ребята, грузите еду для нашей новой подруги!

Два изрядных мешка с едой и пара фляг с пресной водой были засунуты под кормовое сиденье шлюпки. С помощью целой компании землероек Грат быстро вытолкала шлюпку обратно к воде, и вскоре та уже качалась на волнах. Посмотрев на своих друзей, Грат тихонько всхлипнула и почему-то потерла глаза лапой.

К Грат подошел Лог-а-Лог и, с трудом дотянувшись, похлопал ее по плечу:

— Ну вот, что еще за слезы! Не вижу повода для хныканья. Давай, подруга, поднимай парус — и вперед! Удачи тебе на море и на земле.

Грат налегла на руль, подтянула парус, и шлюпка стала резво удаляться из бухточки.

День клонился к вечеру. В укромной ложбинке в Стране Цветущих Мхов горел костер. Сидевший у костра генерал Ласк Фрилдор грел лапы, наблюдая за тем, как

десять его надзирателей кружат вокруг дерева, к которому накрепко привязаны две жалкие фигурки. Ящерицы жадно облизывались, их голодные глаза впивались как в старую мышь, так и в молоденькую полевку.

Аббат Дьюррал почувствовал прикосновение чешуйчатой лапы к своей ноге и задрожал от страха и омерзения. Фиалка в ужасе прижалась к нему, насколько это позволяли связывавшие их веревки. Аббат ободряюще сказал ей:

— Не бойся, малышка. Ничего они нам не сделают. Подумай сама: если б они хотели убить нас или съесть, они бы давно так и поступили. Будем держаться спокойно и с достоинством. Пусть они поймут, что обитатели Рэдволла — храбрые звери.

Один из надзирателей вплотную приблизил свою морду к мордочке Фиалки. Почувствовав на себе зловонное дыхание из пасти ящерицы, полевка в страхе заверещала.

Генерал Фрилдор не зря славился своим проворством и силой. Отскочив от костра, он одним ударом огромного хвоста отшвырнул далеко в кусты нарушившего приказ надзирателя. Повернувшись к остальным, Ласк Фрилдор грозно повторил распоряжение:

— Ес-сть птиц-ц, ес-сть рыб. Убью того, кто тронет этих-х.

Аббат Дьюррал попытался завести с генералом спокойный, рассудительный разговор:

— Хотелось бы узнать, кто вы такой, уважаемый господин. И скажите, зачем вы связали нас, как каких-нибудь разбойников? Мы мирные звери и...

Генерал надзирателей презрительно обернулся к нему и прошипел:

— Заткнис-сь, глупая мыш-шь.

Собрав в комочек всю свою храбрость, Фиалка пропищала:

— Не смейте так обращаться к нему! Это настоятель аббатства Рэдволл, чтоб вы знали!

Легкая улыбка коснулась губ генерала надзирателей.

— Хорош-шо, хорош-шо. Это оч-чень полез-зная информац-ция.

Подождав, пока генерал отойдет на пару шагов, аббат Дьюррал сокрушенно вздохнул:

— Зря ты ему рассказала это, Фиалка. Теперь и мы, и все аббатство будем еще в большей опасности.

Поняв, какую глупость она совершила, Фиалка совсем упала духом и заревела. Дьюррал пожалел о своих словах и постарался утешить мышку:

— Ну, малышка, не надо, успокойся. Ты еще совсем молодая и понятия не имеешь о том, как следует вести себя в подобных ситуациях. Ну перестань плакать.

Вскоре в лощине появилась Ромска во главе отряда матросов-пиратов. Увидев пленников, она обрадовалась и спросила:

— Ну-ну, и кто это у нас тут?

Ласк не стал отвечать на ее вопрос. Не отворачиваясь от костра, он сказал:

— Что-то долго тебя не было, пират. Какие новос-сти?

Ромска подсела к костру, достала саблю, нанизала на ее кончик валявшееся на земле яблоко и стала печь его на огне.

— Кое-какие новости есть, — сказала она. — Я узнала, что Седоглуп давно умер. Мои ребята прочесали скалы к востоку отсюда и нашли его кости.

— Что ещ-ще ты уз-знала?

— Ничего. Больше ничего. Ни жемчужин, ни каких-либо их следов рядом с ним не оказалось. Только кости старика Седоглупа и истлевшие лохмотья его одежды.

— Ты говорила с ж-жителями аббатс-ства Рэдволл?

— А как же. Именно они подсказали мне, где искать останки Седоглупа. Но помяни мои слова, Ласк: эти ребята в Рэдволле не такие простаки, какими кажутся на первый взгляд. И если эти жемчужины вообще-то где-то есть, то я уверена в том, что спрятаны они именно за

кирпичными стенами этого аббатства. Всё, старина. Теперь я готова выслушать тебя. Не забывай: за наземную часть операции отвечаешь ты.

Генерал надзирателей даже не пытался скрыть торжествующей улыбки:

— У меня ес-сть два пленника. С-старая мыш-шь — это отец-нас-стоятель аббатс-ства Рэдволл.

Откусив кусочек подрумянившегося на костре яблока, Ромска усмехнулась:

— Ну и везучая же ты гадина! Не прими это как оскорбление. Но учти, Ласк: если эти рэдволльцы обнаружат, что их настоятель у тебя, они организуют поиски и разнесут окрестные леса ко всем чертям. Я серьезно говорю. У них на стенах дежурят здоровенные выдры, и, похоже, драки они совсем не боятся. А Конва видел здесь на стене громадного барсучину. Так что, сдается мне, взяв настоятеля в заложники, ты откусил кусок больше, чем можешь проглотить.

Ласк Фрилдор выслушал предупреждение и криво усмехнулся в ответ:

— Я с-служ-жу моему императору и буду делать то, что долж-жен. С-сейчас-с мы раз-зделим наш-ши с-силы. Половина отконвоирует пленников на корабль, другие ос-станутся здес-сь под моей командой.

— Отлично придумано,— не стала спорить Ромска, которой не терпелось как можно скорее оказаться подальше от ненавистного генерала.— Я со своими ребятами доставлю заложников на корабль, а тем временем...

Ласк вцепился Ромске в лапу с такой силой, что та взвизгнула.

— Воз-зьмеш-шь половину с-своих матрос-сов и пятерых моих надз-зирателей, чтобы обойтис-сь без с-сюрприз-зов. А с-со мной ос-станутся пятеро моих и вторая половина твоих.

Хорьчиха с трудом вырвалась из цепких лап ящерицы и вскочила.

— Согласна. Так тому и быть. Признаемся друг другу, что ты не доверяешь мне, а я не доверяю тебе. А теперь, господин главнокомандующий, с вашего позволения я откланяюсь. Или у вас есть для меня еще какие-нибудь приказания?

Недобро ухмыльнувшись, Ласк вытащил из кармана плаща изящный костяной свисток и свистнул.

— Да, мне ес-сть ч-что с-сказ-зать тебе, — сообщил он. — Пока тебя не было, у нас были гос-сти. И они проводят тебя до корабля. Присмотрят на вс-сякий с-случай.

Черноспинная чайка Грал и два оставшихся в живых ее товарища закружили над деревьями и над лагерем пиратов.

Как только ежиха Тизель рассказала Мартину о появлении у стен аббатства хорька-пирата, тот, насторожившись, немедленно поднялся на стену к выдрам. Командора встреча с пиратом, похоже, не слишком обеспокоила.

— Ну, пират и пират, — сказал он. — Конечно, не один он сюда пришел. Наверняка весь экипаж спрятался где-нибудь в окрестностях. Но скажи, что нам, рэдволльцам, команда какого-то пиратского судна? Дадим им такой урок, что они на долгие сезоны забудут дорогу в Рэдволл.

Мартин озабоченно обвел взглядом окрестный лес и сказал:

— Хорошо, если все так обойдется. Но меня вот что беспокоит. Пижма сказала, что настоятель Дьюррал вместе с полевкой Фиалкой гуляют в лесу. Честно говоря, им давно уже следовало вернуться.

Командору тоже это показалось странным.

— Ну и что ты предлагаешь делать, Мартин?

— Для начала соберем всех старших на военный совет.

Переходя лужайку, чтобы отыскать матушку Ауму и Кротоначальника, Мартин встретил Пижму и Ролло.

— Чем мы можем помочь?

Мышь-воин на секунду задумался, а затем сказал:

— Ищите остальные жемчужины. Возможно, очень скоро они нам пригодятся.

Пижма и Ролло присели на ступеньки лестницы, ведущей на стену, решив, что свежий воздух помогает думать. Ролло в четвертый раз перечитал стихотворение, написанное на вощеной бумаге. Судя по всему, оно было еще более загадочным, чем предыдущее творение Фермальды:

Слезу вторую, доложу,
Я в чаше радости держу.
Но эта чаша не любая,
А, без обиняков, такая,
Что первое ее — в беде,
Второе — в озере, а где
Ее четвертое, шестое —
Не важно (там же, где второе).
Третье — в четках, пятое — в нас,
Седьмое — в корзине отыщешь тотчас.
Она (тебе заданье на лето)
Зимой больших сугробов налита.

Пижма всплеснула лапами:

— Ох уж эта Фермальда! Вот бы мне хоть капельку ее поэтического дара. Сдается мне, что эта загадка еще посложнее, чем предыдущая.

Они молча сидели на ступеньках и думали изо всех сил, пока часы на башне аббатства не пробили четыре раза. Ролло, который к тому времени уже начинал дремать, очнулся и сказал:

— Пойдем, Пижма. Полдник нам с тобой не помешает.

День был такой теплый, что брат Тормаль и ежиха Тизель организовали полдник во дворе. Взяв по большой тарелке с едой, Ролло и Пижма сели под раскидистой яблоней рядом с мышкой Пинким и белочкой Краклин. Увидев через плечо Ролло исписанный кусочек бумаги, Пинким спросила:

— Господин Ролло, это слова новой песни?

Летописец сокрушенно развел лапами:

— Эх, если бы так, девочка! Увы, это загадка.

— Что, загадка? Как здорово! — хором воскликнули Пинким и Краклин.

Ролло посмотрел на них поверх очков.

— Вы что, хотите сказать, что вам нравятся загадки, ребусы и шарады? А разгадывать их вы умеете?

— Да мы просто мастерицы отгадывать загадки! — радостно закричали подружки.

— Ну что ж, может быть, вы и в самом деле поможете нам.

Пинким и Краклин дважды перечитали стихотворение Фермальды, а затем стали о чем-то щебетать и перешептываться между собой, заговорщицки подмигивая. Выждав некоторое время, Пижма строго спросила:

— Ну что, отгадали?

Мышка и белочка переглянулись и начали дразнить Пижму:

— Вроде бы отгадали, а может быть, и нет.

— Да нет, отгадали, да только не всё.

— То есть не всё, а самое важное.

— Да, и отгадка — это слово из семи букв.

Ролло, не в силах больше сдерживаться, сурово спросил:

— Во имя всех сезонов, можете вы сказать, что здесь загадано?

Даже не подозревавшие о важности своей отгадки Пинким и Краклин решили вволю повеселиться. В течение нескольких минут от них нельзя было добиться ни единого вразумительного слова. Они лишь щебетали, хихикали и подмигивали в ответ на все вопросы. Летописец Ролло уже не знал, что и делать, но тут Пижма пришла ему на помощь. Зачерпнув передними лапами две пригоршни крема, она скомандовала:

— Эй, вы, хохотушки, я считаю до трех, и вы быстренько говорите ответ, иначе придется вам смывать крем со своих мордочек. Раз... два...

Почувствовав, что шутки кончились, белочка и мышка взвизгнули:

— Это бочонок!

— Это бочонок!

Не убирая занесенных лап с кремом, Пижма поспешила развить успех наступления:

— А теперь быстро рассказывайте, как вы разгадали эту загадку и почему выбрали именно это слово.

Пинким и Краклин заговорили, перебивая друг друга:

— Ну, что в первых двух строчках, мы не поняли.

— А остальное проще пареной репы! Все дело в первых буквах. Это шарада!

— Вот смотрите. Первое — в беде. Значит, первая буква — буква Б. Второе, а также четвертое и шестое — в озере. Значит, вторая, четвертая и шестая буквы — буквы О. Третье — в четках. Значит, третья буква — буква Ч. Пятое — в нас. Значит, пятая буква — Н. И последнее, седьмое — в корзине. Получаем букву К. А все вместе — БОЧОНОК.

Пинким, хлопая в ладоши, проверещала:

— Как здорово! А можно, мы вам еще поможем?

Пижма, глядя на стихотворение и проверяя про себя данную ей отгадку, переспросила:

— Тогда скажите, где у нас в Радволле можно найти бочонок?

— Кто последним добежит до винного погреба, тот — хромая жаба! — проверещали подружки.

Ролло подтолкнул Пижму и сказал:

— Давай-давай, догоняй их. У тебя-то лапки помоложе моих будут. А уж хромой жабой, само собой, мне сегодня быть придется.

18

Семья Стамп издавна отвечала за винные погреба аббатства Рэдволл. В последние сезоны обязанности главного хранителя вин и наливок возложили на Фарло, брата Хиггли Стампа. Именно он и встретил вбежавших к нему в погреб трех юных любительниц загадок и пожилого летописца. Не обращая внимания на град вопросов, Фарло усадил Ролло и его спутниц на скамью и налил каждому по кружке легкого одуванчикового вина. Пенистый, светлый, чуть горьковатый напиток приятно освежил их. Затем, отставив в сторону кувшин с вином, хранитель погреба засунул лапы в карманы передника и осведомился:

— Ну что ж, а теперь, уважаемые гости, чем могу быть вам полезен?

Обтерев пену с усов, летописец развел лапами и сказал:

— Я понимаю, Фарло, что это прозвучит глупо, но мы ищем бочонок.

— Пока ничего глупого не вижу, — ответил Фарло. — Бочонков у меня полно. Какой именно вам нужен?

Пижма разложила на скамейке вощеную бумагу.

— Мы сами не знаем, какой нужен. А вы сами взгляните, что здесь написано, может, подскажете что-нибудь.

По всей видимости, Хиггли и Фарло не зря носили гордое имя Стампов-Пеньков. Прочитать стихотворение Фермальды для Фарло было непростым делом. Он так долго стоял над листом бумаги, изучая его вдоль и поперек, что у гостей лопнуло терпение. Почувствовав неладное, Фарло сказал:

— Ну и ну. Ничего не понимаю. Давайте сделаем так: вы пока прогуляйтесь, осмотритесь у меня в погребе, а я еще подумаю над этой белибердой.

Экскурсию по погребу вел летописец Ролло. В свое время, будучи еще молодым, он немало перетаскал винных бочек в погреб и обратно и поэтому знал каждый уголок в огромных кладовых.

— Сколько же здесь бочек? — воскликнула Краклин.

— Здесь не только бочки, — ответил Ролло. — Вон там, на каменных основаниях, стоят цистерны. В них хранится в основном вино из ревеня. А еще в приличном погребе бывают фляги, канистры, глиняные кувшины, амфоры и прочая посуда. В общем, каждый напиток хранят в особой посудине.

Махнув лапой в сторону стеллажа с амфорами и флягами, Пижма заметила:

— Ну, столько всего нам не надо, будем смотреть только бочки и бочонки. Я права?

Летописец пожал плечами:

— Как знать. Может быть, Фермальда особо и не разбиралась в том, как и что здесь хранится. Может, для нее любая емкость для вина — это бочонок. Так что придется поразмыслить над этим. Ну, и что скажешь? — Последний вопрос был адресован Фарло, который подошел к ним, почесывая в колючем затылке, явно неуверенный сам в себе.

— Я прошу прощения, Ролло, но вот я тут подумал над этим стихотворением, и знаете, что пришло мне в голову? Вот тут сказано про «зиму больших сугробов». Я помню, что когда был совсем маленьким, отец рассказывал мне о хранителе винного погреба по имени Амброзий Пика. Что именно он рассказывал, я не помню, но имя запомнилось хорошо.

Подняв лапу, Ролло перебил его:

— Амброзий Пика? Ну конечно, я тоже помню его с самого детства. Пинким и Краклин, сбегайте к воротам и попросите выдру Вальджера раскопать для меня тома летописи, составленные Тимом Церковной Мышью, и сразу бегите обратно.

Мышка и белочка бросились выполнять распоряжение летописца, и уже через несколько минут обе подружки вновь объявились в винном погребе. При этом каждая тащила в лапках по два увесистых тома.

Нацепив очки, Ролло стал страницу за страницей листать древние тома.

— Весна поздней травы... Нет, это, пожалуй, позже. Осень неуродившейся душицы... Тоже не то. Лето густой осоки... Нет, похоже, я слишком далеко забрался. Это было на одну зиму раньше. Да, вот, зима больших сугробов. Нашел!

Две подружки, заглядывая ему через плечо, поспешили спросить:

— Ну и что, что там написано? Расскажите!

Сделав добрый глоток одуванчикового вина, Ролло стал читать вслух:

— Амброзию Пике повезло: в этом году он успел собрать весь ревень, который был посажен вдоль западной стены, до того, как пошел первый снег. Снегу навалило как никогда много, и было решено назвать этот сезон зимой больших сугробов. На улице мороз и ветер, зима выдалась суровой, но обитатели аббатства не мерзнут и не голодают, а продолжают жить в свое удовольствие. Сегодня я помогал Амброзию в погребе. Он продолжает готовить свое великолепное ревеневое вино. Сначала он мелко режет заготовленный ревень, складывает его в бочки и держит под грузом. Мы процедили получившийся сок, смешали его с хорошим медом. Получилось вино прекрасного розового цвета. Амброзий не разрешил мне сделать ни глотка, сказав, что этот напиток должен выдерживаться в течение как минимум двух сезонов, по прошествии которых, по его утверждению, получится вино необыкновенного вкуса.

Сделав самую трудную часть работы вдвоем, я отправился вести летопись, а Амброзий стал закупоривать бочонок деревянной пробкой, аккуратно заколачивая ее мягким, деревянным же молоточком. Затем он взял кисточку и чернила и надписал очередной бочонок. Мне очень понравилось название, которое он дал этой порции вина: «Чаша радости».

Пижма тотчас же вспомнила и процитировала строчку из стихотворения Фермальды, где говорилось о какой-то чаше радости. Ролло энергично захлопнул том летописи, подняв при этом облачко пыли.

— Ну конечно, розовая жемчужина в розовом вине, а где же еще?

Фарло подвел гостей к стеллажу с бочонками ревеневого вина. Могучий еж легко переставлял бочки с места на место и одновременно, смешно шевеля губами, с трудом разбирал надписанные названия сортов вин. Кое-где он сбивался и был вынужден обратиться к Ролло за помощью в прочтении названий, написанных с ошибками.

Заметив улыбки на мордочках младших гостей, Фарло поспешил пробормотать в свое оправдание:

— Ну, мы, ежи Пеньки, не очень-то сильны в науках, зато в вине и в еде мы разбираемся неплохо.

Наконец Фарло добрался до бочонка, на крышке которого Пинким первой прочитала запылившуюся надпись:

— «Зно-ми-ни-тае ве-но Амбро-зия Пики „Ча-ща ра-даз-ти“».

Все по очереди перечитали эту странную надпись и задумались. Первой осенило Пижму.

— Чаща, чаща... Да конечно, это же и есть «Чаша радости».

Ролло уважительно похлопал по пыльной крышке бочонка:

— Понятно-понятно. Вот она, «Чаша радости», приготовленная Амброзием Пикой в «зиму больших сугробов».

Еж — хранитель погреба, не особо напрягаясь, перетащил бочонок на высокий стол, лихо пробил одним ударом молотка дырку в его крышке, ввернул в образовавшееся отверстие краник и положил бочонок на бок, чтобы перелить вино в другую посуду, не разлив при этом ни капли. Ролло подставил под струю кружку и сделал небольшой глоток.

— Восхитительно, но, боюсь, слишком крепко. Посмотрим, может быть, сгодится сестре Цецилии в качестве лекарства от простуды или лихорадки.

Пижма не смогла сдержаться и добавила:

— Наверняка будет лучше, чем ее знаменитая крапивная похлебка.

Опорожнив бочонок, Фарло поднял и потряс его. Внутри что-то перекатывалось. Краник из крышки выкрутили, и Пинким, у которой была самая тоненькая лапка, просунула ее внутрь бочонка. Затем она попросила подвинуть его чуть в сторону, наклонить к себе, и вдруг...

— Вот! Нашла! — закричала мышка.

Она извлекла из бочонка небольшую каменную рюмочку вроде тех, что используются для лекарств. Рюмочка была запечатана пчелиным воском. Фарло складным ножиком соскреб воск, и в его лапах оказалась великолепная розовая жемчужина.

— Вот это да! — вздохнул в восхищении хранитель винного погреба.— Вот это драгоценность! Никогда в жизни не видел такой красоты.

Пижму же больше заинтересовал листочек бумаги, аккуратно сложенный на дне рюмки. Ежиха положила бумажку на стол и стала бережно разворачивать свою находку.

Матушка Аума попыталась успокоить всех собравшихся у ворот.

— Пожалуйста, не волнуйтесь, — сказала она. — Пока ничего не случилось. В конце концов, еще не так поздно, и я знаю, что настоятель частенько задерживается в лесу до самого вечера.

— Но не каждый день вокруг аббатства ошиваются пираты, — возразил Мартин.

Барсучиха недовольно посмотрела на него.

— Ну и что, по твоему мнению, мы должны сделать? — спросила она.

Мышь-воин поглядел на темнеющее небо.

— Я полагаю, что стоит подождать до темноты, — сказал Мартин. — Если Фиалка и настоятель не вернутся к этому времени, мы будем знать, что случилось что-то неприятное. Тогда мы организуем вылазку и прочешем окрестности. В конце концов, мы знаем эти леса гораздо лучше, чем любые чужаки, и, кроме того, они не будут ждать нашего нападения.

Командор присоединился к предложению Мартина:

— Я согласен. Возьму часть своих ребят и пойду с тобой. Ого! А это еще что? — Последний вопрос Командор задал, услышав какие-то глухие удары.

Первым дал ответ хранитель ворот Вальджорх

— Кто-то ломится в наши главные ворота. И я уверен, что это не аббат Дьюррал, потому что он стучит деликатно и не более трех раз. Я предлагаю подняться на стену и посмотреть, что за невоспитанный зверь устроил такой грохот.

Мартин, Аума и Командор бегом поднялись на надвратную башню и глянули вниз с ее смотровой площадки. То, что они увидели, произвело впечатление даже на Командора, которого, казалось, уже ничем не удивишь.

— Гром и молния! — шепотом выругался Командор. — Что это, дурной сон или кошмарная явь?

Около ворот во главе с Ласком Фрилдором стояла изрядная гурьба пиратов — морских крыс и ящериц-надзирателей. Услышав шепот наверху, генерал поднял голову. Его плоские глаза уставились на стоявших на стене рэдволльцев, и, обрушив еще раз чешуйчатую лапу на ворота, он грозно потребовал:

— Открыть ворота! У меня к вам ес-сть пара с-слов!

Ответил ему Мартин, и в голосе мыши-воина не было страха:

— Здесь командир я, а не ты. Скажи, что тебе нужно, и не пытайся приказывать мне.

Огромная ящерица прочистила горло и официально представилась:

— Я — Лас-ск Фрилдор, генерал надз-зирателей, с-состоящ-щий на с-служ-жбе у великого императора Ублазза. Я з-здес-сь, чтобы з-забрать ш-шесть ж-жемчуж-жин, называемых-х «С-слезы Всех-х Океанов». Их-х украли у моего повелителя, и ты долж-жен вернуть их-х.

Наклонившись к уху Мартина, Аума негромко сказала:

— Не нравится мне это. Если бы у этого ящера не было какой-нибудь козырной карты в рукаве, он бы не стал вести себя так нагло.

Командор подтвердил опасения барсучихи:

— Похоже, она права, Мартин. Посмотрим, удастся ли нам переиграть его.

Не отрывая взгляда от незваных гостей, стоявших у ворот, Мартин прошептал друзьям:

— Видно, в этой игре нам придется блефовать. Шести жемчужин у нас все равно пока нет, и когда они появятся — я не знаю. Давайте попробуем узнать, что за козырь приберег этот нахальный чешуйчатоголовый.

Ласк Фрилдор тем временем нетерпеливо облизнулся.

— Я ж-жду ответа, мыш-шь.

Мартин с деланой беззаботностью перегнулся через край стены и по возможности весело поинтересовался:

— Предположим, что эти жемчужины у нас. Если мы их тебе отдадим, то что мы получим взамен?

— Мыш-шь-аббата и молодую полевку вдобавок. Ж-живыми.

Сердце Мартина екнуло, но он возразил с невозмутимостью:

— Ящерица, ты врешь. Чем докажешь, что они у тебя?

По сигналу генерала один из надзирателей размахнулся и швырнул на стену какой-то сверток с привязанным к нему для веса камнем. Сверток упал прямо посередине смотровой площадки. Аума взяла его и разорвала привязывавшие камень веревки. Худшие опасения Мартина подтвердились, когда Аума протянула ему две пары рэдволльских сандалий, одна пара чуть больше другой. Мартин с трудом совладал с голосом.

— Ну и что? — крикнул он. — Это всего лишь две пары сандалий. Мало ли с кого ты их снял.

Ласк Фрилдор улыбнулся, обнажив два ряда чудовищных зубов:

— Ваш-шу мыш-шь з-зовут Дьюррал. Имя полевки — Фиалка. Тебе нуж-жны ещ-ще доказ-зательства? Держ-жи. — Ласк размахнулся и кинул какую-то небольшую вещицу, стараясь попасть на смотровую площадку.

Командор на лету поймал брошенный предмет.

— Очки настоятеля,— со вздохом произнес он, показав Мартину погнутую, без стекол оправу.

Ярость обуяла воина, и выдре с барсучихой стоило немалых усилий сдержать его, чтобы он один не бросился в неравную схватку против всех стоявших перед воротами врагов. Удерживаемый друзьями, Мартин прокричал:

— Если хоть один волос упадет с их головы, я убью и тебя, чешуйчатая башка, и всю твою банду.

Ласк Фрилдор никогда не слышал, чтобы в голосе кого-нибудь из его противников было столько ярости. Он понял, что предупреждения Ромски не были пустыми словами. Он крикнул в ответ:

— Твои друз-зья ц-целы и невредимы. Но они далеко отс-сюда, на корабле в открытом море. Тебе не удас-стся их с-спас-сти. Отдай мне ж-жемчуж-жины, и я приведу тебе пленников.

Выдвинув свой ультиматум, генерал развернулся и в сопровождении своего отряда скрылся под покровом леса.

Не подозревавшие о том, что произошло наверху, Пижма, Ролло, Пинким и Краклин спокойно сидели в винном погребе, в очередной раз перечитывая третье послание, на их взгляд еще более бессмысленное и запутанное, чем предыдущие.

Третья слеза моя — у мертвеца,
Что был противником мне до конца.
Мой лучший враг и друг, он стих.
Читай, разгадывай мой стих.
Лежу в стенах аббатства я,
Во мне таится жизнь твоя,
Хотя ни птица и ни зверь
Не выживут во мне, поверь.

Ролло снял очки и тяжело вздохнул:

— По мне, так полная белиберда. Ничего не понимаю. Как там у нас дела с одуванчиковым вином? Осталось еще? Краклин, плесни-ка мне пару глотков.

Наливая вино, белочка высказала предположение:

— Может быть, мертвец, о котором пишет Фермальда, Седоглуп? Помните, что написано в двух первых строчках? Как думаешь, Пижма?

Еще раз пробежав глазами текст, ежиха покачала головой:

— Нет, вряд ли. Останки Седоглупа находятся в скалах, а в стихотворении четко сказано — в стенах аббатства.

Мышка Пинким кивнула:

— Согласна. То, что мы ищем, находится в стенах аббатства. И что-то подсказывает мне, что речь идет не о главном здании, а о территории вокруг него.

Краклин почесала затылок и согласилась:

— Все правильно. Когда речь идет о чем-то, что находится не в главном здании, мы говорим «в стенах аббатства», а не «в аббатстве».

Уже уставший было и отвлекшийся Ролло заинтересовался рассуждениями своих молодых собеседниц.

— Понятно, — кивнул он. — Значит, остается что: огород, двор, лужайка... Теперь давайте вспомним, кто у нас там похоронен. Что-то мне в голову ничего не приходит.

Фарло Стамп, который все это время занимался восстановлением порядка на стеллаже с винными бочонками, оторвался от работы, вытер лапы углом передника, прокашлялся и сказал:

— Прошу прощения, что влезаю в ваш разговор. Я, может, и не все понимаю, но, по-моему, вы ищете неправильно. Вы ищете кого-то, кто там лежит, но в стихах четко сказано, что это не он или она и вообще не кто-то, а скорее что-то. Я, конечно, могу ошибаться, но вот подумал: может быть, вам будет полезно мое мнение.

Пижма искренне пожала лапу Фарло:

— Здорово придумано, господин Фарло. Большое вам спасибо. Я так понимаю, иногда такого напридумаем, что сами запутываемся, а нормального здравого смысла

нам не хватает. Давайте пройдемся по аббатству, пока не стемнело, и посмотрим вокруг хорошенько.

Не успели друзья выйти на лужайку, как на них налетела матушка Аума и, запыхавшись, спросила:

— Вам Мартин и Командор только что не попадались? Они не в погребе?

По взволнованному лицу барсучихи Пижма поняла, что что-то случилось.

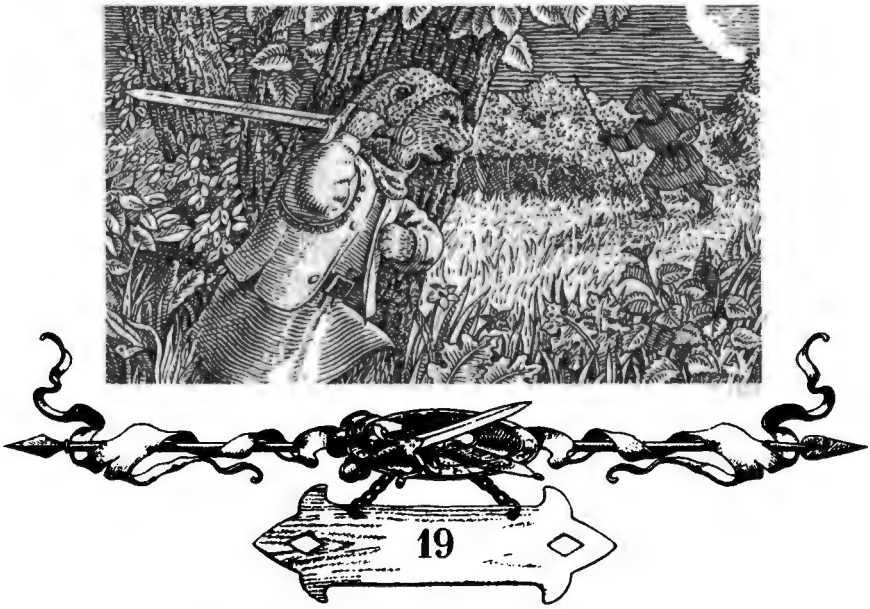
— Нет, матушка Аума, мы их не видели. А что стряслось?

Аума подтолкнула их ко входу в дом и сказала:

— Быстро помогите мне разыскать Мартина и Командора. По дороге я вам все расскажу.

НА ЗАПАД, ВОИНЫ!

КНИГА ВТОРАЯ



19

Над Страной Цветущих Мхов взошла бледная, как разбавленное молоко, луна. Ее свет освещал дорогу маленькой компании. На опасную прогулку по ночному лесу вышел Мартин-воин, Командор выдр, Хват — горный заяц и Сноп — амбарная сова. Мартин повязал оружейную перевязь так, чтобы рукоять древнего меча его легендарных предков торчала у него над плечом из-за спины. Командор вооружился пращой с набором подходящих камней и легким копьем. Хват разыскал в арсенале аббатства настоящий заячий лук с колчаном стрел. У Снопа же при себе были его острейшие когти и грозный клюв — подходящее вооружение для любой совы. По-

святив только Ауму в свои планы, четверо друзей вышли за ворота аббатства, поклявшись друг другу, что вернутся они только вместе с аббатом Дьюрралом и полевкой Фиалкой. Командор и Мартин были опытными следопытами: сломанная веточка, чуть заметный отпечаток на мягком мху — этого было достаточно, чтобы убедиться в правильно выбранном пути.

Уже далеко за полночь они заметили отсветы костра между деревьями. Мартин, Хват и Командор подождали, пока Сноп слетает на разведку. Вернувшись, совенок, как обычно, проморгался, почистил перья на грудке и доложил:

— Все точно. Это они, пираты и кошмарные ящерицы. Кто спит, кто греется у костра, а кто ест несчастных поджаренных птичек. Но, как и говорила большая ящерица, ни настоятеля, ни Фиалки нигде не видно. Похоже, они действительно где-то на корабле в море.

Мартин обнажил меч:

— Командор, возьмешь на себя левый фланг. Хват и Сноп, вы зайдете справа. Я пойду прямо по центру. Атакуем по моему сигналу Только не забудьте — ласку мы обменяем на Дьюррала и Фиалку. Ну, все по местам, и да сопутствует нам удача.

Единственный пират-часовой был выставлен на левом фланге лагеря. Эта сторона была ближе всего к лесной опушке, и Ласк Фрилдор именно отсюда ожидал нападения. Что-то в полных гнева глазах редволльского воина предупредило генерала о том, что Мартин — не тот зверь, который будет сидеть за стенами крепости и вести переговоры, в то время как те, кто находился под его защитой, взяты в заложники.

На часах стоял опытный пират — ласка по имени Скарбот, ветеран многих морских сражений и наземных боев. Он вовремя заметил подбиравшегося Командора и спрятался за стволом вяза. Занеся над головой палаш, он терпеливо ждал, когда незваный гость подойдет поближе.

Командор услышал, как засвистел в воздухе клинок пирата. Только реакция и скорость спасли жизнь предводителю выдр. Бросившись ничком на землю, он услыхал, как лезвие палаша пронеслось в воздухе над ним, затем резко перевернулся и ткнул копьем снизу вверх прямо в брюхо противнику.

Скарбот успел издать короткий крик и рухнул замертво на противника. Не успел Командор отбросить его, как в лагере поднялся страшный шум. В этот момент с боевым криком «Рэдво-олл!» прямо к костру прорвался Мартин. Первой под ударом клинка мыши-воина погибла одна из морских крыс. Ласк Фрилдор жестом приказал ящерицам отступить в тень, а сам отдал распоряжение пиратам:

— Он один! Убейте эту мыш-шь!

Мартин оказался посреди целого круга вооруженных противников. Увернувшись от копья, он сразил какого-то хорька, оказавшегося прямо перед ним. Тем временем пират-горностай зашел к нему с тыла и уже занес топор для решающего удара. Но в следующую секунду ему в затылок вонзилась метко пущенная из темноты стрела, и по лесу разнесся знаменитый боевой клич зайцев и барсуков:

— Еула-лиа-а!

На помощь Мартину подоспели Хват со Снопом, а Командор налетел на пиратов с противоположного фланга. Потеряв еще четверых бойцов под ударами рэдволльцев, пираты стали разбегаться во все стороны.

Заметив, что клевать и рвать когтями вроде бы больше и некого, Сноп проморгался и злобно заухал:

— Разбежались, трусы! Ну где же вы? Будете знать, как убивать и жарить несчастных птичек! Вернитесь, и я покажу вам, что значит достойный противник!

Шкиперу тем временем пришлось утихомиривать зайца, который, подобрав с земли чей-то широкий палаш, стал размахивать им во все стороны, что было уже опасно для находившихся рядом друзей.

— Полегче, полегче, приятель! Не видишь, что ли, они разбежались, — пытался утихомирить зайца Командор.

Полузатоптанный во время боя костер нещадно дымил. Мартин сделал несколько шагов в сторону, протер глаза, прокашлялся и спросил:

— А где ящерицы?

Мощными взмахами крыльев Сноп тем временем разгонял дым.

— Эти пресмыкающиеся даже не подумали сопротивляться. Смылись, как ласточки, рванувшие на юг с первыми холодами.

Командор высмотрел в темноте следы в дальней стороне лагеря.

— Мартин, они сюда пошли. Ну что, двинем за ними?

У Ласка и его надзирателей был запас времени. Они неожиданно полукругом вынырнули из темноты на тропу, по которой отступали к морю оставшиеся в живых пираты. Разозленная, одна из морских крыс бросилась на генерала, размахивая саблей.

— Ты жалкий трус! Спасая свою чешуйчатую шкуру, бросил товарищей в бою! Ты, тварь чешуйчатая...

Ласк Фрилдор не стал терять время на разговоры. Одним ударом хвоста он переломил несчастной крысе шею. Сойдя с тропинки, генерал плюхнулся в тянувшуюся вдоль нее канаву.

— Мы долж-жны пробиратьс-ся к кораблю. Двигайтес-сь з-за мной или ос-ставайтес-сь здес-сь и погибайте, как ос-стальные.

Не задавая лишних вопросов, пираты и ящерицы спустились в канаву и побрели по воде за генералом, понимая, что напавшие на них обитатели Рэдволла вот-вот доберутся и до этого места.

За спиной Мартина неожиданно вскрикнул Командор. Мышь-воин обернулся и увидел, что выдра прихрамывает.

— Эй, Шкип, старина, что случилось? — спросил Мартин.

Командор поморщился и поднял правую заднюю лапу:

— Да все ничего, только вроде наступил на какую-то пиратскую саблю. Похоже, порезался слегка.

Хват осмотрел рану.

— Ничего себе, — присвистнул заяц. — Это ты называешь — слегка порезаться? Ничего, приятель, сейчас мы нарвем какой-нибудь полезной травки и забинтуем тебя.

После короткого совещания было решено приложить к ране выдры подорожник и щавель. Мартин оторвал полоску от рукава своей туники, и Хват довольно умело перебинтовал порезанную лапу.

— Ну что, Выдра-тыдра, так-то лучше? — Заяц ободряюще похлопал Командора по плечу. — Видел когда-нибудь выдру с так изящно перебинтованной лапой? Теперь ты сможешь идти, почти не хромая. А мы избавимся от необходимости выслушивать рассказы о том, что и когда говорила мамаша этой подушки с перьями. Ну, как лапа? Будто новенькая?

Хват был прав, повязка легла действительно удачно, и Командор смог идти, не отставая от товарищей.

Предрассветное небо уже начинало светлеть, когда друзья подошли к месту, где следы противников терялись. Но Командору не составило труда разгадать хитрость Ласка Фрилдора.

— Ха! — усмехнулся Командор. — Этот чешуйчатоголовый думал замести следы, пойдя по воде. Ты только посмотри сюда, Мартин. Видишь выдранные водоросли, истоптанный берег там, где они слезали в канаву? Тут и выдренку понятно, что они задумали.

С этими словами друзья продолжили погоню, идя по следам пиратов и ящериц по весеннему предрассветному лесу.

20

В то утро завтрак в аббатстве Рэдволл проходил грустно. Пижма даже не заметила, как маленький Арвин и кротишка Копуша повытаскивали у нее из тарелки весь черничный пудинг, кусочек за кусочком. Она сидела неподвижно, уставившись в чашку с остывшим мятным чаем. Неожиданно барсучиха Аума поднялась со своего места и, подняв лапу, призвала всех к молчанию.

— Друзья! — обратилась к рэдвольльцам барсучиха. — Со вчерашнего вечера по аббатству ходят разные слухи и сплетни. Я хочу прояснить дело. Наш настоятель и молодая полевка Фиалка пропали. По всей вероятности, они заблудились где-нибудь в лесу. Мартин вместе

с несколькими друзьями отправился на поиски. Я уверена, что скорее всего они вернутся целыми и невредимыми, все вместе. А пока что наша жизнь в аббатстве должна идти своим чередом, спокойно и без паники. Это все. Спасибо.

Копуша, делая вид, что ничего не делает, проворно отпила чай из чашки Арвина.

— Интер-ресно, — наморщила она носик, задавшись очередным вопросом, — а эти щер-ритцы пр-ридут сюда и съедят нас всех?

Раздумывая над ответом, Арвин тем не менее улучил момент, чтобы утащить у Копуши кусочек орехового сухарика.

— Нет, — рассудительно заметил он, — щеритцы едят только настоятелей и полевок.

Пижма вытерла мордочку Копуши и поправила:

— Не щеритцы, а ящерицы. И не придумывайте всякой ерунды. Слышали, что сказала матушка Аума насчет слухов?

Соскользнув со своей скамейки, Арвин, передразнивая Копушу, наморщил нос и заявил:

— Она ничего не сказала насчет того, будто малышам нельзя распускать слухи. Так что мы будем говорить всё, что хотим. Копуша, пойдем.

Обнявшись, неутомимая парочка вышла из зала, на ходу сочиняя какую-то считалку:

— Слу-хи, слу-хи, сплет-ни, сплет-ни.

Ролло подошел к Пижме и кивнул в сторону удалявшихся малышей:

— Что это они такое придумали?

Пижма покачала головой, грустно улыбнулась и сказала:

— Да ерунда. Они думают, что это и есть «распускать слухи». В конце концов, чем меньше они будут знать, тем лучше.

Ролло поправил съехавшие на кончик носа очки.

— Предлагаю посплетничать по поводу наших жемчужин. Аума сказала, что на все шесть мы сможем выторговать у похитителей Фиалку и настоятеля.

Пижма поднялась из-за стола, и они вместе с Ролло вышли из зала.

— Легко сказать, — вздохнула Пижма. — Честно говоря, третье стихотворение Фермальды окончательно поставило меня в тупик. Я надеялась, что, может быть, ночью мне приснится какое-нибудь решение, но увы. А как у вас?

Пинким и Краклин уже были во дворе и сидели вместе с ежихой Тизель на ступеньках лестницы, ведущей к башне.

— Доброе утро, Ролло, доброе утро, Пижма, — поздоровалась Тизель. — Погожий сегодня денек. А я вот решила воздухом подышать, чайку попить. Жду, когда проветрится кухня после приготовления завтрака.

Ролло и Пижма рассеянно поздоровались с Тизель и малышками. Ежиха рассеянно кивнула еще раз и встала, что-то бормоча себе под нос.

Пижма протянула Пинким бумажку со стихами:

— Вот, держи. У меня уже голова кружится. И чем больше я его читаю, тем меньше понимаю.

Третья слеза моя — у мертвеца,
Что был противником мне до конца.
Мой лучший враг и друг, он стих.

Видите, я уже наизусть его выучила. Тизель, вы ведь хорошо знали старую Фермальду? Как вы думаете, какие у нее могли быть друзья?

Ежиха пригладила иголки и переспросила:

— Друзья, говоришь? Я что-то не припомню, чтобы Фермальда хоть однажды назвала кого-нибудь своим другом, если не считать этого несчастного пирата Седоглупа да еще старого Криворота. Впрочем, чаще о нем она говорила как о злейшем враге. Да, Фермальда была странной белкой, ничего не скажешь.

Ролло оторвался от созерцания обрывка бумаги и буркнул:

— Криворот? Во имя всех осенних яблок, кто такой Криворот?

Тизель несколько раз подула на чай, чтобы остудить его, и, не торопясь, ответила:

— Фермальда частенько рассказывала мне о Кривороте, хотя, честно говоря, я не понимаю, как можно уделять столько времени тому, что ты никак не можешь поймать.

Глаза Ролло нетерпеливо заморгали из-под очков.

— Я попрошу вас, уважаемая, перестаньте говорить загадками. Их у нас и без вас хватает. Выкладывайте начистоту все, что вы знаете про этого... ну, как его... Кривоглаза или Кривоноса!

Тизель с такой силой подула на чай, что из чашки даже брызги полетели.

— А вы не грубите мне, уважаемый господин летописец, а то я вообще ничего не скажу. Знаете, как говорят: ничто не стоит нам так дешево и не ценится так дорого, как вежливость.

Пижма улыбнулась и постаралась успокоить рассерженную ежиху:

— Не сердитесь. Я уверена, что господин Ролло вовсе не собирался грубить вам. Пожалуйста, госпожа Стамп, расскажите нам о Кривороте. Нам очень важно все, что вы о нем знаете.

Тизель ласково улыбнулась молодой ежихе и сказала:

— Ну хорошо. Несмотря на то что этот старый грубиян нахамил мне, я тебе расскажу, а он, если хочет, пусть подслушивает. Каждый раз, когда в аббатстве собирались устроить какой-нибудь торжественный пир или отметить какой-нибудь праздник, накануне Фермальда вытаскивала откуда-то удочку и с утра до ночи удила рыбу в нашем пруду. И сколько я себя помню, она все пы-

талась подать хариуса к столу настоятеля. Хариус этот жил в пруду с незапамятных времен. «Тизель, — говорила она, — эта рыба — мой лучший друг и мой злейший враг. Сколько времени я провела, пытаясь поймать его, но он мне так и не попался. Ах, старый хитрец, все время убегает от меня!» Точно-точно, именно так она и говорила.

Вдруг Краклин вскочила со ступеньки и взволнованно защебетала. Для начала она прочитала несколько строчек из последнего стихотворения Фермальды:

Лежу в стенах аббатства я,
Во мне таится жизнь твоя,
Хотя ни птица и ни зверь
Не выживут во мне, поверь.

— Ответ на загадку — вода! — воскликнула белочка, поясняя остальным ход своей мысли. — Посмотрите, без нее любой зверь рано или поздно умрет. Но звери и птицы в ней жить не могут. Вода, что находится в стенах аббатства, я просто уверена, это не что иное, как наш пруд.

Тизель с удивлением проводила взглядом побежавших к пруду белочку, мышку и молодую ежиху, но еще большее удивление у нее вызвал старый летописец, изо всех сил поспешивший за ними.

Отхлебнув остывшего чаю, Тизель пожала плечами и сказала:

— Ну и времена настали! Старики бегают, как дети малые! До чего мы так дойдем?

Неутомимые искатели жемчужин подошли к живописному внутреннему пруду аббатства. Поглядев с минуту молча на неподвижную гладь пруда, Пижма задала вопрос, который мучил ее с той секунды, как она впервые услышала о хариусе:

— Откуда мы знаем, что старого Криворота нет в живых? Ведь Фермальде так и не удалось поймать эту рыбу.

Может быть, Криворот просто уже слишком стар и не поднимается к поверхности? Может быть, он до сих пор преспокойно живет себе там, на глубине?

Эта мысль ничуть не улучшила настроения ее спутников. Никому из них не хотелось обшаривать глубокий сумрачный пруд, где здоровенная рыбина вполне может до сих пор зорко охранять свою территорию от любых посягательств. Решение пришло в голову Пижме совершенно неожиданно. Она посмотрела на стену, увидела свою старую знакомую выдру и позвала ее:

— Эй, Гленнер, у тебя не найдется минутки, чтобы помочь нам?

Самая молодая выдра из отряда Командора, Гленнер, несла службу на стене, охраняя аббатство от внезапного налета чаек, и невероятно скучала. С радостью она скатилась вниз по лестнице и подбежала к пруду.

— Привет, ребята! Чем могу быть вам полезна?

Пижма бросила в воду камушек и внимательно посмотрела на расходившиеся по поверхности пруда круги.

— Гленнер, — спросила она, — как ты думаешь, может там жить большой старый хариус?

Выдра в задумчивости постучала хвостом по берегу.

— Даже не знаю, — сказала она. — Вполне возможно. Командор всегда нам говорит, чтобы мы держались подальше от старых больших рыб, потому что в плохом настроении, а у них всегда плохое настроение, они могут быть очень опасны.

Ролло задумчиво почесал в затылке и вздохнул:

— Вот, значит, как. Да, после этого мне почему-то кажется, что тебе не захочется обыскивать пруд, чтобы выяснить, живет там сейчас этот Кривоглаз или... как же его там по-научному-то... хариуриус... ну, в общем, ты слышала.

Простодушный и искренний ответ Гленнер последовал мгновенно:

— Отчего же? Только это будет стоить вам хорошей миски вашего креветочного супа. Учтите, я вовсе не собираюсь рисковать своим молодым красивым хвостом за просто так.

Пижма протянула ей лапу:

— Идет! Большая миска супа за большую розовую жемчужину.

Выдра наклонила голову набок и уточнила:

— Какую еще жемчужину? Про жемчужину мне ничего не говорили!

— Большая розовая жемчужина лежит на дне пруда, неужели непонятно? — объяснила Пинким. — Коли думаешь, что мы пригласили тебя, чтобы ты просто поразвлекалась, гоняясь за рыбкой, то ошибаешься. Ну а есть там большая рыба или нет, мы выясним в два счета — просто бросим в пруд кого-нибудь из малышей и посмотрим, съедят его или нет. Сразу станет ясно, что там за рыба живет!

Гленнер аж поперхнулась, услышав от безобидной мышки такие кровожадные слова.

— Нет-нет, так нельзя, — заторопилась успокоить скорее всего саму себя выдра. — Я же знаю, что малышей обижать не полагается. Ну и шуточки у вас! А ну, ребята, разойдитесь! И учтите: если рыба меня сожрет, отдайте выигранный мной суп Командору, когда он вернется со спасенным настоятелем.

Разбежавшись, Гленнер прыгнула и ушла в воду без единого всплеска. Оставшиеся на берегу стали наблюдать за тем, как на поверхности воды время от времени всплывают одинокие пузырьки. Пижма ходила взад-вперед вдоль берега, недоумевая, как это выдрам удается так надолго задерживать дыхание. Вскоре ее охватило беспокойство.

— Пора бы ей уже вынырнуть, — сказала Пижма. — Что можно там делать так долго? Надеюсь, она не наткнулась прямо на старого Криворота, у которого сегодня, как назло, окажется совсем плохое настроение.

В этот момент из воды, словно стрела, пущенная из лука, выскочила Гленнер.

— У-ух! Да там, оказывается, два хариуса! Я их сама видела, — сказала она, переведя дух.

Очки Ролло сползли у него с носа.

— Две большие рыбы?

Гленнер отряхнулась, обдав всех каскадом брызг.

— Да, две, только одна давно умерла. Я уже доплыла почти до самого дна, но никакого хариуса не видела. Так, попадалась какая-то плотва да пескари всякие, и вдруг за большим камнем, ближе к тому краю пруда, я увидела ее, здоровенную самку хариуса. Она стояла на страже останков Криворота, своего друга. Вот уж он-то был действительно огромной рыбой, судя по костям оставшегося от него скелета. Похоже, что он умер от старости, и довольно давно. А пескари потихоньку обчистили его останки вплоть до скелета.

Пижме не терпелось задать главный вопрос:

— Ну а жемчужина? Гленнер, ты видела жемчужину?

Выдра сокрушенно развела лапами:

— Увы, ни жемчужины, ни чего-то хоть сколько-нибудь на нее похожего мне не попалось. И что же, это значит, что теперь я не получу своего супа?

Деловито протирая очки, Ролло, не глядя на Гленнер, сказал:

— Извини, не будет жемчужины, не будет и супа.

Гленнер подмигнула им и отжала последние капли воды с хвоста.

— Ну что ж, придется исхитриться и отвлечь эту здоровенную рыбину от меня, чтобы я смогла спокойнее покопаться в костях ее бывшего приятеля. Для этого мне потребуется хорошая длинная палка. А, вон! Шест от той плоскодонки вполне подойдет. Теперь давайте перегоним ялик ближе к этому берегу, так, а вы оставайтесь на его носу. Ничего-ничего, не родилась еще такая рыба, которая поме-

шает Гленнер заработать миску креветочного супа, приготовленного на кухне аббатства Рэдволл.

Ничего не понимающая Краклин тихонько ткнула Пинким локтем в бок.

— Слушай, что эта безумная выдра задумала? — спросила белочка.

Пижма взяла обеих подруг за лапы и потащила за собой к лодке.

— Не задавайте глупых вопросов. Пойдемте. Сказано притащить лодку — значит, притащим.

21

Неподалеку от северной гавани Сампетры возвышались друг напротив друга два безлесных, поросших травой холма. В то утро ветра не было, и ни единая травинка не шевелилась ни перед Расконсой, стоявшим во главе мятежных матросов на вершине одного из холмов, ни перед Ублазом и его стражниками и надзирателями, находившимися на другой вершине. Император стал первым спускаться в долину между холмами. Не успел он сделать нескольких шагов, как его примеру последовал Расконса. Дойдя до середины, Ублаз сел на траву, положив свое единственное оружие — серебряный кинжал — перед собой. Остановившись на расстоянии нескольких ша-

гов от него, Расконса расстегнул перевязь с десятью кинжалами и тоже опустил ее на землю.

Император Безумный Глаз широко улыбнулся:

— Я смотрю, у тебя много кинжалов.

Лис улыбнулся в ответ, но при этом постарался не смотреть в глаза императору.

— Хватает, — согласился он, — и пользоваться ими я умею.

Император положил свой кинжал на груду ножей Расконсы:

— Тогда возьми и мой — в подарок, как знак нашей дружбы, потому что, надеюсь, мы собрались здесь сегодня не для того, чтобы учить друг друга пользоваться оружием.

Расконса подбросил кинжал и ловко поймал его на лету

— Симпатичная игрушка, спасибо. Ах да, чуть не забыл! Извини, сам понимаешь, какой этикет на пиратских кораблях. Так вот, у меня для тебя тоже есть подарочек. Держи!

Красивый шарф из тончайшего шелка невесомо лег на лапу императора. Тот, осмотрев подарок, одобрительно кивнул:

— Отличный шелк. А зеленый цвет мне всегда очень идет. Спасибо, дружище. Скажи, этот подарок имеет какое-нибудь значение? Или это просто красивая вещь?

Расконса продолжал играть серебряным кинжалом, следя за тем, как тот отбрасывает солнечные зайчики.

— Вещь, конечно, красивая, — согласился лис, — да и значение имеет немалое. Ты вот что, повяжи-ка этот шарфик себе на глаза. Сквозь этот тонкий шелк ты меня прекрасно увидишь, зато мне не придется встречаться с тобой взглядом. Ты уж не обижайся, но я отлично наслышан о твоих колдовских способностях и вовсе не собираюсь мериться с тобой взглядами и ждать, когда у меня голова пойдет кругом и я стану игрушкой в твоих лапах.

Ублаз без споров повязал шарф вокруг головы и усмехнулся:

— Хитрый лис! Я бы даже сказал — мудрый. Похоже, с тобой действительно можно иметь дело. Ну что, с чем ты пришел на переговоры?

Подбросив кинжал еще раз, Расконса не стал ловить подарок, и клинок воткнулся в землю между собеседниками.

— Все капитаны погибли, — напомнил лис. — Я сам зарезал Барранку, но, впрочем, ты это уже знаешь. Так что сейчас я командир всех восставших пиратов и хочу мира. На мой взгляд, нет никакого смысла продолжать эту резню. И предложение у меня такое: ты назначаешь меня главным капитаном всех кораблей в гавани, а я поступаю к тебе на службу.

— Извини, что перебиваю тебя, — вмешался Ублаз, — но как же ты сможешь быть капитаном шести кораблей разом?

Расконса покачал головой:

— Нет, я не собираюсь командовать шестью кораблями одновременно. Только «Кровавым Килем». Остальных капитанов я назначу сам, из экипажей, но я буду над ними старшим. Это значит, что в море они будут получать твои приказы только через меня. Да, и вот еще что: ты должен открыть склад строевого леса, который ты прячешь у себя во дворце. Больше на Сампетре подходящих деревьев нет, а ремонтировать корабли я хочу в удобный для меня момент. Подходят тебе мои условия?

Плюнув на лапу, император протянул ее ладонью вперед:

— Подходят.

Расконса тоже плюнул на лапу и прижал ее к ладони куницы:

— Отлично. И уверяю, ты не пожалеешь о решении, принятом сегодня.

Невидимые за шелковой завесой глаза императора сверкнули дикой злобой.

— Не пожалею, это точно, — произнес Ублаз.

Затем, сняв шарф, он встал и обернулся к своей страже.

— Я, ваш император Ублаз, приказываю вам прекратить преследовать матросов. Все экипажи могут вернуться в гавань, отдыхать в тавернах, подниматься на свои корабли и сходить на берег, когда они захотят.

Вечером того же дня матросы вовсю веселились и отдыхали в портовых тавернах Сампетры. Только лис Расконса сидел один в капитанской каюте «Кровавого Киля». Еще недавно он был боцманом на этом же корабле, и вот теперь он — старший капитан, командир целой флотилии из шести кораблей. Но одна мысль никак не давала покоя новоиспеченному капитану: что-то во всем этом было не так, и что именно — Расконса уже понял. Слишком легко прошли переговоры, слишком быстро Ублаз согласился со всеми условиями. Почему?..

Ублаз сидел в тронном зале, потягивая вино, довольный тем, что в результате последних событий ему удалось уничтожить семерых противников за столь короткое время. Теперь его противником был один лис. Ну что ж, игра становилась проще. Император Ублаз любил простые решения в игре и при этом не гнушался жульничать даже там, где не было в этом необходимости.

Мартин и его друзья продолжали идти вдоль канавы, по которой скрылись от них Ласк Фрилдор и его компания. Предводитель выдр неожиданно остановился и огляделся в поисках каких-нибудь следов. Затем он сказал:

— Смотрите-ка, эта чешуйчатая башка худо-бедно понимает толк в военном деле. Вот здесь они вылезли из канавы, но очень тщательно замаскировали все следы. Пожалуй, не каждый следопыт заметил бы это место. А выбравшись на берег, они скорей всего отправились на запад вон через то поле, к дальнему лесу.

Присмотревшись к едва заметным следам, Мартин кивнул:

— Похоже, ты прав. А от той опушки рукой подать до реки, которая выведет их прямиком к морю.

Хват одним лихим прыжком выскочил из канавы и направился в поле, крикнув друзьям:

— Хватит болтать! Если поднажмем, еще догоним этих мерзавцев!

В этот же миг вылетевший из какой-то невидимой пращи, словно ниоткуда, камень ударился о землю буквально в шаге от задней лапы зайца. Осознав опасность, заяц с еще бо́льшим проворством прыгнул обратно в канаву, завопив:

— Ребята, засада! Не иначе как чешуйчатые и пираты решили дать нам бой!

Мартин осторожно высунулся из канавы и стал оглядывать опушку леса. Ни в поле, ни в лесу ничто — ни единое движение, ни единое покачивание ветки — не выдавало присутствия противника.

— Да, Командор, ты был прав, когда сказал, что наш чешуйчатоголовый приятель кое в чем понимает толк. По всей видимости, он оставил засаду, чтобы замедлить нашу погоню. И место они выбрали хорошее. Чтобы добраться до них, нам придется перейти через открытое поле, где мы будем как на ладони.

Сноп предложил простой, уже привычный выход:

— С вашего позволения, я слетаю и высмотрю с высоты, где окопались эти не́годяи.

Прежде чем Мартин успел согласиться или возразить совенку, тот замахал крыльями и полетел через поле. Стоило ему спуститься пониже над крайними деревьями, как в крыло ему угодил пущенный из пращи камень. Отчаянно взмахивая уцелевшим крылом, Сноп повалился на землю в облаке перьев. Одновременно из-под прикрытия леса три огромные чайки налетели на беспомощную сову. Забыв о собственной безопасности, Мартин, Командор и Хват выскочили из канавы с боевым кличем:

— Рэдво-олл!

Навстречу им полетели камни, пущенные одним из надзирателей и четырьмя морскими крысами. Друзья разделились, пригнулись, стали петлять по полю, но тем не менее неуклонно продвигались вперед. Метко пущенное копье Командора вывело из строя одну из чаек. Сам же предводитель выдр с одной пращой в руках отчаянно бросился вперед на оказавшегося перед ним надзирателя. Прежде чем морские крысы смогли прийти ящерице на помощь, на них налетел Мартин, умело орудовавший своим легендарным мечом. Тем временем Хват, отбросив лук и стрелы, словно поднырнул под нападавших на Снопа чаек и, перевернувшись на спину, стал молотить их своими сильнющими задними лапами, одновременно защищая сову своим телом.

Бой был коротким и яростным. Мартин и его друзья вышли из него победителями, хотя одной из морских крыс и одной чайке удалось скрыться в лесу. Победа далась друзьям дорогой ценой. Сноп был серьезно ранен камнем и клювами чаек. Хват взялся приводить его в порядок, в то время как Мартин осматривал раны Командора.

Выдре удалось сразить хищную рептилию практически голыми лапами. Теперь он сидел, прислонившись к стволу платана, и тяжело дышал. Мартин пришел в ужас, увидев чудовищные следы от зубов и когтей ящерицы.

Превозмогая боль, Командор ухмыльнулся и попытался пошутить:

— Ну и дела! Сдается мне, одной такой твари на день в качестве противника более чем достаточно. Чует мое сердце, что на сегодня я не боец.

Мартин стал рвать плащ на повязки и крикнул, обращаясь к Хвату:

— Как там Сноп? Жив?

Совенок слабо помахал крылом:

— Жив-то жив, но есть у меня подозрение, что перья на моих крыльях теперь не больше годятся для полета, чем рыбьи плавники.

Собранный Снопом чуть раньше подорожник теперь пошел на лечение его собственных ран, а Хват, бинтуя друга, приговаривал:

— Ладно-ладно, стой спокойно, ты, кривоклювый. А иначе, того и гляди, дернешься и зашибешь меня остатком своих когтей. Я тебе всегда говорил: не суйся не в свое дело. Кто тебя просил летать? А теперь какой от тебя толк? Мешок с перьями, да и только.

Наконец перевязки были закончены, и Мартин печально оглядел раненых.

— Да, ребята, на сегодня с вас действительно хватит. Придется отвести вас обратно в Рэдволл, чтобы там вас могли по-настоящему подлечить.

Командор яростно возразил Мартину:

— Еще чего не хватало! Твое дело — спасти настоятеля и маленькую полевку. А что касается меня и Снопа, мы вполне доберемся до аббатства сами. Согласен, филин?

Сноп подковылял к Командору и помог ему встать. Так они и стояли, поддерживая друг друга.

— Вы только посмотрите на нас, — ухнул совенок. — Какая бравая парочка получилась! Из нас двоих можно составить одного выдросова или сововыдра, это уж как кому больше нравится. Но в общем, хватит разговоров. Так что потопаем мы обратно в Радволл.

Мартин не смог скрыть улыбки, глядя, как двое раненых идут через поле, поддерживая друг друга здоровым крылом и более или менее целой лапой. Мыслями они были уже дома, в Рэдволле.

— Ничего, Сноп, — подбадривал друга Командор, — вот доберемся до Рэдволла, и нальют нам от души креветочного супчика и хорошую кружку ежевичного вина...

Мартин потянул зайца за рукав туники:

— Помнишь, что говорила матушка Снопа? Любой путь, даже самый длинный, не станет короче оттого, что ты стоишь в его начале и сокрушаешься о путешествии. Так что вперед! Ласк Фрилдор ждет не дождется встречи с нами.

22

Грат Длинная Стрела распласталась на дне шлюпки, и только ее морда торчала над бортом. Выдра следила за кораблем, к которому течение несло ее лодку. Она размышляла над тем, с какой стороны будет удобнее подплыть к «Морскому Змею», чтобы нанести его экипажу как можно больший урон меткой стрельбой из лука. В этот момент до ее ушей донесся громогласный боевой клич.

— Еула-лиа-а! — разнеслось над берегом.

В предвечерних сумерках Грат разглядела, что стоявший на корме рулевой Рубихвост перегнулся через борт и упал в воду, пронзенный стрелой, пущенной с берега. На его место

выскочила ласка с пращой, из которой она намеревалась запустить камень в сторону берега. Грат поспешила прийти на помощь невидимому стрелку. Взять лук и натянуть тетиву было делом одной секунды.

Ласк Фрилдор вздрогнул от ужаса, увидев, как зеленая стрела словно выросла из затылка ласки. На какое-то время на «Морском Змее» воцарился хаос. Матросы попадали на палубу, а надзиратели, как и их генерал, ринулись в каюты, чтобы понадежнее спрятаться от стрел.

Ромска взяла на себя организацию обороны. Размахивая палашом, она прокричала:

— Уводим корабль дальше от берега, куда стрелы не достанут! Не высовывайтесь из-за борта! Постарайтесь поднять хотя бы один парус! Приготовьте пики и абордажные крючья на случай, если они попытаются подняться на борт! И пошевеливайтесь, а то они нас здесь всех перещелкают.

Настоятель Дьюррал решил действовать. Схватив Фиалку, он подтащил ее к борту и, прежде чем кто-нибудь успел помешать ему, скинул полевку в воду, прокричав:

— Плыви, малышка, выбирайся на берег!

Одна из морских крыс схватила настоятеля, набросила ему на лапы веревочную петлю и перетащила на середину палубы, где и привязала покрепче к мачте. Поняв, что произошло, Ромска закричала:

— Вытаскивайте девчонку из воды! Поднимите ее на борт, и поживее!

Двое пиратов бросились к борту, но один из них упал, пронзенный зеленой стрелой, а второй, пригнувшись, завопил:

— С правого борта шлюпка! Двигается в нашу сторону!

Заметив, что какой-то крохотный зверек пытается отплыть от корабля, в то время как течение несет его в открытое море, Грат отложила лук и взялась за руль своей шлюпки.

Фиалка уже вдоволь нахлебалась морской воды и совершенно не понимала, куда плыть.

С более близкого расстояния Грат разглядела, что несчастный, бултыхающийся в воде зверек никак не морская крыса. Рискуя своей жизнью и лодкой, выдра направила шлюпку наперерез «Морскому Змею». В какой-то момент она увидела, как огромный нос пиратского корабля навис над ее суденышком, раздался страшный удар, затрещали доски, и в следующий миг «Морской Змей» легко отбросил утлую лодочку прочь со своего курса. Грат оказалась в воде, но сумела ухватить Фиалку, которая тотчас же прижалась к ней всем телом. Чтобы не попасть под стрелу или камень из пращи, выдра стала изо всех сил грести к берегу, прокричав полевке:

— Задержи дыхание и цепляйся покрепче!

Спасая сразу две жизни, Грат плыла так, как только способна плыть молодая, полная сил выдра. Уходя от очередной стрелы, она поняла, что перестаралась, пробыв под водой слишком долго, потому что полевка, захлебнувшись, разжала лапки. Оставшуюся часть пути до берега Грат пришлось держать потерявшую сознание Фиалку над водой.

Первое, что услышала Фиалка, придя в себя на берегу, был голос Хвата. Заяц ободряюще обратился к ней:

— Ну, уважаемая, нельзя же быть такой жадной! Кто же пытается выпить целое море за один раз! Давай-ка отплевывайся, и, когда из тебя выльется все лишнее, ты сразу почувствуешь себя лучше.

Кашляя и плюясь соленой водой, Фиалка услышала, как ее спасительница представилась Мартину.

«Морской Змей» встал на якорь далеко от берега, там, где стрелы воинов Рэдволла их не могли настигнуть. Грат, Мартин, Хват и Фиалка, спрятавшись в скалах, следили за пиратским кораблем. Мартин заметил:

— Хорошо, что они не уплыли совсем. До завтра мы должны придумать, как помочь настоятелю Дьюрралу.

— Да что тут придумаешь, — вздохнул заяц. — Похоже, в этот раз все козыри у них на лапах. Будь у нас корабль или хотя бы лодка — тогда другое дело...

— Подождите-ка, — перебила его Грат. — Давайте посмотрим, как там поживает моя шлюпка.

С этими словами выдра бегом спустилась к берегу и не раздумывая бросилась в море.

Хват пожал плечами и, удивленно вскинув брови, посмотрел на Мартина.

— Очень странная зверюга, — заявил он. — Сначала изо всех сил гребет к берегу, а затем снова бросается в противную соленую воду. Ну что ты скажешь?

23

Лоскодонка была вытащена из камышей и перетянута к другому берегу пруда в аббатстве. Выдра Гленнер объяснила свой план друзьям:

— Знаете, как бывает? Самый простой план оказывается самым лучшим. Сделаем мы вот что: сначала перевернем лодку на бок. Давайте-ка помогите, одной мне не справиться.

Перевернуть старую тяжелую лодку оказалось нелегким делом. За их напрасными стараниями наблюдала барсучиха Аума, которая как раз вела с прогулки трюих малышей — маленьких кротишек Копушу и Гурбала и, разумеется, непоседливого бельчонка Арвина. Понимая, что молодежь вряд ли занимается столь стран-

ным делом без разрешения присутствующего рядом Ролло, Аума обратилась к самому летописцу:

— Не буду выяснять, чем именно вы тут занимаетесь, но, может быть, вам нужна помощь?

Не без труда разогнувшись, потирая лапами бока, старый летописец с благодарностью принял это предложение:

— И не говори, Аума. Премного будем тебе обязаны, если ты поможешь перевернуть плоскодонку на бок и подтащить ее к краю камышовых зарослей.

Арвин деловито закатал рукава рубашки и объявил:

— Ну ладно. Можете все отойти. Эй, кроты, ну-ка покажем им, как поднимать лодки.

Но малыши не успели и шагу сделать в сторону пруда, как Аума перехватила всех троих одной лапой и оттащила подальше от берега.

— Пижма, присмотри за этими непоседами, — попросила барсучиха. — А теперь все — разойдись!

Одним махом барсучиха поставила лодку на бок.

— Ну, и что дальше? — поинтересовалась она. — Что вы собираетесь делать с лодкой, которая стоит на борту?

Взяв в лапы шест, которым обычно отталкиваются от дна, катаясь на плоскодонке, Гленнер объяснила:

— Там, на дне, лежит одна из розовых жемчужин. Но ее караулит большая рыбина. Я нырну и, потыкав шестом, заставлю ее сняться с места и отплыть в камыши. А весь фокус состоит в том, чтобы набросить на нее лодку как колпак. Тогда я смогу обыскать дно без опаски быть проглоченной разозлившейся рыбой. А вам придется постоять на лодке, чтобы рыба не сбросила ее с себя. Мне кажется, это должно сработать.

Услышав разговоры про большую рыбу, малыши разволновались и стали наперебой предлагать свои услуги в качестве ныряльщиков-водолазов, рыбных сторожей или, на худой конец, главных придавливателей лодок над разбушевавшимися хариусами. Их пыл был охлажден одним суровым взглядом Аумы и ее обещанием надрать

хвост каждому, кто только сунется близко к берегу. Все допущенные к делу помощники выстроились в ряд вдоль стоявшей на борту лодки, и по команде Аумы Гленнер нырнула в пруд с противоположного берега, держа шест наперевес, словно боевое копье.

Гленнер аккуратно потыкала старую рыбину тупым концом шеста, но хариус и не подумал шевельнуться. Еще несколько уколов шестом — и рыба, как и учили в выдриной школе, рассердилась и пришла в самое скверное расположение духа. Растопырив плавники, рыба бросилась на обидчицу. Но Гленнер, будучи моложе и ловчее, лихо избежала рыбьей пасти, обогнула противницу и ткнула ее шестом в хвостовой плавник. Такого оскорбления старая рыба стерпеть не могла. Она бросилась в погоню за наглым зверем. Гленнер не составило труда увлечь ее за собой к лодке. Когда хариус оказался прямо у борта плоскодонки, Аума скомандовала:

— Навались!

В последний момент перед тем, как ялик рухнул на воду кверху дном, Пижма увидела страшную, но и прекрасную в своей ярости рыбу. Сверкая чешуей, энергично работая плавниками, та шла в атаку, не подозревая о засаде.

— У-ух! — крикнула Пижма, запрыгивая на дно лодки.

Ловушка захлопнулась, словно пасть какого-то огромного зверя. Воодушевленный успехом, Ролло закричал:

— Прыгайте сверху! Все, все! Навались!

Вскоре веса взобравшихся на ялик зверей оказалось вполне достаточно для того, чтобы надежно вдавить его борта в песчаное дно. Оказавшаяся в неожиданном заточении рыба и не думала сдаваться. Наоборот, рассвирепев, она стала метаться из стороны в сторону и биться головой о стенки своей темницы.

Пижма вцепилась в Ролло, Пинким вцепилась в Краклин, и все четверо вцепились в наиболее надежную опору — в барсучиху Ауму. У той же появилась еще одна забота: спихнуть обратно на берег троих малышей, уж больно

они расшалились. Еще немного, и все плюхнулись бы в пруд, но тут Гленнер стрелой вылетела из воды и прокричала:

— Ребята, всё! Выпускайте!

По команде Аумы все соскочили с лодки, а затем барсучиха слегка приподняла один борт над водой. Разъяренную рыбину не пришлось долго упрашивать. Она скрылась в глубине пруда, оставив за собой взвихренный след из песка и ила. Несомненно, она прямиком направилась туда, где покоились останки ее почившего супруга.

Гленнер поплыла ко всей компании, преспокойно подбрасывая жемчужину, сверкавшую в воздухе розовым огоньком.

— Ой-ой-ой! Поосторожней, пожалуйста! — обратился к ней Ролло. — Гленнер, это не игрушка! Тащи ее сюда немедленно и смотри не урони.

Гленнер тут же засунула жемчужину себе в рот, словно намеревалась проглотить ее.

— Фто дальфе? Где мой фуп?

Переведя взгляд с Гленнер на Пижму, Аума пожала плечами:

— О чем это она?

Понимая, что так проку не добьешься, Гленнер передала жемчужину в лапы Пижме и громогласно заявила:

— Я спрашиваю: где моя миска с супом?

Подбежавшая Пинким радостно похлопала выдру по спине:

— Будет тебе суп! Молодец, ныряльщица!

Арвин тут же выкопал в прибрежном песочке какой-то камешек и торжественно вручил его Пинким.

— Я тоже хочу супа, — заявил он.

— Гленнер, а где именно ты нашла жемчужину? — спросила Пижма.

Выдра присела на мшистый берег и печально покачала головой:

— Вы даже не поверите, но старого Криворота убила именно эта жемчужина. Она застряла у него в глотке.

Не отрывая взгляда от жемчужины, ежиха проговорила:

— Значит, так оно и было. Видимо, Фермальда бросила жемчужину в пруд, а Криворот подумал, что это вкусная еда, попытался проглотить ее и задохнулся.

Подошедший летописец решил ободрить Пижму:

— Да ладно тебе! Чего расстраиваться-то? Жемчужину мы достали, а жадная рыбина сама себя загубила.

— А я не из-за рыбы и расстраиваюсь,— ответила Пижма.— Помните, в стихотворении говорилось о терпении, которое будет вознаграждено, но всего один раз. Вот мы и получили единственную награду — жемчужину. Но ни бумаги, ни пергамента, никаких ключей к тому, где искать следующую, у нас нет. Что теперь будем делать?

— Как это — что теперь делать? — У кротишки Копуши явно был готов ответ. — Конечно, пойдем на кухню и р-разогреем для выдр-ры целый котел ее любимого кр-реветочного супа.

Вбежав в Пещерный Зал, вся компания удобно расположилась вокруг одного из столов. Показавшийся на пороге кухни брат Хиггли на миг обескуражил всех суровым выражением лица и притворно строгим голосом.

— Мне сказали, что тут кое-кто захотел креветочного супа?

Гленнер просительно подняла переднюю лапу:

— Это я. Если честно, мне пообещали супа, если я...

Старый еж перебил Гленнер:

— Ничего не знаю ни о каких обещаниях.

Мордочка Гленнер приобрела печальное выражение, и молодая выдра покорно села на свое место. Больше выдерживать эту комедию брат Хиггли был не в силах. Он хлопнул в ладоши, и из кухни вышла ежиха Тизель, катившая перед собой сервировочный столик, на которой возвышался здоровенный котелок с дымящимся супом.

Вся компания зачерпнула себе по небольшой поварешке горячего и очень острого супа, за исключением Гленнер, которая, моментально съев все в своей тарелке, по-

просила добавки. Остальные предпочли загасить перечное пламя во рту клубничным морсом и перейти к блинам с вареньем, заботливо приготовленным на всякий случай ежихой Тизель.

Пижма вытащила из мешочка раковину-шкатулку и заботливо положила в нее третью жемчужину.

— «Слезы Всех Океанов», — пробормотал Ролло. — Красивые вещицы, согласитесь. Только боюсь, что без оставшихся трех они окажутся совершенно бесполезны. Если придется торговаться с похитителями Дьюррала и Фиалки, нам потребуются все шесть жемчужин. Хотя, если честно, я бы не задумываясь отдал десять раз по шесть жемчужин, только чтобы наши друзья снова вернулись домой живыми и невредимыми.

Договорив, летописец передал шкатулку Ауме. Барсучиха лишь мельком взглянула на жемчужины, захлопнула раковину и закрыла ее на замочек.

— Вот уж точно: нет сокровищ дороже жизни твоих близких. Я гоню от себя мысль, что, может быть, именно в этот момент Мартин и его друзья рискуют жизнью, сражаясь с коварным противником. Как бы я хотела хоть чем-нибудь помочь им!

Убрав шкатулку обратно в мешочек, Пижма повернулась к Ауме и сказала:

— Потому-то и я сама не своя. И самое грустное, что у нас нет теперь ни единой ниточки, никакого ключика, чтобы разыскать оставшиеся жемчужины. Фермальда не позаботилась о подсказке.

Летописец Ролло, устроившись поудобней в ближайшем кресле, сказал:

— Я предлагаю прервать разговоры и спокойно подумать над этим в тишине.

Но после утомительной «боевой операции» на пруду и плотного обеда поразмышлять как-то не удалось. Первым дремота одолела старого летописца. Следом усталость сморила Ауму и Гленнер, затем Пижму и Пинким с Краклин.

Арвин тоже было задремал, но стукнулся лбом о стол, отчего тотчас же проснулся.

Неутомимый бельчонок протер глаза, осмотрелся и поспешил растолкать Копушу и Гурбал, которые только-только прикорнули на матрасике в ближайшем углу зала. Поначалу кротишки поворчали на Арвина, но глаза раскрылись сами, когда кротята узнали, зачем их разбудили.

— Вставайте, вставайте, сони! — тормошил их Арвин. — Пока взрослые спят, мы найдем жемчужины, и все удивятся, какие мы молодцы.

— Хур-р! Хор-рошая мысль! А где спр-рятаны эти р-розовые жемчужины?

— Ну, Гурбал, ты даешь! Да если б я знал, где они, их бы и искать не понадобилось!

— Хур-р! Так ты не знаешь? Тогда где мы будем их искать в пер-рвую очер-редь?

Арвин на минуту задумался, делая при этом серьезное лицо и деловито почесывая хвост. Вдруг его осенило.

— Знаю, — заявил он, — наверху, на чердаке. Там нас никто не найдет и не помешает искать жемчужины.

Хихикая и толкаясь, трое малышей выскользнули из зала, поднялись по лестнице, прошли мимо спален и взобрались на чердак.

Пижма вздрогнула во сне и что-то забормотала. В эти мгновения сквозь сладкую дрему перед ней вновь появился уже знакомый силуэт. Он не мог принадлежать никому иному, кроме как Мартину Воителю, основателю Рэдволла. Воин улыбался, и от его улыбки становилось тепло и спокойно.

— Что-то случилось? — спросил он у Пижмы. — Ты так волнуешься!

Ежиха глубоко вздохнула во сне:

— Мне нужно найти ключ, чтобы продолжить поиски оставшихся жемчужин. Но я даже не знаю, с чего начать.

Губы древнего воина не шевелились, но его голос Пижма слышала совершенно отчетливо:

— Найдешь троих малышей и узнаешь...

Видение исчезло, образ воина растворился, и Пижма погрузилась в глубокий, спокойный сон.

Краклин разбудили странные звуки в зале: «Ш-шлеп! Ш-шлеп! Ш-шлеп!» Этот смешной звук повторялся с какой-то завораживающей регулярностью. Краклин открыла глаза и села. В этот момент Гленнер вынула голову из супового котла, который она, оказывается, вылизала до самого дна, и облизнула усы и мордочку.

— Ничего на свете нет вкуснее, чем хорошо поперченный креветочный суп, — объявила выдра. — Что горячий, что холодный — объедение!

Постепенно стали просыпаться и остальные. Потянувшись, Аума вздохнула.

— Интересно, сколько времени? — спросила она. — Хороши мы, нечего сказать! Завалились спать прямо в столовой, как какие-нибудь несмышленые малыши.

Это слово окончательно пробудило Пижму.

— Малыши? — переспросила она. — А где же Копуша, Гурбал и Арвин?

Не получив ответа на свой вопрос, ежиха стала искать пропавших по углам зала. Гленнер попыталась успокоить ее:

— Да что ты волнуешься? Уйти из аббатства они не могли. Скорее всего играют где-нибудь во дворе.

Заглянув под очередной стол, ежиха сказала:

— Мне приснился Мартин Воитель. Он сказал мне, что я должна найти троих малышей и тогда я узнаю...

Аума тем временем заглянула в пустой бочонок, стоявший в углу.

— Что ты должна будешь узнать? — спросила барсучиха.

Пижма решительно направилась к дверям Большого Зала.

— Узнать? Ключ к поискам оставшихся жемчужин. Но если это и не так, все равно не помешает разыскать этих сорванцов.

24

Асконса вызвал к себе на корабль двух морских крыс — Балтура и Ганчо. Втроем они проследовали на корму, откуда был хорошо виден дворец императора Ублаза. Лис поежился от мысли, что, вполне вероятно, именно в это время император как раз может наблюдать за ними. Скрыв внутренний страх, он спокойным голосом обратился к своим приятелям:

— Не нравится мне все это, ребята. Слишком легко Ублаз сдался. На него это не похоже. Зверь он опасный, и надо быть начеку.

— Ну и что ты предлагаешь? — спросил его Балтур.

— Во-первых, я не собираюсь сидеть здесь, в гавани, и дожидаться, пока Ублаз сделает

свой ход. Сегодня же вечером, как только стемнеет, мы снимемся с якоря и все вместе покинем Сампетру. А вернемся мы сюда или нет — еще посмотрим.

Ганчо в задумчивости поскреб когтями борт.

— Боюсь, Ублаз увидит, что мы готовимся к отплытию, и попытается помешать нам.

Лис пожал плечами:

— Нужно рискнуть, и у нас есть шанс. Надо тайком передать эту информацию всем экипажам. Не собирать команды, не выстраивать их на палубе и не отдавать приказы. Пусть сообщат друг другу по цепочке. К вечеру матросы подтянутся к кораблям из таверн, и, как только стемнеет, по моему сигналу все поднимаем якоря и уходим. Кстати, вас двоих я назначаю капитанами ваших кораблей.

Последнее сообщение явно приободрило обеих крыс. Вытянувшись перед лисом в струнку, они отчеканили:

— Мы с тобой, Расконса! Ждем твоих приказаний!

Весть о скором отплытии мгновенно облетела окрестности порта.

— Сегодня вечером снимаемся с якоря,— сообщал один матрос другому.— Только ты особо не кричи об этом, передай своим, самым надежным.

В сумерках первые, самые дисциплинированные, матросы стали потихоньку подтягиваться к своим кораблям.

В это время где-то из одной таверны вышла старая, седеющая морская крыса с повязкой на одном глазу и со ржавой саблей на поясе. Оглядевшись, она пошла было вниз, к причалам, но, удостоверившись, что за ней никто не следит, шмыгнула в какой-то переулок и резво зашагала в противоположную сторону.

Через некоторое время двое надзирателей ввели эту крысу в приемный тронный зал императора. Ублаз одобрительно проследил за тем, как крыса сбросила маскиров-

ку и приняла из лап командира взвода свой именной трезубец.

— Ну, выкладывай, — обратился Ублаз к своему шпиону, — что они замышляют — напасть на меня или сбежать?

Крыса встала перед куницей навытяжку. Взгляд императора словно буравил ей мозг. Слово в слово она рассказала ему все, что услышала в таверне.

В сгущавшихся сумерках раздался топот множества лап. Вскоре на причале показался большой отряд надзирателей и крыс-стражников. Во главе внушительного войска шел сам Ублаз. У Расконсы, стоявшего на палубе своего корабля вместе с Балтуром, задрожали лапы.

— Это император! Он узнал наш замысел! — с ужасом выдохнул Балтур.

Расконса в ответ улыбнулся, изо всех сил стараясь сохранить спокойное выражение на морде. Хорошенько пихнув Балтура локтем в бок, он сказал:

— Заткнись, крыса. Перестань ныть. Визит Ублаза — это моя проблема.

Император выглядел внушительно. Одет он был в золотистую шелковую тунику, а на его голове был повязан белоснежный тюрбан, украшенный огромным изумрудом. Куница оставил свою охрану в стороне, а сам подошел вплотную к кораблю и любезно поздоровался с Расконсой:

— Ну и как дела у моего шеф-капитана? На кораблях все нормально?

Расконса мгновенно принял предложенную ему манеру игры.

— Ваше Величество, все замечательно. Но умоляю вас, откройте мне тайну, что могло привести вас в порт в столь поздний час?

Император достал из-за пояса зеленый шелковый шарф, подаренный ему лисом, и повязал его вокруг головы, предварительно подмигнув Расконсе.

— Ах да, чуть не забыл. Мне приходится быть осторожным, чтобы не воспользоваться ненароком гипнотической силой моего взгляда. А своего шеф-капитана я вовсе не собираюсь околдовывать.

Лис огромным усилием подавил бившую его дрожь. Его лапа инстинктивно скользнула к рукояти кинжала — подарку императора.

Ублаз обвел взглядом корабль, пожал плечами и продолжил:

— Я тут подумал, что настало время исполнять данные тебе обещания. Например, по-моему, давно пора подновить оснастку моих кораблей. Ты не волнуйся: мои плотники сделают всю работу вместо твоих матросов. Начнем мы с того, что заменим все рули, рулевые весла и штурвалы. У меня как раз припасен великолепный корабельный лес для этих деталей.

Беспомощно улыбаясь, Расконса наблюдал за тем, как надзиратели и стражники поднялись на борт и вынесли руль вместе со штурвалом, сделав, таким образом, корабль совершенно бесполезной посудиной. Когда подобная операция была проведена со всеми шестью кораблями, Ублаз выстроил шестерых стражников на причале перед Расконсой и представил их одного за другим:

— Итак, лис, знакомься: это Гаултра, Френц, Орлуг, Керрат, Сумгил и Крют. Теперь они будут капитанами шести кораблей. Ребята испытанные и надежные. Шаг вперед! Отдать честь вашему шеф-капитану!

Шесть стражников беспрекословно повиновались и почтительно поклонились Расконсе. Расконса небрежно кивнул им в ответ, одновременно подсчитывая что-то в уме.

— Шесть, говоришь? Но у нас ведь только шесть кораблей.

Безумный Глаз победно улыбнулся в лицо противнику:

— Ну да! А ты будешь командовать всеми вместе. А пока спокойной ночи, господин шеф-капитан!

Сняв шарф, закрывавший глаза, Ублаз развернулся и пошел прочь с причала.

Балтур обиженно обратился к лису:

— Подожди, ты же назначил капитанами меня и Ганчо. С какой стати Безумный Глаз ставит над нами каких-то своих командиров?

Ублаз резко обернулся, и его взгляд пригвоздил Балтура к палубе.

— Эй, ты! Как тебя зовут? — требовательно обратился император к корсару.

Лишь в первую секунду Балтур, судя по всему, пытался сопротивляться, но затем сник под магической силой взгляда императора.

— Меня зовут Балтур, Ваше Величество, — ответил он.

— Давно плаваешь, Балтур?

— Сколько себя помню, Ваше Величество.

— Значит, нравится тебе море?

— Так точно, Ваше Величество.

Ублаз усмехнулся, и его глаза еще строже впились в несчастного пирата.

— Вот и хорошо. Может, пойдешь искупаешься в своей любимой водичке?

Разговор на этом и закончился. Ублаз снова развернулся и пошел вдоль причала. А через несколько секунд раздался громкий всплеск — это Балтур бросился с палубы прямо в море.

В тот же вечер, уже почти совсем ночью, Сагитар вошла в тронный зал и положила у ног императора пиратскую саблю. Куница бросил удивленный взгляд на ржавый клинок:

— А это что за железяка? Зачем ты принесла ее сюда?

Сагитар заговорила, тщательно подбирая слова, чтобы не вызвать гнев повелителя:

— Ваше Величество, во время смены патруля в порту лис Расконса передал мне эту саблю и приказал отнести

ее вам. На словах он потребовал передать, что один из ваших новых капитанов, по имени Орлуг, получил этот клинок как знак офицерского отличия из лап шеф-капитана. К сожалению, Орлуг, будучи неуклюж и не умея обращаться с оружием, споткнулся на трапе и упал, наткнувшись прямо на острие сабли. Исход был трагичен: Орлуг скончался. Еще Расконса сказал, что вам не стоит беспокоиться и назначать ему другого капитана: он постарается управиться с ролью капитана судна и предводителя всего флота самостоятельно. Вот что он просил передать вам, Ваше Величество.

К большому удивлению Сагитар Пилозуб, император не рассвирепел, услышав этот доклад, а, наоборот, по-своему обрадовался и от души рассмеялся. Прошло даже некоторое время, прежде чем Ублаз, утерев глаза носовым платком и переведя дыхание, смог продолжить разговор.

— Отправляйся обратно в порт, — приказал он Сагитар, — и передай Расконсе мои поздравления. Да, и еще скажи вот что: тут у меня приключилась одна неприятность, конечно не столь серьезная, как потеря одного из капитанов. Просто мои неуклюжие надзиратели по дороге уронили все корабельные рули и штурвалы, да так, что те разлетелись в щепки. А без образцов сделать новые будет гораздо труднее и потребуется намного больше времени. Но, разумеется, я прикажу плотникам, чтобы они трудились день и ночь. Все, можешь идти.

Уже далеко за полночь Расконса сидел в своей каюте вместе с Балтуром и Ганчо. Перед пиратами на столе стояла здоровенная фляга с грогом. Лис только что пересказал приятелям свой последний разговор с Сагитар — посланницей императора.

Залпом выпив кружку грога, Ганчо икнул и сказал:

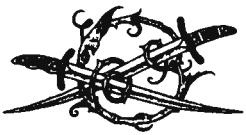
— Сначала Безумный Глаз обездвижил наши корабли, затем уничтожил рули и штурвалы. Похоже, он всерьез

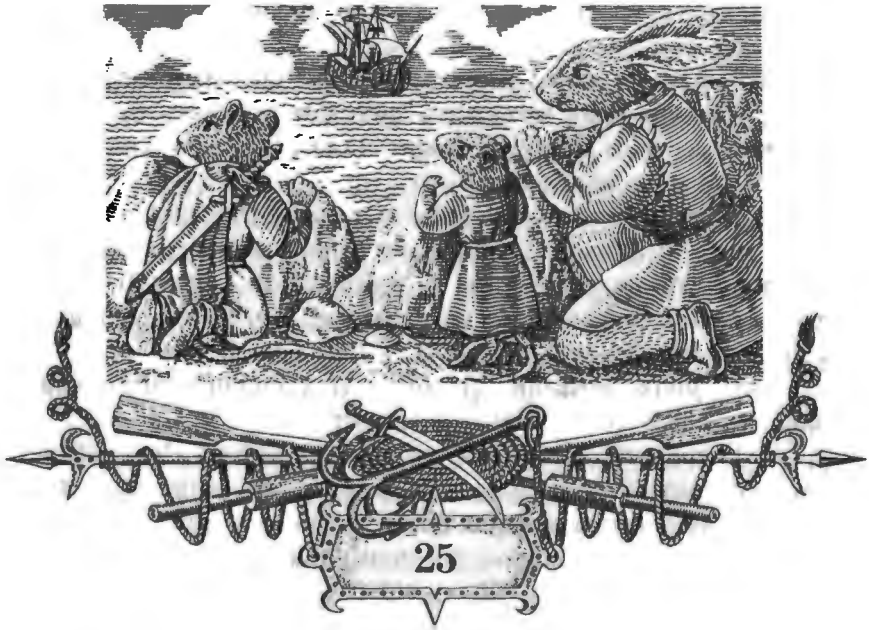
вознамерился привязать нас навеки к этим причалам. А противостоять мы ему, по-моему, не можем.

Расконса налил рассерженной крысе грога и возразил:

— Нет, приятель, я сказал Сагитар, чтобы она передала Ублазу мое послание: у нас на кораблях осталось пять его, с позволения сказать, капитанов. Очень надеюсь, что рули будут восстановлены в течение пяти дней. Пять капитанов — за пять дней. А то кто их знает, может, они все такие же неуклюжие, как Орлуг. На незнакомом-то корабле мало ли что может произойти... А где же среди наших старых пиратов толковую крысу найдешь?

Сдвинув кружки, Балтур, Ганчо и Расконса зловеще расхохотались. Лис был уверен, что этот раунд смертельно опасной игры остался за ним.





25

Мартин с Хватом и Фиалкой сидели, спрятавшись за большими камнями у самого берега, и внимательно наблюдали за покачивавшимся на якоре «Морским Змеем». На борту пиратского судна было тихо, а происходило ли что-нибудь на его палубе, в этот предрассветный час не мог разглядеть даже зоркий заяц. Зато, посмотрев в сторону, Хват вдруг сообщил:

— Похоже, наша подружка выдра возвращается. И, насколько я могу разглядеть, ее шлюпка чуть держится на плаву.

Мартин и Хват пошли на берег, чтобы помочь Грат вытащить лодку из воды. Напоследок они велели Фиалке в случае опасности не

выскакивать на открытое место, а пробираться подальше в лес.

Не теряя из виду пиратский корабль, мышь-воин и заяц помогли Грат вытащить лодку и спрятать ее в надежном месте за прибрежными скалами. Тщательный осмотр судна не порадовал Грат.

— Похоже, это суденышко в таком виде спускать на воду нельзя. И честно говоря, не представляю, как я смогу привести ее в порядок в ближайшее время без мало-мальских подходящих материалов. К тому же волнами с нее смыло все мои припасы.

Хват упал навзничь рядом с подошедшей Фиалкой, закатил глаза и клоунски запричитал:

— Голодный, холодный, мокрый, усталый! Нет, конечно, доводилось мне бывать и в худших ситуациях, но, убейте меня, когда именно такое случалось, не припомню.

Мартин предупреждающе поднял лапу:

— Тихо!

Грат тоже что-то услышала. Она схватила свой лук и стрелы, которые, на счастье, лежали целы и невредимы на дне ее шлюпки.

— По-моему, какие-то звери двигаются вниз по реке в нашем направлении. Я предлагаю особо не высовываться и подпустить их поближе.

Сказав это, Грат скользнула в укрытие, образованное изгибом речного берега, и стала ждать. Вскоре неожиданно раздался ее довольный смех.

— Глазам своим не верю! Да это же сам Лог-а-Лог и его героические землеройки Гуосим!

И действительно, вскоре шесть быстрых как стрелы долбленых челноков пристали у последнего поворота перед устьем. Стоило землеройкам заметить Грат, как они высыпали на берег, радостно повизгивая и размахивая лапами. Первым похлопал по плечу выдру сам вождь.

— Кого я вижу! Грат Длинная Стрела! Здорово, водяная псина! — сказал Лог-а-Лог.

— Приветствую тебя, гордый покоритель водных просторов, — в тон ему ответила Грат.

— Только не говори мне, что ты опять потерпела кораблекрушение и попортила так старательно отремонтированную лодку. Что, так и есть? — переспросил Лог-а-Лог. — Ну ладно. Будет чем заняться. А это кто? Неужели сам Мартин? Мартин из Рэдволла! Кого я вижу!

Мышь-воин подошел к берегу и весело поздоровался со старыми приятелями из племени Гуосим:

— Здравствуй, Лог-а-Лог! Дабби, Завитушка, Гимбли, как я рад вас снова видеть!

Хват тем временем прокашлялся, а когда землеройки посмотрели в его сторону, он показал на себя и на Фиалку и сообщил:

— Вы не обращайте на нас внимания, ребята. Мы тут так, пара мотыльков, случайно пролетавших мимо. Согласись, Фиалка.

Вскоре в укромном местечке был разведен костер, и землеройки занялись привычными обязанностями. Первым делом они облачили Фиалку в сухой плащ. Одежда с плеча землероек прекрасно подошла юной полевке. Завитушка и Дабби возглавили ремонтную бригаду и немедленно занялись осмотром пострадавшей шлюпки Грат.

Лог-а-Лог присел к костру вместе с Мартином и Хватом, чтобы обсудить сложившуюся ситуацию. Когда ему рассказали о засаде у канавы, вождь землероек многозначительно усмехнулся и сказал:

— Выше по течению мы наткнулись на морскую крысу. Сущий пират! На всякий случай мы взяли его в плен. Теперь его караулят там, у лодок. Сейчас попробуем выяснить, что они собираются сделать с вашим настоятелем. Эй, ребята, тащите этого разбойника сюда!

Связанный и с кляпом во рту пират предстал перед капитаном землероек. Мартин тотчас же узнал его.

— Точно, это он, тот самый, которому удалось сбежать, когда мы перебили всех его приятелей.

Грат Длинная Стрела шагнула вперед. Взяв нож у одного из поваров, она перерезала веревку, связывавшую пирата, вытащила кляп у него из пасти. Затем, приладив зеленую стрелу к луку, выдра зловеще ухмыльнулась и обратилась к дрожавшей от страха крысе.

— Беги! — приказала она.

Бросив взгляд на мрачную физиономию выдры и на ее грозный лук, пират рухнул на колени и взмолился:

— Ты убьешь меня, я знаю! Мне не уйти от твоих стрел! Пощадите меня, умоляю вас!

Грат заставила крысу подняться на ноги.

— А вы пощадили моих родителей и мою семью? Вы перебили их всех! И я, Грат Длинная Стрела, последняя из рода выдры Лутры, запомнила это навсегда! Беги, приказываю тебе!

Тут Мартин встал между Грат и пленником.

— Нельзя убивать его сейчас, — спокойно, но твердо сказал он. — Он должен еще кое-что рассказать.

Голос Грат дрогнул от напряжения:

— Мартин, я уважаю тебя, ты прирожденный воин, но эта крыса — трус и убийца. Я поклялась отомстить за свою семью, так что отойди в сторону. Я не хочу поранить тебя, Мартин.

— Боюсь, тебе придется поранить и меня, если ты решила выполнить свое желание во что бы то ни стало, — с такими словами обратился к выдре Лог-а-Лог, вставший перед нею рядом с Мартином. — Не позволяй злобе и мести затмить твой разум. Отложи свой лук. Признай сама, что Мартин прав.

Выждав еще секунду, Грат осторожно опустила лук и выстрелила в землю прямо перед своими лапами. Крыса-пират издала вздох облегчения. Грат вздохнула и чуть виновато улыбнулась своим друзьям:

— Да, Мартин, ты действительно прав. А ты, Лог-а-Лог, когда говоришь, напоминаешь мне отца.

Мышь-воин пожал Грат лапу:

— Извиняться тебе не за что. На твоем месте я, наверное, вел бы себя так же. А теперь предлагаю позавтракать, а заодно задать пару вопросов этому разбойнику. А уже выяснив у него все, что нам нужно, составим план дальнейших действий.

Наступило туманное, почти безветренное утро. Вышедшая на палубу Ромска поставила перед аббатом Дьюрралом миску какого-то неаппетитного варева сомнительного вида и запаха.

— Поели бы, настоятель,— сказала она.— Какой смысл морить себя голодом?

Беспомощно моргая полуслепыми без очков глазами, старый настоятель поблагодарил хорьчиху:

— Ты очень была добра, дитя мое, к моей маленькой подружке-полевке.

В ответ Ромска расхохоталась:

— Я тебе не дитя, старая мышь! Ты ко мне не подлизывайся. Ешь что дают и помолись о том, чтобы твои приятели из аббатства поскорее притащили жемчужины моего императора.

Дальнейший разговор был прерван подбежавшим к мачте Ласком Фрилдором. Генерал взволнованно прикрикнул на Ромску:

— У тебя ч-что, с-совсем глаз-з нет? Не видиш-шь, ч-что творитс-ся? — И он махнул когтистой лапой в сторону берега.

Ромска хотела ответить ему на оскорбление, но одного взгляда на берег ей было достаточно, чтобы прекратить ненужные в этот момент споры и сосредоточить все внимание на опасности, угрожавшей ее кораблю.

А беспокоиться было из-за чего. На берегу, возле шести долбленых лодок с маленькими парусами и рядами весел, выстроились шесть экипажей, состоявших из небольших зверюшек очень воинственного вида, с яркими повязками на головах и с маленькими, но чрезвычайно

грозными шпагами в ножнах на поясе. Чуть поодаль, рядом с морской шлюпкой, стояли еще звери: сурового вида мышь с громадным мечом, перекинутым через спину, большая выдра и далеко не мирно выглядевший заяц. Последние двое были вооружены луками и стрелами. Ромска аж присвистнула:

— Да чтоб меня рыбы сожрали! Откуда взялась вся эта милая компания?

Ласк Фрилдор заходил по палубе взад-вперед, нервно колотя хвостом по бортам.

— А кто их-х з-знает! Но, пох-хоже, их-х там вполне дос-статочно, ч-чтобы вз-зять наш-ш корабль ш-штурмом. Мне каж-жется, ос-ставаться здес-сь на якоре дольш-ше небезопас-сно.

Пинком выбив из лап настоятеля миску с едой, генерал надзирателей подтащил Дьюррала к борту, насколько позволяла веревка, удерживавшая того около мачты.

— С-смотри на берег, мыш-шь! — просвистел Ласк. — Кто эти з-звери? Отвеч-чать!

Прищурившись, Дьюррал поглядел на берег и обернулся к ящерице:

— Без очков я не могу ответить вам наверняка, но, судя по яркой одежде, скорее всего это землеройки из Партизанского Союза Гуосим.

Ласк недоверчиво повернулся к настоятелю и уточнил:

— Какие ещ-ще партиз-заны? Ч-что, воины?

Отворачиваясь в сторону, чтобы не вдыхать зловоние, исходящее из пасти рептилии, аббат Дьюррал ответил:

— Да, сынок, речные землеройки Гуосим — самые отличные и яростные бойцы как на земле, так и на воде.

Подтянув старого настоятеля к себе вплотную, Ласк Фрилдор потряс его и прокричал ему прямо в лицо:

— С-старый дурень! Я тебе не с-сынок! Ес-сли ты ещ-ще не понял, я — твой враг!

Спокойно и без страха глядя в глаза ящерице, Дьюррал ответил:

— У настоятеля аббатства нет врагов. Единственное, что я могу предложить тебе в этой ситуации, — это отпустить меня и плыть отсюда с миром.

Ласк Фрилдор снова сильно тряхнул старую мышь.

— Я не уплыву отс-сюда без-з ж-жемчуж-жин императора. Когда я их-х получ-чу, ты с-сможеш-шь быть с-свободен.

— Какие жемчужины? Я понятия не имею ни о каких жемчужинах.

Получив этот ответ, Ромска обернулась к Фрилдору:

— Ну что, слышал? Я думаю, о жемчужинах он понятия не имеет. Ну и что будем делать дальше? Попомни мое слово, Ласк: какое бы решение мы ни приняли, делать это надо как можно быстрее.

Землеройка Трип подбежала к выдре и доложила:

— Что могли, сделали. Сколько твоя шлюпка продержится — не знаю, гарантий дать никаких не могу, но пока что ее можно спускать на воду.

Наскоро поблагодарив ремонтную бригаду, Грат потащила шлюпку к берегу. Ей на помощь бросились Мартин и Хват. Тем временем Лог-а-Лог сложил передние лапы рупором и издал известный далеко за пределами Страны Цветущих Мхов боевой клич Партизанского Союза Землероек Гуосим:

— Логалогалогалогалог!

Тем временем шлюпка была спущена на воду, и бухта огласилась еще тремя боевыми кличами:

— Рэдво-олл!

— Еула-лиа-а!

— Дом Лутры!

Выйдя из устья реки, боевая флотилия развернулась полукругом, со шлюпкой Грат в центре, и двинулась в сторону открытого моря. Закрепив руль прямо по курсу, Грат вышла на нос своего судна и приготовилась

к стрельбе, натянув тетиву лука. Над бухтой, перекрывая шум волн, раздался ее громогласный голос:

— Отпустите пленника, или вам конец!

Ласк Фрилдор посмотрел в глаза Ромске и прошипел:

— Ух-ходим!

Медлить было нельзя. Всё решали секунды. Одним ударом палаша Ромска перерубила якорный канат и стала выкрикивать команды:

— Разворачивай корабль к западу! Поднять паруса! Все паруса, до единого! Лови ветер!

Подбежав к рулевому, хорьчиха задрала повыше свой мокрый нос, чтобы почувствовать, с какой стороны тянет едва уловимый ветерок. Ощутив малейшее движение воздуха, она негромко отдала команду рулевому:

— Лево руля! Чуть правее! Так держать!

Тем временем Ласк Фрилдор со своими надзирателями и частью матросов выстроились вдоль бортов с пиками и алебардами на тот случай, если подоспевшие противники попытаются взять судно на абордаж. Челночки-долбленки и шлюпка подходили все ближе, что никак не добавляло Ласку Фрилдору спокойствия. Обернувшись к хорьчихе, он крикнул:

— Эй, капитан! Поч-чему мы не двигаемс-ся? Неужжели все твои парус-са не могут поймать х-хоть немного ветра?

Расстояние между судами все сокращалось. Грат, почувствовав, что критическая отметка пройдена, подняла лук и пустила первую стрелу в генерала надзирателей. Именно в тот момент паруса «Морского Змея» наполнились легким порывом ветра, и судно вздрогнуло. Пущенная выдрой стрела угодила в надзирателя, стоявшего рядом с генералом. Ящерица ухватилась за древко, торчавшее у нее из груди, и с предсмертным воем повалилась за борт.

— Ветер крепчает! — радостно прокричала Ромска. — Ничего, с нашими парусами мы от них быстро уйдем!

Мартин тем временем окликнул Грат:

— Похоже, ветер будет им на руку!

Поняв, что, прыгая в шлюпке на волнах, попасть в такую же прыгающую цель невозможно, Грат перебралась на корму к рулю, по пути ответив Мартину:

— Ветер, который дует в их паруса, точно так же подгоняет и нас.

Развернув свой единственный парус полностью, выдра осмотрелась. Землеройки, подгоняемые ритмичными командами Лог-а-Лога, налегали на весла, всячески пытаясь не отставать на своих речных суденышках от большой, по их меркам, и тяжеловесной шлюпки.

На пиратском же корабле тем временем происходило вот что: в голове Ласка Фрилдора мелькнула какая-то недобрая мысль, и он, зловеще свистнув, бросился к аббату Дьюрралу. Отвязав пленника от мачты, он на веревке потащил старого настоятеля на корму, где, привязав веревку покрепче к перилам, перебросил старую мышь за борт. Несчастный аббат повис в воздухе между водой и верхней кромкой заднего борта.

— Пус-скай теперь с-стреляют, — злорадно прошипел Ласк Фрилдор, — ес-сли не боятс-ся продырявить с-своего нас-стоятеля!

Грат действительно была вынуждена опустить лук. Она стояла на носу шлюпки, сокрушенно повесив голову, как вдруг сзади раздался треск и предупреждающий крик Мартина:

— Берегись! Мачта сломалась!

Кр-ррак!

Не выдержав нагрузки свежего ветра, старая, несколько раз поврежденная мачта сломалась как спичка, рухнув вместе с парусом на шлюпку. Мартина накрыло парусиной словно мешком. Выбираясь, он был вынужден действовать мечом и зубами. Хвата мачта придавила ко дну лодки всем своим весом. Увидев, что случилось с другом, Мартин поднатужился и сбросил сломанный кусок мачты

за борт вместе с парусом и оборванным такелажем. Грат положила голову лежавшего без сознания зайца себе на колени, и на ее лице отразилось отчаяние. Видя, что «Морской Змей» быстро удаляется в сторону открытого моря, она сокрушенно сказала:

— Мартин, на этот раз они победили. Нам их теперь не догнать.

Протерев глаза от едкой морской воды, Мартин с прежней уверенностью в голосе как заклинание повторил:

— Нет, они не победили нас! Мы им еще покажем!

Лог-а-Лог скомандовал отбой атаки, а затем, выполняя его команды, долбленки землероек развернулись и, взяв на буксир поврежденную шлюпку Грат, направились обратно к берегу.

26

Последняя весенняя ночь, будто мягкий черный бархатный плащ с пуговицами из звезд, неслышно опустилась на древние стены аббатства Рэдволл. По всему аббатству, словно светлячки, замелькали зажженные лампы и факелы. Пижма в очередной раз вернулась от пруда ко входу в главное здание аббатства, где у порога, тоже с лампой в лапах, стояла барсучиха Аума.

— Ну что, так и не видели этих малышей? — озабоченно спросила Пижма.

— Ни усика, ни хвостика, — развела лапами барсучиха. — Будто испарились. Подождика, вон идет Вальджер, может, у него есть новости.

Подойдя поближе, Вальджер покачал головой:

— Я осмотрел ворота. Они бы не смогли открыть тяжелый засов ворот.

— Да мы уже с лап сбились, — вздохнула Пижма. — И Краклин, и Пинким, и все остальные.

Вальджер добродушно улыбнулся:

— Не стоит так убиваться, если мы знаем, что они где-то в аббатстве. В конце концов, проголодаются — сами вылезут. Сдается мне, что они спрятались где-нибудь, а потом, наигравшись вволю, уснули. Вот и все.

Барсучика энергично замотала головой:

— Пойду посижу в кухне, может, прикорну где-нибудь на мешке. Заодно буду прислушиваться, вдруг эти хулиганы явятся поживиться чем-нибудь вкусненьким. Ну ничего, я их дождусь, а потом устрою такую головомойку! Эти разгильдяи еще пожалеют о том, что заставили нас так волноваться.

Постояв еще немного в дверях, Пижма направилась в Большой Зал. По пути она прошла мимо гобелена с портретом Мартина Воителя и вспомнила свой сон. Воспоминание только добавило ей беспокойства. За последние часы она почти забыла о жемчужинах, озабоченная поисками спрятавшихся малышей.

В это же время после очередного круга бесплодных поисков вернулись Пинким и Краклин. Вконец расстроенные, все втроем подошли к креслу, где сидел, глядя в камин, старый летописец.

— Что же нам теперь делать, Ролло? — с последней надеждой обратились они к нему.

Летописец поморгал, поправил очки и сказал:

— Единственное, что мы можем сейчас сделать, — это поставить себя на место непослушных и непоседливых малышей. Представьте себе, что вы — это Арвин, Копуша и Гурбал. Где бы вы спрятались, чтобы вас никто не нашел?

Пинким и Краклин ответили в один голос:

— Может быть, внизу — в подвале или в погребе? Пожалуй, нет: малышам было бы страшно в полной темноте.

— Может, наверху, в спальнях? Но там мы уже все осмотрели, причем в первую очередь.

Неожиданно Пижму осенило.

— Я знаю! Один раз нам уже приходилось обыскивать чердак, но, по-видимому, придется предпринять вторую попытку. Чует мое сердце, что чердак Фермальды еще преподнесет нам немало сюрпризов.

Арвин вместе с двумя кротишками сидел, согнувшись в три погибели, в старом шкафу на чердаке у Фермальды. Рядом с ними тускло догорала взятая с собой лампа. Малыши отчаянно боролись со сном. Первой сдалась Копуша. Зевнув в очередной раз, она заявила:

— Все, я устала и пр-роголодалась. Пойду вниз, хур-хур!

Арвин потряс перед носом Копуши удочкой Фермальды.

— Нет, — строго заявил он, — вниз нельзя, мы очень грязные. Давайте лучше переночуем здесь, а рано утром, пока еще никто не встал, я поймаю в пруду большую-большую рыбу, мы ее приготовим и съедим.

Копуша оглядела свое испачканное платьице и вздохнула:

— Боюсь, матушка Аума скажет нам пар-ру ласковых слов, когда увидит, как мы пер-ремазались.

Арвин грозно замахнулся удочкой.

— Ничего, когда я вырасту, я заставлю ее есть крапивный суп на завтрак, обед и на ужин. Вот тогда посмотрим, сколько она продержится, пока не заболеет.

Постепенно веселье, а вслед за ним и разговор утихли, и вскоре глазки малышей, спрятавшихся в шкафу, стали слипаться. И, сами того не заметив, они крепко уснули.

Пижма с подругами, держа в лапах лампы, поднялись по винтовой лестнице на чердак. Здесь было так тихо и мрачно, что они, не сговариваясь, перешли на шепот и ста-

ли ходить на цыпочках, словно боясь кого-то побеспокоить. Шагнув в лунную дорожку, проходившую от окна к дальней стене чердака, Пинким поежилась и прошептала:

— Сомневаюсь я, что малыши остались бы здесь на ночь. Здесь почти так же страшно, как в подвале.

Пижма кивнула и пошла в дальний угол, освещая дорогу лампой.

— А я вот о чем подумала: каково же здесь было жить совсем одной? Неудивительно, что Фермальда и во всем остальном была такой странной белкой.

Тем временем Краклин решила осмотреть небольшой чуланчик сбоку от основной чердачной комнаты. Вскоре она выскочила оттуда и нетерпеливо подозвала подруг:

— Идите, идите сюда! Вон там, в углу чулана, стоит большой старый шкаф. Идите за мной, только тихо-тихо, и послушайте, какие звуки доносятся оттуда.

Пижма на цыпочках подошла к шкафу, прислушалась и обменялась понимающими взглядами с белочкой и мышкой.

— Больше всего это похоже на дыхание и сопение трех спящих малышей, — боясь раньше времени проявить свою радость, с серьезным видом объявила Пижма.

Краклин осторожно открыла чуть скрипнувшую дверцу, и глазам подруг предстали виновники беспокойства: пыльные, грязные, сладко спящие, с подрагивающими в такт дыханию усиками. Не говоря больше ни слова, ежиха, белочка и мышка взяли малышей на передние лапы и понесли вниз, в лазарет.

Сестра Цецилия, хотя и одетая в ночную рубаху и колпак, тем не менее не спала. Она строго посмотрела на спящих малышей и сказала:

— Пока что кладите их всех в мою кровать. Я посижу рядом с ними, а утром посмотрим, что с ними делать.

Через два часа после рассвета было уже совсем тепло. День обещал быть по-настоящему летним — жарким и солнечным.

Намытые, чистенькие, с красными глазами и все еще благоухающие лавандовым мылом, Арвин, Копуша и Гурбал с самым грустным видом сидели на перевернутой тачке, стоявшей посреди огорода. Помимо остальных неприятностей завтрак им заменила очередная миска с крапивной похлебкой под присмотром сестры Цецилии. В общем, более печальных малышей аббатство не видело уже давно. Сбившись в кучку, они слушали лекцию матушки Аумы, которую она решила прочитать, собрав вокруг большую аудиторию — от самых старших до малышей.

— Вы ведь могли угореть и задохнуться в закрытом шкафу с зажженной лампой! Вы хоть это понимаете? Вас обыскались все в аббатстве, потратив на это целый вечер — с сумерек до темноты. Неужели вы не могли сказать кому-нибудь, что уходите играть? Сколько же волнений и неприятностей вы нам доставили! Очень плохо! Арвин, я уверена, что ты был заводилой этого хулиганства. Можешь ли ты что-нибудь сказать в свое оправдание?

Прежде чем ответить, бельчонок потер лапкой ухо, вытряхивая из него остатки мыльной пены.

— А что такое «загореть и удохнуться»?

Брат Хиггли Стамп не выдержал и грозно замахнулся на виновников беспокойства поварешкой.

— За-дох-нуться! Угореть и задохнуться! — повторил он. — Это значит, что вы, хулиганы такие, могли бы помереть в том шкафу, если бы Пижма с подругами не нашли вас.

Аума кивнула, соглашаясь с братом Хиггли.

— Именно так, — сказала она. — Будем считать, вам повезло, и вы остались в живых. А теперь, госпожа Тизель, не могли бы вы занять каким-нибудь полезным делом этих неугомонных малышей?

Ежиха Тизель поклонилась и жестом приказала наказанным следовать за нею.

— Уж что-нибудь придумаю, матушка Аума, — ответила она. — На кухне всегда полно жирных котлов, гряз-

ных тарелок, да и пол никогда не помешает помыть. А еще у меня заготовлена про запас развеселая игра: чистка картошки и других овощей. Вперед, малыши, за дело!

Наказанные, держась лапа за лапу, недовольно потащились за ежихой.

Когда все разошлись, Аума обратилась к хранителю ворот:

— Вальджер, можешь сделать мне одолжение? Попроси Фарло Стампа помочь тебе, возьмите молоток, гвозди и заколотите накрепко этот шкаф. Еще не хватало, чтобы туда стали лазить малыши! Того и гляди, и вправду задохнутся.

Вальджер направился было в мастерскую за инструментом, но тут с северо-западного угла стены раздался предупреждающий свист Гленнер. Затем выдра прокричала:

— К аббатству приближаются два зверя. Минуточку, если не ошибаюсь, это наш Командор и сова, и похоже, им нужна помощь, а то они и к вечеру не добредут до ворот.

Взволнованная Аума немедленно направилась к воротам.

— Вальджер, сестра Цецилия, пойдемте со мной. Ах да, шкаф! Пижма, вы вместе с Ролло не могли бы заколотить его? Пусть вам помогут Пинким и Краклин.

Вскоре Пинким уже приладила деревянную перекладину поперек дверцы шкафа. Краклин приставила гвоздь и, отодвинувшись как можно подальше, сказала:

— Давай, Пижма, бей. Только осторожно — не попади по лапам.

Ежиха занесла молоток для удара, но вдруг остановилась и задумалась. «*Найди троих малышей, и тогда узнаешь...*» — слова Мартина Воителя ясно прозвучали в ее голове. Она отложила молоток и проговорила:

— Уберите палку. Давайте сначала откроем шкаф и хорошенько его осмотрим.

В шкафу не оказалось ничего, кроме старой удочки Фермальды. Ролло взял ее в руки, покрутил и одобрительно кивнул:

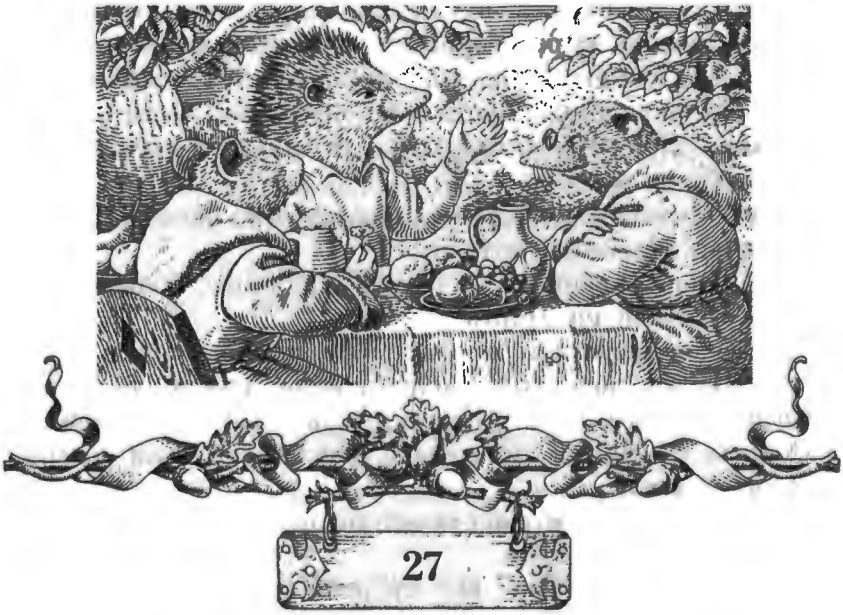
— Хорошая удочка. Сейчас таких уже не делают. Если не ошибаюсь, она похожа на ту, что принадлежала прадеду Мартина, Маттиасу, а он был знатный рыбак. Да, отличная удочка. Хороший ивовый прут, а вот здесь, где нужно держать ее лапами, она еще и обмотана провощенной корой. Эй, Пижма, в чем дело?

Взяв из лап летописца удочку, ежиха отошла к окну и стала внимательно рассматривать ее. Затем она вернулась к Ролло и попросила дать ей перочинный ножик. Заинтригованный, тот поспешил вынуть из кармана складной ножик, которым обычно зачищал перья. Пижма тем временем объяснила свою просьбу:

— Вот здесь, в середине, обмотку, похоже, делали заново, и мне просто не терпится заглянуть, что там под нею... Вот так, теперь подержите, еще... — Разматывая кору, Пижма продолжала говорить: — Вот-вот, я так и чувствовала, что мы что-нибудь найдем. Я была уверена, что здесь что-то спрятано.

Наконец из-под коры действительно появился кусочек пергамента. Что было написано на сложенном листочке, еще никто не знал, но снаружи красовалась крупная надпись: «Кто нашел — тот просто молодец!»

Не отходя от чердачного окошка, друзья сели прямо на пол, и Пижма стала читать очередное послание Фермальды с зашифрованным ключом к поискам следующей жемчужины.



27

Командор и Сноп жадно ели, запивая большие куски орехового сыра и салат огромными глотками ежевично-шиповниковой наливки. Сестра Цецилия и брат Дормал — специалист по целебным травам — продолжали обрабатывать их раны прямо за столом.

Аума пододвинула ближе два таза, в которые налила теплого отвара из целебных трав, чтобы уставшие путники могли попарить в нем свои лапы и когти.

— Слушай, Командор, — спросила она, — не пора ли собирать отряд в помощь Мартину? Боюсь, ему и Хвату туго придется, если они все еще пытаются вызволить Фиалку и настоятеля из плена. Что скажешь?

Предводитель выдр вздрогнул, когда сестра Цецилия стала отдирать шерсть, присохшую к очередной ране.

— Мне кажется, Мартину не понравится, если обитатели Рэдволла станут бродить по окрестным лесам без его команды. Лучше я отправлю по течению реки взвод своих выдр ему на помощь.

Тем временем брат Дормал внимательно осмотрел крыло Снопа и невесело вздохнул:

— Очень может быть, что ты, дружище, больше никогда не сможешь летать.

Совенок вздрогнул, но быстро взял себя в крылья:

— Ну что поделать! В конце концов, умение летать — это еще не все. Моя старая матушка, бывало, говорила. «Ходить почти так же хорошо, как летать, если только дорога сухая».

Брат Хиггли поставил перед друзьями большое блюдо с фруктовым печеньем.

— По крайней мере, все эти раны никак не повлияли на ваш аппетит, — заметил он.

Тем временем в дальнем углу кухни вели совсем другие разговоры. Трое наказанных малышей стояли у большой каменной раковины и, наряженные в передники, печально мыли оставшуюся после завтрака посуду. Арвин не переставал удивляться несправедливости происходящего.

— Ну и дела! Вы только посмотрите на них, — обращался он к своим подругам-кротишкам. — Эти двое не просто спрятались, а сбежали за стены аббатства. Вернулись перемазанные, так что сразу и не узнаешь. И что бы вы думали? Вместо того чтобы отправить их мыть посуду, с ними все возятся, кормят их всякими вкусностями. Ничего не понимаю!

Тут Арвина осенило. Он поднял лапу и сказал:

— А мы в следующий раз поступим как настоящие храбрые звери: убежим в лес, возьмем с собой еды, спрячемся там надолго, а заодно выследим и победим всех

плохих животных. Точно! И вот когда мы вернемся действительно грязные и чумазые, все будут по-настоящему рады нас видеть.

Голос Пижмы эхом разносился по чердаку. Очередное послание старой Фермальды было донельзя запутанным, но никто и не ожидал простого решения.

Слеза четвертая моя —
Аббатству Рэдволл.
Эту я
В жилье пустынное кладу,
Что высоко и на виду.
Его увидите вы сами,
Присев над девичьими волосами.
Груша над елью за домиком, ох! —
Вот и ответ получился неплох!

Пижма с сомнением покачала головой:

— Да, доставались нам разные загадки, но, пожалуй, такой прелести еще не было. Ясно все, как темной ночью в густом тумане. Ну ладно, сидя здесь, мы вряд ли что-нибудь придумаем. Предлагаю сходить на кухню, пообедать, а уже потом будем ломать голову хоть с утра до вечера.

Брат Хиггли накрыл обеденный стол прямо на лужайке и, усевшись сам в тени сливы, внимательно осмотрел ее нежные цветки. Вдруг с выражением прочитал подобающее сезону стихотворение:

Когда я вижу тернослив
В молочной шапке цвета,
Тогда безмерно я счастлив,
Я знаю — это лето!
Короче ночи, дни длинны,
Они полны услады.
И мне в жужжанье пчел слышны
Старинные баллады.

Возрадуйся и ты со мной —
Явилось лето за весной!

Дожевав кусок пирога с ежевикой и яблоками, Ролло одобрительно кивнул:

— Замечательное стихотворение, Хиггли. Никогда его раньше не слышал. Ты его сам написал?

Хиггли Стамп глотнул октябрьского эля и рассмеялся:

— Загрызи меня горностай! Даже чтоб спасти свою колючую шкуру, я бы не срифмовал и двух строчек. Это брат Дормал рассказал его мне, а уж он-то понимает толк в стихах, в погодах и во всем, что растет из земли. Наш старина Дормал действительно мудрый зверь.

Дормал скромно потупился, теребя в лапах упавший с ветки лепесток сливового цветка.

— Да я что... Стихи — они ведь как... Дело такое... Берут да и складываются сами у меня в голове. Так многие умеют.

— Зато вряд ли кто-нибудь больше тебя понимает во всяких травах и прочих растениях, — сказал Ролло.

Старая мышь Дормал пожал плечами:

— Похоже, что так. Ну нравится мне возиться в саду и в огороде. Так же, как и стихи сочинять. А к чему этот разговор?

— А к тому, что я хотел бы узнать, не растет ли у нас где-нибудь в аббатстве плющ под названием «девичьи волосы»?

— Ты имеешь в виду асплениум из семейства атриумных? — поправил Дормал.

Летописец покачал головой:

— Нет-нет, я про «девичьи волосы».

Но брат Дормал уже сел на своего конька:

— Правильное название этого растения — асплениум из семейства атриумных. Впрочем, в настоящее время его часто называют «девичьим волосом». Это вечнозеленый плющ, хорошо растущий на каменных стенах. Сейчас на-

до припомнить, есть ли он у нас где-нибудь в аббатстве... Ну да, конечно, на южной стене. Я еще помню, как прошлой осенью срезал пару веточек для сестры Цецилии. А впрочем, Ролло, что это тебя вдруг заинтересовал асплениум? — Обернувшись, Дормал увидел, что обращается к пустому месту. Ролло уже и след простыл.

Пижма, Пинким и Краклин взобрались на перевернутую тачку и, хихикая, пытались защитить свой полдник от нападавших на них Командора и Снопа, раны которых, похоже, ничуть не влияли на аппетит. Гипнотически подмигивая трем подружкам, совенок пытался незаметно стащить когтями их пудинг. Пока Пижма зорко следила за Снопом, Командору удалось стащить пару булочек.

— Вот ненасытное брюхо! — Краклин со смехом выхватила из лапы Командора булочку, перекинула ее Пинким. Бросок оказался не очень точным, и проворный Сноп схватил булочку на лету.

Веселье было прервано появлением Ролло.

— Друзья, хватит праздно веселиться! — объявил летописец. — Я сделал одно важное открытие. Оставьте ваш полдник и следуйте за мной.

Три подружки без единого возражения отправились за летописцем к южной стене аббатства. Проводив их взглядом, Сноп разделил ореховый пудинг пополам и сказал:

— Если честно, есть что-то героическое в старой землеройке, которую даже вкусный полдник не может отвлечь от исполнения своего долга. Помяни мое слово, Командор, когда-нибудь Ролло изберут настоятелем аббатства. А назовут его... назовут... Ролло Справедливый. Точно, самое подходящее для него имя!

Основной стебель «девичьих волос» тянулся от земли вдоль стены здания, но бо́льшая часть побегов расползлась, как зеленая паутина, по красным кирпичам чуть выше среднего звериного роста.

— Значит, нужно сесть над плющом, — сказала Пижма, заглянув в старый пергамент.

Пинким и Краклин мгновенно бросились бежать к лестнице.

— Кто последний добежит — тот старая, хромая гусеница!

Ролло посмотрел им вслед, затем перевел взгляд на стену, а потом поверх очков взглянул на Пижму.

— Я, конечно, понимаю, что старая, хромая гусеница — это я, но скажи, пожалуйста, куда они так помчались? Может быть, я чего-то не понял?

Пижма взяла старого летописца за лапу и тихонько повела его за собой.

— Как я понимаю, для того чтобы точно выполнить указание Фермальды и оказаться над плющом, растущим на стене, надо подняться на эту самую стену. А там, глядишь, еще что-нибудь придумаем, чтобы отгадать загадку старой белки. Только вы не торопитесь, пойдем спокойно вместе. Будем двумя старыми, хромыми гусеницами.

28

Над Сампетрой снова поднялось горячее тропическое солнце, дав сигнал к началу нового раунда дуэли между Ублазом и Расконсой. Утром спящий в каюте лис был разбужен резким стуком в дверь. Расконса сел, потянулся, зевнул и недовольно крикнул:

— Ну кто там ломится? Давай заходи, если дело есть!

Дверь каюты распахнулась, и на пороге появилась куница в белом тюрбане. Расконса мгновенно схватил лежавший у него под подушкой длинный кинжал. Ублаз, улыбаясь, широко развел лапы в стороны, демонстрируя свою безоружность.

— Отложи клинок, дружище, — с улыбкой сказал император. — Согласись: если бы я хотел убить тебя, мне стоило только проникнуть в твою каюту без стука, и...

Безумный Глаз, оскалившись, довольно клацнул зубами. Расконса налил себе кружку прохладного грога, всячески стараясь не встречаться взглядом с Безумным Глазом.

— Ну, так что заставило тебя притащиться ко мне на корабль в такую рань? — недовольно буркнул лис. — Да, кстати, — добавил он, — садись, если хочешь.

Император оглядел грязные скамьи и табуретки и остался стоять.

— Я пришел лишь затем, чтобы сообщить приятную новость. Руль, штурвал и снасти для первого корабля уже готовы. Плотники работали всю ночь, а сейчас они уже оснащают твой корабль.

Расконса, разумеется, не поверил в добрые намерения императора, но, не зная точно, где тот темнит, перешел в слепую контратаку:

— Честно говоря, я удивлен твоей смелостью: прийти сюда, на причал, и подняться на палубу одному — для этого нужно иметь мужество. Не забывай: мой экипаж гораздо многочисленнее, чем твоя охрана. Один мой приказ — и...

Приветливым жестом Ублаз пригласил лиса подойти к открытой двери каюты.

— Я принял необходимые меры предосторожности, — тихим голосом сказал он. — Часовые у трапа почему-то уснули. Спят и вахтенные матросы на остальных пяти кораблях. Пока ты их добудишься, моя стража исполнит любое мое приказание. Да, и не хватайся за кинжал. Чтобы напасть на меня, тебе придется посмотреть мне в глаза. А я, как знаешь, могу загипнотизировать даже водяную коралловую змею. Что там какой-то лис. Ну что, теперь твой ход, друг мой.

Слушая, как крысы-стражники стучат молотками, восстанавливая руль корабля, Расконса напряженно улыбнулся и заметил:

— Надеюсь, ты не забыл, что у меня в заложниках остались пятеро твоих капитанов и, если со мной что-нибудь случится, их тотчас же отправят кормить рыб.

— Ну и что? — равнодушно пожал плечами император. — Этих болванов, если хочешь, можешь убить хоть сейчас. Честно скажу, мне их ни капельки не жалко.

Расконса почесал пушистый хвост и, понимая свое — по крайней мере временное — поражение, огрызнулся:

— И что же тогда тебе нужно? Ты загнал меня в угол. Сначала поставил корабли на прикол, потом выясняется, что тебе наплевать на твоих же стражников, и вдруг твои подчиненные возвращают на мой корабль руль и штурвал. Что дальше? Может быть, на причале ждет дюжина надзирателей с приказом растерзать меня в клочья?

Ублаз привалился к косяку двери и улыбнулся:

— Я ведь уже сказал, что не собираюсь убивать тебя, Расконса. Дружба и доверие — вот что мне нужно. А теперь перейдем к делу, ради которого я и пришел. Забудь про тех крыс, которых я назначил тебе в капитаны. Выбери самых надежных среди своих друзей и назначь капитанами их, а я лишь издам приказ, утверждающий это назначение. А затем я хочу, чтобы ты подтвердил мне свою верность. Возьмешь пятерых будущих капитанов, соберешь остальную команду из самых верных тебе пиратов и, приняв под командование это судно, отправишься в рейд. Куда — это твое дело. Но чтобы подтвердить дружбу с императором Сампетры, ты вернешься с самой богатой добычей, какую пираты когда-либо привозили на мой остров. Докажи, что ты достоин называться шеф-капитаном моего флота.

Глаза лиса загорелись.

— Значит, вон какое у тебя было ко мне дело? Ну что ж, Ублаз, это честная игра. Договорились: я собираю экипаж по своему выбору, отплываю куда хочу и привожу в Сампетру такую добычу, при одном взгляде на которую у тебя глаза вылезут на лоб.

Император ухмыльнулся:

— А вот этого мне бы не хотелось. Впрочем, я рад, что ты меня понял. Мне нравится, когда меня окружают умные звери, но, к сожалению, в этом мире так много глупцов.

Когда Ублаз ушел, Расконса сыграл общий сбор и пересказал свой разговор с Безумным Глазом, разумеется приукрасив его как следует. По словам лиса выходило, что он по всем статьям переиграл недалекого повелителя Сампетры. На причале раздались приветственные крики, лапы морских разбойников потянулись к висевшим на их поясах флягам с грогом. Расконсе пришлось постучать кинжалом по борту, чтобы призвать всех к молчанию.

— Ну так вот,— продолжал он,— я потребовал у Безумного Глаза, чтобы капитанами были только свои, и притом самые лучшие из своих. Я назначаю командовать кораблями, как уже было сказано, Балтура и Ганчо, а также тебя, горностай по имени Оскал, тебя, хорек Кишкорез, и тебя, морская крыса Пряжка. А теперь я лично отберу себе экипаж, и «Кровавый Киль», взяв на борт самых лучших, отправится под моим командованием в пиратский рейд.

Вскоре отобранные лисом пираты уже поднялись на борт «Кровавого Киля» и стали готовить судно к отплытию, одновременно обсуждая предстоящий поход, возможные схватки и добычу.

Морская крыса по имени Гух, бывший рулевой «Флибустьера» капитана Барранки, был назначен рулевым «Кровавого Киля». Против этого назначения не возражал никто, потому что лучшего рулевого во всем пиратском флоте не было.

Солнце величественно спускалось к горизонту, заливая море на западе расплавленным золотом. Ублаз и Сагитар Пилозуб смотрели с балкона тронного зала на величавый

закат. «Кровавый Киль» стремительно удалялся от Сампетры в юго-восточном направлении и теперь казался крохотной щепочкой на бескрайних просторах океана. Наполнив два кубка дорогим темным вином, император протянул один из них командиру своей крысиной стражи.

— Ну что ж, спрашивай, — сказал он.

— Спрашивать? О чем? — опасливо уточнила Сагитар.

Ублаз отхлебнул вина, продолжая следить за тем, как «Кровавый Киль» исчезает за горизонтом.

— О том, что у тебя на уме, — сказал он. — Почему я починил корабль этого лиса, почему я позволил ему уплыть с экипажем из самых верных ему и лучших в деле матросов, почему я не перебил бо́льшую часть бунтовщиков и не запугал остальных сегодня утром, когда у меня для этого были все возможности. По-моему, эти вопросы вертятся у тебя на языке. Я прав?

Сагитар нежно облизнулась и, осушив кубок, сказала:

— Ваше Величество, вы читаете мои мысли.

Ублаз снова наполнил кубки и прищурился, стараясь в последний раз разглядеть уходящий «Кровавый Киль».

— Просто ты думаешь о том, о чем сейчас думает каждый разумный зверь на Сампетре. Тебе я могу рассказать, почему поступил именно так. От дерзкого Расконсы мне были бы сплошные неприятности. Как и Барранка, он пользуется авторитетом среди пиратов. В долгой игре он был бы опасным противником. Вот я и решил избавиться от него. Для начала я разрешил ему набрать экипаж, прекрасно понимая, что выберет он своих самых надежных друзей и будущих бунтарей. Таким образом, я одним махом избавляюсь и от множества других возможных зачинщиков беспорядков. Но я вовсе не хочу, чтобы остальные обвиняли меня в гибели Расконсы и его друзей. Пусть они будут уверены в том, что император покровительствует им. Считая меня своим союзником, они будут верно служить мне. Вот и ответ на твой вопрос.

Сагитар помолчала, а затем, осторожно отставив недопитый кубок, позволила себе уточнить:

— Но, Ваше Величество, вы же не убили ни Расконсу, ни его экипаж. Они уплыли живыми и невредимыми и могут вернуться на Сампетру когда захотят.

Ублаз грустно улыбнулся и покачал головой, удивляясь простодушию командира стражи.

— Посмотри в море, Сагитар. Если твой острый глаз еще видит корабль Расконсы, можешь считать, что ты видишь его в последний раз. «Кровавый Киль» может плыть только в одном направлении — строго вниз. Устанавливая сегодня руль на корабль, рабочие заменили одну из кормовых досок на тоненькую фанерку, а из руля на этом же уровне остались торчать несколько толстых острых гвоздей. Как ты понимаешь, каждый раз при повороте руля они будут царапать эту фанерку; не пройдет и нескольких часов, как гвозди раздерут ее в щепки. Так что, Сагитар, к утру «Кровавый Киль» будет именно там, куда я его отправил, — на океанском дне.

Сагитар порадовалась тому, что успела поставить кубок на стол, иначе он непременно упал бы из ее задрожавших лап. Ничего не говоря, она с ужасом смотрела на улыбающуюся куницу. Ублаз же развел лапами.

— Вот так и получается, — усмехнулся он. — Врагов у меня больше не осталось, зато есть целый пиратский флот, и теперь никто ни на суше, ни на море не может сравниться со мной по могуществу и мудрости.

Император Безумный Глаз вышел победителем из долгой и кровавой борьбы со взбунтовавшимися пиратами.

29

Над побережьем Страны Цветущих Мхов вновь забрезжил ясный летний рассвет. Ремонтная бригада землероек Гуосим под руководством самого Лог-а-Лога трудилась всю ночь напролет, в очередной раз чиня шлюпку Грат.

Грат не могла не согласиться с тем, что ее потрепанная шлюпка приобрела вид этакой яхты, действительно вполне пригодной для небольших морских путешествий. На ней теперь широкий парус и достаточно места, чтобы орудовать веслами. Сейчас необычный по форме кораблик слегка приплясывал на волнах в устье реки. Землеройки Гуосим деловито загружали обе боковые долбленки разными продуктами.

Мартин налил в пустую миску супа, подошел к пленнику и сел рядом с ним.

— Держи миску, — сказал он, — поешь. Разносолов не обещаю, но голодом морить тебя никто не собирается. Ешь и рассказывай. Во-первых, как тебя зовут?

Пират с благодарностью поклонился, взял миску и сказал:

— Меня прозвали Нож-в-Ребро.

Протянув крысе ложку и большой ломоть испеченного землеройками хлеба, мышь-воин заметил:

— Знатное у тебя прозвище. Ну так что, Нож-в-Ребро, как ты думаешь, куда направился твой корабль?

Оторвавшись от миски, Нож-в-Ребро махнул лапой в западном направлении:

— Конечно туда, в Сампетру. Готов поклясться в этом.

Мартин внимательно посмотрел на него:

— Подумай хорошенько над своей клятвой, потому что тебе предстоит плыть вместе с нами. Далеко ли то место, которое ты называешь Сампетрой?

— По крайней мере, гораздо дальше, чем горизонт, за которым садится солнце на западе. В общем, далековато будет для вашей маленькой лодочки.

Мартин окинул взглядом горизонт и поправил оружейную перевязь с мечом.

— Вот не было печали, — пробормотал он и, обернувшись к пирату, потребовал: — А ну-ка давай выкладывай, что это за место такое — твоя Сампетра?

Когда совсем рассвело, все было готово к отплытию. Лог-а-Лог и его землеройки собрались на берегу, поджидая Мартина, Грат и Хвата, которые отошли в сторонку, уведя за собой пленного пирата. Вслед за ними побежала полевка Фиалка, настырно повторяя:

— Я тоже хочу с вами! Я тоже буду спасать настоятеля Дьюррала!

Мартин заметил, как изменилась Фиалка: стала взрослее, разумнее и намного увереннее в себе. За прошедшую ночь и утро она уже не раз уговаривала его позволить ей отправиться в плавание вместе с ними, но Мартин строго-настрого запретил даже думать об этом.

— Извини, Фиалка, это плавание будет слишком опасным для тебя. Мы вернемся вместе с настоятелем, это я тебе обещаю. А ты отправляйся вместе с землеройками домой, в аббатство.

С этими словами Мартин шагнул в воду по направлению к шлюпке. За собой он услышал всплеск и, обернувшись, увидел, что Фиалка ступила в воду следом за ним. В ее глазах стояли слезы.

— Конечно, только потому, что я еще не настоящий воин, вы не хотите брать меня с собой. Но это нечестно! Вы обращаетесь со мной как с каким-нибудь малышом.

— Нет, Фиалка, мы вовсе не думаем, что ты несознательный малыш, — возразил ей Мартин. — Мы все прекрасно понимаем, что ты храбрая молодая полевка. Но тебе еще рановато совершать дальние переходы по лесу одной. Дождись Лог-а-Лога, и он проводит тебя.

Убедившись в том, что в плавание ее все равно не возьмут, Фиалка поняла, что терять ей нечего, и решила проявить характер.

— Прекрасно доберусь сама. Дорогу я знаю, и мне вовсе не требуется целое племя землероек, чтобы вести меня к дому за лапку. Всего хорошего! Желаю удачи!

Резко развернувшись, полевка решительно зашагала прочь в сторону леса. Лог-а-Лог повернулся к Мартину и сказал:

— Какая суровая девушка и какая самостоятельная! Но все равно, Джессет, Тенно, — обратился он к двум землеройкам, — идите следом за Фиалкой и проследите, чтобы она добралась до Рэдволла целой и невредимой.

А Плогг и Велко почтут за большую честь пойти под парусом вместе с вами.

От компании провожающих отделились две самые крупные землеройки и подошли к берегу. Грат Длинная Стрела с одобрением посмотрела на них, но все же спросила у вождя:

— Лог-а-Лог, скажи, а ты уверен в том, что сможешь выделить нам без ущерба для твоего племени двоих самых лучших бойцов?

Обняв за плечи обеих землероек, Лог-а-Лог кивнул выдре и, улыбаясь, сказал:

— Это мои сыновья. Они воюют, плавают под парусом, гребут, а также едят и поют лучше, чем все остальные землеройки. Всю ночь они изводили меня просьбами разрешить им отправиться с вами. Да, на что только не пойдешь, чтобы избежать отцовской железной лапы, которой я навожу дисциплину в рядах своих подчиненных, а уж особенно среди собственных детей!

Велко, уже направившийся было к лодке, вернулся на берег и негромко сказал, обращаясь к отцу:

— Не хотелось бы отправляться в дальнее плавание на корабле, у которого нет названия.

Лог-а-Лог сложил лапы на брюшке, почесал его и кивнул:

— А ведь ты прав, Велко. Эй, Грат, а знаешь, почему твоей шлюпке так не везло до сих пор? Просто у нее не было названия. Как бы нам назвать твой кораблик? Эй, кто-нибудь, тащите краску! Будем писать название. Ну что, есть предложения?

Выдра задумчиво почесала покрытую шрамами голову:

— Название, говоришь? Честно говоря, я об этом особо и не задумывалась.

— «Вольный Зверь»!

Все обернулись на голос Мартина, а он, проведя лапой по борту шлюпки, сказал:

— Мы все — вольные звери, и мы отправляемся в это плавание, чтобы помочь обрести свободу еще одному рожденному свободным зверю, настоятелю аббатства Радволл. Так пусть же наше судно носит гордое название «Вольный Зверь»!

Под общие радостные крики Лог-а-Лог вылил одну кружку пива на нос шлюпки, а другую выпил залпом, как и все остальные участники церемонии нарекания.

Шлюпка с двумя челноками-балансирами по бортам вышла в открытое море, неся на себе экипаж, рвущийся освободить аббата Дьюррала, настоятеля Рэдволла. Путешествие началось!

30

Присев на краешек южной стены рядом с друзьями, Пижма посмотрела на север и произнесла:

— Его увидите вы сами,
Присев над девичьими волосами.

Ну, и что мы там видим? — спросила она у Ролло.

Старый летописец ответил:

— Лично я вижу южный фасад главного здания, как, впрочем, и ты. Хотя, может быть, кто-нибудь видит что-то еще?

Пинким и Краклин начали хихикать и шушукаться. Это был верный признак того, что они что-то придумали. Сурово посмотрев на них поверх очков, Ролло заметил:

— Ну что ж, я даже рад, что кое-кто находит нечто забавное в этой ситуации. Не сомневаюсь, что рано или поздно, как только у вас пройдет припадок хихиканья, вы снизойдете до того, чтобы посвятить нас в ваши догадки.

Искренне пытаясь взять себя в лапы, белочка ответила:

— Ха-ха-ха! Хи-хи-хи! А не следует ли нам всем обратиться к следующим строчкам стихотворения?

А мышка продолжала:

— Ой-ой-ой, хи-хи-хи, мы тут сидим, как четыре птенца: раскрыли клювики и ждем, пока птичка принесет нам червячка.

Пижма не смогла сдержать улыбки. Ролло же с совершенно серьезным видом развернул пергамент и заявил:

— Именно это я и собирался сделать. Давайте посмотрим.

Груша над елью за домиком, ох! —
Вот и ответ получился неплох!

Многозначительно покивав друг другу, Пинким и Краклин выдали ответ:

— Тут опять первые буквы!

— Груша — Г, над — Н, елью — Е!

— За — З, домиком — Д, ох — О!

— ГНЕЗДО!!!

— И где же нам искать это гнездо? — спросил Ролло. — Их тут много.

— Посмотрите вон на то маленькое окно на чердаке. Видите, под ним, похоже, гнездо.

Ролло хорошенько протер стекла очков.

— Сказать наверняка с такого расстояния невозможно. Единственный способ убедиться — это...

В этот момент, чтобы привлечь внимание летописца, Пижма потянула его за рукав. Когда он обернулся, она

указала ему на то место, где только что сидели Пинким и Краклин.

— Они уже побежали туда, уважаемый Ролло. А нам остается только спокойно следовать за ними.

С этими словами ежиха протянула летописцу лапу, чтобы помочь ему встать.

— Было бы интересно узнать, кем на этот раз окажется последний добравшийся до места, — пробурчал Ролло. — Может быть, склизким головастиком? Или охромевшей на все ноги сразу сороконожкой?

Пижма улыбнулась и заметила:

— Лучше вам этого не знать, а то придется сообщить об этом матушке Ауме, чтобы та немедленно отправила их в постель безо всякого ужина.

Окно находилось в чердачной комнате Фермальды. Оно было заложено большим куском прозрачного горного хрусталя. Пододвинув к стене кресло Фермальды и встав на спинку, Пижма смогла дотянуться до окна. Почувствовав, что хрусталь поддается под ее лапами, ежиха обрадовалась и сообщила друзьям:

— Отлично! Стекло даже не вмуровано. О-сто-рож-но! Краклин, придержи! Эй, там, внизу, принимайте!

В небольшом облачке пыли кусок хрусталя лег на сиденье кресла, а Краклин тем временем уже высунулась в оконный проем, чтобы оглядеться.

Пинким нетерпеливо приплясывала у кресла.

— Ну что, нашла там ласточкино гнездо? Его видно? А жемчужину?

Но белочка и ежиха не торопились с ответом. Наконец-то они спрыгнули на пол.

— Ой, — выдохнула Краклин, — у меня даже голова закружилась, когда я выглянула из окна. Но гнездо я увидела. Оно висит под узким каменным карнизом и довольно далеко от окна.

Пытаясь сохранить напускное спокойствие, Ролло словно невзначай обратился к белочке с вопросом:

— Да, кстати, а как там эта... жемчужина? Видно ее?

Присев на подлокотник кресла, Кразилин обвела взглядом ждавших ее ответа друзей и развела лапами:

— Я видела гнездо — обычное гнездо ласточки. Ну, сами знаете, почти круглый шарик с маленькой дырочкой-входом. Но, судя по всему, птицы не пользовались им уже несколько сезонов, и сейчас оно наверняка пустое.

Пижма в задумчивости кивнула:

— Ну да, так и сказано в стихотворении:

Эту я
В жилье пустынное кладу,
Что высоко и на виду.

Гнездо — это и есть жилье пустынное. Вот только что́ мне действительно интересно и непонятно: каким образом такая старая белка, как Фермальда, смогла опустить жемчужину в это гнездо?

Пинким захихикала, но вдруг закрыла рот лапкой, словно застеснявшись чего-то. Тем не менее смех продолжал вырываться у нее изо рта. Не выдержав, она, виновато глядя в сторону, сказала:

— Хи-хи-хи! Спросите господина Ролло, как такие штуки удаются, ха-ха, немолодым животным. Наш почтенный летописец уже в достаточной мере немолод, и ему виднее.

К удивлению Пинким, Ролло оценил ее шутку и даже слегка поклонился молоденькой мышке:

— Благодарю тебя, девочка. Очень приятно видеть, как ты проявляешь своего рода уважение ко множеству сезонов, оставшихся у меня за плечами. А если честно, сначала и меня этот вопрос поставил в тупик. Но теперь я полагаю, что уже понял, как Фермальде удалось положить жемчужину в ласточкино гнездо.

Заметив, что все три его собеседницы с нетерпением ждут объяснений, Ролло выдержал эффектную паузу, сел в кресло и сказал всего одно слово:

— Удочка.

Пижма радостно захлопала в ладоши:

— Ну конечно! Сейчас я ее принесу.

Краклин легла на подоконник, высунувшись наружу. Пижма и Пинким держали ее за лапы, чтобы она не упала. Подцепить гнездо оказалось даже легче, чем они предполагали. Большой трехзубый крючок, укрепленный на леске, быстро подхватил покинутый ласточкин дом, и Краклин оставалось только аккуратно втащить его в комнату.

Тем временем Ролло ходил из угла и угол и, жутко довольный своей сообразительностью, бормотал себе под нос:

— Ну конечно, тут и гадать нечего! Фермальда зацепила гнездо, затащила его к себе в комнату, засунула в него жемчужину и подвесила обратно на старое место — вот и все.

Краклин осторожно передала гнездо Пижме, и та опустила его на пол. Давным-давно какая-то мудрая ласточка сделала этот шарик из травы, листьев и глины, оставив лишь маленькую дырочку для входа. Вполне возможно, что она в течение нескольких сезонов пользовалась этим домиком, чтобы выводить в нем птенцов. Довольно улыбаясь, Ролло посмотрел на три нетерпеливые физиономии и, перевернув гнездо входом вниз, сильно встряхнул его.

— Всё как в стихотворении, — произнес он.

Слеза четвертая моя —
Аббатству Рэдволл.
Эту я
В жилье пустынное кладу,
Что высоко и на виду.

Будьте начеку, сейчас отсюда вылетит — нет, не птичка, а наша драгоценная жемчужина. Ну!

Но, ко всеобщему изумлению, из гнезда на пол выкатился только одинокий желудь. В полной тишине Пижма взяла гнездо у Ролло и просунула внутрь лапу. Обшарив

гнездо изнутри, она разочарованно, почти со слезами в голосе, сказала:

— Жемчужины здесь нет. Она пропала.

Расстроенные Пинким и Краклин по очереди тщательно обследовали гнездо, но так ничего и не нашли. Понимая, что потерпели поражение, друзья уселись прямо на пол посреди комнаты.

Пижма подняла желудь и внимательно осмотрела его.

— А ведь он пустой,— сообщила она.— Он был вскрыт, а потом снова склеен. Смотрите!

Она разломила желудь по старой трещине, раскрыла его и вынула оттуда сложенный во много раз клочок старой бумаги.

— Это наверняка ключ к поискам пятой жемчужины. Впрочем, у меня нет никакого желания разворачивать и читать его до тех пор, пока мы не найдем четвертую. Вы согласны?

За всех остальных ответил Ролло:

— Конечно, согласны. Жемчужины надо искать в том порядке, в котором их прятала Фермальда, иначе все пойдет неправильно и мы вообще ничего не найдем. А теперь, друзья мои, я предлагаю спуститься вниз и поискать там, возможно, жемчужина выпала и лежит на земле под гнездом.

За одним из столов в Большом Зале сидели Сноп и Командор, а также матушка Аума. Сквозь раскрытые окна в зал прорывались лучи яркого послеобеденного солнца. Сова и выдра изо всех сил налегали на произведения рэдволльских кулинаров. В отличие от них, барсучиха почти не притронулась к обеду. Мрачно вертя в руках кружку со сливовой наливкой, Аума посмотрела на Командора и спросила:

— Ну что, никаких новостей от Мартина и Хвата?

Командор неохотно оторвался от большой миски с летним салатом и, отхлебнув октябрьского эля и обтерев пену с усов, ответил:

— Увы, пока нет. Но я рассчитываю, что отправленный мною вниз по реке выдриный патруль вернется завтра на рассвете и что-нибудь нам расскажет. Как знать, может быть, они придут вместе с Мартином и Хватом, а если очень повезет, то и с настоятелем и Фиалкой.

Аума шмыгнула носом, украдкой вытерла слезу и вздохнула:

— Бедный Дьюррал, бедненькая Фиалка. Как же я надеюсь, что их уже освободили из чешучайтых лап этих вонючих ящериц.

Сноп тем временем с яростью опытного бойца занялся уничтожением огромного куска грибного пирога. Между делом он заметил:

— По-моему, нет смысла трепать себе нервы из-за того, что ты все равно не можешь изменить. Как говорила моя старая матушка, через десять сезонов ты вспомнишь о том, из-за чего волновался, и будешь изрядно удивлен тем, из-за какой ерунды ты так расстраивался. Впрочем, если слишком много нервничать, того и гляди, не протянешь и этих десяти сезонов. Но, увы, не всем дано внять голосу разума.

Не успели четверо друзей подсесть к столу, как совенок пристал к ним с расспросами:

— Ну и что мы такие печальные? Почему у нас усики повисли да иголочки поникли?

Пижма подробно пересказала собеседникам историю с ласточкиным гнездом. Сноп внимательно слушал, тем не менее успевая незаметно таскать печенье с тарелки, стоявшей перед Аумой.

— Ну-ну. Значит, вы говорите, жемчужины в гнезде не оказалось, так? И как вы думаете, куда она могла деться? Вам не приходило в голову, что она просто могла выпасть из гнезда? Вы внизу-то посмотрели?

Прожевав кусок яблочного пирога, Ролло вздохнул и сказал:

— Еще бы. Мы обшарили всю площадку под стеной, прочесав ее сначала граблями, а потом собственными рас-

ческами. И смею тебя заверить, мудрая птица, что ничего, даже отдаленно напоминающего жемчужину, там и близко не было.

Привычно склевав крошки с перьев на груди, Сноп спросил:

— И как ты думаешь, куда она могла подеваться?

Ролло даже отложил пирог и сокрушенно развел лапами:

— А я откуда знаю?

Совенок поморгал своими огромными глазами и сказал:

— Ну посуди сам: если жемчужина не падала из гнезда, тогда, ясное дело, ее утащил какой-нибудь зверь или какая-нибудь птица. Ну сам подумай: куда еще ей было деться?

И без того недовольный поучающим тоном совы, летописец, похоже, разозлился всерьез.

— Да что ты говоришь? — передразнивая Снопа, воскликнул он.— Неужели кто-то утащил ее? Интересно, кто бы это мог быть? Кто мог забраться по стене под самую крышу или дотянуться до гнезда с подоконника и при этом не только похитить жемчужину, но и вернуть гнездо на старое место? Может быть, наш юный мудрец поможет нам ответить и на этот вопрос?

С сожалением поглядев на оставшуюся на столе еду, Сноп спрыгнул с табуретки на пол и примирительным тоном обратился к летописцу:

— Да ладно тебе, чего сердиться-то. Показывай это злосчастное гнездо. Чует мое сердце, что я смогу помочь вам разрешить эту загадку.

Друзья проводили Снопа на чердак и показали ему гнездо. Тот внимательно осмотрел глиняно-травяной шарик со всех сторон, аккуратно царапнул его одним когтем и уточнил:

— Вам оно досталось именно в таком виде?

— Именно в таком, — поспешила ответить Пижма.

— А внимательно ли вы его рассматривали? — спросил Сноп, переводя взгляд с одного из друзей на другого.

У Пинким лопнуло терпение.

— Вот ведь глупая птица! Ну конечно же, мы рассматривали гнездо со всех сторон.

Очень осторожно Сноп вытащил клювом из гущи травы у входа в гнездо маленькое серо-черное перышко.

— Похоже, вы и с открытыми глазами мало что замечаете, — отметил Сноп. — Как говорила моя старая матушка, не видите дальше собственного клюва.

Пижма заинтригованно покрутила перышко в лапах.

— Сноп, а что это такое? — спросила она.

В ответ совенок плюхнулся в кресло и закатил глаза.

— Что, ты и вправду не знаешь? — будто не веря своим ушам, переспросил он. — Это же не что иное, как перышко с шеи серой галки, самой большой воришки из всех крылатых созданий. Как говорила моя старая матушка, если хорошенько не присматривать за собственными глазами, галки и их у тебя украдут.

Ролло устало опустился в кресло, заставив Сноп а потесниться.

— Ты хочешь сказать, что четвертую жемчужину украли галки? Что же, нам теперь искать их по всей Стране Цветущих Мхов?

Встав с кресла, в котором ему все равно было тесно, Сноп направился к лестнице, явно намереваясь вернуться к прерванному обеду. Обернувшись, он небрежно бросил через плечо:

— Все не так страшно, ребята. Завтра после завтрака мы займемся этим делом.

В распахнувшихся дверях Большого Зала показалась голова Вальджера — хранителя ворот.

— К нам гости, — объявил он.

Тотчас же в зал ввалилась шумная компания из десятка выдр и едва ли не всего личного состава племени Гуосим. Командор радостно бросился им навстречу.

— Здорово, Длинная Лапа, — обратился он к главной из вошедших выдр. — Вы как раз вовремя, обед еще не

закончился. Кого я вижу! Сам Лог-а-Лог! Ну привет, землероище! Как поживаешь?

Когда обмен приветствиями закончился, гости с радостью согласились утолить жажду октябрьским элем.

Длинная Лапа была на редкость рослой выдрой, почти на голову выше Командора, своего отца. Лихо выхлебав кружку эля, она дружески хлопнула Командора лапой по спине, отчего тот чуть не слетел с табуретки. Поморщившись от боли, он тем не менее одобрительно подмигнул дочери:

— Ладно тебе! Вместо того чтобы дубасить родного отца почем зря, лучше садись-ка за стол и докладывай, что вам удалось узнать.

Длинная Лапа налила себе еще кружку эля и начала свой рассказ:

— Как и было приказано, мы двинулись на запад, вниз по реке. Где-то на полпути мы встретили гонца от Лог-а-Лога, который сообщил нам, что наши друзья из Рэдволла попали в серьезную заваруху. Мы поспешили им на помощь, но было уже поздно. Остальное Лог-а-Лог сам вам расскажет. Нам повезло его встретить на берегу моря.

Вождь землероек подробно рассказал о том, как Ласку Фрилдору и Ромске удалось уплыть с настоятелем на борту, и о том, что Мартин предпринял погоню на небольшой, наскоро переделанной шлюпке. Рассказал он и о том, как Грат Длинная Стрела спасла Фиалку в открытом море, а затем, оглядевшись, поинтересовался:

— А что, разве вы еще ничего не знаете? Почему же мышка вам ничего не рассказала? Она ведь должна была вернуться домой еще вчера.

Это известие поразило Ауму.

— Как вернуться? Нет, она не приходила. Но неужели Мартин отпустил ее одну в такой длинный путь?

Лог-а-Лог покачал головой:

— Конечно же нет. Ей дали двух сопровождающих из моих землероек. Эй, Джессет, Тинно, что скажете?

Джессет и Тинно подошли к столу.

— Мы довели ее прямо до ворот. Она поблагодарила нас за компанию, но настояла на том, что вернуться домой должна одна. Ей, видите ли, будет стыдно за то, что ее привели за лапку как маленькую.

Услышав это, Длинная Лапа опрокинула себе в пасть вторую кружку эля и выскочила из-за стола.

— Соберите мне и моим выдрам чего-нибудь перекусить, — попросила она, — и мы немедленно выходим на поиски.

Когда выдры отправились на задание, Лог-а-Лог попробовал успокоить барсучиху. Ласково погладив ее по лапе, он сказал:

— Не надо так убиваться. Я уверен, выдры найдут Фиалку, а Мартин и его ребята не вернутся до тех пор, пока не отыщут настоятеля Дьюррала. И я скажу, что не родился еще тот зверь, который заставит Мартина свернуть с пути.

— В этом ты, несомненно, прав, — сказал Ролло. — Но жемчужины все равно надо искать. Если мы найдем их, то этот выкуп, возможно, избавит нас от лишнего кровопролития.

Через мгновение в обеденный зал, размахивая ложкой для лекарств, ворвалась рассерженная сестра Цецилия.

— Эй, звери добрые, — обратилась она ко всем присутствующим, — никто не видел этих троих малышей? Ни в спальне, ни в лазарете их нет. Я уже обыскала все аббатство...

Пижма позволила себе перебить сестру Цецилию:

— Вы имеете в виду Арвина, Копушу и Гурбал?

— А кого же еще? — размахивая ложкой, ответила та. — Этот Арвин у меня посинеет от крапивной похлебки! Я его отмою до такой степени, что у него уши будут просвечивать! Я его... Я ему...

Аума спокойно, но строго прервала этот список наказаний:

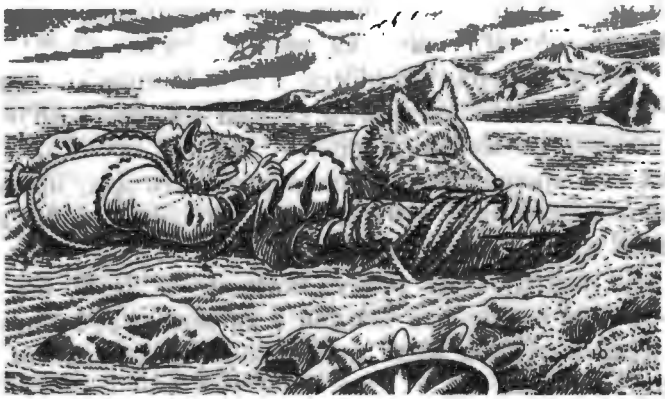
— Когда мы их найдем, там и разберемся с несмышлеными малышами, да так, чтобы впредь неповадно было.

В это же самое время трое малышей бодро маршировали в глубь ближайшего к аббатству леса. Вальджер, впуская гостей, по оплошности ненадолго оставил незапертыми ворота. Хитрые, наблюдательные малыши не замедлили воспользоваться этим шансом. Вооружившись палками и захватив одеяло, они отправились в дальний поход. Кроме того, про запас они стащили на кухне большой фруктовый пирог, мешок со сладкими орехами и флягу с клубничным морсом.

Донельзя довольный собой и тем, как развивается операция, Арвин во весь рот улыбался своим спутницам:

— Ох и перемажемся мы на этот раз — это я вам обещаю! А еще найдем этих выщериц и поубиваем их нашими большими палками. То-то же все обрадуются, когда увидят нас!

В лесу уже сгущались сумерки, и вскоре вечерняя мгла совсем скрыла из виду три маленькие фигурки, бодро удалявшиеся в глубь леса.



31

Стоявшее почти в зените тропическое солнце опаляло жаркими лучами укромную бухточку на северо-западном побережье острова Сампетра. В это утро прибой выбросил на берег несколько досок с затонувшего пиратского корабля «Кровавый Киль». Самой большой из уцелевших деталей был абсолютно новый корабельный руль. Привязавшись к огромному бревну и доскам какой-то веревкой, до берега добрались двое пиратов: лис Расконса и его рулевой — морская крыса по имени Гух.

Они жадно лакали стекавшую тоненькими струйками по мшистому склону воду. Протерев мокрым мхом глаза, Расконса обернулся и посмотрел на сверкавшее под полуденным со-

лицем море. В хриплом голосе лиса слышались ноты обиды, злости, но заглушала всё жажда мести.

— Такой корабль погубить! Такой экипаж! — хрипел лис. — Ведь только мы вдвоем смогли добраться до берега! Только двое из всей команды!

Гух тем временем попытался пожевать мох, проверяя, насколько тот может заменить еду. Сплюнув зеленую невкусную кашицу, он сказал:

— Да, капитан, все ребята погибли. И ладно бы, если б в бою или в сильный шторм, а то ведь отправились на корм рыбам только из-за подлости и предательства Безумного Глаза.

Расконса расстегнул перевязь с кинжалами и разложил ее на траве. Выбрав свой любимый клинок, он стал привычными движениями, почти машинально точить его о камень.

— Помяни мои слова, Гух, — сказал лис, — самую большую ошибку в своей жизни Ублаз допустил, оставив меня в живых. Впрочем, пока он об этом не знает, как не знает и того, что близок его смертный час.

В обязанности Сагитар как командира крысиной стражи входили два ежедневных доклада императору: утром и вечером. Войдя в очередной раз в тронный зал, она сразу же поняла, что Ублаз был не в духе. Он сидел на троне, глядя в пол перед собой, где лежала, распластав крылья, мертвая чайка Грал. Большая сильная птица погибла от истощения, стремясь принести своему повелителю последние новости.

Величественно тронув ногой тело скончавшейся чайки, Ублаз сказал:

— Увы, такова воля судьбы. Из всех посланных мною чаек Грал единственный сумел вернуться ко мне во дворец. И вот посмотри на него: бесполезная груда перьев и птичьего мяса.

В зале повисла пауза. Сагитар поняла, что императору следует задать вопрос:

— Какие же вести о пропавших жемчужинах принесла вам эта верная птица — дурные или хорошие?

Ублаз встал, посмотрел на мертвую чайку и взглянул через широкий оконный проем на расстилавшийся перед ним океан.

— Ласк Фрилдор и Ромска плывут обратно в Сампетру. Жемчужин они не нашли, а вместо этого везут на корабле заложника — настоятеля аббатства Рэдволл. Выкупом за него должны стать «Слезы Всех Океанов». Что ты на это скажешь?

Сагитар подумала и затем осторожно ответила:

— Ну что ж, по крайней мере, у вас есть теперь чем торговаться...

Ублаз обернулся и вихрем подскочил к командиру своей стражи:

— Что ты сказала? Торговаться? Я, император Ублаз, Повелитель морей и океанов, не торгуюсь, я беру то, что мне нужно! Дважды мои подданные подвели меня. Дважды они не исполнили моего приказа. Если бы я сразу отправился за жемчужинами сам, они сейчас уже украшали бы мою новую корону. Нет, хватит! Никакой больше торговли, никаких игр, никакой дипломатии. Как только корабль бросит якорь в нашей гавани, мы тотчас же отправимся к берегам Страны Цветущих Мхов. Мы — это я и весь мой флот, все мои подданные до единого. На острове не останется ни одной живой души, чтобы никому не взбрело в голову плести заговоры за моей спиной. Я сотру это аббатство с лица земли и достану жемчужины из-под обломков. Руины Рэдволла погребут под собой его обитателей и на долгие века останутся напоминанием о том, что бывает с теми, кто посмеет ослушаться меня — Великого Императора Ублаза.

Ромска втолкнула аббата Дьюррала в свою каюту. Одним умелым движением ножа она разрезала спутывавшую его веревку, а затем, посадив настоятеля на скамей-

ку, налила ему кружку грога и протянула несколько морских сухарей.

Прокашлявшись после первого глотка обжигающе крепкого напитка, настоятель, щурясь из-за отсутствия очков, с любопытством посмотрел на Ромску:

— Почему ты помогаешь мне, дитя мое?

Хорьчиха на всякий случай засунула нож себе за пояс и, как обычно, огрызнулась:

— Сколько можно тебе говорить? Я тебе не дитя — ни по возрасту, ни по родству. Просто мне выгодно сохранить тебе жизнь. Вот-вот начнется полоса штормов и холода. Там, на палубе, ты и дня не продержишься. Так что сиди здесь тихо и запри дверь изнутри. Понял?

Настоятель Дьюррал ласково улыбнулся свирепой капитанше:

— Ромска, в душе ты очень добрый зверь. Как жаль, что ты выбрала жизнь пирата.

Ромска замерла, одной ногой уже шагнув на палубу. Затем, развернувшись, она процедила сквозь зубы:

— Не твое дело, как и почему я стала тем, кем стала. Слишком много чести рассказывать тебе. А теперь выслушай меня еще раз внимательно, не перебивай и заруби себе на носу: запрись в каюте и не открывай дверь никому, кроме меня. Никогда не доверяла этому Ласку Фрилдору, а сейчас тем более. У него в глазах появился какой-то безумный блеск. Так что сиди здесь и не высовывайся, понял?

Хлопнув дверью, Ромска вышла на палубу. Пройдясь вдоль борта, она внимательно осмотрела горизонт. Неожиданно ее взгляд за что-то зацепился. Она даже вскарабкалась на нижнюю рею мачты, но туман, все плотнее окутывавший корабль, не позволил ей разглядеть показавшуюся было на горизонте черную точку. Спустившись на палубу, Ромска оказалась нос к носу с поджидавшим ее Ласком Фрилдором. Ему было явно не по себе от холода, но не настолько, чтобы силы совсем оставили его.

В глазах ящерицы действительно пылал какой-то безумный огонь.

— Куда ты с-спрятала нас-стоятеля? — прошипел генерал.

Выхватив палаш, Ромска резкими выпадами заставила Ласка Фрилдора отступить и упереться спиной в кормовой леер. Клинок уперся ему в грудь.

— Забудь про настоятеля, — требовательно заявила Ромска. — За него отвечаю я. Держись от него, да и от меня подальше. Иначе, клянусь, я зарублю тебя вот этим самым клинком.

Испуганный, но не потерявший самообладания Ласк Фрилдор обвиняюще зашипел:

— Еды мало, погода вс-се х-холоднее. Ты опять з-заблудилас-сь.

Ромска с презрением посмотрела ему в глаза:

— Еды не хватает как твоим надзирателям, так и моему экипажу. Становится холодней? Да, но так всегда бывает в этих широтах. А что касается моих способностей к навигации, милости прошу самому вести корабль. И не суйся ко мне. А то пожалеешь, да будет поздно.

Велко спрыгнул с мачты на палубу, и шлюпка с двумя балансирами по бортам вздрогнула.

— Ну что? — нетерпеливо спросила его Грат. — Видел? Это корабль? Тот самый, пиратский?

Велко поспешил завернуться в плащ.

— Честно говоря, не уверен. Вроде бы мелькнул парус и сразу пропал. Там впереди густой туман, и я полагаю, что тот корабль нырнул в самую гущу.

На корме шлюпки Хват колдовал над маленьким костерком, горевшим в металлическом поддоне, заполненном песком. Надо признать, что заяц довольно быстро освоился на корабле, приобрел повадки заправского морского волка, причем особенно хорошо ему удавалась роль судового кока.

— Эй, ребята! — позвал он. — Обед почти готов. Собирайтесь, пока не остыл. Кстати, Плогг, слазай-ка в правый челнок и притащи оттуда несколько яблок. Думаю, по штуке на брата в качестве закуски мы вполне можем себе позволить.

Плогг стал искать мешок с яблоками и вдруг неожиданно издал тревожный свист. Выхватив меч, Мартин мгновенно перебрался на челнок и обнаружил, что Плогг крепко схватил и держит на вытянутых лапах Фиалку, которая что было сил верещала и пиналась. Мартин перехватил полевку за ухо и затащил на палубу шлюпки.

— Разрази меня горностай! — выругался он. — Ну и что мы здесь делаем? Я же велел тебе отправляться обратно в аббатство. Ты же могла утонуть, пораниться или... или... А как тебе удалось пробраться на корабль и что случилось с Джессетом и Тинно?

Вывернувшись из железной хватки воина, полевка спряталась за спиной зайца. Оттуда, словно из надежного убежища, она гневно закричала:

— Я их обманула и вас обманула. Пока вы пили пиво в честь присвоения имени шлюпке. Что вы теперь со мной сделаете? Выбросите за борт? Или назад повернете?

Грат Длинная Стрела повернулась и подмигнула полевке:

— Да, Фиалка, ты, конечно, та еще штучка, но на этот раз твоя взяла. Девать тебя нам некуда, поплывешь с нами.

Мартин же, сокрушенно покачав головой, снова обратился к дерзкой мышке:

— Ты только представь себе, сколько волнений ты доставила всем в аббатстве. Они скорей всего думают, что ты по-прежнему находишься в плену вместе с настоятелем Дьюрралом.

Похоже, эта мысль раньше не приходила Фиалке в голову. Поняв, что наделала, она вдруг в голос разревелась. Не в силах видеть слез кого бы там ни было, Мартин подошел к Фиалке и погладил ее по голове:

— Ну ладно, не плачь. Я понимаю, ты хотела помочь нам. Ну что ж, добро пожаловать на борт, член экипажа Фиалка. Сдается мне, камбуз по тебе уже плачет.

Все сели обедать, а Мартин тем временем передал миску с едой пленному пирату, спросив его еще раз:

— Скажи, тот парус, который Велко заметил с мачты, принадлежит «Морскому Змею»? Мы на правильном курсе?

Нож-в-Ребро с благодарным поклоном принял миску и сказал:

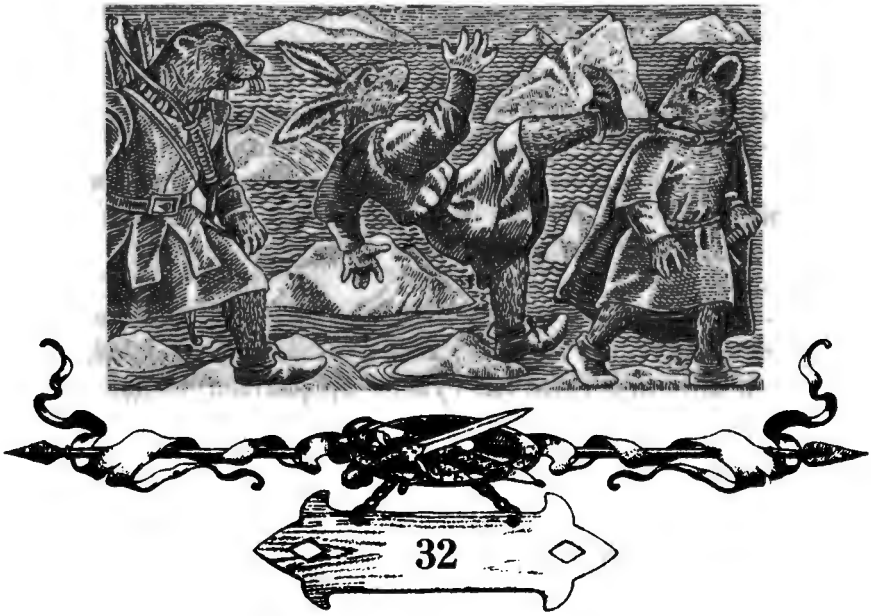
— Что касается курса, то скорее всего да. Но предупреждаю: скоро мы войдем в опасную полосу туманов, холода и штормов. Если мы сумеем прорваться, тогда, вероятно, снова увидим мой бывший корабль, идущий курсом прямо на запад.

Не успел Нож-в-Ребро приняться за еду, как Мартин снова перехватил его лапу и, глядя в глаза, сурово сказал:

— Только не пытайся меня обмануть, иначе тотчас же умрешь. Если хочешь остаться в живых, говори только правду.

Пират спокойно пожал плечами и задумчиво произнес:

— А мне все равно помирать. Чуть раньше, чуть позже — какая разница? Если не ты меня убьешь, так это сделают Ласк Фрилдор или сам император Безумный Глаз — хотя бы за то, что я попал к вам в плен.



32

Ближе к вечеру стало заметно холодать, и весь экипаж, кроме сменявшихся по очереди вахтенных, сбился в тесный кружок у маленького корабельного костерка. Над кормой из старого паруса соорудили палатку. Она хоть немного удерживала тепло и позволяла сносно чувствовать себя в такую холодную погоду.

Через положенное время на вахту заступила Грат, затем наступила очередь Мартина.

Коротая время в раздумьях и потягивая горячий ячменный настой из кружки, Мартин внимательно смотрел вперед по курсу судна, и перед его глазами в тумане вырисовывались самые разные силуэты. Он видел то дра-

конов, то огромных рыб, то пиратские галеоны. В какой-то момент ему даже показалось, что он увидел родное аббатство. Мартин прекрасно понимал, что все это лишь игра воображения. Тем не менее предчувствие беды с каждой минутой становилось все сильнее. Неожиданно выступила из тумана очередная гигантская бесформенная тень, но не растворилась, а, напротив, еще больше разрослась, нависла над шлюпкой гигантской горой, и тут...

Страшный треск прорезал ночь, лодка вздрогнула, раздался сильный удар по ее корпусу, и в ту же секунду Мартин во весь голос прокричал:

— Подъем! Тревога!

В пробоину в борту лодки ниже ватерлинии хлынула ледяная вода, тотчас же погасившая жалобно зашипевший костерок. Грат схватила Фиалку и бросилась к носу корабля. Передав полевку зайцу, выдра вместе с двумя землеройками попыталась пробраться к правому челноку-балансиру, по которому и пришелся основной удар. С той же стороны послышался короткий отчаянный вскрик, и затем все стихло. Бросив беглый взгляд с одного из ивовых бревен на остатки челнока, выдра мгновенно скомандовала:

— Всем за борт! Если лодка начнет тонуть, она утащит нас всех за собой. Да прыгайте, не бойтесь! Замерзнуть замерзнем, но утонуть не утонем.

Экипаж не раздумывая покинул лодку, и все с удивлением обнаружили, что не окунулись в ледяную воду, а остались стоять в ней кто по колено, а кто и вовсе по щиколотку. Под тонким слоем воды оказалась гладкая поверхность твердого льда. Переведя дух, Грат смогла объяснить происшедшее:

— На северном побережье, где я жила раньше, нам про эти, как их... айсберги рассказывали тюлени и морские выдры. Этой штуковине ничего не стоило бы раздавить хлипкую шлюпку. Вот почему я и скомандовала выпрыг-

нуть за борт. Похоже, морскую крысу затерло льдом в считанные секунды.

Представив себе участь пирата, Фиалка вздрогнула:

— Быть раздавленным ледяной горой — какая ужасная смерть!

Грат положила лук и стрелы на ледяной пригорок и мрачно кивнула:

— Да ты особо не жалей его. По крайней мере, он умер мгновенно, без лишних мучений. Совсем не так погибали ни в чем не повинные животные, которых он убивал без какой-либо причины. Меня теперь больше волнует другой вопрос: что будем делать, Мартин?

Мартин, который, прыгая за борт, также прихватил с собой оружие, перекинул перевязь через плечо и сказал:

— Надо сходить вокруг, осмотреться, вдруг что удастся спасти после кораблекрушения. Плогг, Велко, вы останетесь тут вместе с Фиалкой и до рассвета никуда не ходите. Грат и Хват пойдут со мной.

Хват примерился к тому, чтобы одним прыжком, не замочив лап, оказаться на соседнем ледяном холмике. Но глазомер и скользкая поверхность точки опоры сыграли с ним злую шутку, и, не долетев до цели, он со всего маху плюхнулся хвостом в воду. Отряхнувшись, он возмущенно заметил:

— По-моему, на сегодня это уже лишнее. Лодки нет, еды нет, греться нечем, так надо же было еще и тыл подмочить.

Действуя хвостом как рулем, выдра быстро скользнула в ледяную расщелину. Вскоре снизу донесся ее повеселевший голос:

— Эй, там, наверху! По крайней мере один из челноков с припасами цел. А ну-ка помогите мне!

Долбленка действительно покачивалась на волнах неподалеку от ледяного берега. К счастью, лезть ей в холодную воду не потребовалось. Хват, действуя мечом Марти-

на как гарпуном, зацепил им лодочку за самый краешек борта и аккуратно-аккуратно подтянул ее поближе. Грат крепко схватила долбленку за корму и одним сильным движением подтянула ее к берегу. Втащить челнок на скользкий лед не составило для компании большого труда.

Из куска парусины, натянув его от борта челнока до вбитого в лед весла, друзья сделали навес. Затем за дело взялся Хват. Он распорядился собрать по возможности все плававшие по соседству и валявшиеся на льду деревяшки — обломки кораблекрушения и, выбрав самые сухие части, сложил их для костра. Затем, достав из мешочка, висевшего у него на поясе, огниво и сухой мох, он высек искру, воспользовавшись для этого мечом Мартина, и вскоре у открытой стороны палатки уже весело плясал огонек. Аромат дымка заставил зайца вспомнить о том, что он уже некоторое время ничего не ел.

— А теперь, — распорядился он, — предлагаю каждому проявить свои походно-кулинарные способности.

После пережитых волнений наскоро приготовленная снедь промокшим и промерзшим друзьям показалась настоящим пиром.

Вылизав свою миску, Велко похлопал себя по животу и с серьезным видом произнес:

— Налегай-налегай, ребята! Лучшее средство для поднятия настроения и духа — это горячая еда.

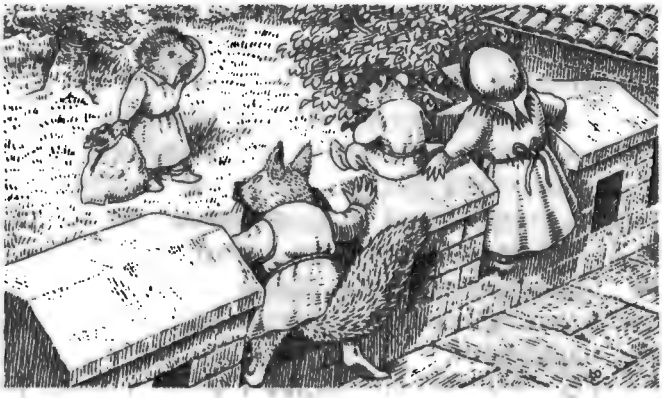
— Ну да, налегай-налегай, — с весьма мрачным видом передразнил его Плогг. — Тем более что осталось-то всего ничего. Больше половины наших запасов пошли на дно вместе с пленным пиратом и вторым челноком. Так что, чем нам придется питаться в самое ближайшее время, ума не приложу.

Глядя на него, Мартин вдруг расхохотался.

— Да-а, видел бы тебя сейчас отец! — сказал он сквозь смех. — В общем, так. Как командир всего нашего отряда, я приказываю: если Плогг сейчас же не улыбнется и не

затянет веселую песню, нужно сбросить его в воду и не выпускать до тех пор, пока он не превратится в сосульку. То-то смеху всем будет!

От этого веселья не осталось бы и следа, знай друзья о том, что в этот самый миг десятки и десятки зорких темных глаз наблюдают за ними, а десятки темных бесформенных теней внушительных размеров молча направляются к ледяному мысу, на котором так уютно устроилась эта беззаботная компания.



33

В Страну Цветущих Мхов пришло новое летнее утро, ясное и безоблачное. Предрассветная роса еще искрилась на листьях и траве, придавая всей зелени особенно яркие и сочные оттенки. Из леса, окружавшего аббатство, доносились звонкие птичьи трели. Наступающий летний день обещал быть долгим и жарким.

За завтраком ежиха Тизель села между Аумой и Пижмой. Беспокойно посмотрев на обеих соседок, она завела разговор на волновавшую всех тему:

— Не вижу никакого смысла в том, чтобы вот так изводить себя. Аума, я тебе уже говорила: эти трое проголодаются и явятся как ми-

ленькие. Найдется и пропавшая Фиалка, в этом я тебя тоже могу уверить. Нет, по-моему, пора брать руководство этой кампанией в свои лапы. Аббатство мы сегодня обыщем от крыши до самого дальнего уголка подвалов, включая огороды, дворы и лужайки. Малышей найдем. Пижма, ты берешь своих подруг, летописца Ролло и любого, кто вам еще понадобится, и продолжаешь искать жемчужины. А поисками пропавших малышей займутся брат Дормал, Командор и сестра Цецилия. Они организуют всех незанятых обитателей аббатства на большую ловчую охоту за малышами.

Барсучиха, отодвинув тарелку с недоеденным завтраком, вздохнула и благодарно погладила ежиху Тизель по лапе.

— Ты права, — сказала матушка Аума, — так будет лучше.

Пинким, Краклин и Ролло к этому времени уже вовсю пытались оттащить ненасытного Снопа от стола. Совенок сопротивлялся и изо всех сил старался успеть заглотить возможно большее количество булочек с черничным вареньем, на ходу запивая их мятным чаем. Отмахиваясь от наседавших друзей крыльями, в перерывах между глотками он ворчал:

— Кыш от меня, настырные! А то у меня от волнения будет несварение желудка, и я не смогу мудро думать.

Пижма решительно отодвинула от него тарелку с булочками, завернула оставшиеся в салфетку и сунула сверток под крыло Снопу.

— Вот, держи, клюв ненасытный. Будешь жевать по дороге. Интересно, кто-нибудь когда-нибудь слышал о совах, думающих желудком?

Все еще отказываясь верить в то, что булочки так легко достались ему, Сноп поспешил на чердак.

Добравшись до жилища Фермальды, он вытащил откуда-то осколок стекла, сунул его в пустое ласточкино гнездо и распорядился:

— Эй, Краклин! Ну ты, молодая непоседа! Привязывай гнездо к удочке и вешай его на место. Да-да, именно туда, где оно висело.

Пока белочка выполняла распоряжение Снопа, Ролло уяснил для себя суть совиного плана.

— Понятно-понятно. Теперь нужно дождаться, пока галка снова прилетит к гнезду, чтобы утащить стекляшку, и проследить за тем, куда она ее унесет. Хорошая мысль!

Сноп поудобнее устроился в кресле и развернул сверток с булочками.

— А то! — ухнул он. — Я, между прочим, не просто мешок перьев с крыльями. Нас, сов, не зря называют мудрыми птицами. А теперь, Пижма, Пинким, Краклин, становись и слушай мою команду! Сейчас вы идете и залезаете на южную стену аббатства. Оттуда гнездо будет видно как на ладони. Когда появится галка, будьте готовы к тому, что вам придется хорошенько поразмять лапы, чтобы проследить за тем, куда она полетит. Сами понимаете — не хотелось бы потерять след этой птички. Все ясно? Ну, тогда вперед. А мы с Ролло будем следить за гнездом отсюда, с чердака.

Тем же утром, чуть позже, брат Хиггли Стамп, проходя мимо стены с мешком орехов за спиной, поднял голову и увидел трех подружек, напряженно глядевших куда-то вверх.

— Привет! — поздоровался он. — А вы что, не ищете пропавших малышей?

Не отрывая взгляда от гнезда, Пинким покачала головой:

— Добрый день, уважаемый Хиггли. Нет, в тех поисках мы не участвуем. У нас свое дело.

Еж поставил тяжелый мешок на землю.

— Ну да, дело, конечно! А не могли бы вы мне сказать, какое именно у вас дело? По-моему, вы просто смотрите на крышу аббатства, словно желая проследить, растет оно или нет.

Пижма поспешила уточнить:

— Мы следим во-он за тем ласточкиным гнездом.

Брат Хигтли понимающе кивнул:

— Не могли бы вы заодно почистить с полмешка вот этих орехов?

Лишь на миг оторвав взгляд от гнезда, Краклин посмотрела на мешок и уточнила:

— А это обязательно?

Еж кивнул и добродушно улыбнулся белочке:

— Ну, если вы рассчитываете на ореховый флан и крем на полдник, то эта работа совершенно необходима. Сама понимаешь, орехи ведь без посторонней помощи из скорлупы не повылезают.

Пододвинув мешок поудобнее, три подружки, не отрывая взгляда от гнезда, стали вслепую чистить орехи.

Довольно высоко взобравшееся по небосводу солнце припекало троих малышей, устало пробиравшихся сквозь чащу леса. Разумеется, бóльшую часть ночи они провели без сна, завернувшись в одеяло и подпитывая свое мужество прихваченными из дому вкусными припасами. Еда кончилась за пару часов до рассвета. Дожевав последние крошки, малыши немного вздремнули, но этого, понятно, было мало. Теперь они брели по лесу, изрядно устав, пав духом и не желая верить в то, что, по всей видимости, они заблудились. Из всех троих только бельчонку доводилось раньше бывать в лесу, и теперь он с деловитым видом вел двух кротишек за собой.

Сам того не зная, Арвин увел подруг сначала на север от аббатства, а потом сделал крюк, и теперь они оказались недалеко от основной тропы, ведущей к Рэдволлу.

Там и сморил сон уставших малышей. Они лежали, прижавшись друг к другу, и время от времени их носики и лапки тихонько вздрагивали — им снились их детские сны.

34

Сноп вложил стеклышко в гнездо так, чтобы его было видно снаружи. Солнечные лучи, попадавшие внутрь гнезда, заставляли осколок переливаться всеми цветами радуги. Галка Скруво вскоре заприметила новый сверкающий предмет. Вволю наевшись гусениц и муравьев на старом бревне на одной из дальних полян в лесу, галка облетала окрестности в поисках чего-нибудь блестящего. Сделав на всякий случай несколько кругов над аббатством и поняв, что в этом месте ей никакая опасность не угрожает, галка спикировала к гнезду и с размаху резко клюнула стеклышко, словно оно было живым и могло убежать. Осколок и вправду отлетел к дальней стенке

ласточкиного гнезда, и галке, зависнувшей в воздухе, пришлось немало потрудиться, чтобы извлечь его оттуда. Вскоре птичьи усилия были вознаграждены, и, зажав в клюве стекло, Скруво радостно полетела на юго-восток от аббатства, в глубину Страны Цветущих Мхов.

Скруво, конечно, видела трех обитательниц аббатства. Но, понимая, что белочка, мышка и ежиха не представляют для нее ни малейшей опасности, она решила не обращать на них никакого внимания.

Сноп и Ролло, спустившись с чердака, увидели, как их подружки выскочили за территорию аббатства через обычно закрытую маленькую калитку в южной стене. Совенок с обидой подвигал больным крылом.

— Нет-нет, я, конечно, ничего против ходьбы не имею, но это именно тот случай, когда я был бы не против полетать.

Ролло, прищурившись, смотрел в синее небо.

— Боюсь я, что они потеряют галку из виду. Все-таки с земли нелегко преследовать птицу, свободно летящую над лесом.

Старый летописец оказался прав. Добежав до леса, Пижма и Пинким сообразили, что из-под веток они ничего не увидят. Оставалось надеяться на ловкость и проворство белочки Краклин. Та мгновенно вскарабкалась на самую высокую сосну, взобравшись так далеко, что подруги не могли увидеть ее с земли. Вскоре сверху, почти с самого неба, донесся ее взволнованный голос:

— Она спускается, спускается! Там, на юге, она кружит на одном месте и потихоньку спускается пониже к земле.

Пижма радостно захлопала в ладоши:

— Ну конечно, можно было сразу догадаться! Она полетела к старой церкви Святого Ниниана! За мной!

Уже собравшихся бежать дальше подружек окликнул издалека Ролло:

— Ну что, видели, куда она полетела?

Пижма крикнула в ответ:

— Кажется, к старой церкви!

Через секунду лишь маленькое облачко пыли над тропинкой свидетельствовало о том, что здесь только что пробежали три небольшие, но очень проворные зверюшки. Ролло и Сноп последовали за ними чуть более спокойным шагом.

По пути летописец рассказал сове о том, что собой представляет эта старая церковь.

— Вообще-то толком никто не знает, кем и когда была построена церковь в честь Святого Нониана. Время от времени кто-нибудь пытается в ней жить, но из-за сырости эти развалины стали совершенно непригодны для жилья, а вот для нескольких десятков галочьих гнезд место это, по-видимому, вполне подходит.

Взволнованно ухнув, Сноп пошел гораздо быстрее, чем раньше, оставив летописца позади. Повернувшись, он объяснил свое поведение:

— Пойду-ка я поскорее. Дело в том, что поодиночке галки — вороватые, но трусливые и безобидные птицы. А вот когда их целая стая, они могут быть очень и очень опасны, особенно если их потревожить рядом с гнездом. С ними надо держать ухо востро.

Длинное копье с силой вонзилось в землю буквально в шаге от спавших малышей. Арвин проснулся от того, что какая-то огромная мрачная тень подняла его в воздухе на могучих лапах.

— Ой-ой-ой-ой-ой! — завопил бельчонок. — Это они! Щеритцы! На помощь!

Еще не успевшие проснуться Копуша и Гурбал точно так же были подняты в воздух.

— Не ттрогайте нас! Мы же пррросто малыши! Мы ничего плохого не сделали!

— Эти пр-ротивные щерритцы съедят нас пррросто так!

Не в силах сдержать смех, дочь Командора — выдра Длинная Лапа — позволила себе даже легонько встряхнуть Арвина.

— А ну-ка молчать, маленькие хулиганы! Будете вести себя смирно — мы вас не съедим. А ты, бельчонок, перестань дергаться, а не то я тебя отпущу, и ты упадешь головой вниз.

Любознательная Копуша тем временем вскарабкалась по лапе своей спасительницы и заглянула той прямо в глаза.

— Хур-р! — восторженно выдохнула кротишка. — Ты не щерритца, ты — выдрра!

Длинная Лапа опустила «пленников» на землю и перехватила поудобнее копье.

— Да, ребята, повезло вам, что мы не — как вы их называете? — «щеритцы». А теперь лучше скажите мне, что трое малышей делают одни, без взрослых, так далеко от аббатства?

Не успевший толком испугаться и поэтому быстро сообразивший, что к чему, Арвин нашел самые веские, на его взгляд, причины.

— Мы... это... охотились на щеритц. Ну, на тех, которые похитили настоятеля и Фиалку. Мы хотели выследить их, перебить всех противных щеритц и вернуться с освобожденными пленниками в аббатство — чтобы на нас не ругались.

На этот раз выдра сдержала улыбку, вспомнив, как сама в детстве не раз попадала в подобные приключения.

— Вы, ребята, молодцы, — одобрительно сказала она. — Мы тут недавно видели огромную толпу «щеритц». Они бежали во всю прыть и кричали, что за ними гонятся три храбрых воина. — Обернувшись к подошедшим выдрам из ее отряда, Длинная Лапа попросила у них поддержки: — Я ведь правду рассказываю?

Выдры согласно закивали.

— Знаете, что они еще кричали? «Ой, спасите! Ой, помогите! За нами гонятся три ужаснейших, кровожаднейших малыша!» Я своими ушами слышала!

Арвин грозно нахмурился, схватил с земли свою палку и потряс ею в воздухе:

— Вперед, за мной! Вы поможете нам схватить их!

Длинная Лапа запросто подхватила бельчонка и посадила его себе на плечо.

— Брось, не стоят они того! Хочешь, я прокачу тебя до самого аббатства? Эй, ребята, есть у нас что-нибудь вкусненькое? Пусть храбрые воины перекусят по дороге домой.

Тем временем в аббатстве брат Хиггли уже в третий раз открывал духовки и заглядывал в кастрюли.

— Ну, и что прикажешь делать? — вопрошал он свою супругу Тизель. — Накрывать на стол, чтобы все остывало, или оставить в духовке, чтобы пережарилось и перетушилось?

— Я и сама не знаю, — отвечала Тизель. — Пойду спрошу Ауму, ей виднее, когда должны вернуться те, кто отправился на поиски.

Аума сидела на крыльце аббатства вместе с Командором и нервно терла лапами морду.

— Надо было еще вчера начинать поиски этих малышей, — в который раз повторила она. — Говорила мне сестра Цецилия, а я не послушала. Все думала, что они захотят есть и вернутся. А теперь что? Вон уже целый день ищем, и все без толку! Это все я виновата. А еще бедняжка Фиалка! Оказаться в лесу одной! Что с ней — заблудилась, в плен попала или еще что-нибудь похуже...

Командор погладил ее по плечу:

— Не вини себя. В конце концов, в прошлый раз все обошлось. И никто не мог предположить... Это еще что такое?

Думм-бумм-бумм! Вслед за ударами колокола раздался крик Фарло Стампа, дежурившего на башне у ворот.

— Выдриный патруль возвращается! — крикнул еж. — По-моему, они ведут с собой кого-то еще. Да это же наши трое пропавших малышей! Точно, они! Вальджер, открывай ворота.

Бросившись к воротам, Аума на бегу задрала морду к небу и взмолилась:

— Хвала Всем Сезонам! Хоть эти целы и невредимы! Но где же Фиалка?

Большой колокол на башне пробил четыре раза, созывая обитателей Рэдволла на обед в Большом Зале. В Рэдволле едоков стало гораздо больше за счет землероек Гуосим и выдр из дозора Длинной Лапы, в зале даже пришлось поставить дополнительные столы.

Сестра Цецилия и еще кое-кто из старейшин аббатства предлагали немедленно отправить троих провинившихся малышей в постель и уж точно лишить их вкусного обеда, заменив его крапивной похлебкой. Неожиданно для всех Длинная Лапа выступила в защиту виновных и, действуя уверенно и настойчиво, даже сумела перетянуть на свою сторону Ауму и многих других.

— Друзья мои, — сказала она достаточно громко, чтобы ее слышал весь зал, — я думаю, нашему отряду никак не помешают эти трое славных воинов, усилиями которых древний Рэдволл был спасен от набега кровожадных ящериц. И я полагаю, нам нужно задобрить их сейчас, пока они молоды, тогда в старости мы будем избавлены от диеты из крапивной похлебки.

Сестра Цецилия хотела что-то возразить, но ее перебил Лог-а-Лог, который заявил, что присоединяется к Длинной Лапе и считает вредным подавлять боевой дух юных воинов, запирая их в лазарете и кормя крапивной похлебкой.

Поняв, к чему клонит Лог-а-Лог, Длинная Лапа продолжила его мысль и обратилась к малышам:

— Готовы ли вы поклясться мехом и усиками, что вы никогда больше не будете убегать и прятаться без моего разрешения? Да, и еще: вам придется дать присягу, что вы будете вести себя, как подобает настоящим выдриным воинам, а это значит: выполнять приказы старших, никогда никого не обманывать, быть добрыми к любому зверю, ну, и вести себя хорошо, и все в том же духе. Готовы ли вы дать такую серьезную клятву?

Проголодавшиеся малыши готовы были дать не только такую почетную клятву, но и наобещать всего, чего угодно, лишь бы от торжественных речей перейти наконец к поеданию стоявшего перед ними большого клубничного пудинга. За всю голодную троицу ответила Копуша, вскарабкавшаяся на табуретку и гордо помахавшая в воздухе ложкой:

— Прринимайте нашу пррисягу, хур-хур!

Раздались общие аплодисменты и одобрительные крики. Вдруг двери Большого Зала распахнулись, и на пороге появился Вальджер, поддерживавший или, скорее, тащивший на себе Пижму и Краклин. Сделав несколько шагов к главному столу, белочка и ежиха рухнули на пол, задыхаясь от усталости и душивших их рыданий. Вальджер взволнованно сообщил:

— Из того, что они пытались мне сказать, я мало что понял, но, по-моему, около церкви Святого Ниниана происходит что-то ужасное.

С неожиданным для своих сезонов проворством Аума выскочила из-за стола и плеснула холодной водой в лицо теряющим сознание подругам. Ежиха Тизель приподняла голову Пижмы, подула ей в нос и ласково потрепала по щекам, стараясь привести в чувство.

Едва придя в себя, Пижма сбивчиво и неразборчиво заговорила:

— Мы всю дорогу бежали оттуда... Галки... Они напали на нас... у церкви... Ролло спрятался... в канаве... Сноп

сказал позвать на помощь... Пинким... Пинким... только не это... нет!

Аума, поднявшая на передние лапы белочку, поспешила спросить ее:

— Всё так?

Та лишь кивнула в ответ и, зарыдав, снова потеряла сознание. Вся ее мордочка была покрыта глубокими кровоточащими шрамами.

Первым пришел в себя бесстрашный Лог-а-Лог. Он выхватил шпагу и скомандовал:

— Гуосим, тревога! Эй, Командор, собирай свободных от дежурства выдр и двигай за нами! По-моему, медлить нельзя ни секунды. Вперед, за мной!

35

Император Ублаз проснулся в ужасном настроении. Разбудило же его робкое царапанье в дверь спальни.

— Если хочешь войти, то постучи как положено! — рявкнул Безумный Глаз. — А если дело действительно срочно, так входи и буди, что за порогом топтаться-то!

Командир крысиной стражи Сагитар Пилозуб, понурив голову, вошла в дверь императорской спальни. Ублаз протер глаза и спросил:

— Ну что там еще? Выкладывай!

Набрав в легкие побольше воздуху, Сагитар приступила к докладу:

— Ваше Всемогущество, сегодня под утро один из надзирателей был найден мертвым на

берегу моря, у стен дворца. По всей видимости, его выбросило прибоем. Он был привязан к корабельному рулю. А вот это было засунуто ему в пасть.

Сагитар протянула императору свернутый несколько раз и перевязанный бечевкой кусок парусины. Развернув еще влажную тряпку, Ублаз обнаружил на ней надпись, сделанную кровью ящерицы. «Смерть Безумному Глазу!» — гласило послание. Чуть ниже значилось: «Привет от Расконсы и его морских братьев». Отбросив парусину в сторону, император заскрежетал зубами, но взял себя в лапы и спокойно сказал:

— Итак, уже четвертый надзиратель за последние два дня. А как пираты? Вернулись они в таверны?

Сагитар отрицательно покачала головой:

— Нет, Ваше Всемогущество. В порту никого нет, и никто из пиратов ни разу не попытался пробраться на корабли. Они ушли в горы...

Ублаз шагнул к Сагитар и сильно толкнул ее.

— Это я и без тебя знаю! — крикнул он ей прямо в морду. — А также то, что у них есть еда, оружие и все необходимое, чтобы сидеть в горах, сколько им заблагорассудится.

— Ваше Всемогущество, а может быть, стоит напасть на них всеми силами крысиной стражи и надзирателей? В конце концов, у нас дисциплинированные отряды, а они — всего лишь морской сброд, не обученный воевать на суше.

Морда Ублаза расплылась в недоброй ухмылке.

— А вот этого подарка мы им не сделаем. От нас только того и ждут, чтобы мы покинули дворец и пошли в глубь острова. Они оставят перед нами отвлекающий отряд, а когда мы увязнем в бою, тотчас же займут дворец. Нет, так не пойдет. Пошла отсюда вон! — прикрикнул он на Сагитар. — Выстави усиленные караулы на стенах, на всех башнях и на подходах ко дворцу. Докладывай обо всех новостях, о любом передвижении про-

тивника в окрестностях. А теперь оставь меня, мне нужно подумать.

Пиратские капитаны Пряжка и Оскал вместе с рулевым Гухом захватили в плен еще одного надзирателя. Ящерицу связали, заткнули ей пасть кляпом и потащили к лагерю бунтовщиков-пиратов на дальней оконечности острова.

Расконса сидел у костра и ждал, пока испекутся крабы. Увидев друзей, конвоировавших пленную ящерицу, он ухмыльнулся и сказал:

— Что, еще один пленничек? Отлично! Ну а как дела во дворце императора? Есть новости?

Капитан Пряжка выбрал место в тени, присел, хлебнул морского грога и сказал:

— Безумный Глаз боится даже нос высунуть из дворца. Того пленного мы доставили ему так, как ты приказал. Насколько мне известно, Сагитар уже передала твое послание Ублазу. А этот был часовым на причале. Ну не оставлять же его было там одного — пришлось прихватить с собой.

Расконса пощекотал ящерицу острием кинжала.

— Ладно, приятель, ты не переживай. Долго терпеть такую мерзкую компанию тебе не придется. Отдадим мы тебя твоему императору ближе к ночи, не беспокойся. В каком виде, правда, не знаю, но как-нибудь уж доставим.

Горностаю Оскалу вся эта болтовня была неинтересна. Он подошел к Расконсе и, поглядев ему прямо в глаза, спросил:

— Когда мы вернем себе наши корабли?

Лис в ответ улыбнулся и сказал:

— Когда настанет время, не раньше. Как ты думаешь, чего от нас ждет Ублаз? Вот именно: он ждет, что мы организуем набег на порт, чтобы захватить наши корабли. И можешь быть уверен, Безумный Глаз придумал какую-

нибудь ловушку. Нет, нам теперь важнее захватить дворец. А потом корабли сами упадут к нам в лапы. Ничего, продержим Ублаза во дворце сколько потребуется, пока он не согласится на переговоры.

Оскал с сомнением в голосе поинтересовался:

— А потом что?

Лис выхватил из ножен свой любимый кинжал и кровожадно облизнул его.

— Тогда мы обманем его и убьем. Я думаю, не только куницы способны на хитрость и двойную игру.

Оскал не унимался:

— Корабль! Нам нужен корабль, хотя бы один.

Расконса поразмыслил над этим, а затем встал и направился на вершину ближайшего холма. Оттуда он показал пальцем в сторону полузатопленного «Флибустьера».

— Эй, Оскал! — обратился к горностаю Расконса. — Посмотри: вот тебе корабль, почти целый. Согласись: если привести «Флибустьер» в порядок, то в твоих лапах окажется едва ли не самый быстрый корабль в мире.

Оскал, воодушевившись, стал собирать по окрестным скалам свой экипаж. Расконса добрался наконец до уже пропекшегося краба и сказал сам себе:

— Вот и славненько. И Оскал при деле, и корабль нам не помешает. Особенно такой, который списан Ублазом со счета.

Вечером Ублаз лично спустился к дворцовым воротам, куда стражники и надзиратели приволокли тело очередной мертвой ящерицы. Нисколько не заинтересовавшись погибшим надзирателем, император вытащил кусок парусины, который был зажат у того в зубах. Отойдя в сторону, Ублаз стал читать послание Расконсы: «Поговорим завтра. Если ты не придешь, я все равно выкурю тебя из дворца рано или поздно. Выброси зеленый флаг, если согласен с моими условиями: встречаемся в центре острова

утром после рассвета. Расконса». Ублаз жестом подозвал Сагитар и отвел ее в сторону на достаточное расстояние, чтобы никто не слышал их разговора.

— К полуночи приведешь ко мне в тронный зал шестерых лучших стрелков из лука, — распорядился император. — Сделай так, чтобы никто не знал, зачем и куда их вызвали.

Улыбаясь, Безумный Глаз отправился обратно в свои покои. Ему даже нравилась сложившаяся ситуация: он снова вступил в рискованную игру и был уверен, что вот-вот докажет настырному противнику — тягаться с ним бесполезно.

Прошло уже два дня с тех пор, как «Морской Змей» вышел из полосы льдов и туманов, и теперь он на всех парусах двигался на запад, к Сампетре. Светило солнце, хотя из-за северного ветра по-прежнему было холодно, и к тому же изрядно штормило.

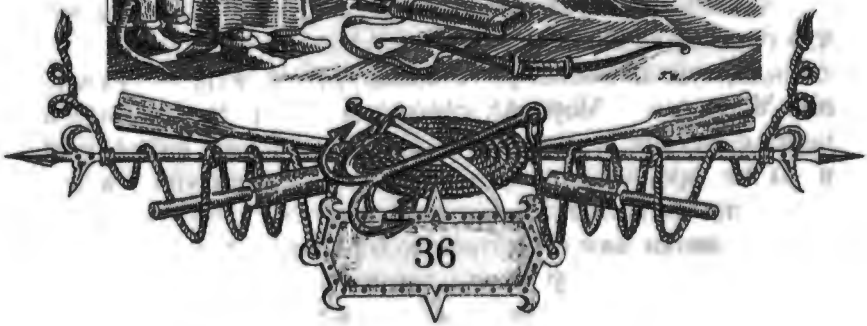
Настоятель Дьюррал сидел в капитанской каюте. Время от времени он грыз морские сухари, запивая их холодной водой. Мыслями старый настоятель был где угодно, только не на пиратском корабле. Разумеется, бóльшая часть его раздумий была посвящена Рэдволлу. Из сладких воспоминаний Дьюррал был вырван раздавшимся на палубе шумом. Послышались топот множества лап, звон стальных клинков — стало ясно, что взаимная неприязнь Ромски и Ласка Фрилдора все-таки переросла в открытый бой. Для своей безопасности Дьюррал подтащил к двери стол и пару не прикрепленных к полу скамеек. Забаррикадировавшись таким образом, он завернулся в пыльное одеяло, лежавшее на койке капитана, и забрался в дальний угол каюты. Ему оставалось только надеяться, что верх в разыгравшейся схватке одержит хорьчиха Ромска, а не беспощадный генерал надзирателей.

Проснулся Дьюррал ближе к ночи, когда иллюминатор, находившийся под самым потолком каюты, почти

перестал освещать помещение. Настоятель на ощупь проверил дверь и убедился в том, что она надежно забаррикадирована. Завернувшись снова в одеяло, он сел спиной к перевернутому столу и стал ждать. На палубе царила тишина. Вдруг настоятель Дьюррал насторожился: кто-то поскребся в дверь каюты. Не зная, кто это — друг или враг, но опасаясь худшего, Дьюррал перебрался в дальний угол. Скребущиеся звуки сменились стуком, а затем сильными ударами, от которых задрожала дверь каюты. Вскоре в двери была прорублена большая дыра, в которой мелькнула чья-то тень. Не выдержав напряжения, старый настоятель в отчаянии закричал:

— Да кто же там?

В следующую секунду раздался еще более сильный треск, половина двери разлетелась в щепки, и в образовавшуюся дыру просунулась кошмарная чешуйчатая морда Ласка Фрилдора.



36

Выглянувшая из-под парусинового полога Фиалка первой увидела незнакомцев. Она испуганно вскрикнула, и Мартин тотчас же вскочил на ноги, выхватив из-за спины меч. Отбросив в сторону тент, он приготовился к бою.

Хват, зажав лапой Фиалке рот, сам изумленно смотрел на множество огромных неизвестных ему существ, окруживших челнок.

— Великие Сезоны! — пробормотал он. — Откуда взялось это стадо морских кошмаров?

Большие, сильные и подозрительно моргавшие темными глазами звери плотным кольцом окружили лодку. Мартин занес меч, чтобы отпугнуть их и заставить отодвинуться чуть по-

дальше. Двигаясь быстро, но очень плавно, Грат поспешила опустить лапу Мартина, негромко сказав ему:

— Отложи меч, Мартин. Это морской народ. Лучше их не злить. Не делай резких движений, не то они просто сбросят нас в воду и утопят.

Мартин опустил оружие, не отрывая взгляда от незнакомых зверей.

— Что будем делать дальше? — шепотом спросил он у выдры.

Та отложила лук и стрелы и показала незнакомцам, что она безоружна.

— Давай я попробую с ними поговорить, — сказала она Мартину. — Морской народ иногда приплывал к тем местам, где жила моя родня. Они по-нашему не говорят, но я их вроде немного понимаю. Да, вспомнила: наши называли их тюленями.

С этими словами Грат выскользнула из челнока и направилась к самому крупному и солидному на вид из окруживших лагерь тюленей. Тот бесстрастно смотрел на нее немигающими глазами и лишь чуть покачивал головой, что получалось у него весьма величественно.

Грат согнулась в три погибели, изо всех сил стараясь двигаться так, чтобы ее голова не поднималась выше головы главного тюленя. Сложив лапы вместе, она несколько раз похлопала ими перед собой и произнесла что-то вроде «Бр-бр-бр-динь! Дза-а-а-ар!» Тюлени заволновались и закрутили головами, явно удивленные тем, что какая-то выдра умеет говорить на их языке. Одним взглядом главный тюлень восстановил тишину. Мартин тем временем успел подойти к Грат и тихонько спросил ее:

— Что ты сказала этому великану?

— Естественно, я поздоровалась с ним. «Бр-бр-бр-динь» — это что-то вроде «добрый день». И еще я его назвала словом «дза-а-а-ар», и там очень важно тянуть букву «а». Чем дольше ты ее тянешь, тем с бо́льшим уважением получается обращение. А вообще это что-то

вроде «царя» или «короля». В общем, тяни букву «а» — и проявишь уважение к его величию. Тихо, он сам хочет нам что-то сказать.

Тюлень царственно посмотрел на них сверху вниз и произнес:

— Э-э-это ммм-не ту-у-ут дза-а-а-ар. Я-а-а лед гора-а-а. — Свои слова он пояснил движением головы, словно окидывая взглядом весь айсберг.

Грат поклонилась и, закрыв глаза, почтительно ответила:

— Дза-а-а-а-ар ту-ут ты-ы-ы.

Похоже, такой ответ понравился тюленьему королю. Он поднял здоровенный ласт и звонко шлепнул им себя по груди.

Грат объяснила:

— Вообще-то все я не поняла, но, судя по всему, он сказал, что это его остров. Я, мол, король этой ледяной горы. Ну а я попыталась ему втолковать, что он очень большой король и что этот остров действительно принадлежит ему.

— Интересно, как бы втолковать ему, что мы не претендуем на этот остров? — озаботился Мартин.

Грат подумала и сказала:

— Попробуй произнести: «Ту-ут не-е ммм-не-е». Хуже не будет.

Мартин сделал шаг вперед под внимательными взглядами тюленей. Сначала он почтительно похлопал ладонями перед собой, как это делала Грат, а затем, сам не ожидая от себя такой дерзости, пару раз хлопнул себя по груди, словно передразнивая предводителя тюленей. Отступать было некуда, и Мартин заявил:

— Дза-а-ар Мартин. Ту-ут не-е ммм-не-е. То есть не мой это остров, — добавил он напоследок.

Похоже, его выступление развеселило тюленьего короля. Тот, махнув в сторону Мартина огромным ластом, в свою очередь передразнил его:

— Ту-ут не-е ммм-не-е. Ту-ут ммм-не.

Выбравшись из челнока, Хват присоединился к Мартину и Грат.

— Ну, ребята, похоже, дела не так плохи. Если у этих гор мяса и жира есть чувство юмора, то с ними, может быть, удастся договориться.

Заяц коротко разбежался и не без изящества подкатился по льду к предводителю тюленей на одной лапе. Не слишком почтительно поклонившись, он тем не менее во всю глотку заорал тюленье приветствие.

— Дза-а-а-ар, старина, дза-а-а-а-ар, понятно? — разнеслось над островом. И чтобы уж совсем доходчиво подчеркнуть свое почтение перед предводителем, Хват наклонил вперед уши и похлопал ими, а затем, не удержавшись, почмокал губами, передразнивая мимику тюленей.

Тюлени хохотали до упаду в прямом смысле этого слова. Кое-кто, не удержавшись на гладком льду, соскользнул с берега обратно в воду. Мартин поспешил урезонить Хвата:

— По-моему, на сегодня достаточно представлений. Еще не хватало отвечать, если вдруг кто-нибудь из этих мешков помрет от смеха или лопнет, что, похоже, намеревается сделать наш главный «дза-ар», как у них это называется.

Когда смех утих, предводитель тюленей обвел взглядом своих подданных и, словно спрашивая их мнение, вопросительным тоном произнес всего одно слово:

— Та-а-ащи-имм?

На мгновение тюлени задумались, а потом, захлопав ластами и показывая почему-то в основном на выдру, хором повторили:

— Та-а-ащим-имм! Та-а-ащи-имм! Ва-а-алли-у-умм!

Грат пожала плечами и, обернувшись к Мартину, сказала:

— Понятия не имею, что они задумали.

Впрочем, выбирать друзьям особо не пришлось. Их вежливо, но очень настойчиво подтолкнули к лодке, по-

зволив собрать все вещи, лежавшие на льду. Предводитель тюленей одним ударом хвоста снес весло, удерживавшее челнок на берегу, и легко столкнул долбленку на воду. Остальные тюлени, вооружившись сплетенными из морских водорослей канатами, продернули их через носовое кольцо и весельные уключины лодки и потащили ее прочь от ледяной горы. Пассажирам оставалось только гадать о том, куда тянут их судно, и удивляться скорости, с которой передвигались в воде тюлени, такие неповоротливые на твердой поверхности льда.

Первым нарушил молчание Хват:

— Все это, конечно, замечательно, но хотелось бы быть уверенным в том, что эти ребята знают, куда они нас тащат.

Хват тем временем проводил ревизию оставшихся продуктов.

— Ну, куда бы мы ни плыли, я не желаю путешествовать на голодный желудок. Посмотрим, что нам удастся приготовить в таких стесненных условиях.

— Эй, смотрите, смотрите! — закричала Фиалка, показывая куда-то в открытое море.

Мартин не поверил своим глазам.

— Это что... то есть кто это такие?

Грат видела «их» всего один раз в жизни. Завороженно глядя на гигантские силуэты вдалеке, она рассказала:

— Когда были живы мои родители, мы иногда забирались далеко-далеко на север, и однажды я видела этих морских животных. Это было весной, и они подплыли почти к самому берегу. Мама сказала, что их называют китами. Ни на суше, ни в море нет никого больше, чем они. Когда они дышат, то выбрасывают из головы целые фонтаны брызг. А хвосты у них, по меньшей мере, размером с кроны двух столетних дубов. Да вы сами посмотрите!

А смотреть действительно было на что. Киты то всплывали, показываясь на поверхности и выпуская фонтаны

брызг, то уходили в глубину, предварительно взмахнув гигантскими хвостами над морскими волнами. Чуть-чуть придя в себя от удивления, Мартин пошутил:

— Представляю себе, как я буду рассказывать Ролло, что видел рыб размером больше, чем все наше аббатство!

Тюлени продолжали неутомимо тащить лодку за собой, и вскоре туман окончательно рассеялся, оставшись за кормой тонкой полоской вдоль горизонта. Сориентировавшись по солнцу, Мартин встревожился.

— Смотри, — обратился он к Грат, — они тащат нас на север.

Та пожала плечами:

— Похоже, ничего не поделаешь. Отвязать сейчас лодку — значит остаться посреди открытого моря в долбленке, которая перевернется на первой же серьезной волне. Да и еды у нас совсем мало. А тюлени, похоже, твердо вознамерились доставить нас хоть куда-то. Остается только ждать, пока не покажется земля. А тем временем можно и перекусить. По-моему, Хват уже все приготовил.

Все принялись за скромный ужин, состоявший из ячменных лепешек и ежевичной наливки. Ели молча, каждый думал о своем. Больше всех удивлялась произошедшему за последние дни Фиалка. Ведь для нее это было первое путешествие за пределы аббатства, и оно сразу же оказалось настолько опасным и полным приключений.

37

Полная луна ярко освещала тропу к церкви Святого Нониана. По тропинке между тенями от деревьев быстро продвигалась вперед внушительная компания выдр и речных землероек. Каждый зверь был вооружен либо пращой, либо копьем, либо шпагой, либо луком со стрелами. Возглавляли колонну Лог-а-Лог и Длинная Лапа. Рядом с ними, мужественно превозмогая боль от еще не заживших ран, шествовал Командор. Вскоре между деревьями показалась полуразрушенная колокольня древней церкви. Лог-а-Лог, поправив пояс со шпагой, прибавил ходу и сквозь зубы процедил:

— Ну все, вроде почти пришли.

— Ребята, это вы? — неуверенно спросил чей-то голос.

Все мгновенно остановились и оглянулись. Тот же голос вновь послышался из темноты:

— Я здесь, в канаве. Помогите мне выбраться!

Наклонившись к канаве, шедшей вдоль тропы, Командор вместе с дочерью без труда вытащили дрожащего и перепачканного летописца Ролло. Все еще стуча зубами от страха и холода, он поведал им ужасную историю:

— На нас напали. Белочка, мышка и ежиха добежали сюда гораздо раньше нас, и на них напала целая стая галок. Мерзкие, кровожадные птицы! Когда мы подходили к церкви, Сноп услышал, как наши подружки там стонут. Он приказал мне оставаться снаружи, а сам бросился внутрь здания. Оттуда доносились душераздирающие крики, едва слышные сквозь гвалт галок. Потом я еще увидел, как Сноп просто выбросил через дверь Пижму и Краклин и прокричал, чтоб они бежали за помощью в Рэдволл. Мне было за ними не угнаться, и они помогли мне спрятаться здесь, в канаве. Что было потом — я не знаю, только гвалт галок раздавался со стороны церкви. А затем наконец я услышал ваши голоса.

Оставив с летописцем Командора, который не мог быстро бежать дальше из-за своих ран, отряд бросился вперед по тропе.

Не остановившись по дороге ни на секунду, сборный отряд ворвался в развалины древнего здания. Галки так и прыснули во все стороны, услышав боевой клич:

— Рэдво-олл!

В самом центре помещения Скруво — предводительница стаи — и еще две ее приближенные терзали лежавшего ничком на полу Снопа, нанося ему ужасные раны своими острыми клювами. Длинная Лапа с такой силой огрела Скруво копьем, что оно едва не сломалось от удара. Предводительница галок погибла на месте. Две другие мучительницы пали, пронзенные двумя ударами шпаги

Лог-а-Лога. Вскоре бóльшая часть стаи навсегда осталась в старой церкви. Лишь немногим удалось улететь, и они постарались скрыться как можно дальше от Страны Цветущих Мхов.

Когда Командор и Ролло добрались до развалин, все было уже кончено. Несколько землероек рвали на бинты свои туники и перевязывали раны Снопа, прикладывая к ним размоченные целебные травы. Шкипер поспешил к лежавшему на земле другу.

— Он жив?

Лог-а-Лог пожал плечами и сказал:

— Да, в нашей сове еще теплится жизнь, хотя, честно говоря, я не понимаю, как он выдержал весь этот кошмар. Ему досталось столько, сколько хватило бы, чтобы убить троих из нашей компании. Я насчитал с полдюжины галок, с которыми он расправился до нашего появления. Да, за свои сезоны я видел немало крепких ребят, но таких, как наш Сноп, мне встречать не приходилось.

Окрестности церкви Святого Ниниана огласил душераздирающий крик, вырвавшийся из груди Ролло. Он увидел, как из развалин вышла Длинная Лапа, держа в лапах крохотное израненное тельце. Лог-а-Логу пришлось удерживать Ролло, который все рвался подбежать к выдре и кричал:

— Нет, только не это! Только не Пинким! Скажите мне, что она жива! Умоляю вас!

Длинная Лапа не скрывала слез. Она прижимала неподвижное тельце к себе, словно младенца.

— Бедная малышка! В памяти друзей она останется живой навсегда, — сказала выдра.

Лог-а-Лог вынужден был удерживать Ролло до тех пор, пока Длинная Лапа, уходившая по тропе в сторону Рэдволла, не скрылась из виду. Огромным усилием воли заставив себя успокоиться, летописец вытер слезы и обратился к Командору и вождю землероек Гуосим:

— Друзья, можете вы выполнить одну мою просьбу?

— Конечно! — в один голос ответили Лог-а-Лог и Командор. — Проси все, что хочешь.

Ролло ткнул пальцем в сторону развалин:

— Постарайтесь разыскать жемчужину. Скорее всего она лежит в гнезде главаря этой галочьей банды.

Предположение оказалось верным, и поиски не заняли много времени. Вскоре из полуобвалившегося дверного проема церкви вышел Командор и протянул летописцу красивую розовую жемчужину.

— А теперь у меня к вам будет еще одна просьба, — сказал Ролло. — Я хочу, чтобы вы подожгли это здание и спалили его дотла.

— Сжечь? — на всякий случай переспросил Командор, и в его голосе слышалось удивление. Он не ожидал от миролюбивого летописца такого сурового требования.

Ролло, ни минуты не колеблясь, повторил:

— Да, сжечь дотла. Чтобы от этого здания остались только груда пепла и тяжкие воспоминания. Слишком зловещим стало это место. Я читал в летописях аббатства, что уже дважды враги Рэдволла использовали эти руины как свое убежище. Впервые это случилось во времена Маттиаса Воителя, потом здесь прятался Слэгар Беспощадный — во времена Маттимео, когда я был еще совсем маленьким. И вот в третий раз этот дом стал прибежищем воров и убийц. Сожгите его.

Следующее утро выдалось тихим и солнечным. Пелена молчания легла на Страну Цветущих Мхов. Даже неутомимые птицы и те притихли. Ежиха Тизель и барсучиха Аума стояли на площадке южной стены аббатства и смотрели на то, как над лесом поднимается густой столб черного дыма от догорающего здания древней церкви. Кивнув в сторону пожарища, Аума сказала:

— Командор и его команда остались там следить, чтобы здание сгорело дотла, но огонь при этом не переки-

нулся на лес. Тизель, ты не могла бы приготовить несколько корзин с едой, чтобы передать им завтрак?

Ежиха кивнула:

— Само собой. Приготовлю побольше, учитывая аппетит наших приятелей-выдр.

— Только позаботься, чтобы кто-нибудь помог тебе это все донести.

Вспомнив о том, что произошло накануне, ежиха разрыдалась.

— Бедная, бедная маленькая мышка! Какая ужасная смерть! Она была такой молодой, еще совсем ребенок. Я, конечно, не воин, но всей душой надеюсь на то, что галки получили по заслугам от Лог-а-Лога и выдр.

— Об этом можешь не беспокоиться, — сказала Аума, погладив ежиху по колючей голове. — Птицы дорого заплатили за нанесенное нам зло. Лог-а-Лог рассказал мне, что вчера происходило около церкви, и, судя по всему, пройдет еще очень много сезонов, прежде чем мы опять услышим крик галки в окрестностях нашего аббатства.

Общая скорбь по поводу смерти Пинким была столь велика, что Ауме пришлось облачиться в мантию настоятельницы и потребовать, чтобы на похороны никто не приходил, — утрата слишком тяжела для всех. Вдвоем с Длинной Лапой они выбрали место в укромном уголке аббатского садика и выкопали могилу, в которую положили по маленькому подарку от всех обитателей аббатства. Затем последовала недолгая, но искренняя церемония прощания, сопровождавшаяся звоном колоколов, языки которых были обмотаны бархатом для смягчения звука.

Несмотря на все протесты сестры Цецилии, Краклин, Пижма и Ролло ушли из лазарета и встали у окна, выходившего в сторону сада. Краклин, так часто распевавшая дуэтом с Пинким, на этот раз пела в одиночестве. Отражаясь от стен, песня эхом разносилась по всему аббатству, проникая в каждый его уголок:

До свиданья! Ты уходишь
В ту далекую страну,
Где у тихой-тихой речки
Будешь продаваться сну.

Будешь лесом любоваться
И цветами на лугу
И друзей ушедших встретишь
На росистом берегу.

Почивай, беды не зная,
Дружбу в памяти храня.
И в свой срок у тихой речки
Ты дождешься и меня.

Гленнер и сестра Цецилия вновь проводили убитых горем друзей в лазарет. Они легли каждый на свою кровать, погруженные в тяжелые мысли. Наступило время полдника, но они так и не притронулись к еде.

Через некоторое время, ближе к вечеру, скрипнула дверь и в лазарет вошел брат Хиггли Стамп с большим, полным вкусной еды подносом. Привычно шмыгнув носом, кухонный брат сказал:

— Добрый вечер. Извините за беспокойство, но я больше не мог терпеливо ждать, пока вас тут потчуют крапивной отравой совершенно незаслуженно. Я думаю, коечто вкусненькое вам не повредит.

Еж поставил поднос на стол, но на него никто даже не посмотрел. Брат Хиггли печально покачал головой:

— Эх, если бы Пинким была жива, она бы вам задала трепку за эту бессмысленную голодовку!

Краклин возразила ему слабым голосом:

— Нет, Пинким разделила бы вместе с нами наше горе, потому что мы — ее друзья... Я хотела сказать, мы были ее друзьями.

Тут Ролло сделал над собой усилие и, сев на кровати, громко сказал:

— Что значит «были»? Ты хочешь сказать, что мы больше не друзья Пинким?

Тут в разговор вступила и Пижма:

— Ролло, Краклин вовсе не это имела в виду. Мы всегда будем друзьями Пинким, ее самыми близкими, самыми любящими друзьями.

На лице брата Хиггли появилась загадочная улыбка.

— А я знаю, как вы можете всем доказать, что вы настоящие друзья несчастной Пинким.

Краклин и Пижма хором воскликнули:

— Как?

Глядя в окно, брат Хиггли с совершенно серьезным видом сказал:

— А очень просто. Ведите себя так, как сегодня: лежите целый день и ничего не ешьте. Того и гляди, уморите себя голодом и весьма скоро воссоединитесь со своей погибшей подругой.

Не зная, как будет воспринята его шутка, еж напряженно посмотрел на Ролло. К его радости, Ролло понял глубокую мудрость, скрытую в этих простых словах. Летописец молча подошел к столу, сел на табуретку, налил себе кружку наливки и взял большой кусок пирога. Приступив к еде, он сказал:

— Я полагаю, что мы должны дальше искать «Слезы Всех Океанов». Для этого нам потребуются силы. Поэтому я своей властью старшего по возрасту требую: вы можете молчать, но при этом обязаны есть.

Давно уже Пижма и Краклин не слышали, чтобы старый летописец говорил так убежденно. Не смея ослушаться, они тоже подошли к столу и принялись за еду. Ролло подбросил четвертую жемчужину в воздух, поймал ее и положил на стол.

— Видите? Пинким пожертвовала жизнью ради нее. Теперь мы втроем должны отыскать остальные две, которые могут потребоваться нам, чтобы обменять их на жизнь аббата Дьюррала. Не знаю, как вы, но лично я не

собираюсь сдаваться. Хороши бы мы были в глазах Пинким, доведись ей увидеть нас минуту назад: стонущие и ноющие, валяемся на кроватях вместо того, чтобы продолжить дело, за которое она отдала жизнь. И это вы называете достойным друзей поведением?

Пижма с размаху ударила кулачком по столу, да так сильно, что хлебная тарелка, подпрыгнув, раскололась пополам.

— Мы найдем эти жемчужины! Во что бы то ни стало! — во весь голос заявила ежиха.

Краклин, в свою очередь, яростно распушила хвост и объявила:

— И когда мы их найдем, то вколотим их в глотки тем, кто похитил наших друзей! Одну за другой!

Брат Хиггли, смущенно улыбаясь, поспешил выскользнуть из лазарета, бормоча себе под нос:

— Ничего себе разговорчики! Кто бы мог представить. Услышать такое от двух лучших воспитанниц аббатства! Ну да ладно: едят — и то хорошо.

38

Пижма разломила желудь и, достав из него клочок пергамента, стала читать вслух:

— С пятой слезой —
Доблестный воин,
Что великой славы достоин.
Мозгами раскинь
И ушами своими:
Искомое спрятано вымя. —

Дочитав стихотворение, Пижма добавила: — Тут рядом со стихами столбик каких-то цифр, на мой взгляд совершенно несуразный. Вот послушайте: четыре из четырех, два из двух, три из двух, пять из трех, пять из двух, восемь из

двух. — Поглядев последний раз на пергамент, ежиха сунула его под нос белочке. — Вот, подруга, это по твоей части. Насколько я знаю, задачка как раз в твоем духе.

Спокойно дожевав кусок пирога, Краклин с вызовом посмотрела на Пижму и спросила:

— Что, думаешь, не справлюсь?

Привычно поглядев на нее поверх очков, Ролло вздохнул и сказал:

— Мы на тебя очень надеемся.

Отхлебнув морса, белочка многозначительно помолчала и вдруг выпалила:

— Ну тогда вы двое простофиль, потому что у меня нет ни единой догадки, ни единой мысли, ни единой зацепочки, как можно разгадать эту белиберду.

Трое друзей несколько секунд молча смотрели друг на друга, а затем вдруг одновременно рассмеялись. Воткнув большую ложку в салат, Ролло заявил:

— Ну, если мы, по-твоему, двое простофиль, то ты просто голова безмозглая. И вот в таком составе мы будем расшифровывать этот ребус.

Поднимаясь по лестнице в лазарет, Командор выдр столкнулся с сестрой Цецилией, спускавшейся вниз. Как и подобает воспитанному зверю, он приветливо помахал хвостом и осведомился:

— Прошу прощения, я хотел бы заглянуть к Снопу. Как он себя чувствует? Наверное, спит и старательно залечивает раны?

Сестра Цецилия бросила на Командора недовольный ледяной взгляд.

— Хм! — таков был ее ответ.

Продолжая оставаться вежливым зверем, Командор церемонно кивнул и уточнил:

— Прошу прощения, «хм», видимо, подразумевает какую-то оценку состояния его здоровья? Но, к сожалению, я не знаю, как это соотносится непосредственно с моим

другом. Бедняге вчера так досталось, что еще ночью он был на пороге смерти. Так что я действительно волнуюсь за него и прошу сказать, как он себя чувствует.

Цецилия была явно не в духе.

— Этот... этот ваш... совенок! Час назад он проснулся, отказался от всякого лечения и, более того, вылил миску с лучшей, свежей, теплой крапивной похлебкой прямо в окно лазарета. Если вы хотите узнать, как он себя чувствует, то не стоит утруждать себя и подниматься по лестнице в лазарет. Поступите проще: спуститесь вниз, на кухню, он сейчас там, в окружении выдр, землероек и всякой мелюзги. Вся эта компания готовит и одновременно пожирает все, что попадается им под лапу или под крыло. — Фыркнув напоследок, сестра Цецилия проследовала вниз по лестнице.

Действительно, брат Хиггли и ежиха Тизель пренебрегли заведенным порядком и на целый день предоставили кухню всем желающим приготовить что-нибудь вкусненькое. Естественно, теперь там царил полный хаос. Сноп с Арвином как раз доедали здоровенный фруктовый пирог.

В это время Лог-а-Лог готовил землеройскую кулебяку. Но как только он раскатывал тесто, Гурбал и другие кротишки растаскивали его по частям, чтобы приготовить свое любимое лакомство — «недокроты» — пирожные из теста, меда, клубничного варенья и свежих ягод ежевики.

Выдры, Командор и Гленнер в это время вовсю занимались приготовлением своего любимого блюда — креветочного супа с перцем.

Сестра Цецилия привела матушку Ауму на кухню и обвиняющим жестом воздела к потолку лапы:

— Ты только посмотри, что здесь творится! Эти стены никогда не видели подобного безобразия!

Матушка Аума прошлась по кухне, подошла к столу, где остывали первые готовые «недокроты», и попробовала один из них.

— Хм! А что? Очень даже вкусно! Цецилия, да пусть веселятся! В конце концов, в последнее время на долю обитателей аббатства выпало столько горя и скорби... Особенно это важно для тех, кто помладше. И пусть это будет не оплакиванием кончины несчастной Пинким, а праздником в честь той веселой жизни, которую она прожила.

Пижма, Краклин и Ролло решили, что хватит им лежать в лазарете, и выбрались на свежий воздух. Перейдя через лужайку, они присели на нижних ступеньках лестницы надвратной башни. Пока что их расследование не продвинулось ни на шаг.

— Может быть, нам следует сосредоточить все внимание на самих стихах? — предложила Пижма.

Краклин энергично покрутила головой:

— Нет, я уверена, что ключ спрятан в этих цифрах. Как только мы поймем, что они означают, то все остальное наверняка будет решено в два счета.

Ролло протер очки и стал внимательно разглядывать цифры.

— Сдается мне, ты права. Давайте сосредоточимся на тайном смысле этих цифр, а там видно будет. Значит, у нас есть столбик, в каждой строчке которого по две цифры. В каком порядке они идут? Четыре из четырех, два из двух, пять из трех... Да, тут придется поломать голову.

И вся троица решила почесать затылки на тот случай, если это вдруг поможет обрести вдохновение.

Хранитель ворот Вальджер как раз решил навести порядок в своем маленьком хозяйстве. Дошла очередь и до лестницы, ведущей на башню, которую он стал подметать вересковым веником. Погода была замечательная, вересковые ветки издавали приятный аромат, пыли на лестнице было немного, — в общем, настроение выдры — хранителя ворот становилось все лучше и лучше. Вскоре, не отвлекаясь от работы, он запел:

Папаша мой забылся сном
На тихом берегу.
Шумел камыш — тирлим-бом-бом —
На заливном лугу.

И снилось, будто бы вином
Река полным-полна.
Папаша мой — тирлим-бом-бом —
Напился допьяна.

Ну а потом — тирлим-бом-бом —
Во сне ему предстало,
Что берега из пирога, —
Наелся до отвала!

Проспал полдня папаша мой
На берегу холодном,
Но воротился он домой —
Тирлим-бом-бом — голодным!

А ежели тебе потом
Приснятся пироги,
На кухню ты за пирогом —
Тирлим-бом-бом — беги!

Друзья, сидевшие на нижних ступеньках лестницы, со смехом поджидали Вальджера. Когда он наконец спустился почти до нижней площадки, Краклин не выдержала и обратилась к нему:

— Отличная песенка! Никогда раньше ее не слышала.

Хранитель ворот широко улыбнулся белочке:

— Очень хорошо, что она тебе понравилась. Эту песню из поколения в поколение передают в моей семье. Если хочешь, я могу дать тебе ее слова. Запишешь или выучишь наизусть, строчку за строчкой...

В этот момент, не дослушав старую выдру, Пижма вскочила со ступеньки и во весь голос закричала:

— Строчка за строчкой! Это же строчки, строчки!

Хранителю ворот оставалось только покачать головой, глядя на то, как трое друзей пустились в пляс, ритмично повторяя друг за другом в такт:

— Строчки, строчки! Это строчки!

Пожав плечами, Вальджер нырнул в чулан под лестницей, бормоча себе под нос:

— Может быть, отпев и оттанцевав свое, вы найдете время и для моей песенки.

Пижма тем временем еще раз внимательно прочитала стихотворение Фермальды. Подумав, она сказала:

— Быть может, первая цифра означает номер буквы, а вторая — номер строчки? Давайте попробуем.

Пижма стала зачитывать стихотворение строчку за строчкой, Краклин высчитывала нужные буквы, а Ролло на всякий случай, чтобы не забыть, чертил их на каменной ступеньке своим маленьким перочинным ножиком.

1. С пятой слезой —	4 из 4 = Г
2. Доблестный воин,	2 из 2 = О
3. Что великой славы достоин.	3 из 2 = Б
4. Мозгами раскинь	5 из 3 = Е
5. И ушами своими:	4 из 2 = Л
6. Искомое спрятано в имя.	5 из 2 = Е
	8 из 2 = Н

Закончив чтение и подсчеты, Пижма и Краклин посмотрели на слово, которое получилось у Ролло. Затем подружки взялись за лапы и бегом направились к крыльцу аббатства. Ролло последовал за ними, слушая, как белочка и ежиха во весь голос весело повторяют одно и то же слово:

— Го-бе-лен! Это же гобелен!

39

Сагитар исполнила приказание Ублаза, и, когда тот вечером вошел в тронный зал, его уже дожидались шестеро крыс-стражников, вооруженных луками и стрелами.

Один из надзирателей притащил и поставил посреди зала довольно большое полено. Ублаз расставил стрелков по углам зала, одного отвел к окну и еще одному приказал встать у входной двери. Предусмотрительно отойдя с линии стрельбы, он объяснил стрелкам задачу:

— Смотрите: я поднимаю лапу вот так. Когда я ее опущу, каждый из вас выпустит по стреле вот в это полено. Насколько мне известно, Сагитар отобрала лучших стрелков во всей крысиной страже, и я могу рассчитывать на то,

что все шесть стрел попадут в цель. Теперь приготовьте оружие и ждите сигнала.

С легким шелестом стрелы покинули колчаны и легли на тетиву луков. Увидев, что стрелки готовы, Ублаз поднял и через несколько секунд опустил лапу.

Раздался короткий свист, и все шесть стрел одновременно вонзились в полено, которое после этого повалилось набок. Император не смог сдержать довольной улыбки:

— Великолепно. Теперь Сагитар расставит вас по позициям, где у вас будет время хорошенько замаскироваться. Утром я встречаюсь с лисом Расконсой. Подойдя к нему, я подниму лапу в знак приветствия. Потом я опущу лапу и сам упаду на землю. Это и будет сигналом. Увидев, что я упал, тотчас же стреляйте. Думаю, нет нужды повторять вам, что я надеюсь на точное попадание всех шести стрел в моего противника. Тот, кто промахнется, не доживет и до полудня. Это я обещаю. Если же вы успешно выполните это задание, вас ждет большая награда — даю слово императора.

Низко поклонившись, стрелки вслед за Сагитар вышли из зала. Сам же император направился в маленькую пещеру, где хранилась его корона, в которой так не хватало шести розовых жемчужин. Он привычно взял факел, прошел в глубь пещеры и увидел, как навстречу ему, злобно шипя, устремилась коралловая змея, сверкавшая в свете пламени, будто струйка расплавленного золота. Как только змея подползла поближе и подняла голову, обнажив ядовитые зубы, готовые вонзиться в пришельца, Ублаз посмотрел ей в глаза и стал нараспев читать заклинание. Змея не сдавалась и продолжала угрожающе шипеть. Ублазу пришлось несколько раз повторить заклинание, прежде чем голова змеи поникла и закачалась из стороны в сторону в такт движению глаз куницы. Затем змея вовсе свернулась плотными кольцами и закрыла глаза. Ублаз прикоснулся к ее голове, усмехнулся и, развернувшись, вышел из пещеры. Его уверенность в собственных гипнотических силах еще больше упрочилась.

«Никто не может противостоять моему взгляду, — мысленно повторял он. — Мои глаза победят любого. Моя воля сильнее, чем воля всякого другого живого существа. Мне дано править, а остальные будут мне подчиняться».

Утреннее солнце наконец осветило узкую долину между холмами в центре Сампетры, скрывавшуюся до этого в тени. На гребне одного из холмов выстроились неровной шеренгой мятежные пираты, внимательно смотревшие на своего предводителя, спустившегося чуть ниже по склону в ожидании противника. С другой стороны долины на вершину холма четко промаршировал отряд крысиной стражи. Ублаз, покинув свое место во главе строя, стал спускаться навстречу лису. Когда между противниками оставалось не более десяти шагов, Ублаз поднял лапу, помахал ею и с притворным благодушием в голосе воскликнул:

— Приветствую тебя, Расконса! Ты, как я смотрю, оказался еще более достойным соперником, чем я думал раньше. Прими мои поздравления.

Теперь противников разделяли четыре шага, три — и Ублаз, опустив лапу, резко бросился на землю.

Ничего не произошло. Свист стрел не разорвал утреннюю тишину. Посмотрев на Расконсу, император увидел, что лис едва сдерживает злорадный смех.

— Ты уж поаккуратнее, — с лицемерной заботливостью сказал Расконса. — Смотри, куда идешь: тут сплошь какие-то ямки, кочки... Да что там, за примером далеко ходить не надо: не далее как сегодня ночью шесть крысстражников кряду споткнулись и упали прямо на свои стрелы. Но их неуклюжесть еще можно понять, как-никак темно было.

Ублаз проворно вскочил на ноги и бросился бежать к своему отряду. Одновременно Расконса махнул лапой своим товарищам и крикнул:

— Вперед, в атаку!

Пираты кинулись вниз по склону, издавая воинственные крики и потрясая самым разным оружием.

Отступление Ублаза и крысиной стражи больше напоминало панику. Безоружный, Ублаз несся быстрее, чем любой из его охранников, которые к тому же были вынуждены сохранять хоть какое-то подобие строя на случай вступления в бой с противником. Ублаза жгла изнутри одна мысль: догадался ли Расконса послать часть своих сил в обход, чтобы захватить дворец, в котором находились только Сагитар и немногие оставшиеся в живых надзиратели?

Пираты, поначалу мчавшиеся за противником по приказу Расконсы, перешли почти на шаг. Рулевой Гух, который не был посвящен в план предводителя, задал вопрос, который начал мучить всех капитанов и многих из матросов:

— Капитан, почему мы так медленно наступаем? Того и гляди, они уйдут от нас! Надо воспользоваться их паникой, чтобы разделаться с крысиной стражей раз и навсегда.

Расконса хитро подмигнул и объяснил свой замысел:

— Победить-то мы их победили бы, но такая победа далась бы нам дорогой ценой. Пусть мы потратим больше времени, зато сохраним жизнь наших товарищей. А пока пусть император сидит там, где сидел все последнее время: запертый в своем дворце. Посмотрим, что станет с боевым духом его стражников после сегодняшнего бегства.

Ублаз с облегчением обнаружил, что его дворец не штурмуют пираты. Надзиратели распахнули ворота, впуская императора и стражников. Затем ворота тотчас же захлопнулись. Проследовав в тронный зал, Ублаз обнаружил там Сагитар и надзирателя по имени Флаггарт, внимательно наблюдавших за портовой бухтой из окна. Переведя дух, Безумный Глаз даже позволил себе улыбку.

— Значит, морской сброд не пытался штурмовать дворец? Весьма глупо со стороны Расконсы упустить такую возможность — захватить дворец в отсутствие основных сил защитников.

Сагитар махнула лапой в сторону опустевшего причала:

— Ваше Всемогущество, вскоре после того, как вы отправились на переговоры с Расконсой, небольшой отряд пиратов на борту отремонтированного «Флибустьера» зашел в гавань и взял на буксир все стоявшие у причала суда. Их увели прямо у нас из-под носа, перебив малочисленный караул на причале. По-моему, они даже смеялись над нами, издевательски размахивая саблями, словно знали, что мы не вышлем подкрепление на наши корабли.

Ублаз отправил надзирателя сменять караул, а затем налил вина в два кубка, один из которых протянул командиру своей стражи. Очередной план в голове куницы родился быстрее, чем вино заполнило золотые сосуды.

Сагитар была поражена тем, что император не пришел в ярость, услышав такие плохие новости. Бросив взгляд на опустевшую бухту, он кивнул и сказал:

— Что ж, надо признать, что лис выиграл это сражение. Но всю войну выиграю я. Слушай меня внимательно.

Расконса и другие предводители пиратов держались на безопасном расстоянии от императорского дворца, внимательно наблюдая за тем, что происходит на его стенах и башнях. Лис спокойным, но довольным голосом говорил своим подчиненным:

— Безумный Глаз заперт в своей собственной клетке. Ему некуда деться. Корабли у нас, значит, мы — хозяева на море. Остров тоже наш. Да мы можем просто не обращать особого внимания на Ублаза и дожидаться, пока он сам сдастся на нашу милость. Но я думаю, все решится еще быстрее... Эй, а кто это там, на башне?

Рулевой Гух, обладавший самым острым зрением, вскочив на ближайший камень и прикрыв лапой глаза от солнца, стал докладывать:

— Так-так... Да это же сам Безумный Глаз, собственной персоной, а с ним... ну конечно, это крыса Сагитар. Тут ошибки быть не может. Так, у Сагитар в лапах лук и стрела. Смотри-ка, по-моему, она собирается пустить ее в нашу сторону.

Расконса подбросил свой любимый кинжал и ловко перехватил его на лету.

— Пускай стреляет. Пусть хоть все стрелы изведут, но оттуда нас им не достать.

Стрела прочертила в воздухе дугу и вонзилась в землю, не долетев до того места, где стояли пираты. Подозвав двоих матросов, Расконса сказал:

— Сагитар не станет попусту тратить стрелы. Это явно какое-то послание. Сбегайте туда, ребята, и принесите стрелу. Посмотрим, что предложит нам на этот раз его величество.

К древку стрелы действительно был прикреплен кусок пергамента. Развернув его, Расконса вслух зачитал послание Ублаза:

— «На тех пяти кораблях, что ты увел из гавани, нет ни рулей, ни снастей, ни штурвалов. Чтобы их восстановить, тебе потребуется дерево, запас которого находится у меня во дворце. Завтра на рассвете увидимся с тобой там, где эта стрела упала на землю. Я приду один, без оружия, готовый заключить с тобой договор. Восхищаюсь твоим талантом полководца. Никогда в жизни не встречал такого достойного и хитрого противника. Но больше я не хочу враждовать с тобой. Мы заключим мир и будем править вместе. Ублаз».

Расконса взял у одного из матросов длинное копье, привязал к наконечнику красный шейный платок и помахал им в воздухе в знак того, что сообщение прочитано и его условия приняты. Затем лис со смехом обратился к своим капитанам:

— Значит, наш Безумный Глаз решил вести мирные переговоры. И как вы думаете, поверю ли я ему на этот раз? Ну уж нет! Скорее я оставлю вам под охрану флягу с грогом, чем доверюсь этому лжецу и обманщику. Но бояться нам нечего. Я уже понял, что замышляет эта хитрая куница.

В ответ на сигнал, поданный Расконсой, Сагитар помахала зеленым шарфом императора Ублаза. Сам же император сказал ей:

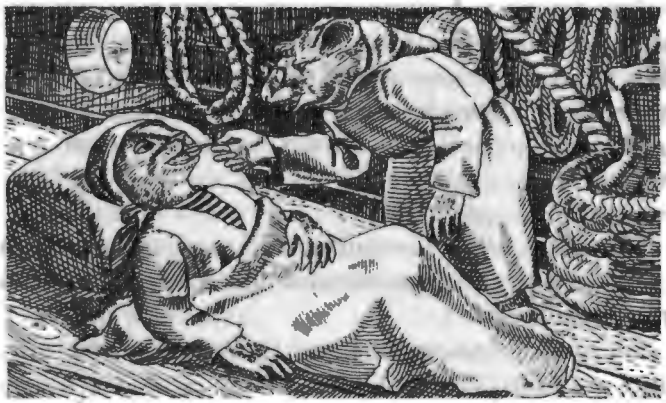
— Ну что ж, ты знаешь, что делать. Смотри, чтоб на этот раз все было без ошибок.

Сагитар опустила глаза, чтобы не встречаться взглядом с императором.

— Ваше Всемогущество, я выполню все ваши приказы.

Глядя на скалы, за которыми скрывались пираты, Ублаз злобным голосом произнес:

— Сагитар, если ты и на этот раз не справишься с заданием, я найду тебе другое занятие: поработаешь опознавательным знаком на причале. Как это будет? А очень просто. Я воткну твой трезубец в крайние доски пристани, а чтобы его было видно издалека, украшу рукоятку твоей головой.



40

Прошло немало времени, прежде чем настоятель Дьюррал набрался смелости и заставил себя открыть глаза. Вокруг было темно. Тогда он, выждав еще некоторое время, решил выбраться из-под одеяла. Голова Ласка Фрилдора все так же торчала в проломленной двери. Ужас объял настоятеля, когда он увидел чудовищную оскалившуюся пасть, но постепенно смысл происходящего стал ему понятен. Глаза огромной ящерицы погасли и наполовину закрылись. Из пасти больше не исходило зловонное дыхание. Из раны, шедшей поперек всего чешуйчатого горла, вытекали последние капли густой темной крови, образовавшей уже целую лужу на полу каюты.

Генерал надзирателей был мертв!

Сначала Дьюррала пробила дрожь, затем он с облегчением перевел дух и осторожно подошел к разломанной двери.

— Эй, есть там кто-нибудь? — едва слышно позвал он.

В ответ ему раздался низкий хриплый голос:

— Здорово, старый! Это я, твоя подружка Ромска. Открывай дверь, не бойся.

Настоятель отодвинул стол, закрывавший вход в каюту, и, стараясь не смотреть на мертвую ящерицу, открыл засов. Ничем не поддерживаемая дверь рухнула под тяжестью тела генерала надзирателей.

Перешагнув через порог, настоятель Дьюррал вышел на палубу. Ромска сидела спиной к мачте и сжимала окровавленный палаш ослабевшими лапами. Ей стоило немалых усилий поднять голову и сквозь боль улыбнуться настоятелю.

— Только не вздумай опять называть меня своей дочкой! Понял?

Дьюррал покачал головой, пытаясь при этом не глядеть на валявшиеся тут и там трупы пиратов и ящериц. После яростного сражения палуба «Морского Змея» напоминала плавучую бойню. Ромска уронила голову на грудь, и палаш выскользнул из ее лап на палубу. Хорьчиха чуть слышно прохрипела:

— Веселенькое зрелище, согласись. В живых остались только двое: я да ты.

Подойдя к Ромске поближе, аббат положил лапу ей на плечо и вдруг воскликнул:

— Да ты же ранена!

— Да, приятель, — с трудом выдохнула Ромска. — Но зато и Ласк Фрилдор наконец получил то, чего он заслуживал, — стальной клинок в глотку. Тихо, тихо ты, — превозмогая боль, сказала она, когда Дьюррал попытался положить ее голову к себе на колени. — Не шевели меня. По-моему, только мачта не дает моей спине сложиться пополам.

Дьюррал попробовал заглянуть через плечо хорьчихи, но та поморщилась и чуть заметно отодвинулась от него.

— Не надо, не смотри. Я думаю, тебе не понравится зрелище того, что могут натворить когти и зубы здоровенной ящерицы. Лучше слушай меня внимательно: у нас мало времени. Оставь меня — я уж тут как-нибудь посижу, — а сам иди на корму, к рулю. Корабль по-прежнему движется прямо на запад, так что закрепи руль в этом положении. Давай иди быстрее, настоятель, я тебе приказываю.

Подложив под голову Ромске свое свернутое одеяло, Дьюррал направился к кормовому рулю. Внимательно посмотрев на тяжелое бревно, он взял веревку, привязал ее покрепче к борту с левой стороны, затем обмотал сам руль и после этого пропустил веревку через отверстие в борту с другой стороны. Выполнив эту работу, он пошел осматривать корабль. По пути ему пришлось перешагивать через трупы матросов и ящериц. Заглянув в каюту Ласка Фрилдора, он обнаружил еще тлевшие угли в небольшой жаровне. Добавив туда дров и лампового масла, он развел более или менее сносный костерок, на который поставил кипятиться кастрюлю с водой. Затем, набрав побольше одеял и старой парусины, он подошел к тому месту, где сидела Ромска. К тому времени хорьчиха потеряла сознание. Дьюррал соорудил вокруг нее из кусков парусины хоть какое-то укрытие от ветра и накрыл саму хорьчиху несколькими одеялами. Через некоторое время он вернулся к мачте с едой и питьем. Ромска с трудом открыла глаза:

— Хороший ты зверь, настоятель, но дурак дураком. Ну скажи, что ты со мной носишься? Ведь ежу понятно, что мое дело — табак. Ты лучше о себе подумай: поешь, согрейся...

Дьюррал сел рядом с нею и, поддерживая голову Ромски одной лапой, другой стал, ложка за ложкой, кормить ее горячим супом.

— К сожалению, похлебочка вышла ненаваристой, — сказал он. — Но это все-таки лучше, чем ничего. Я поста-

раюсь как могу помочь тебе, дружище. Да, ты мой друг. Ведь ты спасла мне жизнь и по-доброму отнеслась к Фиалке. Если бы не ты, мы оба давно были бы съедены этими кошмарными ящерицами. Ну, поешь еще немного.

Ромска отвернулась и сквозь зубы произнесла:

— Воды. Дай просто холодной воды. Я умираю от жажды, а есть не могу.

Аббат заботливо поднес к ее губам кружку с водой, и Ромска мгновенно выпила все до дна. Затем она чуть улыбнулась и снова строго посмотрела на Дьюррала.

— Послушай меня внимательно, — сказала она. — Тебе ни за что на свете не удастся одному провести корабль обратно к берегам Страны Цветущих Мхов. Сделай по-другому: сейчас «Морской Змей» плывет на запад, и, если тебе повезет, он окажется поблизости от острова Сампетра. Там у меня много друзей. Расскажешь им, что и как со мной произошло и почему я погибла. Это твой единственный шанс. Может быть, они послушают тебя и даже согласятся помочь. Хотя... в последнее я верю с трудом.

Дьюррал ласково погладил покрытую татуировками лапу хорьчихи:

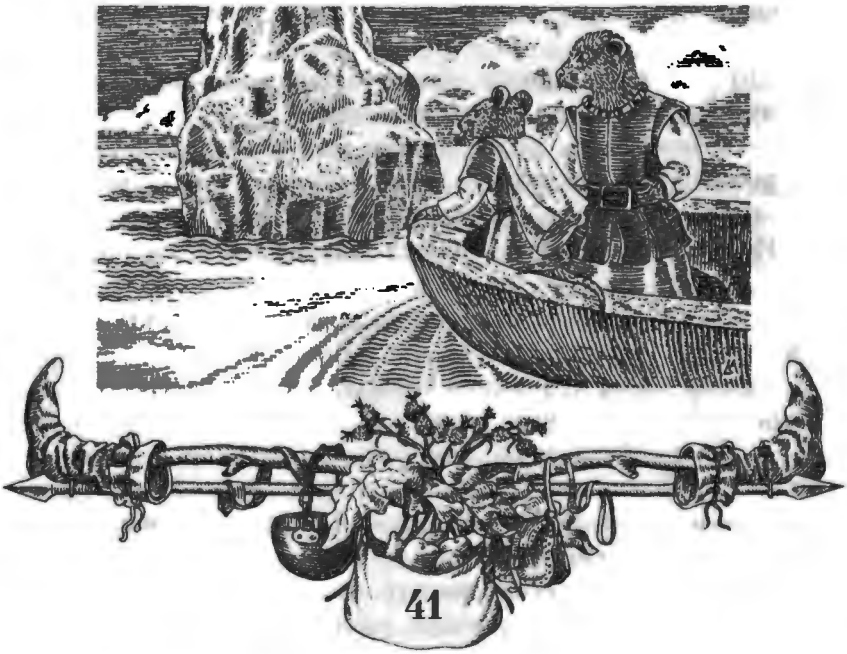
— Ну-ну, не надо так говорить, дитя мое. Ты еще увидишь своих друзей и сама расскажешь им все, что с тобой произошло, а выслушав тебя, они помогут нам обоим.

Глаза Ромски закрылись, и в полубреду она пробормотала:

— Дитя? Мне нравится, когда ты меня так называешь. Спасибо тебе, отец.

Ее голова бессильно упала на лапу отца-настоятеля аббатства Радволл. Дьюррал до самой темноты просидел на палубе, баюкая уже мертвую капитаншу пиратского корабля. Он не обращал внимания ни на ветер, ни на промочивший его до костей дождь, а «Морской Змей» тем временем безмолвно скользил по волнам на запад, унося на борту свой единственный груз и своего единственного пассажира — одинокую старую мышь.

КОГДА ВСЕ СЛЕЗЫ ПРОЛИТЫ
КНИГА ТРЕТЬЯ



41

Фиалку разбудили голоса Мартина и Грат. Она открыла глаза и обнаружила, что челнок уже не несется вслед за тюленями по морю, а спокойно покачивается на легкой волне. Водорослевые канаты спокойно повисли вдоль бортов долбленки, а морского народа и след простыл.

Мартин стоял на носу лодки, внимательно разглядывая возвышающуюся посреди океана огромную гору.

— Да, островок не маленький, — заметил Мартин, — но, судя по всему, нам вряд ли удастся на него высадиться. Берег слишком уж крутой. Только зачем морской народ притащил нас сюда, а сам исчез без следа? Неужели они не по-

нимают, что это просто огромная глыба камня, торчащая из воды?

Грат была не меньше обескуражена, чем Мартин. Почесав в затылке, она предположила:

— Может быть, они считали, что мы здесь с кем-то встретимся? Я предлагаю воспользоваться остатками весел и обогнуть этот странный остров.

Из-под парусинового навеса высунулся Плогг и, зевнув, сказал:

— Ну и укачало же меня во время этой гонки! И где мы теперь?

Следом из-за его спины показалась голова Велко, который, улыбнувшись, ответил:

— По крайней мере, там, где мы оказались, тепло и солнечно. Единственное, что меня волнует на данный момент, — это мой пустой желудок. Где там наш кок недоделанный? Все еще дрыхнет?

Появившаяся из-под полога заячья лапа подкралась к уху землеройки и ощутимо дернула его.

— Не кок недоделанный, а многоуважаемый метрдотель и кулинар этого океанского лайнера. К тому же позвольте представиться: Звездохват Горнозайцевый из далекого племени горных зайцев. Между прочим, мы, благородные звери, не потерпим больше, чтобы какая-то мелюзга землеройная храпела в наши изящные ушки всю ночь напролет. А что касается завтрака, то готовить все равно нечего. Для особо непонятливых повторяю: еды у нас не осталось.

Фиалка вздрогнула, поняв серьезность их положения.

— Ну и дела, — вздохнула она. — Сначала айсберги, потом киты по соседству, гонки на тюленьих упряжках, и всё для чего? Чтобы оказаться возле неизвестной горы, торчащей посреди моря, без еды и без воды?

Грат поспешила пресечь вредные разговоры.

— Так, хватит болтать, — объявила она. — Все взяли по веслу или по подходящей доске и начали грести. Будем огибать остров с правой стороны.

Грести пришлось долго. Почти весь день ушел на то, чтобы обогнуть остров, но места, подходящего для высадки, обнаружить не удалось. Уставшие, измученные жарой, они сложили весла и решили передохнуть. Хват с тоской смотрел в синюю глубину моря.

— На вид просто очаровательная водичка, — сказал он. — Если в самое ближайшее время мои губы не освежит живительная влага, мне придется пить прямо из моря.

— Я бы не советовала вам этого делать, потому что морская вода может вызвать солевое отравление и к тому же несварение желудка.

От неожиданности Хват чуть не выпал за борт. Удивляться действительно было чему. Молодая изящная выдра ловко скользнула в челнок через борт и уселась на дно лодки рядом с зайцем.

— Позвольте-ка узнать, любезная, кто вы такая и где вас учили хорошим манерам? — Растерявшись, заяц решил сам перейти в наступление. — Хорошенькое дело — пугать почтенного, пусть даже и не убеленного сединами зайца, выныривая перед ним прямо из морской пучины.

Молодая выдра приветливо улыбнулась всем присутствующим на борту и столь же радушно подергала усиками.

— Прошу прощения, — сказала она. — Я не хотела вас напугать. А еще, если это не будет слишком нескромным с моей стороны, я хотела бы заметить, что вы ведь не выдра?

— Да уж конечно нет, — фыркнул Хват. — Разрешите представиться: я самый настоящий заяц. Честное слово. А зовут меня Хватом.

— Рада познакомиться, уважаемый Хват. Меня зовут Золотинка. Я из выдриного рода Валлиума Веслохвоста. Насколько я понимаю, «дза-ар» тюленей и его подданные притащили вас сюда?

— Конечно, приволокли сюда и бросили. Лучше бы этот... как его... «дза-ар» сказал пару слов насчет того,

куда они нас тащат, вместо того чтобы завывать на все море.

— Прошу прощения, что перебиваю столь милую беседу, — сказал Мартин, — но давайте вы поговорите после того, как уважаемая гостья покажет нам дорогу туда, где обитает почтенный род Валлиума Веслохвоста.

Под руководством Золотинки челнок приблизился к отвесной скале, и только теперь его пассажиры заметили толстый канат, сплетенный из водорослей, висевший на специально вделанном в скалу крюке и, словно огромная змея, уходивший в глубину моря. Выдра сняла канат с крюка и передала его Грат, попутно объясняя его назначение:

— Приглядитесь к воде. Видите?

Грат пристально всмотрелась в прозрачную воду:

— Да! Там, оказывается, в склоне горы есть отверстие, и канат уходит туда.

Золотинка оглянулась и почти шепотом, словно выдавая большой секрет, сказала:

— Если мы дождемся отлива, вход в туннель несколько мгновений будет открыт. Отец говорит, что так происходит между каждой девятнадцатой и двадцатой волнами. Нужно только лечь на дно лодки и посильнее тянуть за канат, тогда протащим сами себя внутрь горы — туда, где во внутреннем кратере и живет род Валлиума Веслохвоста.

Фиалка, недоверчиво слушавшая весь этот разговор, еще раз взглянула за борт, опустив мордочку в воду, и испуганно воскликнула:

— Но это же под водой! Мы ведь утонем! Я боюсь!

Золотинка улыбнулась и попыталась успокоить робкую полевку:

— Бояться совершенно нечего, сама увидишь. Мы всегда пользуемся этим туннелем. Так, а теперь, хоть я волны и не считала, но, по-моему, пора ложиться на дно и готовиться хорошенько тянуть за канат.

И в самом деле, вскоре очередная волна сначала высоко подбросила лодку, а затем опустила ее настолько низко, что та действительно оказалась напротив входа в широкий туннель.

— Тащи, ребята! — скомандовала Золотинка и добавила: — Головы не поднимать!

Вместе с Грат они первыми рванули канат на себя, и челнок стремительно нырнул в туннель, словно маленькая рыбка в открытую пасть кита.

Нельзя сказать, чтобы в туннеле было очень темно. Проникавший с обеих сторон солнечный свет превращался в узком коридоре в неяркое, но вполне ощутимое зеленоватое сияние. Впрочем, разглядывать здесь было особо нечего, да и некогда. Все, кто был на борту, стали помогать выдрам тянуть канат на себя. Время от времени им на глаза попадались висевшие на стенах крабы, с не меньшим удивлением разглядывавшие невиданных пришельцев.

Неожиданно вдруг снова стало светло. Отпустив канат, друзья встали и огляделись. Лодка остановилась на берегу довольно большого озера, неподалеку от устья впадавшей в него речушки. Конец каната был крепко привязан к стволу большого дерева, росшего у самой кромки воды. По окрестным склонам, будто по краям огромной чаши, расходились во все стороны лужайки, перемежавшиеся зарослями кустарника и небольшими рощицами.

Оглядевшись, Мартин удивленно присвистнул и сказал:

— Вот, оказывается, как выглядит кратер изнутри! Словно кто-то взял и вынул из горы всю сердцевину.

Тем временем Золотинка, приложив ко рту обе лапы, во весь голос закричала:

— Веслохво-ост!

По всему кратеру понеслось эхо.

Не прошло и нескольких секунд, как лодку со всех сторон окружили сородичи Золотинки. Выдры молча раз-

глядывали незнакомцев. Выяснилось, что в роду Веслохвоста оружие носили при себе все, включая только-только подрастающих малышей: каждая пара лап держала копье, пращу или по крайней мере увесистую дубинку. Вскоре по толпе зрителей пробежал шепот, и выдры расступились, пропуская вперед своего высокого и величественного предводителя. Грат не без любопытства разглядывала его лук, практически не обращая внимания на то, что к его туго натянутой тетиве была уже прилажена стрела. В свою очередь, предводитель местных выдр тоже заметил оружие Грат и бросил на него заинтересованный взгляд. Неожиданно большая выдра сделала шаг в сторону, и из-за ее спины показался еще один ее соплеменник — весьма пожилой, уже седой и словно излучавший спокойствие и умиротворенность. Опиравшийся на дубовый посох старик обратился к пришельцам:

— Кто вы и зачем пришли на наш остров, в наше Выдриное Кольцо? Друзья ли вы или враги?

Мартин сообразил, кто обращается к нему, и, шагнув с борта челнока на берег, низко поклонился выдриному патриарху, а затем положил свой меч на землю перед его лапами.

— Мир тебе, Валлиум Веслохвост, — поприветствовал старика Мартин, — тебе и всему твоему роду. Меня зовут Мартин-воин, и родом я из аббатства Рэдволл. К выдриному острову нас привезли тюлени по приказу царя морского народа. Мы — друзья.

Седоусый патриарх улыбнулся и, поклонившись в ответ, обратился к Грат:

— А ты откуда, из какого рода?

Грат наклонила голову набок, подняла хвост и, изящно изогнув его, поднесла кончик к самому подбородку — сделала, таким образом, старомодный, но чрезвычайно вежливый реверанс.

— Меня зовут Грат Длинная Стрела, и я из рода Лутры.

Валлиуму пришлась по душе вежливость Грат.

— Хорошо ведешь себя, девочка, — похвалил он ее. — Давно я не видел таких хороших манер у молодых выдр. Впрочем, любой разговор гораздо лучше клеится за хорошо накрытым столом. Инбар, сынок, не поможешь ли ты Грат отнести к дому ее лук и стрелы?

Огромный темношкурый сын патриарха шагнул вперед и несколько неуклюже принял из лап Грат ее оружие. Валлиум и Мартин тем временем обменялись за его спиной понимающими улыбками. Веслохвост сам взял в лапы меч Мартина и сказал:

— Я лично занесу его в дом. Таков наш обычай. Хороший меч, такой я видел лишь однажды. Настоящее оружие истинного воина.

Сопровождаемые целой толпой выдр, друзья направились вдоль ручья вверх по берегу к дому рода Веслохвостов.

42

Под Веслохвостов обитал в просторной, удобной пещере. Неподалеку от входа бил источник, дававший начало большому ручью, стекавшему в озеро. Обстановка в пещере была достаточно скромная: толстые плетеные циновки и плоские куски камня, использовавшиеся в качестве столов. В очаге, сложенном из камней и обмазанном глиной, горел огонь.

Местные выдры оказались — что неудивительно — большими любителями супов и похлебок из водорослей, креветок и других даров моря. За едой Мартин рассказал свою историю Валлиуму и его жене — растолстевшей бабушке-выдре по имени Доруми. Ее постоянно ок-

ружала целая толпа внуков, карабкавшихся ей на колени и дергавших ее за передник. Валлиум вместе с остальными старейшинами рода внимательно слушал рассказ Мартина.

Хват, в свою очередь, был в центре внимания остальных выдр, в особенности молодежи. Его аппетит и невероятная способность поглощать еду в самых гигантских количествах просто поразили их. Печенные на костре мидии — вот единственное блюдо, которое было им решительно отвергнуто. Зато всему остальному заяц воздал должное.

— Терпеть не могу всю эту склизкую гадость, — заявил Хват. — Посмотришь на то, что внутри этих ракушек, и аппетит пропадает. Кстати, ребята, вот этот здоровенный желтый мячик весьма приятен на вкус.

Выдры от души рассмеялись:

— Это же дыня, а не мячик! Между прочим, семечки есть вообще-то не следовало бы.

Тем временем Инбар уважительно разглядывал лук и стрелы Грат.

— Хорошая вещь, — похвалил он. — Тетива отлично натянута и правильно скручена. Даже не знаю, чей лук посильнее будет. Стрелы у нас почти одинаковой длины...

Грат, прищурив один глаз, проверила на ровность стрелу из колчана Инбара:

— Хм, неплохо. Если правильно прицелиться, то такой стрелой можно стрелять очень метко.

Инбар, смущенно ковыряя наконечником стрелы в земле, сказал:

— Вообще-то мое полное имя Инбар Меткий Стрелок. Если хочешь, можем пойти туда, где я обычно тренируюсь, и постреляем вместе.

Глаза Грат загорелись. Она почувствовала в приглашении скрытый вызов.

— С удовольствием, — сказала она. — Посмотрим, чьи стрелы окажутся точнее. Но с одним условием — только после обеда.

Старый Веслохвост повел маленьких выдрят посмотреть на диковинного зверя — зайца. Тем временем его жена Доруми продолжала говорить с Мартином:

— Наш род живет на этом острове с незапамятных времен. Говорят, что четыре выдриные семьи, спасаясь от набега пиратов, нашли это место совершенно случайно. Здесь им пришлось вступить в бой с обитавшими на острове раньше огромными ящерицами. Ящерицы проиграли эту войну, и уцелевшие сбежали на какой-то другой остров, на запад. Может быть, это и есть тот самый Сампетра. Сколько сезонов назад это произошло, никто уже и не вспомнит. Теперь этот остров, который мы называем Выдриным Кольцом, стал нашим родовым домом. Никто не знает, что мы здесь живем, никто, если не считать тюленей, а теперь и тебя с твоими друзьями. Мартин, пообещай: когда уедешь отсюда, не расскажешь никому о нашем острове.

Воин положил свою лапу на лапу Доруми и сказал:

— Я клянусь никому не рассказывать о том, что видел здесь. Больше всего на свете мне бы не хотелось, чтобы из-за меня на острове появились незваные гости.

Выдры рода Веслохвостов оказались очень гостеприимными хозяевами. Они пели, плясали, ели и веселились вместе со своими первыми за всю историю острова гостями до самой ночи. Устав, и гости, и хозяева улеглись спать где придется, по всей пещере.

Наступила ночь. Лишь двое из всей большой компании не стали ложиться спать. Мартин и Валлиум сидели у костра и глядели в огонь. Старый патриарх выдр время от времени искоса поглядывал на Мартина, и тот вдруг понял, что настала пора поговорить:

— Валлиум, скажи мне, как твой род познакомился с морским народом?

Веслохвост оторвал взгляд от огня и пожал плечами:

— Мы их знали давно, очень давно, почти всегда. Мой отец, его отец, его отец и все наши предки лечили тюленей

от ран и болезней. Теперь этим занимаюсь я. Они называют меня «лекарь морского народа». Все тюлени, включая «дза-ара», очень любят и уважают нас. Ради рода Веслохвостов они готовы на любые жертвы. С вами была выдра, только поэтому они показали этот остров.

Судя по всему, Валлиуму больше нечего было сказать гостю. В пещере снова воцарилась тишина тропической ночи, нарушаемая лишь шелестом теплого ветра да потрескиванием дров в костре.

Мартин почувствовал какое-то смутное беспокойство. Краем глаза он заметил, что Веслохвост украдкой теребит усы, явно не решаясь что-то сказать. Отбросив нерешительность, Мартин быстро повернулся к выдре и спросил:

— Скажи, друг, ты что-то скрываешь от меня? Хочешь сказать, но колеблешься?

На ночном небе светила полная и яркая, как начищенная монета, луна. В ее свете были ясно видны два силуэта, неспешно удалявшиеся от пещеры к берегу ручья. Когда они отошли на достаточное расстояние от входа в выдриный дом, Валлиум Веслохвост заговорил:

— Послушай меня, Мартин из Рэдволла. Я должен тебе кое-что сказать. Никому, кроме тебя, я не могу это доверить. Даже мои сородичи решат, что я просто ослабел на голову. Тебя, наверное, это удивит, но мне знакомо твое лицо, будто я видел тебя очень давно, задолго до того, как ты появился на нашем острове.

Мартин присел на удобную кочку на берегу ручья.

— Это действительно звучит странно и загадочно, и было бы интересно узнать, откуда у тебя это ощущение. Я внимательно тебя слушаю.

Опершись на плечо Мартина, старик Веслохвост, кряхтя, присел рядом с ним. Он помолчал, повертел в лапах какой-то прутик, а затем бросил его в весело журчащий поток, бежавший вниз, к озеру.

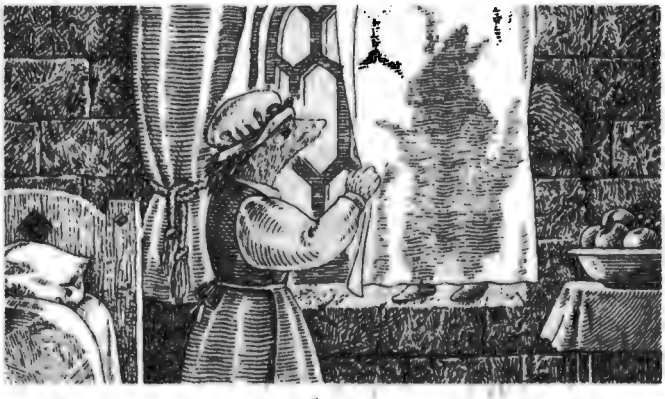
— Три дня назад мне приснился сон, — спокойно, не отрывая взгляда от ручья, сказал Валлиум. — Вот тогда-то я и увидел тебя. Или, может быть, не тебя, но кого-то, кто очень похож на тебя. Тоже мышь-воин. Хотя, может быть, это ты похож на него. Когда вы сегодня оказались у нас на острове, я сразу узнал тебя. Да, на тебе нет доспехов, как на том воине, которого я видел во сне, но лицо, голос... нет, я не мог ошибиться. А кроме того, я прекрасно запомнил этот меч. Да-да, во сне я видел этот самый прекрасный клинок, что покоится в ножнах на твоей перевязи. Потому я и вызвался сам донести его до пещеры: мне хотелось убедиться в правоте своих ощущений, и я понял, что не ошибся.

Мартин кивнул. Ему стало ясно, что во сне Валлиума посетил Мартин Воитель Первый.

— Скажи, тот воин говорил с тобой? Просил ли он что-нибудь передать мне или кому-то еще?

Валлиум Веслохвост удивился, но согласно закивал:

— Да-да, он говорил. Его голос был таким спокойным. Вот что он сказал мне: «Меня зовут Мартин из Рэдволла. Я обращаюсь к тебе, добрый зверь Валлиум Веслохвост. Помоги моим друзьям победить зло и вернуть счастье и радость в наше аббатство. Сделай это ради добра и ради меня, и имя выдриного рода Веслохвостов будет навеки начертано на каменных стенах Большого Зала аббатства». — Потом предводитель рода Веслохвостов взял Мартина за лапу и произнес: — Мартин из Рэдволла, что я могу для тебя сделать? Скажи, и я выполню любую твою просьбу.



43

Ума, Командор выдр и Кротоначальник сидели в Большом Зале и с улыбками на лицах наблюдали за тем, как Арвин и еще несколько малышей накрывают на стол. Сидевшая чуть поодаль сестра Цецилия бубнила себе под нос:

— Малышам, между прочим, давным-давно пора спать.

Посмотрев в ее сторону, Командор ткнул Ауму локтем в бок и спросил:

— Раздери мои паруса, что случилось с сестрой Цецилией? У нее такое лицо, словно она только что хлебнула своего любимого крапивного супчика.

Кивком Аума привлекла внимание Командора к Копуше и Гурбал, которые вкатили в зал большую тележку, уставленную кастрюлями, кувшинами и тарелками.

— Не обращай внимания на Цецилию, — сказала барсучиха. — У нее того и гляди хвост узлом завяжется оттого, что все ее пациенты сбежали из лазарета и некого лечить и не о ком заботиться.

В этот момент дверь распахнулась и в Большой Зал вбежали Краклин и Пижма, хором крича:

— Гобелен! Гобелен! Секрет в гобелене!

Все повскакивали со своих мест и плотным кольцом окружили белочку и ежиху. Перекрикивая общий шум, Кротоначальник задал интересовавший всех вопрос:

— Хур-р! Что там в вашем гобелене, какой еще секрет?

В этот момент до Большого Зала добрался и Ролло, который, переступив порог, поспешил ответить:

— Какой-какой секрет! Конечно, там где-то спрятана пятая жемчужина! По крайней мере, мы так поняли указание Фермальды.

Арвин сумел-таки пробиться сквозь толпу и дернул Пижму за рукав.

— Ну, где твоя жемчужина, Пижма-фижма?

Ежиха в ответ дернула назойливого бельчонка за хвост.

— Вот когда найдем, тогда и скажем тебе.

Тут под сводами зала раздался грозный бас Аумы:

— А ну-ка все отойдите! Освободите место для Ролло и его помощниц. Пусть они спокойно занимаются своим делом. Отойдите все, кому сказала!

Обитатели Рэдволла без особой охоты сделали пару шагов назад. Протиснувшись между ними, Аума сказала летописцу:

— Не хотела бы мешать, но, если кто-то из нас может чем-нибудь вам помочь, мы будем только рады сделать доброе дело. А кстати, как вы узнали, что жемчужина спрятана в гобелене?

Ролло развернул пергамент и в общих чертах рассказал, как им удалось расшифровать цифровой ключ к стихотворению.

— Это все, что мы сейчас знаем. Но я почти уверен в том, что пятая «Слеза Всех Океанов» спрятана где-то здесь.

Взоры всех присутствующих обратились к великолепному гобелену, висевшему на стене зала.

В правом верхнем углу искусно вытканной картины был изображен Мартин Воитель. Облаченный в доспехи, он стоял, опершись обеими лапами на воткнутый в землю меч. На лице воина застыла суровая, мужественная улыбка. Остальную часть картины занимали изображения пиратов и разбойников, большей частью уже сраженных героем Рэдволла. Лишь немногим из злодеев удалось избежать этой участи, и их разбегающиеся силуэты были запечатлены по периметру картины.

Аума громко, так, чтобы слышали все, перечитала послание Фермальды:

С пятой слезой —
Доблестный воин,
Что великой славы достоин.
Мозгами раскинь
И ушами своими:
Искомое спрятано вымя.

Кротоначальник задумчиво почесал голову когтистой лапой:

— Хур-р! Ну и загадочка! Пусть даже вы почему-то р-решили, что жемчужина спр-рятана в гобелене, но я ума не пр-риложу, как вы собир-раетесь дальше ее искать.

Краклин отобрала у Аумы пергамент и стала ходить взад-вперед перед гобеленом.

— Ничего, найдем, — успокоила присутствующих, да и саму себя, белочка. — Разложим стихотворение по ку-

сочкам, как мы всегда делаем, выберем самое важное. Так, посмотрим... Все дело портит это непонятное «вымя»! И как это — «раскинуть ушами своими»? Кто умеет раскидывать ушами? Разве что зайцы...

Аума еще раз прочитала последнюю строчку:

— ...Искомое спрятано вымя.

— Ой! — вскрикнула Краклин.— В имя! Искомое спрятано в имя!

Арвин первым подбежал к гобелену, провел лапой по вытканному на нижней кайме имени «Мартин» и, нащупав что-то, засунул вторую лапу под гобелен.

— Это жемчужина! — завопил бельчонок.

И действительно, выскочив из ладошки Арвина, на пол упала и звонко подпрыгнула большая розовая жемчужина. Когда красивый шарик подкатился к Ауме, барсучиха подняла его и протянула Пижме, не забыв заметить:

— Я полагаю, что Сноп заслуживает пары слов благодарности за его помощь.

Пижма смущенно пожала когтистую лапу совы.

— Извини, дружище,— сказала она.— Я была не права, когда посмеялась над тобой.

Снова поморгав глазами, Сноп сказал:

— Ну ладно. Отрежь мне кусочек вот того фруктового пирога и считай, что прощение получено.

Краклин схватила со стола половину остававшегося на тарелке пирога и немедленно передала его Снопу.

— Ты такой молодец,— сказала она.— Ты не только этот пирог заслужил, но еще с десяток других. И столько же я с удовольствием испекла бы для твоей мудрой старой матушки.

Пока шел этот разговор, Арвин шаг за шагом выскользнул из толпы наблюдавших и направился к лестнице. Тут Пижма заметила его и взволнованно закричала:

— Последнее послание Фермальды! Арвин, немедленно верни то, что ты взял из-за гобелена!

Бельчонок в ответ рассмеялся и передразнил походку ежихи.

— Пижма-фижма, хи-хи-хи! — верещал он. — Я нашел, а значит, бумажка моя! — С этими словами он взлетел по лестнице, сжимая в лапе вытащенный из-за гобелена кусочек пергамента.

Ролло всплеснул лапами:

— Да поймайте же его, пока он не попортил послание! Давайте скорее, как там у вас принято: кто последним поймает Арвина, тот... ну, как бы его назвать... тот криволапый толстопузый жук!

Впрочем, и Пижма, и Краклин, не дослушав правила игры, со всех лап бросились в погоню за бельчонком.

Арвин спрятался в спальне на подоконнике, встав за занавеской. Он услышал, как, скрипнув, открылась дверь и в спальню вошла Пижма, чей на редкость сладенький голосок пропел:

— Арви-ин! Ты здесь?

Шевельнувшаяся занавеска и хихиканье выдали Арвина прежде, чем тот произнес:

— Ха-ха-ха! Никакого Арвина здесь не-ет!

Пижма отдернула занавеску и с самым суровым выражением лица потребовала:

— Верни мне пергамент немедленно!

— Ни за что! — отчеканил Арвин. — Он мой. Я нашел.

Краклин бросилась на него, но Арвин со свойственной ему ловкостью чуть было не вырвался на свободу. Однако совместными усилиями ежиха и белочка сумели наконец загнать его в угол. Понимая, что поражение неизбежно, Арвин вдруг смял пергамент и запихнул его себе в рот. Пижма, не на шутку рассердившись, схватила расшалившегося малыша обеими лапами и потрясла его:

— Открой рот сейчас же! Нам очень нужен этот пергамент. Отдай его нам!

Арвин мрачно и сурово покачал головой. На помощь Пижме пришла Краклин.

— Ну все, — строго сказала она. — Ты сам напросился. Теперь берегись.

Поймав болтавшиеся в воздухе лапы Арвина, белочка стала безжалостно щекотать его пятки.

— Ай-яй-яй-яй-яй-яй-яй! Переста-ань! — Арвин терпеть не мог щекотки и орал изо всех сил.

Наконец обслюнявленный комок пергамента оказался в лапах Пижмы.

— Есть! — довольно воскликнула она.

Тем же вечером трое искателей жемчужин сидели в Большом Зале, где для них был накрыт отдельный поздний ужин. Перед ними на столе стояла шкатулка, сделанная из морской раковины, в пяти из шести углублений которой уже лежали на своих местах розовые жемчужины. Незанятой оставалась лишь одна, последняя лунка. Ролло дожевал кусок запеканки, вытер усы салфеткой и лишь затем стал разворачивать помятый пергамент.

— Ну что ж, посмотрим-посмотрим, — бормотал летописец. — Надеюсь, этот маленький негодник не слишком зажевал ценный документ.

Пижма первой склонилась над расправленным клочком пергамента.

— Нет, к счастью, сама записка не пострадала. Не зря мы подсушили ее над плитой, но в любом случае обращаться с ней теперь придется очень осторожно.

Друзья медленно, вдумчиво прочитали ключ, оставленный Фермальдой для поисков последней из шести жемчужин:

Шестую я, когда все спят,
Для вас приберегла:
Укажет в полную луну
Пурпурная стрела.

До вечной розы на восток
Полдюжины хлыстов пути.
На ягоду нажми, дружок, —
И ты на полпути.

Ролло отодвинул от себя тарелку с остатками еды и, устало положив голову на стол, с отчаянием в голосе произнес:

— Ну вот, а мы-то жаловались, что предыдущие пять загадок были трудными.

У Краклин тоже был разочарованный вид.

— Да уж, — вздохнула она, — я думаю, что и Пинким едва ли выудила бы из этих строчек хоть какой-то смысл, а уж она в этом деле понимала гораздо больше, чем я.

Пижма зевнула, потянулась и вдруг решительно встала из-за стола:

— Я согласна с вами обоими, но считаю, что на сегодня хватит. Я намерена присоединиться ко всем обитателям аббатства, которые, как и сказано в стихотворении, «все спят».

Последнее, что услышала Пижма перед тем, как провалиться в глубокий сон, был голос обращавшегося к ней Мартина:

— Настоятельница найдет ее ради Пинким на том же самом месте, где была найдена пятая.

Ублаз стоял на огромной груде строевого леса, сваленного у дальней стены его дворца, и обдумывал свой план встречи с Расконсой. Никаких случайностей, все должно быть просчитано до мелочей. По условному сигналу Сагитар нападет на бунтовщиков с тыла, опрокинет противника и заставит его спуститься к стенам дворца. Таким образом, пираты попадут в ловушку: они будут окружены с трех сторон, а с четвертой — поставленные на стене надзиратели, действуя длинными пиками и сбрасывая им на головы горящие доски, не позволят пиратам штурмовать дворец.

Расконса не без оснований полагал, что только полный дурак может пойти на встречу с Безумным Глазом безоружным. Хитрый лис спрятал остро отточенный кинжал под туникой. Потирая лапы и зловеще улыбаясь, он направился вниз по склону, поначалу сопровождаемый своими капитанами.

— Ребята, сегодня последний день, который император Сампетры встречает, сидя на своем троне. Надеюсь, вы не забыли, сколько он над нами издевался, как попытался утопить меня и сумел отправить на дно весь мой экипаж. Но ничего, настал и наш час, и полагаю, что весьма скоро император Ублаз сам отправится кормить рыб. А мы, ребята, еще попируем во дворце. Ну всё, приготовились! Всем быть начеку. Я пошел.

Лис решительным шагом направился к тому месту, где накануне вонзилась в землю стрела Ублаза.

Ублаз отдал последние распоряжения четырем надзирателям, стоявшим рядом с ним. В их лапах была длинная толстая веревка с большими узлами, завязанными на равном расстоянии друг от друга по всей ее длине.

— Опу́стите веревку вниз и оставите висеть на стене, — еще раз повторил император. — Я вернусь очень скоро, так что будьте наготове. Когда я схвачусь за веревку, тащите меня что есть силы. Все понятно?

— Так точ-чно, ваш-ше велич-чес-ство!

Через мгновение Ублаз спустился на землю с наружной стороны дворца и один, безоружный, направился к тому месту, где Расконса уже поджидал его.

Противники остановились шагах в трех друг от друга. На этот раз император не воспользовался подарком Расконсы и не стал заматывать глаза шарфом, так что лис старательно избегал встречаться с ним взглядом. Он первым нарушил молчание:

— Итак, ваше, с позволения сказать, величество, я так понимаю, что вы решились на мирные переговоры. Впро-

чем, полагаю, что до сего дня одерживать победы вам было несложно. Вам доставались в основном весьма неумные противники. Правда, это можно сказать и о вашем окружении...

Не в силах больше терпеть издевательский тон Расконсы, Ублаз перебил его:

— Ты, конечно, очень умный лис, но ты совершил большую ошибку в тот день, когда решил стать у меня на пути. А теперь смотри! — Император поднял лапы вверх, развел их в стороны и, набрав воздуху в легкие, закричал во весь голос: — В атаку!

Расконса спокойно сорвал с земли какой-то цветочек и стал нюхать его, словно тонкий ценитель ароматов.

— Побереги голос, Безумный Глаз, — не отрываясь от цветка, бросил Расконса. — Сегодня в атаку пойду только я. Погляди вокруг: что ты видишь?

Ублазу стало не по себе. Что-то явно шло не по плану.

От толпы мятежников вдруг отделился силуэт в черном плаще с надвинутым на глаза капюшоном. Таинственный незнакомец пошел вниз по склону. Обернувшись, Расконса крикнул в его сторону:

— Можешь снять капюшон! Покажи свое лицо великому императору!

Капюшон был сброшен, и... под ним оказалась Сагитар! Сразу же в толпе пиратов заблестели трезубцы стражников. Лапа Расконсы тихонько скользнула к разрезу на тунике, в котором прятался кинжал.

— Твои стражники перешли на нашу сторону, — усмехаясь, пояснил лис. — Теперь их командир — я. Сагитар просила передать, что ей вовсе не улыбается предоставить свою голову для украшения причала. В общем, Ублаз, тебе конец. — Выхватив кинжал, Расконса бросился на противника.

Куницы не зря считаются очень проворными животными. Ублаз отпрыгнул в сторону и одновременно ухитрился нанести врагу два удара — сначала по шее, а затем

коленом по обращенной к земле морде. В завершение он дал основательный пинок под ребра упавшему лису, от которого у того перехватило дыхание.

Выиграв таким образом несколько драгоценных секунд, Ублаз бросился бежать ко дворцу со всех лап. Преодолев боль, лис вскочил на ноги и кинулся вдогонку за противником. Услышав за собой шаги Расконсы, Ублаз понял, что опасность приближается с каждой секундой. Лис бегал гораздо быстрее куницы.

Много лет изнеженной жизни во дворце ослабили Ублаза. Он мчался изо всех сил, но лис на глазах сокращал расстояние между ними. Вот уже осталось всего несколько шагов, вот Расконса уже занес кинжал для удара...

Ублаз из последних сил подбежал к стене, схватился за веревку и крикнул:

— Тащи! Живее!

Четверо надзирателей рванули веревку изо всех сил, и Ублаз взлетел на стену, словно стрела, пущенная из лука. Кинжал Расконсы свистнул в воздухе, напоследок глубоко поранив заднюю лапу Ублаза.

Приземлившись в объятия чешуйчатых лап, Ублаз скомандовал надзирателям:

— Все на стену! Защищать дворец!

Первые ряды морской братии попытались влезть на стену, но были встречены смертоносными ударами копий специально натренированных надзирателей. Сев на какое-то бревно, лежавшее посреди двора, Ублаз наскоро перевязал рану полосой ткани, оторванной от собственного плаща. Подозвав старшего из оставшихся в его распоряжении надзирателей, он сказал:

— Зургат, нужно держаться. Если этот сброд перелезет через стену, можешь считать себя и всех своих сородичей покойниками. А когда подойдет Ласк Фрилдор, мы сбросим этих бунтовщиков в море.

Огромная ящерица облизнула губы и кивнула:

— Так точ-но, ваш-ше всемогущ-щес-ство. Пираты не любят надз-зирателей и будут к нам безж-жалос-стны. Но пока мы защ-щищ-щаем с-стены, им с-сюда не попас-сть.

Ближе к вечеру пираты прекратили штурм и разбили лагерь неподалеку от дворца. Расконса решил организовать осаду. Общее мнение было таково: лучше уморить Ублаза и его надзирателей голодом, чем встречаться с ними в открытом бою.

Тем временем у себя в тронном зале Ублаз стоял у окна и приводил свои мысли в порядок. В конце концов, у пиратов был только один годный для плавания корабль: с остальных были сняты рули, а с двух из них к тому же еще и мачты. Таким образом, атаки с моря можно пока не ждать. Порт был пуст и на данный момент не представлял никакой опасности.

Неожиданно зоркие глаза императора заметили далеко в море какую-то точку. Постепенно она принимала форму корабля... «Морской Змей»! А значит, на борту Ласк Фрилдор, надзиратели, Ромска, ее экипаж, а кроме того, заложник — настоятель аббатства Рэдволл. Сам того не ожидая, Ублаз, оказывается, говорил правду, успокаивая Зургата.

Знаменитые безумные глаза императора загорелись, когда в его голове родился новый спасительный план. «Морской Змей» должен был вот-вот зайти в порт. Нужно было пробраться к нему и провести Ласка с его надзирателями, а также Ромску и ее матросов во дворец. С этими силами можно будет отразить любой штурм, а если хорошенько подготовиться, то и совершить успешную боевую вылазку за пределы дворца.

Поскрипывая зубами, Ублаз напряженно глядел на приближающийся корабль. Ему уже не раз приходилось вступать в игру, не имея на лапах ни единого козыря, и тем не менее победа оставалась за ним. Больше он не

допустит ошибок, потому что вокруг него либо лжецы, либо глупцы. Он, правитель всех океанов и повелитель Сампетры, император Ублаз, сам восстановит свою власть! Если доверять только себе, то удача неминуемо окажется на твоей стороне.

Настоятель Дьюррал смертельно устал за время долгого путешествия по морю. Несколько дней ему пришлось потратить на то, чтобы очистить корабль от трупов пиратов и ящериц. Опуская их одного за другим за борт, он молча провожал мертвецов в последний путь. Ослабев от недостатка еды, заболев от одиночества и отчаяния, старик настоятель сидел, свернувшись калачиком, в носовой каюте. Почти в бреду, едва не потеряв сознание, он даже не заметил, как киль «Морского Змея» вонзился в прибрежный песок, когда неуправляемое судно, проскочив мимо порта, ткнулось в берег пиратского острова Сампетра.

Через потайной ход Ублаз выбрался из дворца и бесшумной тенью проскользнул мимо портовых таверн к тому месту, где на берегу виднелся корабль. Императора немало удивило то, что «Морской Змей» миновал порт и, словно раненый кит, выбросился на песчаный берег. Так и стоял он теперь, накренившись, не отдав якоря, без единого швартового каната. В другое время Ублаз рассвирепел бы, увидев такое пренебрежение нормами безопасности, но сейчас он был бы просто рад обнаружить экипаж в целости и сохранности, с вахтенными матросами, заснувшими прямо на посту.

Первое, что поразило Ублаза, когда он взобрался наконец на палубу,— тишина. Не было слышно даже храпа матросов. Ублаз начал осмотр с капитанской каюты, дверь в которую была изрублена каким-то оружием и сорвана с петель. В каюте было пусто, лишь у порога засохла лужа крови. Двигаясь вдоль корабля, император откры-

вал дверь за дверью, люк за люком, все более удивляясь пустоте.

На корме он обратил внимание на жестко привязанный к борту руль. На обратном пути к носу корабля Ублаз заметил множество кровавых пятен на досках палубы. В этот момент ему стало ясно, что смерть собрала на борту «Морского Змея» большой урожай. В носовой каюте он неожиданно заметил какой-то огонек. Протянув вперед лапу, Ублаз почувствовал тепло. По всей видимости, кто-то сумел поддерживать огонь в жаровне.

Когда император осторожно просунул голову в приоткрытую дверь каюты, из дальнего угла до него донесся незнакомый голос.

— Нужно взять побольше ежевики, если мы хотим приготовить такой большой пирог, — шептал незнакомец. — Брат Хиггли, а где Тизель? Она наверняка знает, где у нас лежат заготовленные впрок ягоды...

Подойдя на цыпочках к койке, Ублаз аккуратно приподнял старое одеяло. Перед ним, дрожа в лихорадке и бессвязно бормоча в бреду какие-то фразы, лежал настоятель аббатства Рэдволл.

45

Умелые лапы выдр из рода Веслохвостов не только привели в порядок челнок, но и наполнили все свободное место в лодке мешками с едой и флягами с пресной водой. Мартин и его экипаж через грот-туннель в мгновение ока выскочили в открытое море. Валлиум Веслохвост, его сын Инбар вместе с несколькими выдрами тоже выплыли за пределы родного озера в кратере.

На шее предводителя выдр висел деревянный свисток. Вытряхнув из него воду, Веслохвост несколько раз дунул в него.

— Скажи, какого горностая он дудит в эту штуковину? — шепотом спросил Хват у Мартина. — Этот, с позволения сказать, свисток не

издает ни звука. Может, он сломался, а старик оглох и не чувствует разницы?

— Ты, может быть, и не слышишь, как звучит этот свисток, зато его прекрасно слышит морской народ, — объяснил Мартин зайцу.

Выудив из ближайшей корзины сочный персик, Хват впился в него зубами, а затем пробурчал:

— Веселенькое путешествие у нас получилось. Как бы умом не тронуться. Туннели под водой и под горами, свистки, которые не свистят, и, если вам интересно мое мнение...

Грат резко перебила его:

— Твоего мнения никто не спрашивает, так что сиди молча и жди.

Еще один беззвучный свист — и на поверхности воды с громким всплеском появилась тюленья голова. Осмотревшись, тюлень кивнул Валлиуму и снова ушел под воду. Опять наступила тишина, лишь время от времени слышался плеск воды под ударами выдриного хвоста.

Прошел почти час. Неожиданно вода вокруг лодки забурлила, и со всех сторон стали выныривать тюлени. Вождь морского народа тотчас же подплыл к вождю выдр и поздоровался с ним:

— До-о-о-обр де-е-ен, Ва-а-а-алли-и-у-у-умм.

Предводитель рода Веслохвостов сложил передние лапы на груди и уважительно ответил:

— Мммно-о-ого до-о-о-обр де-е-ен, Дза-а-а-а-ар.

— Отец говорит, что желает морскому царю, чтобы все дни в его жизни были добрыми, — тихонько пояснил Инбар, обращаясь к Грат.

Вождь тюленей и вождь выдр заговорили о чем-то на морском языке. Мартин внимательно следил за разговором, хотя практически ничего не понимал. Иногда он слышал свое имя — что-то вроде «Ма-а-а-ар-та-а-ан» — и другое слово, похожее на «Са-а-ампа-а-атр», что, по мнению Мартина, и было тюленьим названием острова Сам-

петра. Экипаж лодки терпеливо ждал, пока беседа закончится. Затем Валлиум махнул лапой сыну и сказал:

— Ну-ка, сынок, помоги мне забраться в лодку. Мне нужно поговорить с нашим другом Мартином.

Инбар и Грат легко подняли старую выдру на борт. Обращаясь к Мартину, Валлиум сказал:

— Дза-ар говорит, что он знает, где находится остров Сампетра. Это к юго-западу отсюда. Никто так не знает океан, все его течения и тайны, как король морского народа. Он очень быстро доставит вас туда, но пробудет там не долго. Оказавшись на острове, ты останешься там один со своим экипажем. Будь исключительно осторожен, потому что, повторяю, там очень, очень опасно. Береги себя, и пусть судьба и удача помогут тебе и пятерым твоим спутникам, доблестный Мартин из Рэдволла.

— Отец, — вступил в разговор Инбар, — с твоего разрешения я хотел бы увеличить отряд Мартина еще на одного неплохого бойца.

Валлиум от души хлопнул сына по плечу:

— Я знал, что ты так поступишь, Инбар Меткий Стрелок, с того самого момента, как эта лодка появилась у нас на острове и ты встретился взглядом с одним зверем из ее экипажа. Счастливой дороги, сынок, и пусть твои сезоны будут наполнены радостью.

По щеке Инбара скатилась непрошеная слеза. Он пожал отцу лапу и сказал:

— Благодарю тебя. Пусть роду Веслохвостов еще долго не потребуется новый предводитель. А теперь все-таки повремените немного, пока я сплаваю за луком и стрелами. Я оставил их у берега озера.

Прежде чем Инбар успел прыгнуть в воду, Грат отдернула кусок парусины и показала ему знакомые колчан и лук.

— Твое оружие здесь, — виновато улыбнувшись, сказала она. — Твой отец был не единственным, кто понял, что ты хочешь отправиться в путь с нами. Возвращаться назад перед дальней дорогой — недобрый знак.

Валлиум улыбнулся и ласково кивнул Грат Длинной Стреле.

— Берегите друг друга, — сказал он.

Затем предводитель рода Веслохвостов нырнул в воду и вместе с другими провожавшими выдрами скрылся в тайном туннеле, ведущем в их мир. Перед тем как нырнуть, он обернулся и обратился к царю морского народа:

— Ре-е-е-еж влна-а-а-а, дза-а-а-а-ар.

— Что он сказал? — спросила Фиалка, тронув за лапу Инбара.

Тот улыбнулся и объяснил:

— Отец попросил морского «дза-а-ара», как ты поняла, доставить нас как можно быстрее. «Реж влна» — это значит «плыви, вспарывая волны».

Хват, к тому времени уже занявшийся разбором съестных припасов, фыркнул себе в усы:

— Тоже мне секрет. По-моему, я уже вполне сносно понимаю морской язык. Еще бы: я ведь тоже своего рода «дза-а-ар» — дза-а-а-ар Хват, ясно?

Грат и Инбар перешли на корму, откуда долго смотрели на все уменьшавшийся и уходивший за горизонт остров Выдриное Кольцо.

Тюленья упряжка то выныривала на поверхность, то снова скрывалась под водой, легко неся за собой деревянный челнок, а остров Выдриное Кольцо постепенно исчезал за горизонтом.

46

Дервин таскал ореховое печенье прямо из-под носа у Пижмы. Та все видела, но даже не побеспокоилась о том, чтобы остановить его. Бельчонок осмелел и перетащил к себе поближе Пижмино блюдце с кремом, в которое было так удобно макать «трофейное» печенье. Доев все до крошки, он вскарабкался на стол и, скорчив физиономию, стал дразниться:

— Пижма-фижма! Пижма-фижма!

Не обращая внимания на его выходки, Пижма взяла бельчонка на передние лапы и опустила на пол.

— Слушай, ты, приставучий звереныш, — сказала она, — иди поиграй с остальными малышами. У меня голова другим занята.

Распушив хвост, Арвин с уверенностью в голосе заявил:

— Не смей так разговаривать с Арвином. Я теперь воин-выдра, вот. Все, Пижма, с тобой больше неинтересно. Я пойду играть.

Проводив бельчонка до порога Большого Зала, Пижма с тоской посмотрела на синее небо, на залитую солнцем лужайку, вздохнула и поплелась через двор по направлению к воротам.

Уже на подходе к башне она услышала голос Краклин, устало повторяющей, наверное, в сотый раз послание Фермальды.

Шестую я, когда все спят,
Для вас приберегла:
Укажет в полную луну
Пурпурная стрела.

До вечной розы на восток
Полдюжины хлыстов пути.
На ягоду нажми, дружок, —
И ты на полпути.

Вздохнув, Пижма зашла в башню, в ту комнату, где хранились летописи аббатства. Ролло сидел за столом, заваленным древними рукописями, и с тоской глядел на очередной свиток, лежавший перед ним.

Краклин устало развалилась в кресле и, когда Пижма вошла, пожаловалась ей:

— Всё без толку. Ролло просмотрел вдоль и поперек все старинные летописи — и ничего, ни единой зацепки.

Старый летописец с досадой бросил свиток на стол. В воздух поднялось облачко пыли.

— Ап-чхи!

— Ой, простите, — извинился Ролло. — Краклин абсолютно права. Ни одного воспоминания о пурпурных наконечниках для стрел! Должен признать, мои уважаемые коллеги, что на этот раз мы зашли в тупик: ни единой

зацепочки, ни одного намека. К тому же время работает не на нас. Шесть жемчужин в обмен на наших друзей могут потребоваться в любой момент. А кроме того, помните, что мы обещали друг другу найти эти жемчужины ради памяти Пинким.

Неожиданно Пижма вспомнила свой сон:

— Вчера, когда я уснула... или нет, я, наверное, еще не спала. А впрочем, это не важно. Я снова слышала голос Мартина Воителя. Он сказал мне, что «настоятельница найдет ее ради Пинким на том же самом месте, где была найдена пятая».

Краклин отреагировала на эти слова весьма бурно.

— Ах ты, вредина! — воскликнула она и запустила в Пижму подушкой с кресла. — Значит, Мартин Воитель сказал тебе что-то важное еще вчера ночью, а ты только сейчас сподобилась сказать нам об этом.

Пижма перехватила подушку и запустила ею обратно в обидчицу:

— Ну и что? Я только сейчас об этом вспомнила. Ролло, скажите этой, которая с кисточками на ушах, пусть перестанет кидаться.

Старый летописец положил лапу на подушку, которую Краклин собиралась вновь бросить в Пижму. Посмотрев на обеих подруг поверх очков, он строго сказал:

— Ну вот, нам только драки не хватало. Краклин, Пижма не виновата. Сны порой прячутся в нашей памяти, и вспомнить о них помогает случайно брошенная фраза или какой-то предмет, неожиданно попавшийся нам на глаза. Сейчас меня волнует другое. Мартин говорил о какой-то настоятельнице, которой суждено найти жемчужину ради Пинким. Но у нас в Рэдволле настоятель, он же аббат, и надеюсь, что Великие Сезоны благословят его на то, чтобы быть настоятелем еще долго.

— Вы, конечно, правы, — подтвердила Пижма, — но у нас наконец появился хоть какой-то ключ. Как там сказано:

Аббатиса отыщет искомое
Там, где пятая ваша знакомая.

Пятую жемчужину мы нашли в Большом Зале. Пойдемте туда.

В Большом Зале творилось что-то необыкновенное. Брат Хиггли и Аума перетаскивали столы, скамейки и табуретки к выходу, чтобы затем перенести все это к рэдволльскому пруду. Пижма поспешила рассказать барсучихе о своих догадках и о сне с Мартином Воителем. Аума кивнула, оглядела потолок, стены и пол зала и сказала:

— Твой сон наверняка полон какого-то тайного смысла. Но, честно говоря, я пока не понимаю, что вы собираетесь искать здесь, в Большом Зале.

Роллo протянул ей обрывок пергамента и ткнул пальцем в нужную строчку:

— «Пурпурная стрела» — все, как здесь сказано.

Брат Хиггли, в свою очередь, взял пергамент и сказал:

— Ну-ка дайте я посмотрю... Так-так... Все правильно. Пурпурная стрела, но... тут сказано, что искать ее следует, когда обитатели аббатства спят, — при полной луне. Вам, кстати, повезло: сегодня действительно полнолуние. Я давно планировал устроить такой вечерний пикник именно в лунную безоблачную ночь.

Гурбал, Копуша и Арвин назначили себя главными распорядителями в подготовке пикника. Копуша следила за тем, чтобы Пижма не ходила к пруду без должной загрузки.

— Давай-давай, берри еще, — подбадривала она ежиху. — Ты зверрь сильный, я думаю, еще головка сырра и парра булочек вполне поместятся у тебя в лапах.

— Да сколько ж можно? — запротестовала Пижма. — Я уже и так несу пудинг с кремом, грушевый флан и

целую кучу мятных вафель. Если на меня нагрузить еще что-нибудь, я могу уронить все.

Кротишка прицелилась и ловко водрузила буханку хлеба на колючую голову Пижмы.

— Вот так, — довольно сказала она, — а теперь иди спокойно и не беги, а то, глядишь, и в самом деле что-нибудь уронишь.

С трудом скрывая улыбку, ежиха скорчила жалобную гримасу и взмолилась:

— Что ж ты делаешь-то? Это уже издевательство! Ты просто жестокий рабовладелец.

Тут кто-то достаточно бесцеремонно хлестнул ее по спине. Пижма обернулась, стараясь двигаться так, чтобы буханка не слетела у нее с головы, и увидела Арвина, стоявшего позади с длинной гибкой палкой в лапах.

— Эт-то еще что? — возмущенно спросила ежиха. — Откуда ты взял эту штуковину?

Арвин грозно потряс у нее перед носом своим «орудием пыток».

— Это розга! — с достоинством объявил бельчонок. — А еще специальная удочка, чтобы выуживать непослушных, а потом наказывать их.

Пижма быстро сложила на стол всю свою ношу, а потом быстро выхватила из лап Арвина его прут.

— Да это же удочка старой Фермальды! — воскликнула она. — Хлыст!

Ролло отложил большую головку сыра, которую катил к выходу, и переспросил:

— Какая еще удочка?

Пижма гордо предъявила ему отнятое у Арвина «орудие наказания».

— Это та самая любимая удочка старой Фермальды. Вспомните загадку: когда придется «на восток идти», я уверена, что «полдюжины хлыстов» нужно будет отмерять именно этой удочкой.

Летописец живо вернулся к сыру и, покатив его дальше к выходу из зала, довольно сказал:

— Неплохо! Ловко подмечено, должен признать. И вообще, похоже, кое-что начинает проясняться.

Полная луна и отблески костра отражались в пруду аббатства Рэдволл. Все обитатели аббатства сидели на песчаном берегу и, не притрагиваясь к еде, слушали речь Аумы:

— Друзья! Обитатели Рэдволла и гости аббатства! В эту прекрасную лунную ночь за праздничным столом я обращаюсь к вам и прошу не забывать наших близких, оказавшихся в беде. Пусть Великие Сезоны защитят настоятеля Дьюррала и полевку Фиалку. Пожелаем им избавления из ужасного плена и не забудем также Мартина — верного воина нашего аббатства, отправившегося им на помощь. Он, храбрый заяц Хват, мужественные сыновья Лог-а-Лога и героическая выдра Грат, может быть, уже находятся в пути за тридевять земель и за три моря, чтобы спасти аббата Дьюррала. Пусть удача сопутствует и Длинной Лапе, и ее храброму выдриному отряду, который до сих пор ведет поиски бедной Фиалки. Удачи им всем в их благородом деле.— Сделав паузу, барсучиха набрала в грудь воздуха и еще громче произнесла: — Храбрые сердца и верные друзья!

Хор голосов эхом откликнулся на ее слова:

— Храбрые сердца и верные друзья!

Арвин отломил кусок фруктового пирога и бросил его в пруд.

— А это маленький ужин для той большой рыбы, что живет там, на дне.

Серебристая вспышка и слабый всплеск стали свидетельством того, что большая рыба приняла подношение маленького бельчонка. Рэдволльцы восприняли это как доброе предзнаменование.

Сноп сел за стол рядом с Командором, Кротоначальником и братом Хигтли. Предварительно он передвинул по-

ближе к себе испорченный Арвином фруктовый пирог. Бельчонку он пояснил:

— Хватит кидаться пирогами. Не вздумай больше кормить рыбу, мучное ей вредно, а то растолстеет и не сможет плавать.

А сам он тут же запустил когти в ближайшее оказавшееся перед ним блюдо — орехово-грибной флан. Брат Хиггли невольно рассмеялся, а Сноп возмущенно заморгал, глядя на брата Хиггли в упор.

Словом, веселая вечеринка шла своим чередом. Когда пришла пора танцевать, Пижма и Краклин заметили, что Ролло задремал. Они растолкали его и сказали:

— Пойдемте! Сейчас не время спать, у нас есть важное дело в Большом Зале. Постараемся выбраться незаметно.

Трое друзей бесшумно вошли в главное помещение аббатства. В пустом зале было так тихо, что им волей-неволей захотелось говорить шепотом. Ролло зажег принесенную с собой лампу, но и без того лунный свет достаточно свободно проникал в зал через высокие стрельчатые окна с разноцветными стеклами витражей.

Разложив на столе рядом с лампой пергамент с загадкой, Ролло спросил:

— Ну что, готовы? Кстати, Пижма, а где удочка Фермальды?

Ежиха подбежала к гобелену и вытащила удочку из-за нижней планки рамы.

— Я ее здесь припрятала, — объяснила она, — будто сам Мартин бережет ее для меня.

Водрузив на нос очки, Ролло склонился было над обрывком пергамента, но Краклин без запинки стала читать стихи наизусть:

— Шестую я, когда все спят,
Для вас приберегла...

...Я полагаю, что это относится к нам — тем, кто ищет эти жемчужины. Пожалуй, в любой другой день все обитате-

ли аббатства уже давно спали бы в это время. Иное дело — пир в летнее полнолуние. Смотрим дальше. Со следующих двух строчек и начинается самое непонятное:

Укажет в полную луну
Пурпурная стрела.

Ролло потряс головой:

— Ну-ка прочти еще раз. Что за пурпурная стрела? Где нам ее искать?

Пижма сделала вполне логичное предложение:

— Давайте разделимся и обыщем весь зал. Я начну от двери, Краклин, ты иди к дальней стене и двигайся мне навстречу. А вы, Ролло, можете обыскать центральную часть. Договорились?

Пижма шаг за шагом исследовала доставшуюся ей часть зала, заглядывая за все колонны, ощупывая все неровности стен, просматривая каждый подоконник. Все ее усилия были напрасны. В какой-то момент ей в голову пришла идея взять лампу и посмотреть в самых темных углах. Подойдя к центру зала, Пижма бросила взгляд на Ролло, который в этот момент осматривал дверь, ведущую в коридор, к винному погребу. Летописец стоял к Пижме спиной и вздрогнул, когда по залу разнесся ее пронзительный возглас:

— Ролло, стойте там, где стоите, и не двигайтесь!

Летописец замер, полагая, что ежиха таким образом предупредила его о какой-то опасности. Между тем Пижма тотчас же позвала свою подругу:

— Краклин, иди, иди сюда скорее! Смотри!

Белочка в два прыжка оказалась рядом и вопросительно посмотрела на Пижму, не зная, чего ждать. Пижма показала пальцем в сторону спины Ролло и замирающим голосом спросила:

— Ну, что скажешь?

Краклин аж взвизгнула от удивления. В полумраке на плаще летописца прямо под капюшоном светилась пур-

пурным пятном стрела. Не выдержав напряжения и таинственных разговоров за своей спиной, Ролло развернулся.

— Ну и что? Чего вы так разволновались? — осведомился он, поглядев на замерших с изумленными лицами Пижму и Краклин.

Ежиха вновь охнула и сказала:

— Посмотрите на вашем плаще — он теперь здесь.

Ролло опустил глаза и тоже увидел пурпурную стрелу.

— Ага, понятно! Раз так, то он должен отражаться на стене даже тогда, когда я не загораживаю путь лунному свету, падающему через окно. Вот, смотрите...

Он отступил на шаг в сторону, и пурпурное пятно действительно четко легло на стену.

— Да, хитро придумано, ничего не скажешь, — с уважением в голосе сказал Ролло. — Когда солнце пробивается через этот витраж днем, то в его ярком свете этот треугольничек бледно-розовый. В безлунную и пасмурную ночь мы тоже едва ли увидим тут хоть что-то. А вот в полнолуние... Результат перед вами.

— Итак, первый шаг сделан, — заявила Пижма. Затем она взяла в лапы удочку Фермальды и сказала:

До вечной розы на восток
Полдюжины хлыстов пути.

Вот что нам предлагается. Двигаться на восток мы можем только по этому коридору.

Ролло заглянул в темный коридор и сказал:

— Вообще-то он ведет в погреб, но посмотрим, как далеко окажется место на расстоянии шести длин этой удочки.

Шесть удочек привели их туда, где в стену коридора была вделана большая каменная плита с вырезанным на ней рельефным украшением — изображением огромной, от самого пола до середины стены, розы.

Ощупав розу лапой, Краклин сказала:

— Ну вот, все правильно: та «вечная роза».

Краклин на память повторила две последние строчки стихотворения-загадки:

На ягоду нажми, дружок, —
И ты на полпути.

Ролло кивнул:

— Ну да, конечно, — шиповник. Ты же помнишь эти маленькие ягодки, которые остаются на диких розовых кустах после того, как цветы отцветут. Мы еще делаем из них настойки и вкусный сироп.

Краклин нащупала каменную ягоду на правой стороне стебля.

— Ну что? — задыхаясь от волнения, спросила она. — Если я нажму — что случится?

Ролло улыбнулся и предложил:

— Попробуй, а там видно будет.

Краклин нажала на каменную ягоду. Она слегка сдвинулась, но ничего не произошло.

— Ну и что теперь делать? — спросила белочка у Пижмы.

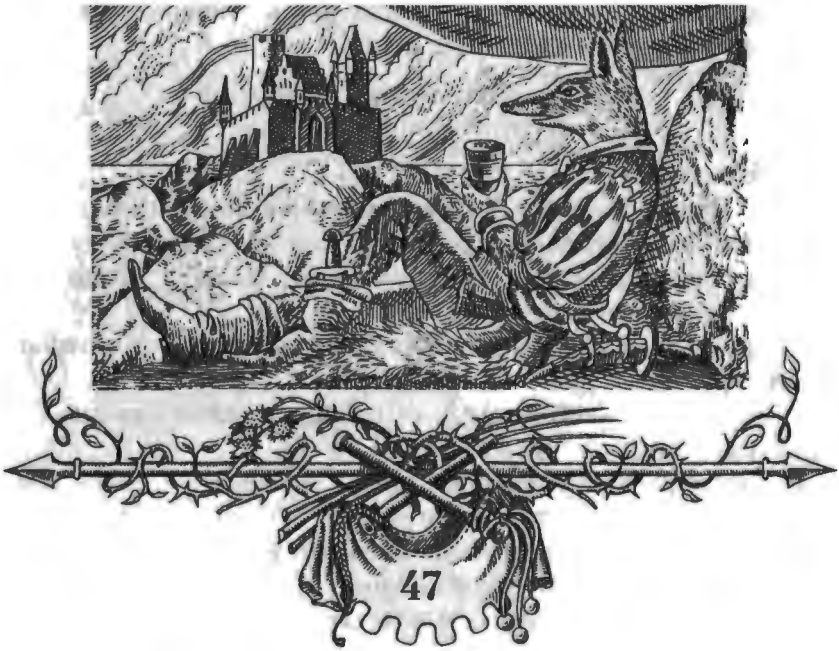
Ежиха подошла к ней и сказала:

— Нажимай как можно сильнее, а я постараюсь подтолкнуть всю эту картинку.

Так они и поступили: Пижма налегла всем телом на каменную плиту, и та вдруг подалась. Еще одно усилие — и с громким скрипом давным-давно не смазывавшихся петель потайная дверца распахнулась.

Прихватив лампу, трое друзей осторожно переступили порог и оказались в маленькой темной комнате. Единственной мебелью в этом помещении был легкий складной стул, сделанный из парусины и тонких деревянных планочек. На его сиденье в свете лампы оказалась видна маленькая шкатулка, сделанная из тисового дерева.

Ролло взял шкатулку в лапы и аккуратно открыл ее.



47

Влажная, безветренная ночь окутывала лодку. Предводитель тюленей снял с себя и своих товарищей упряжь и забросил веревки в челнок. На борту давно никто не спал. С тех пор как Сампетра появилась на горизонте, Мартин и все остальные члены экипажа не могли и глаз сомкнуть.

Хват перегнулся через борт и сказал:

— И глазом моргнуть не успели! Молодцы, ребята, хорошо тянули. Домчали как на крыльях.

Лапа Мартина крепко зажала рот зайцу.

— Потише, приятель, — негромко, но строго потребовал он. — Ни к чему оповещать всю округу о нашем прибытии.

Инбар Меткий Стрелок поговорил о чем-то с предводителем тюленей и перевел разговор Мартину:

— Дза-ар морского народа больше не может нам помогать. Он очень волнуется за малышей из своего рода, потому что окрестности этого острова необычайно опасны. Поэтому они уплывают.

Мартин и все члены его команды сердечно поблагодарили тюленей. Тюлени в ответ попрощались и, взмахнув напоследок ластами, скрылись в ночном море.

Забравшись на ближайший холмик, Мартин осмотрелся и отдал боевой приказ:

— До рассвета у нас еще несколько часов. Нужно будет разведать ближайшие окрестности. Встречаемся снова здесь в полдень. Мы высадились, как я полагаю, на восточной оконечности острова. Грат и Инбар, берете с собой Фиалку и идете отсюда на северо-запад. Посмотрим, что у нас в той стороне. Хват, Плогг и Велко пойдут со мной на юго-запад. Обратно оба отряда возвращаются вдоль берега. Таким образом, к полудню мы будем более или менее представлять себе бóльшую часть этого острова. Будьте предельно осторожны. Вопросы есть?

— А как же! Ты забыл уточнить, когда у нас завтрак.

Заяц был неисправим. Мартину оставалось только улыбнуться и покачать головой:

— Хват, перестань думать о том, как набить себе брюхо. Сейчас куда важнее, чтобы из тебя самого не набили чучело.

Вытянув уши по стойке «смирно» и отдав честь, заяц доложил:

— Есть забыть о набивании брюха, а сэкономленные мозги направить на то, чтобы спасти собственную шкуру.

Через минуту два маленьких отряда направились в глубь острова.

Безумный Глаз не на шутку обеспокоился. Все его надежды на то, что придет помощь с «Морского Змея»,

рухнули в один миг. Теперь его силы насчитывали всего три неполных взвода надзирателей. Несколько ящериц уже пали на стенах, сраженные либо во время штурма, либо пущенной издалека стрелой. Время переговоров кончилось. Началась открытая война, и ничто не предвещало ее мирного исхода. А он, Ублаз, оказался в осаде, запертый в собственном дворце.

Император подошел к углу тронного зала, где лежал прикованный к вделанному в стену кольцу настоятель Дьюррая. Он по-прежнему был тяжело болен и не приходил в себя, продолжая бредить в полубессознательном состоянии.

Ублаз покачал головой и отошел к окну.

— Меньше трех взводов надзирателей и старая, выжившая из ума мышь, — пробормотал он себе под нос. — Еще есть корабль, но, правда, пустой. Ну Расконса, ну хитер! Ничего-ничего, лис! Дай мне только потянуть время, и я что-нибудь придумаю. Я еще спляшу на твоей могиле — это я тебе обещаю.

Постучавшись, в тронный зал вошел исполняющий обязанности генерала надзирателей Зургат:

— Ваш-ше Всемогущ-щес-ство, они с-собираютс-ся опять идти на ш-штурм. Разреш-шите ис-спользовать горящ-щие ветки и щ-щепки для отраж-жения атаки.

Ублаз зашагал из угла в угол перед следящей немигающим взглядом за каждым его движением ящерицей.

— Опять штурм? Нет, подожди. Огонь пока не использовать. Закидывайте их камнями и отбивайтесь копьями.

Зургат помолчал, а затем, поколебавшись, позволил себе возразить:

— Камнями и копьями мы не с-сможж-жем долго с-сдерживать их-х. Их-х с-слиш-шком много.

Император схватил стоявшую около настоятеля миску с водой и швырнул ее в Зургата.

— Будете отбиваться столько, сколько потребуется! — закричал он. — Да если бы не стены моего дворца, кото-

рые защищают тебя и всех ящериц, вы бы давно уже рыб кормили! Все понял? А теперь пошел вон!

Разбив лагерь у подножия холма, Расконса чувствовал себя превосходно. Навес из парусины защищал его от палящего солнца, а еды на острове всегда было предостаточно. Он сидел вместе со своими капитанами, наблюдая за очередным штурмом дворцовых стен. Гух протянул лису кубок с грогом, прихваченным из одной разграбленной портовой таверны.

— На, обмакни усы, друг,— сказал он Расконсе.— День предстоит долгий и жаркий.

Отхлебнув пиратского напитка, Расконса подмигнул товарищам:

— А что? Торопиться нам некуда, времени у нас навалом.

Пряжка, отбросив в сторону недоеденную рыбу, рассмеялся:

— Торопиться нам некуда, как особо и пойти тоже некуда, потому что там, куда мы хотели бы попасть, нас почему-то не очень жалуют.

Горностай Оскал ткнул ржавой саблей в сторону дворцовых стен.

— Действительно, обитатели этого скромного домика почему-то не отличаются гостеприимством. Может быть, стоит подождать, пока старина Безумный Глаз выйдет из ворот и пригласит нас к себе в гости? А то как-то невежливо получается: гость на порог, а хозяева — дверь на замок.

Командиры мятежных пиратов довольно наблюдали за тем, как их подчиненные обрушивали целый град стрел, камней и копий на обороняющихся надзирателей. Стоило ящерицам занять оборону в месте очередного штурма, как пираты отступали, перегруппировывали силы и начинали атаку с другой стороны. Защищающимся одними камнями да копьями надзирателям приходилось несладко.

Самые меткие стрелки обстреливали из луков защитников дворца. Связные Сагитар немедленно докладывали Расконсе о малейшем изменении или любом подозрительном движении за стенами, что удавалось разглядеть с вершин некоторых холмов.

Расконса оказался не только хитрым и коварным зверем, но и неплохим командиром. Его стратегия начала давать результаты. Заметив, что очередная попытка штурма начинает захлебываться, он распорядился нападающий отряд перебросить на другой участок стены.

— Можно, конечно, усилить натиск и здесь, но тогда победа достанется слишком дорогой ценой. Обороняющиеся перебьют слишком много наших товарищей. А так мы их измотаем и рано или поздно прорвемся за стены.

Сидевшие рядом с Расконсой Балтур и Ганчо стали наперебой расписывать прекрасное будущее, открывавшееся перед пиратским флотом, если они захватят склад строевого леса. Пиратам грезился не только срочный ремонт их кораблей, но и постройка новых судов.

— Ты представляешь себе, — обратился Балтур к лису, — увеличим наш флот вдвое!

— Да, — вторил ему Ганчо, — с таким количеством кораблей мы сможем полмира держать в страхе. У нас будут свой пиратский флот и свой пиратский остров.

Расконса расплылся в довольной улыбке:

— Точно, ребята. Все так и будет. Все, как я говорил... А это еще что? Кто все это устроил?

Хват притаился за пиратским командным пунктом. Лежа на самом гребне песчаной дюны, он слышал все, о чем шла речь в разговоре лиса и его капитанов. Но коварный непрочный песчаный гребень не выдержал веса зайца, и тот, не в силах остановиться, скатился по склону и плюхнулся прямо на тент, прикрывавший пиратских командиров от солнца.

Услышав крики Расконсы, Хват тотчас же решил, что выбрал не лучшее место для катания с песчаных горок.

Заяц несколькими ударами сильных задних лап свалил оставшиеся шесты, подпиравшие тент, и, описав дугу по склону, бросился бежать на запад. За его спиной раздался возглас Расконсы:

— Ребята, смотрите, какой здоровенный кролик! А ну хватай его!

Возмущенный заяц даже на миг остановился на вершине холма и крикнул в ответ:

— Большой кролик? Это кто у вас здесь большой кролик? Протри глаза! Если бы не твой лисий хвост, я бы точно решил, что ты приходишься родственником самому слепому из кротов.

Свистнув в воздухе, в песок рядом с зайцем воткнулась стрела. Хват отскочил в сторону.

Капитан Оскал и шесть его приятелей бросились догонять его, но Хвата не слишком беспокоила эта погоня. Преследователи были чересчур медлительны и неуклюжи. Весело пританцовывая, он убегал с холма на холм, понимая, что таким образом ему удается отвлечь внимание от Мартина, Плогга и Велко, направившихся в сторону порта.

Пыхтя и задыхаясь, пираты упорно гнались за наглым зверем. Горностай Оскал потер заболевший бок и сказал:

— Ну и что, ребята? Куда подевалась эта ушастая швабра?

Выскочив из-за ближайшего куста, Хват возмущенно заявил:

— Ты хоть думаешь, кого шваброй обзываешь? Если я — швабра, то ты просто грязь трюмная, которую только и надо вымести вот этой самой шваброй да за борт вышвырнуть. — Подумав, он добавил еще одно страшное оскорбление: — И нос у тебя как морковка!

Одна из морских крыс метнула в зайца кинжал, но клинок вонзился в землю. Зайца опять и след простыл. Впрочем, через пару мгновений он вновь объявился, уже на левом фланге у пиратов.

— Эй, толстобрюхая! Твоя мамочка очень заругалась бы, узнав, что ты на ходу теряешь свои ножички!

Тут заяц снова исчез. Вконец разозленный Оскал крикнул:

— Кровь и шкура! Куда опять провалился этот поганый кролик?

На этот раз Хват материализовался на правом фланге, осуждающе поведя ушами.

— Потише, приятель, — обратился он к горностаю. — Нельзя же так ругаться! Я тебе одно скажу: грог, отсутствие физических упражнений, праздная жизнь — вот что довело тебя до такого состояния. Вперед, ребята, за мной! Организуем оздоровительную пробежку!

Так, то исчезая, то появляясь из ниоткуда, изводя противников обидными шутками, Хват уводил погоню туда, куда ему хотелось.

48

Опаленный солнцем порт Сампетры был пуст. Лишь один корабль был пришвартован к его длинному причалу. Мартин, Плогг и Велко с оружием в руках, постоянно оглядываясь по сторонам и то и дело оборачиваясь на огромный дворец, нависавший над гаванью, прошли весь порт, выбрались на причал и быстрым шагом направились к одинокому кораблю.

— Все точно, это он, — сказал Мартин. — Я помню это название — «Морской Змей». Значит, наш настоятель либо на борту, либо где-нибудь здесь, в городе. А скорее всего, что вон в том дворце. Стойте здесь, а я поднимусь на палубу и осмотрю судно.

Зажав меч зубами, Мартин быстро вскарабкался на борт по швартовому канату. Тем временем Плогг и Велко, стоя на страже, внимательно прислушивались к шуму, доносившемуся со стороны дворца.

— Похоже на бой, — предположил Плогг.

Велко кивнул и согласился:

— Видимо, кто-то пытается штурмовать дворец, но, по-моему, не слишком успешно.

— Эй, ребята, поднимайтесь на борт. Корабль пуст.

Землеройки мгновенно забрались на корабль. Мартин же внимательно смотрел в сторону замка и вдруг, что-то заметив, скомандовал:

— Руби канаты, быстро! Хватай шесты! Надо срочно отогнать корабль подальше от причала.

Ублаз заметил Мартина и землероек из окна тронного зала. Некоторое время он гадал, откуда взялись эти странные звери на его острове, но вскоре не на шутку забеспокоился. Увидев, как незнакомцы поднялись на борт «Морского Змея», император немедленно вызвал четверых надзирателей. Корабль был его тайным резервом на тот случай, если ему придется срочно покидать дворец. И вот Ублаз с минуты на минуту мог потерять свой последний козырь. Вместе с четырьмя ящерицами он выскочил из потайной двери дворца, и как раз в этот момент Мартин заметил преследователей.

Управляемый немногочисленным, но умелым экипажем, большой корабль развернулся и стал носом в открытое море. Мартин встал на корме и что было сил отталкивался шестом. Плогг и Велко помогали ему с двух бортов. Когда полоса воды между берегом и «Морским Змеем» стала достаточно широкой, Мартин скомандовал:

— Отставить шесты, ребята! Ставь паруса! Похоже, ветерок попутный.

Задыхаясь от гнева, Ублаз добежал до конца пирса, откуда бессильно смотрел на уплывающий корабль. Император был взбешен собственной неосмотрительностью:

в этот момент он был готов отдать все что угодно за лук с колчаном стрел. Скрежеща зубами, он следил за тем, как ловко и сноровисто управляется с кормовым шестом мышь с мечом на перекинутой через плечо перевязи. Этот странный зверь поднял голову и без тени страха посмотрел в глаза кунице.

Чувство, до сих пор неведомое императору, нахлынуло на него. Он обнаружил, что его гипнотический взгляд не оказывает никакого воздействия на этого храбреца. Отложив шест, незнакомый воин облокотился на кормовой леер, и его холодные, напряженные, но нисколько не испуганные глаза встретились с глазами Ублаза. Эта безмолвная дуэль продолжалась несколько секунд, и император первым опустил глаза, чего с ним не было еще никогда в жизни. Мартин же все смотрел на уменьшающуюся фигуру противника, понимая, что только что встретился с тем зверем, с которым ему рано или поздно придется сойтись в смертельном поединке.

Предвечерние тени накрыли крохотную бухточку на восточном побережье Сампетры. Грат и Инбар прилегли отдохнуть на поросшем травой склоне холма, но вскоре оставленная дежурить Фиалка подбежала к ним с криками:

— Там корабль! Он идет сюда, смотрите!

Не прошло и нескольких минут, как с бушприта «Морского Змея» друзей поприветствовал Велко:

— Ну что, ребята, как вам нравится наш новый корабль? Долой шлюпки и челноки, да здравствуют большие корабли!

Грат и Инбар сноровисто помогли экипажу спустить швартовые канаты и привязать их к прибрежным камням. Едва сойдя на берег, Мартин спросил:

— Хват вернулся? Мы разошлись с ним еще на том берегу острова.

В ответ Фиалка позволила себе пошутить:

— Я думаю, о нашем зайце беспокоиться не стоит. Скорее всего он нашел где-нибудь еду и, прежде чем поделиться с нами, решил округлить в свою пользу нежданную добычу.

К удивлению всей компании, заяц вернулся не один. К костру он подошел, подталкивая плетущегося перед ним, связанного собственным ремнем морскую крысу-пирата.

— Всем привет, — поздоровался Хват. — Вкусно у вас тут пахнет. Да, кстати, позвольте представить моего нового приятеля. Лично взял его в плен. Пока что он раскрыл мне только одну военную тайну: говорит, что зовут его Гоуджа, и то это еще надо проверить.

Пират, у которого после встречи с Хватом отчего-то образовалась на голове здоровенная шишка, не издал ни звука и молча глядел на незнакомцев. Заяц подтолкнул его к костру и, нажав на плечо, заставил сесть.

— Наш Гоуджа — парень немногословный, — объявил Хват. — Ну брось, старина, не упрямься, скажи всем «здрасте». И не хмурься ты так, а то мои друзья подумают, что я тебя чем-то обидел.

Мартин протянул зайцу миску с похлебкой и сказал:

— Отвяжись от него. Давай сначала спокойно пообедаем, а потом поговорим с ним. Надеюсь, наш новый приятель Гоуджа расскажет нам все об острове и о дворце у порта.

Пират презрительно сплюнул на песок и заявил:

— Ничего я вам говорить не буду, и заставить меня у вас не получится.

Стремительным прыжком перескочив костер, Грат приземлилась прямо перед ошарашенным пиратом и, глядя ему в глаза, грозным, как раскаты далекого грома, голосом сказала:

— Смотри на меня и не вздумай даже моргнуть. Я — Грат Длинная Стрела, единственная оставшаяся в живых из всего рода Лутры. Остальных моих родственников перебили такие же мерзавцы, как ты. Так что рекомендую

тебе рассказать все, о чем тебя спросят. Иначе выбор у тебя будет небогатый: или быть зажаренным на костре, или сидеть привязанным к камню у берега и ждать, пока прилив зальет твою пасть морской водой.

Пират с круглыми от ужаса глазами попытался передвинуться поближе к Мартину.

— Я все вам расскажу, я обещаю ответить на все вопросы, только, пожалуйста, уберите от меня эту выдру. Я боюсь ее. Прошу вас!

Заяц ласково погладил пленного пирата по голове:

— Ну вот и договорились.

За едой Инбар рассказал Мартину о том, что он с Грат и Фиалкой выяснили за прошедший день.

— Двигаясь на северо-запад, мы дошли до побережья и уперлись в большую — намного больше этой — бухту. Там стоят на якорях шесть кораблей размером примерно с тот, что ты сумел захватить. И хотя охраняют их всего с полдюжины морских разбойников, можно предположить, что на острове хватает этих подонков для экипажей на эти суда.

Тут в разговор вступил Хват:

— Ага, видел я эту толпу. Они как-то вяло штурмуют дворец. Насколько я понял, воюют они против какого-то Безумного Глаза. Этот тип присвоил себе не только дворец, что составляло бы еще полбеды, но и склад строевого леса, нужного для ремонта кораблей, а этого морская братия стерпеть уже не могла. Впрочем, Безумный Глаз не слишком-то ждет их к себе в гости. Вот пираты и завязли около дворца — и войти не могут, и бросить жалко.

У Мартина тоже были кое-какие наблюдения.

— Я видел фасад этого дворца, обращенный к морю. Он выходит на порт с большим причалом. Видел я и этого Безумного Глаза. То есть мы оба друг друга видели. Теперь я знаю точно — он держит настоятеля Дьюррала где-то в плену, наверное в своем дворце. Ладно, пойду я потолкую с нашим пленным, а потом придумаем спасательный план.

Пока Мартин допрашивал пирата, остальные члены его отряда наслаждались короткой передышкой. Фиалка легла на спину и глядела в темнеющее на глазах тропическое небо, на котором уже стали появляться самые яркие звезды и лунный полумесяц. Инбар и Грат пошли прогуляться по берегу и заодно проверить крепления канатов «Морского Змея». Инбар мялся, не решаясь обратиться к Грат, но затем все же набрался смелости и сказал ей то, что его так поразило:

— Знаешь, я никогда не видел в чьем-либо взгляде столько ненависти, сколько было у тебя, когда ты налетела на этого пирата. Мне никогда не приходилось воевать или убивать. Выдриное Кольцо — это мирный, спокойный остров, на котором никогда не было войн. Ты сама видела, я неплохо стреляю, но мне еще ни разу не приходилось наводить стрелу на живую цель.

Грат провела лапой по торчавшим из колчана стрелам.

— Я была такой же, пока пираты не напали на наш дом на далеком северном побережье, — сказала она. — Я получила жестокий урок и навеки заучила: если ты протянешь разбойнику лапу мира, он не задумываясь отрубит ее тебе мечом. Придется и тебе, друг, привыкать к стрельбе не только по живой, но и смертельно опасной для тебя мишени. Надеюсь, эти уроки будут не столь тяжки и трагичны, как те, что пришлось выучить мне.

Грат направилась обратно к костру, а Инбар еще долго сидел на берегу моря, думая над словами отца, провожавшего его в путешествие в дальние страны. Инбар уже начинал сомневаться в том, что этот новый большой мир отличается от его родного острова в лучшую сторону.

Вернувшись в лагерь, Грат привычно окинула его хозяйским взглядом и вдруг подняла тревогу:

— Подъем! Пленный исчез! Сбежал, наверное!

Велко поспешил успокоить ее:

— Не волнуйся. Старина Гоуджа в надежном месте. Мы с Плоггом не могли спокойно отдыхать, глядя на его

кислую физиономию, и решили отвести его на борт корабля. Там, у основания главной мачты, мы нашли цепь и кольцо. Куда он денется, прикованный к мачте!

Мартин улыбнулся и подмигнул землеройкам:

— Неплохо придумано. Готов побиться об заклад, что это та же самая цепь, на которой они держали настоятеля во время морского перехода.

После завтрака Мартин созвал всех на военный совет. Выбрав на песчаном берегу место поровнее, он кончиком меча стал чертить план.

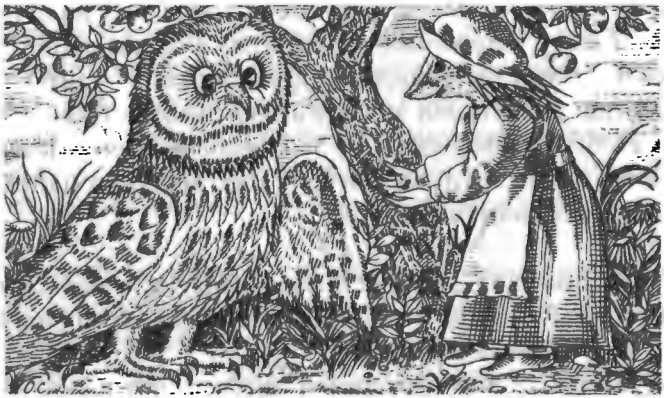
— Смотрите, мы находимся здесь, а вот здесь — дворец, который штурмуют бунтующие пираты, и там же находится настоятель Дьюррал. Вот что я предлагаю: для начала нужно как-то отвлечь ящериц, да и всех тех, кто может оказаться внутри здания. Их там слишком много, и нам не выстоять против них в открытом бою. Теперь внимание! Каждому из вас отведена роль в моем плане, и все они главные. Если кто-то не чувствует в себе сил для такого опасного дела, пусть скажет сразу и останется дожидаться нас здесь. Я не буду осуждать.

Все посмотрели на самую младшую и слабенькую из всех присутствующих — полевку. Фиалка вспыхнула и гордо заявила:

— Мы прибыли сюда, чтобы освободить отца-настоятеля и вернуться с ним домой, в Рэдволл. Если бы врагов было еще в десять раз больше, мы бы все равно не отступили. Так что давай, Мартин, рассказывай, что ты задумал, мы с тобой.

Солнце давно взошло над бухтой, где стоял на якоре «Морской Змей», а военный совет все продолжался. Не раз и не два Мартин перечерчивал свой план на песке, внося в него предложения и поправки своих товарищей.

Наконец-то самый смелый и неожиданный план был принят.



49

Ролло раскрыл тисовую шкатулку и осторожно перевернул ее над сиденьем складного стула. Краклин поднесла лампу поближе. На парусиновом сиденье, легкая как пылинка, лежала высохшая мертвая пчела.

Пижма посмотрела на нее, а затем дрожащим и разочарованным голосом произнесла:

— Мертвая пчела — и всё?

Внимательно осмотрев шкатулку изнутри, Ролло подтвердил худшие опасения:

— Больше ничего нет. Впрочем, если честно, чего-нибудь вроде этого я и ожидал. Краклин, напомни-ка мне, чем заканчивается стихотворение?

Белочка тотчас же, не задумываясь, оттараторила:

На ягоду нажми, дружок, —
И ты на полпути.

Взяв в лапы мертвую пчелу, Ролло сел на стул сам.

— На полпути, говоришь? Я так и знал. Старая Фермальда не отдала бы нам последнюю жемчужину так легко. Это несчастное мертвое создание — всего лишь половина ключа.

Пижму чуть не трясло от злости.

— Но другого здесь ничего нет: ни бумаги, ни пергамента — никакой записки. Только эта дурацкая штуковина, которая когда-то, неизвестно сколько сезонов назад, называлась пчелой.

Возвращаясь по коридору к Большому Залу, Краклин предположила:

— Может быть, это что-нибудь, что начинается с буквы «п»?

Ролло оглядел залитый лунным светом зал и демонстративно зевнул:

— Что вы скажете насчет подушки или постели? Лично я, например, не против вздремнуть.

Пижма чуть не насильно отобрала у него мертвую пчелу.

— Это просто прелестно, уважаемый летописец! «Прелестно» — тоже, кстати, на «п» начинается!

Краклин ласково погладила Пижму по лапе:

— А еще плохое воспитание и плохое настроение. Между прочим, я думаю, Ролло прав. Уже поздно, и мы очень устали. Пойдем, подруга, самое время поспать. Утро вечера мудренее. Глядишь, завтра и придумаем что-нибудь.

Пижма смущенно вернула пчелу Ролло:

— Я прошу прощения. Конечно, ведь не вы виноваты в том, что мы нашли всего лишь пчелу. Извините меня.

Старый летописец улыбнулся и со смехом заявил:

— Прощение заслужит лишь тот, кто дотащит меня вверх по лестнице к моей спальне. Староват я стал, чтобы самому перебирать лапами по ступенькам.

Пижма, смеясь, приняла игру:

— Да, Ролло, вы действительно слишком постарели, чтобы ходить по лестницам. Ладно, мы попросим Фарло Стампа сделать вам из старой бочки что-то вроде кроватки прямо здесь, внизу.

С неожиданной для его сезонов живостью Ролло подобрал полы халата и лихо взбежал вверх по лестнице.

— Что? Я слишком стар? А ну посмотрим! Кто последним добежит до своей спальни, тот — сушеная лягушка!

Наутро, через три часа после рассвета, солнце уже вовсю било в окна аббатства и золотило верхушки деревьев. Лес шелестел под порывами легкого ветра. Крепкий сон Пижмы безжалостно нарушили малыши.

— А ну вставай! Подъем! Все проспишь! — вопил Арвин, подкрепляя свои слова серией ударов подушкой.

— Хур-р! — донеслось откуда-то из-под пяток. — Если ты сейчас не прроснешься, останешься без завтррака, бррат Хиггли сказал, что отдаст твой завтррак пррожорлливой сове. Вот так!

Это сообщение подействовало на Пижму лучше любого будильника. Она вскочила на ноги и бросилась умываться. Кротишки старательно поливали ей из кувшина, держа наготове полотенце.

— Ни за что! Мой завтрак никогда в жизни не достанется обжоре Снопу! Прочь с дороги! Я иду есть! — решительно заявила Пижма.

Весело смеясь, малыши проводили ее вниз по лестнице в зал, где сидели за столом Ролло и Краклин. Белочка любезно подвинула к столу табуретку и поставила Пижме тарелку.

— Доброе утро. Вот, пожалуйста: лепешки, черничное варенье, клубничный морс — насколько я помню, твой любимый завтрак.

Пижма села рядом с друзьями и, улыбаясь, сказала:

— Малыши предупредили меня, что брат Хиггли собирался отдать мой завтрак Снопу. Пришлось бежать скорее, пока не осталась без завтрака. Ну что, Ролло, есть новости от нашей мертвой пчелки? Надеюсь, ей не вздумалось ночью полетать?

Летописец протер очки.

— Очень смешно, просто обхохочешься. А если серьезно, то предлагаю сходить к брату Дормалу и показать ему эту пчелу. По-моему, в Рэдволле никто лучше него не разбирается не только в растениях, но и в насекомых.

Залпом выпив кружку морса и прихватив с собой еще одну лепешку с вареньем, Пижма выскочила из-за стола:

— Отлично придумано! Пойдемте, чего ждать-то?

Брат Дормал, естественно, возился в саду. Он приводил в порядок смородиновые кусты, а Сноп, якобы помогая, в основном занимался тем, что клевал ягоды как на глазах садовника, так и за его спиной. Протянув вперед лапу с лежащей на ладони пчелой, Ролло обратился к Дормалу:

— Скажи, дружище, какие выводы ты бы мог сделать, глядя на... Ой, что это?

Шальной порыв ветра легко подхватил почти невесомое насекомое и поднял его высоко в воздух. Краклин заверещала:

— Поймайте, поймайте эту пчелу! Она не должна летать, она же мертвая!

Превратившись в маленькую точку, пчела тем временем оказалась на высоте кроны ближайшей яблони. Пижма бегала вокруг дерева, расставив лапы, готовая поймать пчелу, если та вдруг упадет на землю.

— Если мы ее потеряем, нам никогда не найти шестую жемчужину! Ну пожалуйста, кто-нибудь, помогите!

Не особо веря в успех, Сноп на всякий случай похлопал крыльями, подпрыгнул и вдруг поднялся в воздух. Повисев несколько секунд над самой землей, он лихо поднялся выше дерева, красиво обогнул крону и, почти не взмахнув крыльями, спикировал ко все еще державшейся

в воздухе пчеле. Через мгновение он уже снова стоял на траве, и злосчастное насекомое выпало из его клюва в протянутую лапу Пижмы. Довольная улыбка расплылась по лицу ежихи.

— Ах ты, чучело в перьях! Мы ведь все думали, будто твои крылья изранены настолько сильно, что ты уже не сможешь летать.

Склевав очередную смородинку, Сноп задумчиво пожевал, проглотил ее и сказал:

— Ты права. Я и сам так думал буквально минуту назад. Но, посмотрев, как вы сокрушаетесь из-за этой пчелы, я, сам не понимаю как, забыл, что уже летать и не умею.

Когда пчела была спасена, брат Дормал внимательно выслушал все, что ему рассказали, затем тщательно посмотрел на засушенное насекомое и сказал:

— Ну что ж, это давно умершая пчела. Пожалуй, ничего больше я по этому поводу сказать не могу. Может быть, вы сами подскажете мне, чем я мог бы быть вам полезен?

Хитрая Краклин медовым голоском польстила Дормалу:

— Понимаете, уважаемый Дормал, это я так сказала: пойдем спросим брата Дормала, который лучше всех в Рэдволле разбирается в насекомых и в растениях. Он очень хорошо образован, и он что-нибудь придумает и сумеет выручить нас.

Дормал довольно и слегка смущенно улыбнулся:

— Благодарю за столь приятные слова, и, пожалуй, мне стоит подумать над этой задачкой. А пока не будете ли вы столь любезны отогнать эту ненасытную сову подальше от смородиновых кустов, а то, боюсь, склевав все ягоды, он так набьет себе брюхо, что опять не сможет летать.

Сноп был безжалостно вытолкан из сада. Удаляясь, он жаловался во весь голос:

— Какие горькие, жестокие времена настали! Представьте себе: в этот трагический день несчастная пташка пытается помочь друзьям, а они пинками вознаграждают израненное создание. Остается только удалиться и направить свои стопы в кухню, чтоб пожаловаться верной подруге, сестре Тизель, которая, может быть, сжалится и выдаст мне пару сладких орешков.

Под общий смех он направился к кухне, по пути время от времени взлетая, чтобы ощутить силу излечившихся крыльев. Дормал сорвал смородиновый лист и завернул в него мертвую пчелу, чтобы ту вновь не унесло ветром. Отдав сверточек Краклин, он сказал:

— Вот что я по этому поводу думаю: всему есть свое место, и ничего из ничего не бывает. Надеюсь, понятно? А если нет, то вот вам пример: наткнись я на мертвую рыбу, я бы тотчас же подумал о речке или пруде; попадись мне на глаза разбитое яйцо, я бы вспомнил птичье гнездо; пустая скорлупа от желудя навела бы меня на мысль о дубе. Так что, если вы приносите мне мертвую пчелу, мне на ум тотчас же приходит одно слово — улей!

Ролло хлопнул себя ладонью по лбу:

— Ну конечно! Улей! Уважаемый Дормал, к вашей логике не подкопаешься. Даже не знаю, как вас благодарить.

Дормал в ответ многозначительно улыбнулся:

— Сдается мне, до благодарности дело еще не дошло. И если уж быть совсем откровенным, я вынужден признать, что Фарло Стампу удается лучше ладить с пчелиным народом. Как-то он умудряется с ними договориться, так что лучше обратиться к нему и спросить его мнение.

50

Фарло Стамп и Кротоначальник сидели в винном погребе на маленьких бочонках. Столом им служила большая бочка. Хранитель погреба искренне обрадовался гостям:

— Заходите, заходите! Очень рад видеть вас.

Вошедшие с удивлением воззрились на неимоверное множество кувшинов, стоявших на импровизированном столе, и не меньшее количество головок самого разного сыра.

Фарло, увидев изумление гостей, объяснил:

— Мы занялись пробой сыров в сочетании с разными напитками. Сами понимаете: наливки, морсы, сидр, разные вина, настойки — все это следует закусывать разными сырами. Види-

те, у нас есть сыр с миндалем, с лесными орехами, с арахисом, с разными добавками вроде овощей, перца, других специй. Вот и надо выбрать, что из них лучше подходит к разным напиткам. И нам бы очень хотелось, чтобы вы помогли в этом нелегком деле.

Вся компания с удовольствием принялась выполнять важное и вместе с тем столь приятное задание. Каждый хотел выразить свое мнение, поэтому шум стоял невероятный.

— Ну что ж, чем, в свою очередь, могу помочь вам я? — спросил Фарло, когда дегустация была закончена.

Пижма выложила перед ним завернутую в смородиновый лист пчелу. Развернув и отложив листик, Фарло Стамп внимательно посмотрел на мертвое насекомое, аккуратным прикосновением перевернул его с брюшка на спинку и обратно, а затем с уверенностью в голосе заявил:

— Это не наша пчела. У нас в аббатстве отличные медоносные пчелы, и у них не такое мохнатое брюшко, как у этой.

Брат Дормал согласно кивнул:

— Я так и подумал, Фарло. А не кажется ли тебе, что перед нами не кто иной, как краснохвостый шмель? Что скажешь?

Фарло поднес засушенное насекомое поближе к глазам и с сомнением покачал головой:

— Краснохвостый шмель, говоришь? Нет, я тебя уверяю: это вовсе не шмель, хотя и похож. Это совсем другое насекомое, очень редкое в наших местах, и лично я видел их всего несколько раз в жизни. Называется оно «каменная пчела».

Краклин, еще раз с любопытством оглядев мертвое насекомое, переспросила:

— Каменная пчела? А в каком улье живут такие пчелы?

Фарло сел на своего конька:

— У каменных пчел не бывает ульев. Не живут они и целым роем, предпочитая одиночество. Жилище они строят в стенах домов, в трещинах между кирпичами или каменными блоками. Иногда они роют норки в плотном

песке, например в сухом речном береге. Впрочем, больше всего им нравятся каменные стены. Они откладывают всего по одному яйцу, заливают его медом и нектаром, чтобы личинка могла вырасти, закупоривают вход в свою норку грязью и улетают, чтобы построить новое гнездо.

Ролло в отчаянии схватился за голову:

— Страшно представить, что нам предстоит. Между прочим, у нас все аббатство сложено из камня, и нужная нам трещина может оказаться где угодно.

Фарло снял свой рабочий фартук и похлопал Ролло по плечу:

— Да не расстраивайся ты так. В конце концов, нас вместе уже шестеро. Мы с Кротоначальником с удовольствием поможем вам в этом важном деле.

Подбадривая друг друга, друзья гуськом потянулись по ступенькам из погреба.

Пижма остановилась на середине лужайки и обвела взглядом аббатство.

— Ну что, откуда начнем? Кто-нибудь может предложить что-то дельное? — спросила она.

У Кротоначальника тут же появилась разумная идея:

— Ты, Пижма, пойдешь со мной и с Фаррло. Мы будем искать на внешних стенах, а Крраклин вместе с Рролло и с Доррмалом пусть ищут на стенах самого здания аббатства. Таким обрразом, в каждой грруппе будет по одной парре молодых и зоррких глаз, хур-хур.

Предложение действительно оказалось дельным. Разделившись на две группы, друзья принялись осматривать выделенные им участки.

День стал клониться к вечеру, и тени становились все длиннее. Ролло сел на землю, прислонившись к восточной стене аббатства, и устало протер очки.

— У меня уже в глазах рябит, — пожаловался он. — Не думал, что отыскать гнездо каменной пчелы такое трудоемкое дело.

Пижма и ее группа осмотрели западную наружную стену аббатства, обошли ворота и, усталые и обескураженные, сели передохнуть на ступеньках. Заметив, что в их сторону направляется сестра Цецилия, ежиха вздохнула и сказала:

— Ну вот, опять она со своим ворчанием. Интересно, что на этот раз испортило ее настроение?

Сердито раздувая щеки на серьезном, как ей казалось, лице, сестра Цецилия ворчливым голосом сообщила:

— Опять эти три малыша! Они снова пропали! Сколько с ними мороки и беспокойства! Поверьте, бóльшая часть седых волосков на моей шкурке появилась не от возраста, а от шалостей этого хулигана Арвина и двух повсюду следующих за ним подружек-крротишек.

Пижма изо всех сил старалась сохранять спокойствие, общаясь с рассерженной Цецилией.

— Я уверяю вас, они где-нибудь неподалеку, — сказала она. — Мы очень заняты, у нас важное дело, но если мы вдруг найдем этих пропавших, то обязательно скажем вам, чтобы вы не волновались.

Цецилия некоторое время молча постояла рядом, сердито поджав губы, а затем резко развернулась и пошла прочь, бормоча себе под нос:

— Ох, если они найдутся в таком виде, в каком они обычно возвращаются из своих путешествий — грязные, в разодранной одежде, в синяках и ссадинах, — то я им не завидую.

Фарло подмигнул Пижме и сказал:

— Она по-своему очень хорошая мышь, но с годами ее характер не становится лучше. Я действительно не позавидовал бы этим малышам, попадись они ей на глаза.

Пижма дождалась, пока сестра Цецилия войдет в здание аббатства, и сказала:

— Абсолютно с вами согласна. Иногда мне кажется, что цель ее жизни — выследить Арвина и его подружек. Вот, например, сейчас я знаю, где они прячутся, но не

хочу говорить об этом сестре Цецилии, потому что стоит ей разыскать эту троицу, как она тотчас же безжалостно запрет их в лазарете и уложит спать без ужина. Про крапивную похлебку я уже и не говорю.

Кротоначальник рассмеялся и вопросительно посмотрел на Пижму:

— Ну и где же прячутся эти шалунишки, хотелось бы знать? Если, конечно, ты не считаешь, что место их укрытия нужно хранить в секрете и от меня.

Пижма кивнула в направлении восточного угла стены:

— Да вон там они, за кустами. Как забрались туда с обеда, так и не вылезают. Вон, видите, где ветки покачиваются. Может быть, прогуляемся туда, посмотрим, что они на этот раз придумали?

Арвин, Копуша и Гурбал сидели в шалаше, который они соорудили в гуще кустов. От неожиданности они даже взвизгнули, когда Фарло Стамп просунул свою колючую голову в их убежище. Широко и добродушно улыбаясь, еж спросил у малышей:

— Ну и что мы здесь делаем?

Арвин поднес палец к губам и таинственным шепотом сказал:

— Во-первых, мы прячемся от сестры Цецилии, а еще танцуем пчелиные танцы. Только вы не говорите ей, а не то она нам хвосты оторвет.

Следом за Стампом к малышам присоединились Пижма с Кротоначальником. В шалаше было прохладно и тихо. Малыши переглянулись и разрешили старшим посмотреть на их пчелиный танец, но с одним условием: не смеяться громко.

Бельчонок и две кротишки начали так комично отплясывать старинный детский танец аббатства, что зрители просто давились и икали, чтобы не расхохотаться во весь голос. Фарло погладил Арвина по голове и сказал:

— Отличный танец. Честно говоря, я даже на минуту подумал, что передо мной настоящие пчелы. А теперь покажите, как вы полетите домой в улей.

Арвин презрительно-жалостливо посмотрел на хранителя погреба:

— Какой еще улей? Мы, между прочим, не простые пчелы. Мы не в улье живем. Мы живем в дырках в стене и в норках в земле. Сами их выкапываем и строим свой дом.

Переглянувшись с друзьями, Фарло продолжал расспрашивать малышей:

— Пчелы, у которых нет улья? Да ну, что за ерунда! Какие же пчелы могут жить в стене? Им нужен домик с полочками, чтобы строить соты и делать гнезда для своих личинок.

Арвин покачал лапой перед носом Фарло:

— Ну вот, такой взрослый зверь, и ничего не знает! А вот мы знаем пчел, которые живут в стене. Правда, Копуша?

Маленькая кротишка с серьезным видом покивала головой:

— Эти пчелы — наши дррузья. Они подаррили Арр-вину такой подар-рок...

Арвин бросил в сторону подружки грозный взгляд:

— Ну, Копуша, ты как всегда! Обещала же никому не рассказывать.

Пижма наклонилась к Фарло и прошептала ему на ухо:

— Слышали? Копуша говорит, что каменные пчелы что-то подарили Арвину. Занятное дело. Ладно, давайте я попытаюсь выудить правду из этого сорванца.

Схватив Арвина сначала за хвост, а затем за лапу, Пижма подтащила его к себе и строго спросила:

— Не хочешь ли ты, маленький хулиган, рассказать нам, какой такой подарок ты получил от пчел?

Арвин обеими лапами зажал уши, плотно сжал губы и зажмурил глаза, всем своим видом показывая, что он

не скажет ни слова ни за что. Кротоначальник подмигнул Пижме и решил применить безотказный прием.

— Эй, Гурбал, — сказал он, — я знаю, ты любишь ревеневый пирог. Я прредлагаю тебе показать нам эту дырр-ку в стене, где живет каменная пчела, а я тебе обещаю большой-большой кусок р-ревеневого пир-рога. Даю слово: кусок будет больше тебя рростом!

Брюсив на Арвина извиняющийся взгляд и смущенно разведя лапами, Гурбал повела взрослых к юго-восточному углу стены и показала на стык между большими блоками красного песчаника — совсем невысоко от земли, там, где от сырости частично выкрошился цементный раствор.

— Хур-р! Вот здесь живет наш пчелиный др-руг.

Фарло сломал тоненький прутик и осторожно поковырял им в трещине. Раздраженно жужжа, из нее в облачке пыли появилась рассерженная пчела. Еж подул на нее, и та взвилась в воздух, словно камень, выпущенный из пращи. Поковыряв в трещине еще немного, Фарло извлек оттуда пыльный, скатанный в шарик клочок пергамента. Он протянул найденный комочек Пижме.

Ежиха аккуратно развернула находку и прочитала вслух написанные на пергаменте стихи:

Наконец-то обнаружены
До единой, все жемчужины,
Круглых, розовых — полдюжины,
Тщательно запрятанные,
Кровью запятнанные.

Пижма удивленно посмотрела на Фарло.

— Ну и что вы по этому поводу думаете? — спросила она.

Снова потыкав в трещину прутиком, еж почесал в затылке и предположил:

— Наверное, пчела случайно наткнулась на эту трещину и решила хорошенько вычистить ее, перед тем как устраивать тут гнездо. Для этого ей пришлось вытолкнуть

наружу мешавшую ей жемчужину, не представлявшую для насекомого никакой ценности. По всей видимости, малыши играли здесь, у стены, и жемчужина упала Арвину прямо в лапы. Гурбал, я правильно говорю?

Кротишка утвердительно закивала:

— Все так, но это подар-рок — подар-рок от пчел Арвину.

Тем временем Кротоначальник сходил за Ролло, Краклин и братом Дормалом и рассказал им о находке. Фарло, любимец малышей, одновременно продолжал свои попытки разговорить Арвина:

— Слушай, приятель, я бы тебе посоветовал на некоторое время опустить лапы и во все уши послушать то, что я собираюсь сказать.

Бельчонок только крепче прижал лапы к ушам, но тем не менее приоткрыл один глаз.

— Ничего не вижу, ничего не слышу, — объявил он.

Хранитель погреба улыбнулся в ответ:

— Ну что ж, видимо, придется оставить тебя здесь, а мы с Копушей и Гурбал пойдем ко мне в погреб и устроим там настоящий праздник. Будем резвиться и оппиваться морсом, а может быть, малышам дадут клубничного крюшона.

Разумеется, Арвин не мог устоять. Открыв глаза и перестав разыгрывать из себя глухого, он взволнованно спросил:

— А как же я? Я тоже хочу на праздник!

Ролло, невозмутимо протирая очки, возразил:

— На праздник? С какой стати? Ты заслуживаешь только одного — помещения в лазарет и крапивной похлебки на ужин.

Бельчонок молнией метнулся в кусты и через мгновение с той же скоростью выскочил обратно. Сунув в подставленную Пижмой лапу жемчужину, он запрыгал вокруг, целуя всех подряд и весело выкрикивая:

— Я больше не буду плохим малышом! Я буду хорошим! Арвин хочет пойти со всеми вместе на праздник к Фарло!

51

Брат Длинная Стрела нетерпеливо постучала хвостом по земле, внимательно оглядывая окрестности бухты.

— Сезоны Великой Битвы! — воскликнула она. — Все уже давно собрались, а этого длинноухого зайца, как всегда, и след простыл. Ну куда он мог подеваться?

— Эй, ребята, свистать всех наверх! — послышался знакомый голос. — Я тут кое-что подыскал, чтоб принарядиться. Нельзя же выглядеть хуже, чем твой противник. Это несолидно.

Фиалка просто покатилась со смеху, увидев Хвата, который гордо вышел на корму «Морского Змея». Заяц действительно обыскал весь корабль, чтобы приодеться и пополнить свой

арсенал. В конце концов он вырядился в ярко-красные широченные шаровары и безвкусную, кричащую тунику ядовито-желтого цвета с синей шелковой оторочкой. Оба длинных заячьих уха сгибались под весом тяжеленных медных серег.

Из оружия Хвату приглянулись длинный абордажный крюк и копье. Кроме того, за ярко-зеленый пояс он засунул коротенький топорик, три кинжала с изогнутыми лезвиями и прицепил сбоку внушительного вида морской палаш.

— Прошу всех на борт моего плавучего сундучка! — завопил заяц. — Время и прилив ждать не будут. Что, не слышали такой старой морской пословицы?

Мартин обратился к Грат:

— Все взяла, что нужно? Ничего не забыла?

Выдра похлопала по мешочку, висевшему у нее на поясе:

— Трут, огниво, холст, фляжка с ламповым маслом — всё на месте. А больше, кроме лука и стрел, мне ничего не нужно. Значит, как договорились — за два часа до захода солнца.

Мартин и Инбар по очереди пожали ей лапу:

— Удачи тебе и хорошей охоты.

Лапопожатие двух выдр длилось чуть дольше, чем обычно.

— Запомни, что я тебе говорила, — повторила Грат. — Ни в коем случае не сдаваться им, не убегать и ничего не рассказывать. Если они найдут остров твоего отца, они, как стая акул или стервятников, перебьют весь твой род и будут смеяться, убивая малышей. Не забывай об этом, Инбар Меткий Стрелок. — С этими словами Грат отпустила лапу друга и, развернувшись, быстрым шагом направилась на юг.

Мартин и его друзья поднялись на борт «Морского Змея» и, развернув парус, повели корабль вдоль берега на север — туда, где стоял в бухте пиратский флот.

Шестеро пиратов на берегу караулили корабли. Грога и еды у них было предостаточно, делать им было нечего, и с тоски они решили поиграть в ракушки. Смысл игры заключался в том, что горсть ракушек подбрасывалась в воздух, а играющие заранее загадывали, сколько из них упадет на землю выпуклой или вогнутой стороной вверх. Разумеется, при этом все пытались обмануть друг друга, отчего между игроками то и дело вспыхивали ссоры.

— Эй, Клешнекраб, ставлю свой кинжал, что вогнутой стороной кверху упадут шесть штук.

— Принято. Клиджа, ставлю свой браслет против твоего кинжала.

Ракушки взлетели в воздух и упали на песок. Ласка Клиджа, победно ухмыляясь, обернулась к крысе Клешнекрабу:

— Все, я выиграла! У тебя только пять ракушек. Гони браслет!

— Какой браслет? Их было шесть! Так что выкладывай свой кинжал.

— А я говорю — пять. Шестую ты сам перевернул задней лапой, я видела. Ты шулер!

— Я шулер? Да это ты юлишь и извиваешься, как какой-нибудь угорь! Кинжала хочешь? Сейчас получишь! Воткну тебе его в твою брехливую глотку!

Пираты уже почти сцепились друг с другом, когда внезапно, совершенно неожиданно для них, из-за ближайшего камня показался заяц.

— Все, братцы, сдавайтесь, — потребовал Хват. — Отдаете мне корабли — и, может быть, уйдете отсюда живыми. А если нет — я вас быстро порублю в капусту этим вот жаборезом.

Обменявшись ухмылками, шестеро пиратов стали медленно подходить к одинокому зайцу с оружием наперевес.

— Раздери мое брюхо! Ребята, это еще что за попугай?

Хват сделал неожиданный выпад, его палаш просвистел в воздухе, и обозвавший его попугаем пират рухнул на землю со вспоротым животом.

— Хочешь, чтоб тебе брюхо разодрали? Вопросов нет! С удовольствием исполню любое твое пожелание. Ну что, еще просьбы будут? Кто следующий?

Оставшиеся пятеро пиратов бросились на зайца, даже не оглянувшись вокруг и потому не увидев, что за их спинами по склону к ним стремительно приближается вооруженный мечом Мартин.

На другой стороне бухты Инбар услышал крики и, схватив лук, собрался мчаться на помощь друзьям. В последний момент Плогг успел остановить его.

— Лучше оставайся здесь. Мартин и Хват скоро вернутся. Во всей Стране Цветущих Мхов нет лучшего воина, чем наш Мартин.

Инбар присел на палубу, но волнение не покидало его.

— А как же Хват? Там ведь целых шестеро часовых, я сам сосчитал.

Плогг, облокотившись на борт, спокойно возразил ему:

— Сколько, говоришь? Всего-то шесть? Да Хват и один с ними справится. Ты не смотри, что он вечно дурака валяет да всякую чушь несет. Мой отец всегда говорил, что зайцы — очень сильные и опасные животные, особенно если их разозлить.

Землеройка оказалась права. Очень скоро Мартин и Хват показались на берегу бухты. Заяц при этом увлеченно рассказывал:

— Понимаешь, этот пират на самом деле жульничал. Я же сам видел! Он довольно удачно, надо признать, перевернул шестую ракушку задней лапой. Это ж надо — так обманывать товарища! Не хотел бы я оказаться с ним за одним столом, потому что не успеешь отвернуться, а он уже весь твой салат съел.

Мартин вымыл меч в морской воде и аккуратно вытер клинок рукавом, прежде чем опустить его в ножны.

— Скажешь тоже! Да где это видано, чтобы ты повернулся к тарелке с салатом спиной?

Поднявшись на борт, Мартин дал указания Велко и Фиалке:

— Натаскайте парусины, всяких деревяшек, лампового масла в трюмы и в каюты каждого из кораблей. Если надо, добавляйте грог: эта жидкость не столько хороша на вкус, как замечательно горит. Огниво и трут у вас есть. Думаю, что с этим заданием вы легко справитесь. Только обязательно дождитесь сигнала. Мы вас заберем, как только сможем вырваться оттуда. Так что один из вас пусть заберется куда-нибудь повыше и высматривает наш корабль. Все, счастливо вам, удачи!

«Морской Змей» поплыл дальше — все так же вдоль береговой линии острова. Велко и Фиалка, забравшись на ближайший пиратский корабль, долго махали друзьям на прощание.

Грат Длинная Стрела заняла позицию на вершине холма, с которой прекрасно просматривался дворец Ублаза. Чуть поодаль лежали трупы двух крыс-стражников, на свою беду оказавшихся на пути выдры. Жаждущая отмщения Грат налетела на них беззвучно, как и подобает вестнице смерти. Теперь она разожгла в выкопанной яме небольшой костерок, в котором горели только сухие ветки, практически не дававшие дыма. Из колчана были вынуты четыре заранее приготовленные стрелы. Их древки около самого наконечника были обмотаны полосками промасленного холста. Мишени Грат для себя давно определила.

Император Ублаз внимательно смотрел со стены на лагерь бунтовщиков. То, что он увидел, ему совсем не понравилось.

— Зургат! — гаркнул он, вызывая главного надзирателя. — Приготовь огненные бревна на вечер. Наверняка

они сегодня нам понадобятся. Подчиненные Расконсы не беспокоят нас с самого утра. Наверное, они набираются сил перед решающей атакой.

Зургат кивнул и сказал:

— Так точ-чно, Ваш-ше Вс-семогущ-щество. Они экономят с-силы и с-скорее вс-сего пойдут на ш-штурм уж-же в темноте. Огненные бревна будут нам оч-чень кс-стати.

Ублаз лично проверил готовность огненных снарядов и еще раз осмотрел вражеский лагерь. Потом император дал распоряжение надзирателю:

— Поджигать только по моей команде, не раньше. По приказу поднимете бревна на стену и сбросите их на наступающих мятежников. Трава на подступах ко дворцу давно пересохла и превратилась, считай, в сено. Искры достаточно, чтобы поджечь ее, а тут целые огненные бревна. Надеюсь, что пожар заставит понервничать Расконсу и, самое главное, покажет, где раки зимуют, его пиратскому сброду. В любом случае, Зургат, жди моих приказов.

Возвратившись на борт «Морского Змея», Мартин следил за медленным закатом солнца.

Инбар еще раз проверил тетиву своего лука и сказал:

— Грат, по-моему, вот-вот начнет.

Длинная стрела с зеленым оперением легла на тетиву лука Грат. Упругая тисовая дуга согнулась в ее сильных лапах, стягиваемая крепкой провощенной тетивой. Сунув наконечник стрелы в костер, Грат проследила, чтобы та хорошенько занялась огнем, и, резко развернувшись, отпустила тетиву, послав стрелу в цель.

Словно маленькая комета, стрела рванулась сначала вверх, затем описала дугу и, влетев во дворцовый двор, воткнулась прямо в первый зажигательный снаряд, приготовленный к подъему на стену. С гулким хлопком бревно превратилось в сплошную полосу огня.

Первая стрела была еще в воздухе, когда Грат уже наводила вторую. Следом полетели третья и четвертая. Огненные гонцы понеслись к своим целям.

Один из надзирателей, тыкая в сторону огненного бревна своим копьем, шипел:

— Лучш-шее с-средс-ство обороны — это...

В этот момент следующая, пятая зеленая стрела вонзилась ему в грудь.

Грат приступила к выполнению второй части плана. Теперь стрелы она отправляла в сторону дворца, целясь в надзирателей. Она добилась, чего хотела: во дворце не только запылал пожар, но и среди его защитников воцарились паника и хаос. Бегая среди перепуганных ящериц, Ублаз лупил их древком копья и кричал:

— Оттащите огненные бревна! Немедленно сбросьте их со стены! Спасайте склад леса!

Огромный штабель строевого леса, пролежавший под тропическим солнцем долгие сезоны, вспыхнул как спичка. Ящерицы постарались отбежать подальше от этого ада, разверзшегося прямо перед ними, и отступили к зданию дворца. Ублаз носился между ними как безумный, пытаясь спасти драгоценный лес от всепожирающих языков пламени.

— Сделайте что-нибудь! Тащите воду! Оттаскивайте бревна, которые еще не горят! Несите парусину и сбивайте пламя!

Он набросился на оторопевших надзирателей и, срывая злость и собственное бессилие, стал колотить ящериц копьем до тех пор, пока древко не сломалось об их чешуйчатые спины.

Расконса высунулся из палатки и приказал сидевшей неподалеку Пряжке:

— Пошли часть крысиной стражи на поиски этого мерзавца, который пускает в нашу сторону зеленые стре-

лы. И поживее, а то, того и гляди, он еще кого-нибудь подстрелит.

Балтур и Ганчо подбежали к палатке, низко пригнувшись и стараясь держаться между песчаными дюнами. Ганчо показал на зарево, поднявшееся над задней стеной дворца:

— Смотри, смотри! Там пожар! Все, больше у нас не будет возможности восстановить корабли!

Расконса оставался абсолютно спокойным.

— Ребята, нам нечего бояться. По крайней мере один корабль у нас на плаву и с полным снаряжением. А значит, мы всегда сможем доставить на Сампетру нужное нам дерево. Еще немного, и эта стена обрушится, не выдержав такого огня. Вот тогда-то мы ворвемся во дворец и Безумный Глаз от нас никуда не денется. Проследите за тем, чтобы наши морские братья были наготове.

«Морской Змей» вошел в портовую гавань, и вскоре Плогг уже спрыгнул на причал, швартуя корабль. Мартин подвел судно к пирсу таким образом, чтобы оно смотрело носом в открытое море, готовое в любой момент покинуть остров. На Сампетру опускался вечер. Темнело. Силуэт дворца четко вырисовывался на фоне зарева пожара. В порту по-прежнему не было ни души.

Плогг с завистью смотрел, как его друзья спускаются на причал и собираются идти ко дворцу.

— Мартин, я хочу идти с тобой. Я хороший боец и...

Мартин строго посмотрел на него и показал на корабль:

— Извини, но приказ есть приказ. Возвращайся на борт и жди. Держи судно наготове так, чтобы, когда потребуется, оно словно стрела унеслось прочь из гавани.

Расстроенный Плогг отправился выполнять приказ.

Мартин, Хват и Инбар прошли до начала пирса, и вдруг из-за ближайшей таверны им навстречу выскочила Грат.

— Все идет по плану, ребята, — сказала она, кивнув в сторону пылающего дворца. — По-моему, я устроила им легкую суматоху. В общем, как раз время пробираться во дворец.

Друзья побежали к двойным деревянным дверям в дворцовой стене. Смерив преграду взглядом, Хват озадаченно заявил:

— Ну и как прикажете туда пробираться? А не кажется ли вам, что мы кое в чем просчитались?

Мартин уверенно просунул меч между створками дверей.

— Инбар, иди сюда, помоги мне. Там, с той стороны, дверь заперта на здоровенную деревянную балку-засов — от одного косяка до другого. По моей команде поможешь мне поднять меч, чтобы с той стороны поднялся и вышел из пазов подпирающий брус.

Высоченный и широкоплечий Инбар вежливо, но настойчиво оттеснил Мартина от меча и взялся за рукоятку обеими лапами.

— Для двоих тут маловато места, — пояснил он. — Дай я попробую один.

Упершись плечом в каменный косяк, Инбар напрягся всем телом, меч дрогнул, и за дверью раздался звук падающего на камни увесистого деревянного предмета. Инбар навалился на дверь, она скрипнула и распахнулась. Хват восхищенно присвистнул, но поспешил добавить:

— Отличная была мысль. Я как раз собирался предложить сделать именно так.

Войдя в пустынную в этот момент парадную часть дворца, Грат прошептала Хвату в обвешанное серьгами ухо:

— Не забудь: мы здесь ищем настоятеля, а не кухню, не столовую и не кладовую с продуктами.

Ублаз наконец смирился с мыслью, что лес спасти не удастся. Кроме того, ему все более очевидным становилось

и то, что стена за пылающим штабелем вот-вот начнет разрушаться. От невыносимой жары камни начнут трескаться, а связывающий их раствор рассыплется в пыль и песок. Выбора у него не оставалось.

— Отступить во дворец! — скомандовал он надзирателям. — Как только стена рухнет, толпа бунтовщиков ринется во двор. Будем держать оборону в самом здании дворца.

52

Аббат Дьюррал все не приходил в себя. В бреду ему казалось, что он дома, в родном аббатстве, помогает сестре Цецилии вытащить большой тяжелый стол из здания на лужайку, чтобы организовать Пир Осеннего Урожая. Во сне он даже время от времени позволял себе поворчать на неуклюжую Цецилию.

— Давай-давай, заноси! Поднимай выше! — распоряжался настоятель. — Так мы его никогда не вытащим. Какой тяжелый стол! И куда все подевались?

Откуда-то сквозь туманную пелену бреда до него донесся знакомый голос:

— Отец-настоятель, это я, Мартин. Я помогу вам.

Аббат с огромным усилием чуть-чуть приоткрыл глаза:

— А, Мартин! А какой Мартин?

Со слезами на глазах Мартин погладил настоятеля по голове:

— Ну как какой? Это я, Мартин.

Аббат чуть заметно улыбнулся и уточнил:

— Я понимаю, сынок, но мне не разобраться, какой Мартин: тот, что с гобелена, или тот, что живет вместе с нами в Рэдволле сейчас?

Только сейчас воин по-настоящему понял, как тяжело болен старый настоятель.

— Я Мартин-младший, тот, который живет вместе с вами в аббатстве. Я пришел, чтобы помочь вам.

— Вот спасибо, сынок. Очень вовремя. Тут такой тяжелый стол, а у Цецилии не хватает сил поднять его. Поможешь мне?

Из дверей зала донесся тревожный свист Грат. Затем она воскликнула:

— Мартин, тревога! Сюда кто-то идет!

Фиалка первой заметила взвившееся на юго-востоке зарево на фоне вечереющего неба.

— Велко, это сигнал! Поджигай корабли! — закричала она.

На борту «Флибустьера» давно горела надежно укрытая от ветра жаровня. Рядом лежали наготове пять факелов.

— Поднимайся на борт! — крикнул Велко полевке.

Фиалка выполнила его просьбу, взяла в лапы зажженные факелы и, удивленная тем, что Велко явно намерен покинуть «Флибустьер» вслед за нею, спросила:

— Разве ты не собираешься поджигать это судно? Что ты задумал?

Воин племени Гуосим показал ей на остальные корабли:

— Смотри: все они — старые посудины вроде нашего «Морского Змея». Все, кроме одного корабля, этого самого «Флибустьера». Ты погляди, какой здесь корпус, какие снасти, такелаж, какие замечательные паруса. Это настоящий океанский корабль. Мало найдется в мире судов, способных догнать его, если поднять на этих мачтах все паруса. Мы сожжем остальные пять, поднимемся на борт этого корабля и будем ждать. Грат в кораблях разбирается — я уверен, она бы согласилась со мной.

— Звучит убедительно, — кивнула Фиалка. — Хотя Мартин этого не приказывал, давай подожжем самое дальнее судно, а потом по очереди остальные.

Мартин бросился к дверям тронного зала, чтобы помочь Грат. По лестнице к ним навстречу поднимался Ублаз, за спиной которого маршировал взвод надзирателей. Император явно не ожидал увидеть кого-либо постороннего у себя во дворце. Сначала он очень удивился, увидев в дверях две незнакомые фигуры, а затем, поняв, что перед ним тот самый воин, резко развернулся, протолкался сквозь толпу ящериц и крикнул:

— Это всего лишь мышь и выдра! Разделайтесь с ними! В атаку!

Мартин знал, что для захвата дворца ему придется сперва расправиться с его владельцем. Он бы предпочел вступить в личный поединок с Ублазом, но, бросившись с боевым кличем вниз по лестнице, обнаружил, что император скрылся за спинами надзирателей, столпившихся на узкой лестничной клетке. К счастью для Мартина, теснота не позволила ящерицам быстро пустить в ход их длинные копья. Легендарный меч взвился в воздух и обрушился на ненавистного противника.

Из-за спины до Мартина донесся крик Грат:

— Отходи! Поднимайся наверх, тогда я смогу прикрыть тебя стрелами!

Стоя бок о бок, два храбрых и умелых воина спокойно и уверенно отходили вверх по лестнице, нанося существенный урон противнику. Сквозь шум боя Мартин услышал рассудительные слова Инбара:

— Выбирайся сюда, помоги своему настоятелю! Мы тебя прикроем!

С другого конца лестницы послышался крик Ублаза, подгонявшего ящериц.

— Вперед, вперед! — кричал он. — Убейте их, изрубите на куски! Вперед!

Ощетинившись шеренгой копий, плотная стена надзирателей стала накатываться на Мартина и Хвата. Те быстро отступили на верхнюю площадку, где противника уже поджидала Грат с натянутым луком. Подмигнув Инбару, она зловеще-весело сказала:

— Ну что, Меткий Стрелок? Давай потренируемся. Да ты не волнуйся — экзамен не из сложных. Видишь, как плотно они стоят? Тут как ни целься — все равно в кого-нибудь да попадешь.

Инбару было очень, очень страшно, но он удивился, когда понял, что его лапы сами по себе одну за другой достают стрелы из колчана, натягивают лук и посылают смерть в ряды неприятеля.

Тем временем в тронном зале Хват безуспешно пытался оторвать от стены цепь, которой был прикован отец-настоятель.

— Да что ж ты будешь делать! — бормотал заяц. — Ни ключа, ни инструмента какого-нибудь.

Мартин мгновенно принял решение.

— Подвинься, — скомандовал он, — натяни цепь. Теперь убери лапы подальше.

Меч Мартина в очередной раз просвистел в воздухе и с лязгом обрушился на натянутую цепь, разрубив ее с такой же легкостью, как какой-нибудь пеньковый канат. От неожиданности Хват чуть не упал на спину. Разглядывая оставшийся в его лапах обрывок цепи, он восхищенно присвистнул:

— Великие Сезоны! Голод и жажда! Лихо ты ее! Позволю себе на этот раз обойтись без лишних шуток, да и место не располагает. Просто признаюсь: такого удара я еще в жизни не видел.

Расконса собрал свою армию у подножия пологого холма. Пиратские сабли, палаши и пики колыхались вокруг него, словно диковинное, поросшее стальной травой поле на ветру.

— Приготовились, ребята! — скомандовал лис. — Безумный Глаз уже поджарился, осталось только насадить его на вертел.

В этот момент с вершины холма донесся встревоженный крик Ганчо:

— Огонь! Там, в нашей гавани, огонь! Кто-то поджег корабли!

Пираты одной сплошной волной взлетели на гребень холма. Отовсюду послышались испуганные возгласы:

— Ганчо прав. Там что-то горит!

— А чему там гореть? Только наши корабли и могут!

Расконса тоже увидел пламя и все понял. Тем не менее он попытался восстановить спокойствие и подчинить пиратов своему замыслу:

— Ребята, не бойтесь! Это, наверное, трава горит. Готов поклясться, что Клешнекраб и остальные часовые прилегли вздремнуть, а в костер опрокинулась фляга с грогом — вот трава и занялась.

Выхватив кинжал, Балтур подскочил к лису и, глядя ему в глаза, прошипел:

— Да за кого ты нас держишь? Тут даже глухая и полуслепая жаба разберется, что это не травка горит, а пылают факелами наши корабли!

Не менее злобно на лиса накинулась и Пряжка:

— Надоел ты со своими войнами и планами! Без кораблей мы не моряки и не пираты. Хватит врать! Всё, мы идем спасать наш флот. Кто с нами?

Расконса попытался было что-то возразить, но могучий рев пиратской толпы заглушил его слова. Вслед за Балтуром, Ганчо и Пряжкой морские разбойники бросились бежать в гавань, где поднималось багровое пламя. Расконса размахивал кинжалом и бессильно кричал им вслед:

— Куда вы, вернитесь! Неужели вы не понимаете, что мы загнали Безумного Глаза в угол? А пожар в гавани — это он специально придумал, чтобы отвлечь наше внимание от дворца. Последнее усилие — и этот негодяй своей кровью рассчитается за наши корабли.

Но Расконса зря старался. Рядом с ним осталась стоять только Сагитар Пилозуб, которую горящие корабли мало волновали. По-своему истолковав ее спокойствие и желая хоть на ком-нибудь сорвать свою злобу, Расконса обрушился на командира крысиной стражи с упреками:

— Почему ты не предупредила меня об этой уловке Ублаза? Ты же командир его главной боевой силы — крысиной стражи. Он должен был сказать тебе!

От неожиданности Сагитар даже попятилась, отрицательно качая головой:

— Я ничего об этом не знаю, можешь мне поверить.

Расконса продолжал наступать на нее, выхватив из-за пояса кинжал.

— Ты врешь! Я никогда не доверял крысам Безумного Глаза, и надо же было такому случиться, чтобы я поверил тебе. Ты — предательница и оборотень! Ты предала меня точно так же, как предала своего императора!

Понимая, что доказывать что-либо обезумевшему от злобы лису бесполезно, Сагитар Пилозуб перехватила трезубец поудобнее и направила его на лиса.

— Расконса, держись от меня подальше! Никто лучше меня не умеет обращаться с боевым трезубцем. Одно лишнее движение — и ты будешь трепыхаться на нем, как рыба на остроге.

Расконса замер, а затем отвернулся, словно собираясь пойти прочь. При этом он даже ухитрился изобразить на

лице разочарование и отчаянную печаль из-за коварства этого мира. Сделав шаг в сторону, он вдруг с неожиданным проворством развернулся и отработанным движением метнул кинжал.

Сагитар ошарашенно смотрела на торчавшую у нее из живота рукоятку кинжала, словно отказываясь поверить в то, что произошло. Постояв так несколько секунд, она рухнула на колени и вот-вот готова была повалиться на землю.

Расконса подошел к ней, злорадно посмеиваясь:

— Может быть, ты и умеешь орудовать своей вилкой, но никто на свете не метает ножи лучше меня. Я никогда не промахиваюсь.

Губы Сагитар шевельнулись. Расконса наклонился над ней и спросил:

— Что ты сказала?

Собрав в кулак всю волю, Сагитар вложила последние силы в резкий колющий удар трезубцем. Уже задыхаясь, она повторила свои последние слова лису, рухнувшему на землю рядом с ней:

— Я сказала, что никогда не складываю оружия и буду сражаться даже с самым коварным противником до последнего вздоха.

Впрочем, этих слов командира крысиной стражи Расконса уже не услышал.

Мартин сорвал со стены бархатную драпировку и завернул аббата в мягкую ткань. Похоже, старый настоятель так и не приходил в себя с тех пор, как в его бреду появился образ Мартина-воина.

Несмотря на все понукания Ублаза, ящерицы в какой-то момент дрогнули и отступили за угол лестничной площадки — туда, куда не долетали пущенные меткими выдрами стрелы. Только сейчас, получив короткую передышку, Инбар понял, что его бьет крупная дрожь. Грат похлопала его по плечу:

— Ты отлично держался, и, по-моему, вдвоем мы немало потрепали их.

Инбар с изумлением смотрел на свои трясущиеся лапы:

— Надеюсь, они меньше дрожали, когда я стрелял. Видимо, не получится из меня воина. Я жутко испугался.

Грат сказала:

— Прикрой меня. — Она спустилась вниз по лестнице, чтобы подобрать часть стрел. При этом выдра успела возразить своему другу: — Испугался, говоришь? У меня самой зуб на зуб не попадал, а лапы повисли как плети. Уверяю тебя: уж что-что, а испугаться мы имели полное право.

К выдрам подошли Хват и Мартин. Не переставая вести наблюдение за противником, друзья провели краткий военный совет. Положение представлялось весьма сложным, и даже заяц растерял бо́льшую часть своего оптимизма.

— Что воду-то в ступе толочь, ребята? — вздохнул заяц. — Дело ясное: эта лестница — единственный путь к выходу из дворца, и, чтобы вытащить отсюда нашего настоятеля, нам придется с боем пробиваться вниз. Затея, по-моему, безнадежная...

Грат передала часть стрел Инбару и, укладывая в колчан свою долю, сказала:

— Сколько этих ящериц поджидает нас внизу, нам неизвестно. Своему императору они подчиняются беспрекословно, а он по-прежнему командует ими. Честно говоря, и я не верю, что мы выберемся из этого дворца живыми.

Тут Мартин бросился к стене и сорвал с нее еще одно драпировочное полотно.

— По-моему, есть выход. Если нам удастся добраться до Ублаза и убить его, эти ящерицы наверняка растеряются. Смотрите: этого бархата здесь полно. Вполне можно сделать длинную надежную веревку, связав эти полотни-

ща. Я возьму с собой Хвата, и мы, спустившись по веревке из окна, зайдем противнику в тыл. Грат и Инбар останутся здесь, на лестнице. Таким образом мы возьмем противника в кольцо. Смешно звучит, учитывая, что их раз в десять больше, чем нас. Может, нам повезет и мы выберемся отсюда.

У Инбара было другое предложение:

— Мартин, а почему бы нам всем не выбраться через окно?

Воин покачал головой:

— За пределами стены идет крутой обрывистый склон. Это слишком опасно. А кроме того, куда мы денем настоятеля Дьюррала?

Посмотрев на несчастного настоятеля, закутанного в кусок ткани, Инбар сказал:

— Я из вас самый сильный, предоставьте его мне. Мартин придумал хороший план, давайте так и сделаем. Когда мы с Грат будем пробиваться вниз по лестнице, я потащу настоятеля на спине.

Хват тем временем уже взялся за очередную драпировку, готовясь вязать узлы и делать из бархатных занавесок длинную веревку.

— Всё, ребята. Всё обсудили, теперь за дело! — скомандовал заяц.

Фиалка и Велко отвели «Флибустьера» подальше от горящих кораблей и встали на якорь. Хозяйственная полевка наскоро осмотрела судно и вынырнула из трюма с довольной улыбкой на лице.

— По крайней мере, еды здесь полным-полно!

Взмахнув лапой, Велко призвал ее к молчанию, а сам негромко произнес:

— Тихо! Прислушайся! Ну что, слышно что-нибудь?

Напрягать слух долго им не пришлось. Вскоре опасность стала не только слышимой, но и видимой. Перевалив через гребень холма, вниз, к бухте, стремительно на-

катывалась лавина морских разбойников. Отчаянно крича и извергая проклятия, пираты смотрели на пылающие корабли, не в силах что-либо сделать. Под легким вечерним бризом пламя мгновенно охватило суда от трюмов до мачт и парусов. К небу поднимались столбы дыма, а в воду летели снопы искр и капли кипящей смолы. Еще большей жути наводило отражение пылающих кораблей в водной глади бухты.

Ганчо выл, словно раненый:

— Корабли! Наши корабли сгорели! Что теперь делать?

Подбежав к краю берега, он стал пинать и бить воду, а затем упал и покатился по песку, словно избалованный, истеричный ребенок.

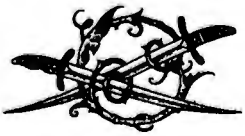
Пряжка отошла чуть в сторону, чтобы огонь не бил ей в глаза, и стала всматриваться в темное пространство бухты позади стены пожара.

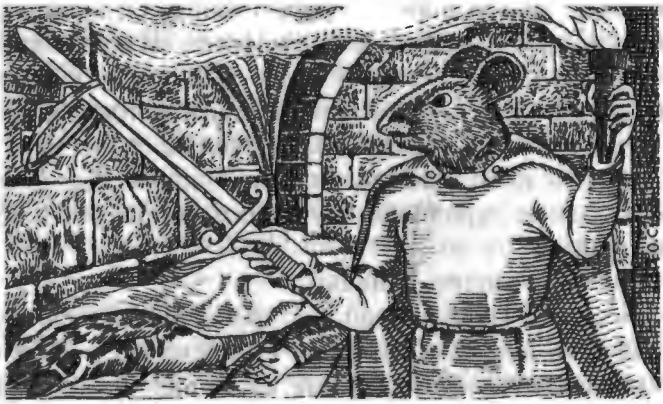
— Ура! — неожиданно закричала она. — Смотрите! Там «Флибустьер» — бывший корабль Барранки! В целости и сохранности посреди бухты! Только бы его не унесло дальше.

Скинув с себя одежду и снаряжение, матросы бросились в воду. Заветный «Флибустьер» — единственный остававшийся на плаву и к тому же вполне исправный корабль — покачивался на волнах совсем недалеко от берега.

Фиалка и Велко спрятались за кормовым леером и внимательно следили за происходящим. Полевка испуганно посмотрела на своего друга и спросила:

— Ну и что мы теперь будем делать?





53

Ублаз вооружился длинной кривой саблей. Стоя в парадном приемном зале дворца, он потрясал оружием, отдавая приказы примерно четырем десяткам надзирателей, оставшимся в его распоряжении. Со стороны заднего двора в зал вбежал взволнованный Зургат:

— Ваш-ше Вс-семогущ-щество, Рас-сконс-са и его бунтовщ-щики ис-счез-зли. С-стена рух-хнула, но з-за ней никого нет.

Вздохнув с облегчением, Ублаз стал подгонять надзирателей, не торопившихся высовываться из-за поворота лестницы под стрелы выдр. Император приказал Зургату возглавить атаку. Тот отсалютовал копьем и, пробив-

шись через толпу ящериц, выскочил на лестничную площадку.

— З-за мной! — прошипел он. — Мы их-х у...

Пущенные практически одновременно, две стрелы — с красным и зеленым оперением — вонзились в грудь командира ящериц.

— Веслохво-ост! Род Лутры! — раздалось над лестницей.

К огромному удивлению надзирателей, противник сам вышел им навстречу. На площадке показались Инбар и Грат. Грат двигалась чуть впереди, словно прикрывая друга и его драгоценную ношу. На оторопевших ящериц обрушился град смертоносных стрел.

Ублаз стал подыскивать себе более безопасное место, как вдруг увидел Мартина и Хвата, ворвавшихся в приемный зал через главные двери. Уйти наверх, к тронному залу, было невозможно. Помимо врагов путь преграждал плотный строй надзирателей. Быстро оценив ситуацию, Ублаз со всех лап бросился вниз по лестнице, ведшей к пещерам.

Потрясая палашом, зажатым в одной лапе, и копьем в другой, Хват крикнул Мартину:

— Давай за ним! А я помогу нашим здесь!

И через секунду своды дворца огласились боевым заячьим кличем:

— Еула-лиа-я!

Орудуя одновременно клинком и копьем, Хват налетел на не ожидавших такого поворота событий ящериц:

— А ну разбегайся, ужасный звери! В бой вступил я, горный заяц Звездохват! Мы, горные зайцы, — грозные звери! Смерть настигнет всякого, кто окажется передо мной, особенно в очереди за обедом. Вперед, белохвостые!

Схватив укрепленный на стене горящий факел, Мартин бросился за преследуемым противником вниз по лестнице. Пробежав несколько пролетов, он оказался в боль-

шой темной комнате, в дальнем конце которой виднелась чуть приоткрытая дверь. Из-под нее пробивалась тонкая полоска неровного света. Крепко сжимая меч в руке, воин стал подходить к таинственной двери и, приблизившись к ней вплотную, резко распахнул ее. Глазам Мартина предстало жуткое, зловещее зрелище.

Император в золотой короне склонился над грозного вида змеей. При этом он читал какое-то заклинание, а змея покорно все ниже опускала голову на каменный пол. Наконец рептилия совсем сдалась перед превосходящей волей куницы и, свернувшись плотной пружиной на полу, будто уснула. Ублаз демонстративно прикоснулся к голове змеи и, обернувшись, обратился к своему преследователю:

— Коралловая змея — одно из самых ядовитых созданий как на земле, так и на море. Смотри, какова моя сила. Передо мной змея сдается и становится беспомощной, как новорожденный уж. Такой фокус удается только мне — Ублазу, императору Сампетры, правителю всех надзирателей и пиратов. Конечно, я знаю, что меня называют Безумный Глаз, но в лицо мне это сказать никто не осмелится. А как зовут тебя?

— Я — Мартин, воин-хранитель аббатства Радволл.

— Ну конечно, мне следовало бы раньше догадаться. Ты пришел освободить своего настоятеля. А принес ли ты принадлежащие мне жемчужины? Шесть крупных розовых жемчужин, которые называют «Слезами Всех Океанов».

Стальной голос мыши-воина прокатился под сводами пещеры:

— Я принес с собой только мой меч.

В свою очередь, в голосе императора послышались слащавые интонации:

— Меч, как и любое оружие, — опасная штука для торговли. Единственное, что можно выторговать с его помощью, — это смерть. А что если я скажу тебе, что собираюсь отпустить тебя и твоих друзей живыми и здоровыми со своего острова?

— Я отвечу, что ты лжешь и попытаешься убить нас еще до того, как мы покинем твой дворец.

Продолжая разговор, Ублаз стал незаметно, скрывая движения под широким плащом, вынимать саблю из-за пояса.

— Я ведь не всегда был императором, — доверительным тоном сообщил он. — Когда-то я был известен как непревзойденный мастер боя на мечах и саблях. Я собственным клинком прорубил себе дорогу к трону.

От внимания Мартина не ускользнуло скрытое движение куницы. Он молча сделал шаг в сторону и встал в боевую стойку. Ублаз же, выхватив наконец саблю, закричал во весь голос:

— Мое имя — вот последнее слово, которое ты услышишь в своей жизни! Убла-аз!

Зазвенела сталь, Мартин отразил первый удар, и поединок начался. Два опытных мастера боя сошлись не на жизнь, а на смерть. Для кого-то из них эта схватка должна была стать роковой.

Казалось, поединок длится вечность. Клинки без устали сталкивались в воздухе, противники даже успели обменяться парой незначительных уколов, но чаша весов не спешила склониться на чью-либо сторону. В какой-то момент, когда рукоять меча вплотную столкнулась с гардой сабли, противники замерли, не имея возможности сдвинуться без смертельного риска для жизни. Неожиданно Ублаз решился на отчаянный шаг. Резко дернув головой в сторону, он наклонился и вонзил зубы в шею Мартина. Взвыв от боли, тот, не отпуская сжатой в кулаке рукоятки меча, не менее резким и сильным движением ударил этим самым кулаком в глаз противнику. В глазах у куницы потемнело, а затем поплыли разноцветные круги. Император разжал зубы, помотал головой, чтобы восстановить зрение, и, желая выиграть спасительные мгновения, сделал шаг назад.

Этот шаг стал его последней, роковой ошибкой.

Он наступил на спящую змею! Взбешенная рептилия была подобна молнии. Мгновение — и в ногу куницы впились ядовитые зубы.

Сабля Ублаза со звоном упала на пол. Он зашатался и сделал несколько неуверенных шагов. Подойдя к стене и уцепившись за нее, он сел и мутнеющим взглядом проводил уползшую в свой бассейн коралловую змею.

Все это время Мартин стоял на месте, зажимая лапой рану на шее. Затем он подошел к Ублазу и кончиком меча снял с его головы корону. Золотой обруч соскользнул к рукоятке клинка. Ублаз, все еще отказываясь верить в происходящее, смотрел на противника и чуть слышно шептал:

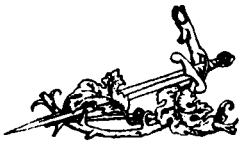
— Никто... никто не мог противостоять мне... Император... Я... Импера...

Мартин прицепил корону к своему поясу и, наклонившись к умирающей кунице, сказал:

— Как видишь, не твое имя будет последним услышанным мной звуком. Зато ты сейчас услышишь последние слова в своей жизни. Я произнесу их за своего друга, всю семью которого ты погубил из-за полудюжины жемчужин.

Наклонившись еще ниже, вплотную к морде Ублаза, Мартин во весь голос прокричал:

— Род Лутры-ы-ы!



54

Хвату удалось прорваться к лестнице сквозь строй надзирателей. Он мгновенно передал Грат копье, а Инбару сунул в лапы припасенный на всякий случай топор. Выдры закинули луки и колчаны за спину, затем Хват и Грат встали по обе стороны от Инбара, на спине которого по-прежнему беспомощно висел настоятель Дьюррал.

Они сумели пройти примерно половину лестницы, но тут ящерицы восстановили строй, и драться стало гораздо сложнее. К счастью, в этот момент на ступенях лестницы, шедшей из пещер, появился Мартин. Прежде чем броситься к друзьям с оружием в руках, он прокричал:

— Безумный Глаз мертв! Я победил Ублаза!

Это известие привело надзирателей в замешательство. Ящерицы опустили копья и некоторое время удивленно переглядывались между собой. Воспользовавшись этой паузой, Мартин подскочил к друзьям, встал за спину Инбара, чтобы защищать настоятеля, и сказал:

— Уходим отсюда к кораблю! Быстро!

Плогг внимательно вглядывался в темноту и, заслышав топот нескольких пар лап по доскам причала, выхватил шпагу и грозно прокричал:

— Стой! Кто идет?

Хват тотчас же поспешил доложить:

— Да так, сброд всякий! Одноухий заяц, подраненный воин, дрыхнущий, как дитя малое, аббат и парочка плоскохвостых водяных собак.

А Плогг добавил:

— Сюда направляются примерно десятка два обескураженных надзирателей. Похоже, они сами не знают, что нужно делать.

Мартин подтолкнул Хвата к кормовому рулю и поторопился обрубить канаты, удерживавшие «Морского Змея» у причала.

— Не собираюсь ждать, пока они придут в себя, — заметил Мартин, кивнув в сторону приближавшихся ящериц. — Поднимаем парус и поскорее уходим из этого места.

Фиалка и Велко бегали взад-вперед по палубе «Флибустьера» с длинными веслами в лапах. Оказалось, что они вполне успевали врезать веслом по каждой лапе или голове, появляющейся над бортом. Наступила минутная передышка. Дрожа от страха и усталости, полевка прислонилась к борту корабля.

— Да что же это творится! — пожаловалась она. — Долго мы так не продержимся. Ну и загоняли они нас... Ой!

Присмотревшись к догорающим кораблям, они вдруг обратили внимание на то, что пираты выловили из воды

часть несгоревших досок и спешно сооружают из них пару плотов. Это зрелище не на шутку встревожило землеройку из племени Гуосим. Стало ясно, что если Мартин не появится в самое ближайшее время, то дела защитников «Флибустьера» будут совсем плохи.

Стоя на берегу, Пряжка почесывала здоровенную шишку на голове.

— Я лично загрызу эту землеройку за то, что она огрела меня веслом, — зловеще произнесла Пряжка. — Вяжи плоты крепче! Не хватало еще снова оказаться в воде. Ганчо, у тебя все готово?

— Давно уже! Только вас дожидаемся, — отозвался Ганчо. — Весел, правда, нет, но ничего, догребем лапами.

Пиратов на плоты набилось столько, что те едва держались на плаву. Балтур зловеще лизнул лезвие своего кинжала.

— Землеройку брать живьем. Пусть ответит за все, что мы здесь пережили. Мало того, что у нас сожжены все корабли, так он еще и веслами драться надумал! Прежде чем отправиться кормить рыб, он у меня еще сто раз пожалеет, что его не убили при штурме.

Пираты стали грести всем, чем только можно было. Оба плота довольно бодро продвигались к цели до середины пути. Неожиданно черная ночная вода словно расступилась перед ними, и над бухтой раздалось:

— Ну-у тру-у-гу-ура-а-а ма-а-а да-а-арразу-у-у-умм! Пу-у-рро-о-о-о чо-о-ор! Не сметь трогать наших друзей! Пошли прочь отсюда!

Грозный предводитель морского народа и небольшая стая взрослых тюленей разнесли плоты в щепки за считанные секунды. Попавшим под горячие ласты пиратам хватало звонкого шлепка, чтобы лишиться чувств. Часть из них повылетали прямо на берег, выброшенные так далеко ударами тюленьих хвостов. Велко и Фиалка перегнулись через борт и хохотали до упаду.

— Ты видел, видел, как король тюленей огрел вон ту морскую крысу?

— А ты посмотри на того хорька: какое сальто в воздухе и какое приземление прямо на песок! Молодцы тюлени! Врежьте им еще!

— Да-да, пожалуйста! И пусть обязательно достанется вон тому хорьку — за меня!

Тюлений король подплыл к борту корабля, похлопал ластами себя по груди, улыбнулся и изящно поклонился зрителям.

Велко и Фиалка сложили лапы перед собой и в один голос прокричали:

— Дза-а-а-а-а-а-ар! Дза-а-а-а-а-а-ар!

Тюлень помахал ластами и показал головой в ту сторону, откуда, огибая мыс, в бухту заходил «Морской Змей».

— Ма-а-арта-ан! Ма-а-арта-ан! — повторил на всякий случай предводитель морского народа.

Рассветный час друзья встретили на палубе «Флибустьера» за плотным завтраком. Грат все не могла нарадоваться новому кораблю, постоянно повторяя:

— Какие вы молодцы, что не сожгли его! Такой корабль, такой красавец! Мартин, а кстати, что будем делать с «Морским Змеем»?

Не говоря ни слова, Мартин сунул факел в жаровню, на которой грелся завтрак. Затем он перебрался на соседний корабль и вынул из ножен меч. Пленный пират Гоуджа застонал от страха, когда огромный клинок просвистел прямо над его головой. Перерубив цепь, привязывавшую пленника к мачте, Мартин подогнал пирата к борту и заставил спрыгнуть в воду.

— Я дарю тебе жизнь! — крикнул он напоследок. — Плыви к берегу, крыса!

Хват передал Мартину факел, и тот, прежде чем бросить его в трюм, поджег ярко вспыхнувшие паруса. С берега донесся отчаянный вопль пиратов, зализывавших раны после ночного боя. Грат потянулась к своему луку, но Мартин остановил ее.

— Пусть живут! Они обречены оставаться здесь всю жизнь. У них нет ни кораблей, ни подходящих для их постройки материалов. Лес на этом острове не растет, так что этим ребятам не удастся построить даже игрушечной лодочки.

Фиалка сидела рядом с пришедшим в себя настоятелем. По-прежнему завернувшийся в черный бархат, он молча отхлебывал горячий суп. Время от времени полевка вытирала ему подбородок салфеткой.

— Пираты получили даже больше, чем они заслуживают, — сказала Фиалка. — Фрукты, рыба, пресная вода... Пускай учатся обрабатывать землю, как мы в Рэдволле. Я считаю, им вообще повезло, что они остались живы.

Настоятель внимательно посмотрел на полевку и улыбнулся:

— Я скорее готов сказать, что это нам повезло остаться в живых.

Тут в разговор вступил заяц, который к тому времени дохлебывал уже четвертую миску супа:

— А я вот скажу, что несказанно повезло всем тем, у кого после такой заварухи осталось по два уха. Лично я одно свое потерял во время боя с ящерицами. Кстати, кто-нибудь может мне сказать, вырастет ли оно заново, если, конечно, я буду хорошо питаться?

Осмотрев остаток уха, Фиалка с сомнением покачала головой:

— Не думаю. Но не расстраивайся: я постараюсь сделать тебе красивое ухо из красного бархата с подкладкой из парусины.

Хват тем временем стянул кусок сухаря прямо из-под носа Плогга.

— Боюсь, я буду несколько выделяться среди своих собратьев.

Мартин уже с трудом сдерживался от хохота.

— А ты знаешь, по-моему, даже хорошо, что тебя будет издалека заметно. Ты будешь надевать это ухо только

в торжественных случаях. Это у тебя будет что-то вроде знака отличия, орден за храбрость.

Заяц подвигал сохранившимся ухом, приложил ложку к тому месту, где должно было оказаться искусственное, и задумчиво сказал:

— А что? Почему бы и нет? Представьте себе: встречаюсь я с очаровательной зайчихой, и она так, будто невзначай, спрашивает: «Ах, мне так нравится ваше красное ушко! Оно так живописно! Где вы его раздобыли?» А я ей отвечаю: «Ах, о чем вы спрашиваете? Ах, это? Так это старая рана! Передайте мне, пожалуйста, вон тот салатик, а я пока расскажу, как я ее заработал. Дело было так: окружили меня сотен пять чудовищных ящеров, а я, вооруженный лишь легким завтраком, после которого с меня штаны сваливались...»

Тут уже весь экипаж «Флибустьера» расхохотался от души. Неожиданно эхо разнесло над бухтой знакомый голос:

— Дза-а-ар Ма-а-арта-ан!

Через мгновение над бортом показалась тюленья голова, а вскоре и сам тюлений король пожаловал на палубу «Флибустьера». Он тотчас же заговорил о чем-то с Инбаром, и через некоторое время тот перевел:

— Король говорит, что друзья не должны бросать друг друга в беде. Поэтому он решил вернуться и помочь нам. Он очень рад узнать, что ваш настоятель цел и невредим, и теперь он и его подданные почтут за честь доставить ваш корабль к Выдриному Кольцу.

— Я очень тронут и благодарен, — сказал Мартин, — но мы направляемся в Рэдволл.

Тут Грат подошла к Мартину и, смущенно теребя свой колчан, проговорила:

— Просто Инбар уже сказал королю, а тебе еще нет: дело в том, что Инбар и я... ну, в общем, мы решили вместе вернуться на его остров и жить там. Прости, что не успела предупредить тебя об этом раньше.

Мартин радостно пожал обеим выдрам лапы:

— Это же самая замечательная новость! Пусть сезоны, которые вы проживете вместе, будут полны счастья и удачи.

После этого Мартин попросил Инбара перевести для короля морского народа его слова:

— Скажи его величеству, что мы будем очень признательны ему и его подданным за то, что они доставят наш корабль к Выдриному Кольцу.

Король морского народа благосклонно выслушал перевод Инбара, а затем снова что-то сказал.

— Мартин, — обернувшись к воину, с довольной улыбкой произнес Инбар, — наш друг, король морского народа, говорит, что с удовольствием доставит ваше судно по тайным маршрутам в Страну Цветущих Мхов после того, как довезет нас до Выдриного Кольца.

Мартину снова потребовался переводчик.

— Дза-а-а-а-а-ар, — прокричал Мартин, — ты действительно великий король всего морского народа! Прими же от отца-настоятеля аббатства Рэдволл этот дар.

Отцепив корону Ублаза от своего пояса, Мартин передал ее Дьюрралу, который, в свою очередь, неторопливо и с достоинством водрузил ее на голову тюленьего короля. Тот осторожно покачал головой, проверил, что корона не слетает при первом же движении, и гордо и величественно направился к борту, где его приветствовали плававшие вокруг корабля подданные.

Настало время браться за дело. Сначала к бортам корабля были прикреплены канаты, за которые тюленям предстояло тянуть его, а потом Мартин одним ударом меча разрубил канат, удерживавший судно на якоре. Хват выскочил на нос корабля и во все горло заорал:

— Я переименовываю это судно в «Морского Короля»! И пусть огонь на камбузе этой посудины будет всегда зажжен, и пусть весь ее экипаж, от капитана до послед-

него матроса, будет вкусно и сытно накормлен! Вперед, к Выдриному Кольцу, а затем домой, в Рэдволл!

Мартин, Фиалка и настоятель стояли на корме и смотрели, как Сампетра постепенно тает в дали. Обитатели этого острова — чудовищные ящерицы, жестокие морские крысы и пираты — были обречены учиться жить заново, и можно было не сомневаться в том, что на острове прольется еще немало крови. Недавний повелитель Сампетры император Ублаз спал вечным сном в темной пещере. Над догорающим дворцом и бухтой, где был сожжен пиратский флот, все еще поднимались столбы черного дыма.

55

Солнце так же ярко светило над Страной Цветущих Мхов, но уже не припекало. Подошло время уборки урожая. Деревья стали менять уборы своих крон с зеленых на золотисто-багровые, обещая вскоре усыпать землю свежим ковром из палой листвы. В один из таких предосенних дней Пижму опять посетил во сне Мартин Воитель. Проснувшись, Пижма без труда вспомнила и повторила переданное ей послание:

Бери шесть слез, и к морю
Ступай, и жди у вод,
И ты увидишь вскоре —
Морской король идет.

Недолго думая, Пижма стала собираться в экспедицию на побережье. В течение трех дней она организовала свой небольшой отряд.

Аума настояла на том, чтобы Командор с его выдриным отрядом, включая Длинную Лапу и ее разведчиков, проводили ежиху до побережья. Кроме того, сопровождать Пижму вызвался и Лог-а-Лог со своими землеройками.

Гуосим проводили отряд к тому месту, где «Морской Змей» покинул берега Страны Цветущих Мхов. Там-то и был разбит лагерь. Пижма взяла с собой Краклин, Ролло, Снопа и брата Хиггли, а кроме того, несмотря на все возможные отговоры старших, ей удалось выклянчить у барсучихи Аумы позволение взять в отряд троих малышей: все тех же Арвина, Копушу и Гурбал. Пораженные такой честью, малыши даже пытались некоторое время вести себя с подобающей степенностью, но вскоре опять принялись за свои привычные шалости.

Ролло, Пижма и Краклин сидели на большой прибрежной скале неподалеку от палатки. За три дня непрестанного наблюдения за морем их глаза устали и начали слезиться. Старый летописец в очередной раз протер очки, запотевшие во влажном вечернем воздухе.

— Ты уверена, что Мартин сказал тебе ждать морского царя именно здесь? — спросил он. — И кто такой этот морской царь?

— Понятия не имею, — со вздохом отвечала Пижма, сжимая в лапах шкатулку с шестью жемчужинами.

— А я думаю, что это какое-нибудь жуткое чудовище вроде тех ящериц, которые приходили к аббатству вместе с пиратами. И наверное, этот морской царь и держит в плену настоятеля Дьюррала и Фиалку. Вот почему Мартин и сказал взять с собой жемчужины, чтобы обменять их на наших пленных, — предположила Краклин.

Командор, помешивавший еду в котелке, висевшем над костром, пробормотал:

— Будем надеяться, что никому из наших друзей не пришлось отправиться к воротам Темного Леса.

Почтительное молчание было ответом на его слова.

Наступил вечер, а вскоре и ночная тьма опустилась на лагерь. Командор вместе с дежурными из отрядов выдр и землероек убрали остатки ужина, навели порядок, а затем сам Командор отнес троих уснувших прямо у костра малышей в палатку, где уже крепко спал Ролло. Краклин же осталась сидеть у костра с землеройками и выдрами, поочередно певшими песни то разных выдриных родов, то разных племен землероек, входящих в союз Гуосим.

Командор поднялся на скалу, где по-прежнему неподвижно сидела и смотрела в море Пижма.

— По-моему, нет смысла так изводить себя, портить глаза и нервы, глядя целыми днями на море, — негромко сказал Командор. — От этого морской царь не появится ни на секунду раньше, чем он того захочет.

— Я все понимаю, — ответила Пижма, все так же крепко сжимая в лапах шкатулку с жемчужинами. — Но почему-то я ощущаю это своим долгом. Понимаешь, вдруг настоятель и Фиалка окажутся здесь, на берегу, в клешнях какого-нибудь морского чудовища, и, если мы хотя бы ненадолго отойдем от берега, они могут хоть на минуту подумать, что их никто не ждет. По-моему, ожидание стоит того, чтобы не доставлять друзьям еще одного огорчения.

Командир выдриного отряда кивнул:

— Я понимаю, о чем ты говоришь, но предлагаю сменить часовых.

Поблагодарив выдру, Пижма спустилась в палатку и, укрыв получше малышей, легла спать рядом с ними.

Во сне Пижме опять явился Мартин Воитель. На этот раз он сказал ей только одну фразу:

— Настоятельница сама решит, как быть с жемчужинами.

Следующее утро было безветренным и туманным. Все встали рано и принялись помогать дежурным в ежеднев-

ных работах по лагерю. Пижма и Краклин взяли малышей и пошли прогуляться вдоль берега, чтобы заодно пособирать дров для костра.

День был неярким, но каким-то странным и необыкновенным. Даже малыши вели себя тише и спокойнее, чем обычно.

Неожиданно Пижма почувствовала, как в груди ее что-то не сильно, но настойчиво кольнуло. Она обернулась к морю, подбежала к самой воде и даже замахала перед собой лапами, словно пытаясь разогнать туманную пелену, скрывавшую горизонт. Краклин и малыши подошли к ней и встали рядом. Арвин испуганно потянул Пижму за рукав и спросил:

— Пижма, а что случилось? Там что-то...

В этот момент из волн на поверхности воды показалось огромное черное блестящее чудовище с золотой короной на голове. Выбравшись на прибрежный песок, великан продолжал неуклюже, но настойчиво двигаться вперед, сжимая в зубах толстую веревку. Добравшись до первых камней, он выплюнул веревку, поднял голову и закричал, огласив, казалось, все побережье:

— Дза-а-а-а-а-а-ар!

Малыши молча спрятались за спинами Краклин и Пижмы, и в наступившей тишине раздался пронзительный возглас ежихи:

— На помощь! Морской царь! Помогите! Помогите!

А меж тем полоса прибоя словно ожила. Одно за другим выползали на берег такие же странные существа самых разных размеров — от малышей до почти равных тому, что в золотой короне. Выбравшись на песок, они взмахивали в воздухе своими странными лапами, отбрасывали веревки и кричали:

— Дза-а-а-а-ар! Дза-а-а-а-ар!

Из тумана со стороны берега показались землеройки и выдры. Неустрашимые воины, они тем не менее на миг замерли, не зная, как вести себя с этими незнакомцами,

но тут из туманной пелены к берегу скользнуло что-то, напоминающее плавучую скалу. С мягким шелестом эта гигантская глыба вонзилась в песок и замерла.

С неизвестного предмета были сброшены две веревки, по которым проворно спустились два каких-то зверя.

— Эй, отец, извини! Костыль для тебя прихватить забыли!

Услышав знакомые голоса, Лог-а-Лог бросился к своим сыновьям и, поудобнее перехватив, легко поднял в воздух обоих.

— Ах вы, хулиганье малолетнее! Значит, путешествия не отучили вас смеяться над старшими? Ну, я вас тут лично перевоспитывать буду. Добро пожаловать, молокососы! Как же вы высмотрели нас в тумане? Держу пари, что унюхали по запаху готовящегося завтрака.

«Морской Король» прибыл в Страну Цветущих Мхов.

56

Поднявшееся из-за горизонта солнце разогнало туман. К этому времени все, кто был в лагере, уже перебрались на корабль, мирно покачивавшийся на легких волнах прибоя. Мартин, Фиалка и настоятель Дьюррал обнялись с Пижмой, Ролло, Краклин и братом Хиггли. Послышались радостные голоса:

— Ролло, дружище, как я рад снова тебя видеть!

— Отец-настоятель, вы вернулись! И Фиалка с вами! Как я рад! А мы так переживали! Про Фиалку мы подумали, что она просто заблудилась в лесу.

— Брат Хиггли, не соскучились ли вы по мне у себя на кухне?

— Соскучился? Да мы с Тизель все глаза выплакали! Иногда мне казалось, что я вас больше никогда не увижу.

— Пижма, Краклин, это вы? Дайте я обниму вас, подружки!

— Да, Фиалка, мы твои друзья и всегда будем дружить с тобой!

— Мартин, мое старое сердце колотится от радости за нашего воина, вернувшегося в аббатство целым и невредимым. Как ты, приятель?

— Неплохо. По крайней мере, у меня вполне хватит сил, чтобы пожать лапу мудрому летописцу Ролло. А вы, я смотрю, за время моего отсутствия только помолодели.

— Мартин, Мартин! — послышался писклявый голосок. — А что, все чудовища уплыли или они утонули?

Мышь-воин оторвал Арвина от своей задней лапы и посадил к себе на плечо.

— Это не чудовища. Это тюлени. Говоришь, уплыли вместе с царем?

Хват и Сноп посмотрели за борт. Арвин оказался прав: нигде вокруг не было видно ни единого тюленя. Машинально жуя горбушку свежеиспеченного хлеба, заяц почесал в затылке и сказал:

— Не попрощались... Странно. Даже мне странно, хотя, по-моему, я понимал их лучше всех, учитывая, что я единственный, кто в два счета овладел их забавным языком. Но все равно странно это как-то.

Сноп попытался скрыть смех, замаскировав его под кашель.

— Да уж не более странно, чем видеть тебя с красным бархатным ухом. Как сказала бы моя старая матушка... впрочем, даже не знаю, что она сказала бы, увидев такое красноухое чучело.

Мартин, глядя на море, печально покачал головой:

— Жаль, что морской народ не задержался у нас подольше. Они настоящие друзья, преданные и надежные.

Наверное, у них были свои причины уплыть. Эй, Командор, что ты на меня так уставился?

— Да смотрю, у тебя на шее появился новый шрам.

Мартин провел лапой по еще не залеченной ране:

— Есть такое дело. Ну да ничего. Видел бы ты, что стало с тем, кто посмел расцарапать меня! Вернемся в Рэдволл — я тебе все расскажу.

Плогг и Велко сообщили отцу о том, что Грат осталась жить с морской выдрой Инбаром на острове Выдриное Кольцо. Велко хлопнул отца по плечу и сказал:

— А на прощание Грат попросила передать, что она никогда не забудет своего верного друга — предводителя землероек Гуосим Лог-а-Лога. Эй, отец, да ты что, плачешь, что ли?

Лог-а-Лог даже не пытался скрыть слезы, которые потекли у него из глаз.

— Конечно, реву, как дитя малое. И ничего стыдного в этом не вижу. Эта выдра была мне как дочка, а дочки у меня, к сожалению, никогда не было. Только вы, оболтусы. Я очень рад тому, что она нашла свое счастье, но мне будет очень ее не хватать.

Плогг сходил в трюм и принес оттуда какую-то длинную вещь, завернутую в кусок парусины.

— Папа, Грат просила передать тебе это на память о ней.

Лог-а-Лог развернул сверток и взял в руки длинную стрелу с зеленым оперением.

На носу корабля стоял настоятель Дьюррал вместе с Пижмой, Ролло и Краклин.

— Ну что, удалось разгадать загадку? — спросил настоятель.

Ролло кивнул:

— Нелегкое это оказалось дело, но мы сумели найти решения для всех шести загадок. Шесть загадок — шесть жемчужин. Мы думали тебя за них выкупить.

— Вот как? — покачал головой аббат. — Теперь все понятно. Хорошо, а у кого они сейчас?

Пижма протянула ему шкатулку, в которой на бархатном ложе покоились шесть прекрасных, идеальной формы, розовых жемчужин.

— Вот они. Мартин рассказал, что раньше они принадлежали семье Грат, но из всего рода в живых осталась только она. Сама Грат решила не возвращаться в Страну Цветущих Мхов, так что я даже не знаю, как теперь вернуть жемчужины тому, кому они принадлежат.

Настоятель Дьюррал долго смотрел на Пижму, а потом сказал:

— Мне кажется, что теперь они принадлежат тебе.

Пижма с сомнением и удивлением на лице заглянула в шкатулку.

— А как же Ролло и Краклин? Я без них не смогла бы найти эти драгоценности.

Голос настоятеля аббатства Рэдволл звучал негромко, но убедительно и строго:

— Они все равно принадлежат тебе, потому что именно ты обнаружила останки того пирата, благодаря которому мы пришли к нашей первой загадке. Воин из наших снов сказал мне, что жемчужины твои. А теперь, девочка, ответь мне: что ты будешь с ними делать?

На палубе корабля воцарилось молчание. Все смотрели на Пижму, державшую в лапах шкатулку с жемчужинами. Она поглядела на друзей и мысленно перенеслась в тот день, когда они с Арвином наткнулись на скелет пирата. Она вспоминала дни, проведенные в поисках жемчужин, в страхе не найти хоть одну из них. И вот они — полдюжины жемчужин — лежали у нее на ладони в прекрасной раковине.

Громкий и уверенный голос Пижмы разнесся над морским берегом:

— Говорят, что эти жемчужины очень редкие и дорогие. К тому же они действительно красивы. И тем не менее, когда я смотрю на них, я вижу только кровь, которая тянется за ними, ощущаю чью-то жадность и вспоминаю

многочисленные смерти — начиная с семьи Грат и заканчивая бесчисленными морскими крысами и пиратами. Но одна из этих смертей коснулась лично каждого из нас: наша подруга Пинким погибла, пытаясь разыскать одну из этих драгоценностей. Не зря их назвали «Слезами Всех Океанов». Нам в аббатстве Рэдволл слезы не нужны. Наша жизнь куда дороже и прекраснее, чем все драгоценности мира. Я хочу вернуть эти слезы обратно в океан, чтобы они никогда больше не приносили горя никому на земле.

Пижма вскарабкалась на кормовой леер корабля и, размахнувшись, бросила горсть жемчужин в морские волны. Как шесть розовых дождевых капель, они сверкнули на солнце, а затем почти беззвучно упали в море и тотчас же скрылись из виду. Навсегда.

Краклин, задумчиво поглядев куда-то в небо, сказала:

— Сдается мне, что старая Фермальда пришла бы в ярость, увидев, как одним движением ты спрятала жемчужины гораздо лучше, чем она со всеми ее тайниками и загадками.

Ролло тоже восхитился поступком Пижмы:

— Молодец! Решительности тебе не занимать. Сказано — сделано. А вы что скажете по этому поводу, отец-настоятель?

Дьюррал улыбнулся и ответил:

— С того дня, как мы отплыли с Сампетры, мне все время снился один и тот же сон. Ко мне приходил Мартин Воитель, покровитель нашего аббатства, и каждый раз повторял одни и те же слова:

Та, что жемчуг держит,
Должна аббатисой в Рэдволле быть.
Ту, что за жемчуг держится,
Едва ли будут любить.
Лишь аббатиса с чистой душой
Отдаст их волнам, чтоб забыть.

Взяв Пижму за лапу, настоятель сказал:

— Вплоть до сегодняшнего дня я терялся в догадках о том, что могут значить эти слова. Теперь я все понял. Рад вас приветствовать, настоятельница Пижма.

Пижма смотрела в небо, не замечая, что происходит вокруг нее, и не видела ни моря, ни берега, ни солнца, все выше встававшего над горизонтом и заливавшего своими лучами все вокруг. На корабле стояла полная тишина.

Мартин молча подошел к Пижме, вынул древний меч Рэдволла и положил его перед нею. Затем, поклонившись, он произнес:

— Присягаю вам на верность, мать-настоятельница, и готов исполнить любой ваш приказ.

Пижма подняла меч. Раньше ей даже в голову не приходило, что он такой тяжелый. Она торжественно вручила оружие Мартину, а затем, еще не до конца осознав, какая огромная честь была оказана ей, обернулась к друзьям. Всячески пытаясь сдержать дрожь в лапах и в голосе, она сказала:

— Я обращаюсь к вам, друзья мои, и хочу сказать, что... это... В общем, давайте вернемся домой, а там первым делом закатим пир, чтобы отметить счастливое возвращение из опасного похода.

Поздравления следовали одно за другим, но едва ли не больше всего Пижму тронули простые слова Ролло:

— Если бы мне пришлось назначать настоятельницу, мой выбор совпал бы с выбором Дьюррала. Такого везения у нашего аббатства не было уже много сезонов. И пусть твое правление будет счастливым и справедливым, юная настоятельница.

Отрывок из записок Краклин, летописицы аббатства Рэдволл:

Урожай собран. Пусть наступает зима. С полными погребами и кладовыми мы ее не боимся. Матушка-настоятельница мудро отложила все текущие праздники и выходные до тех пор, пока все плоды осени не были заботливо подготовлены к долгому хранению. Зато потом у нас был Большой Пир, который продолжался семь дней и ночей кряду.

Рэдволл превзошел сам себя! Даже самые маленькие и несмышленые будут вспоминать этот пир, когда состарятся и поседеют.

Каждый вечер праздник перемещался из Большого Зала в Пещерный Зал, где все пели, танце-

вали, читали стихи, исполняли музыку, к удовольствию ушей и глаз всех присутствующих. Особо следует отметить балладу, написанную Хватом. Ее сорок семь строк подробно описывают героическую эпопею спасения старого настоятеля Дьюррала.

Я все еще учусь правильно вести летописи. Мой добрый друг, летописец Ролло, постоянно помогает мне, а все свободное время он проводит с братом Дормалом. Ролло очень понравилось копаться в саду и на огороде, где ему никто не мешает вздремнуть сколько заблагорассудится. Кстати, Пижма считает, что ей еще нужно многому научиться, чтобы стать хорошей настоятельницей. Ей всегда готовы помочь Аума, Дьюррал, Вальджер и другие старейшины Рэдволла, с каким бы вопросом она к ним ни обратилась.

Ах да, пока не забыла: важная новость! Полевка Фиалка победила сестру Цецилию в споре за лучшие методы лечения. Нашему счастью не было предела, когда мы узнали, что в результате горячего спора двух сестер крапивная похлебка была навеки вычеркнута из списка лекарств. Но радость наша была недолгой. Опыт морских путешествий для Фиалки не прошел даром. Теперь нам приходится, преодолевая отвращение, глотать отвар водорослей на ракушечном бульоне. Сестра Цецилия и сестра Фиалка сходятся в одном: они клятвенно заверяют нас, что это лучшее средство от всех болезней.

Лог-а-Лог вместе со своими землеройками, а также Командор и его выдры собираются перезимовать в Рэдволле. Хват планирует выйти в открытое море, чтобы разыскать тюленей, потому что ему, видите ли, невтерпеж хорошенько потолковать с ними о том о сем. Как он утверждает, язык морского народа не представляет для него никаких трудностей. Да, Сноп тоже отправляется в эту экспедицию в качестве кока и требует переименовать себя из амбарной совы в камбузную.

Кротоначальник и Фарло Стамп взяли Арвина, Копушу и Гурбал в учение, с тем чтобы впоследствии передать им

почетную обязанность хранителей погребов. Только сегодня настоятельница Пижма сказала мне, что она не завидует тем, кто взял на себя труд чему-либо научить эту трощу.

Матушка Аума, похоже, совсем не стареет. Теперь у нее появился новый план. Барсучиха решила вычистить и хорошенько перестроить чердак, где в свое время жила старая Фермальда, и устроить там своего рода уютную нору, где можно отдыхать в тишине и спокойствии.

Пираты не появлялись у берегов Страны Цветущих Мхов уже долгое время. Я хотела узнать побольше об императоре Ублазе, прозванном Безумным Глазом, но Дьюррал говорит, что о нем лучше забыть. Пусть он останется в прошлом и постепенно сотрется из нашей памяти.

Никак не могу привыкнуть к перу. Все лапы постоянно заляпаны чернилами. В общем, на сегодня хватит писать. Мне еще надо успеть прикрепить к воротам аббатства с наружной стороны вот это объявление:

Всех, кто к нам явился с миром,
В гости мы зовем всем миром.
Кто бы в гости ни пришел,
Приглашаем всех за стол,
Где за доброю едою,
За беседою простою
Славно время проведем,
Хором песни попоем.
Всяк у нас найдет приют.
Знайте:
В РЭДВОЛЛЕ ВАС ЖДУТ.

Белка Краклин,
летописеца аббатства Рэдволл,
что в Стране Цветущих Мхов

Оглавление

КНИГА ПЕРВАЯ
ШЕСТЬ «СЛЕЗ» ЗА ОДНОГО АББАТА

9

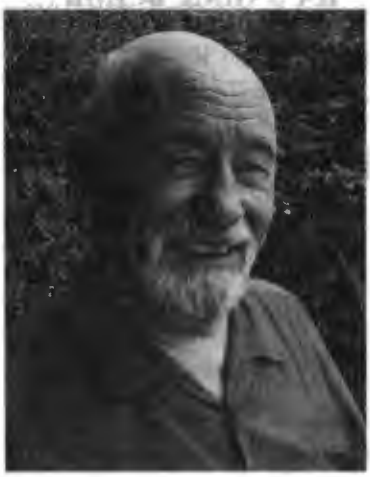
КНИГА ВТОРАЯ
НА ЗАПАД, ВОИНЫ!

157

КНИГА ТРЕТЬЯ
КОГДА ВСЕ СЛЕЗЫ ПРОЛИТЫ

309

Брайан Джейкс — великолепный рассказчик. Он родился и вырос в Англии, в Ливерпуле, и сменил множество профессий. Он был моряком и портовым грузчиком, клоуном и водителем грузовика, работал почтмейстером и полицейским, занимался боксом, руководил музыкальной фолк-группой, вел собственную передачу на радиостанции Би-би-си. Литературную карьеру он начал как сценарист и успел получить признание, но интереснее ему оказалось писать книги. Сериал «Рэдволл», общий тираж которого превысил 30 миллионов экземпляров, принес Джейксу титул одного из самых популярных писателей мира.



Сегодня Брайан Джейкс работает над очередным романом из цикла «Рэдволл» и придумывает новый сериал.

Книги сериала «Рэдволл» снискали своему автору, Брайану Джейксу, славу одного из лучших детских писателей мира. В чем секрет их популярности? Наверное, в том, что Джейкс, сам воспитанный на книгах Стивенсона и Хаггарда, Лондона и Дефо, пишет о простых, но важных и увлекательных вещах — о том, что жить надо весело, но радостную жизнь подчас приходится защищать от злобы и зависти; о том, что, заступаясь за слабого, ты становишься сильнее и можешь совершить подвиг; о том, что каждого, кто готов сделать первый шаг в неизведанное, за порогом ждут настоящие приключения.

Рэдволл — больше, чем просто книги, — это большой и интереснейший мир. Не случайно столько людей в разных странах причисляют себя к сообществу его поклонников. О приключениях героев Рэдволла снят мультипликационный сериал, поставлены спектакли и мюзиклы, а число интернет-сайтов, посвященных сериалу, исчисляется десятками. Начать знакомство с жизнью Рэдволла в сети мы советуем с ресурсов: www.redwall.org и www.redwall.net

Книгу можно заказать
в Интернете по адресу
WWW.OZON.RU

«Джейкс создал новую неотразимую сказку».
Сиэттл буклист

«Истории, сотканные из невероятных приключений, сильных характеров и завораживающих декораций».
Бостон санди глоб

«Ошеломляюще!»
Циркус ревью

«Книги о Рэдволле создают атмосферу рыцарства и приключений и напоминают истории о короле Артуре».
Арканзасский демократический бюллетень

«Поразительные приключения!»
Паблишерз уикли

«Брайан Джейкс обладает способностью истинного писателя фэнтези создавать новый и правдоподобный мир».
Журнал для школьных библиотек

Литературно-художественное издание

Брайан Джейкс

ЖЕМЧУГ ЛУТРЫ

Редакторы Ольга Константинова, Евгения Тихонова
Художественный редактор Валерий Макаров
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Корректоры Наталия Старостина, Наталья Хуторная
Верстка Антона Вальского

Директор издательства Максим Крютченко

Подписано в печать 29.03.2004.
Формат издания 60×84 1/16. Печать офсетная.
Гарнитура «Обыкновенная новая». Тираж 20 000 экз.
Усл. печ. л. 25,2. Изд. № 815. Заказ № 2263.

Издательство «Азбука-классика».
196105, Санкт-Петербург, а/я 192. www.azbooka.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов в ФГУП «Печатный двор»
Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций.
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

ПО ВОПРОСАМ ПРИОБРЕТЕНИЯ КНИГ ИЗДАТЕЛЬСТВА «АЗБУКА» ОБРАЩАТЬСЯ

Санкт-Петербург *Издательство «Азбука»*
тел. (812) 327-04-56,
факс (812) 327-01-60

«Книжный клуб „Снарк"»
тел (812) 103-06-07

ООО «Русич-Сан»
тел (812) 589-29-75

Москва *ООО «Азбука-М»*
тел. (095) 150-52-11,
792-50-68, 792-50-69

ООО «ИКТФ Книжный клуб 36,6»
тел. (095) 265-81-93, 261-24-90
www.club366.ru, club366@aha.ru

Екатеринбург *ООО «Валео книга»*
тел. (3432) 42-07-75

Новосибирск *ООО «Топ-книга»*
тел. (3832) 36-10-28
www.opt-kniga.ru

Калининград *Сеть магазинов «Книги и книжечки»*
тел. (0112) 56-65-68, 35-38-38

Хабаровск *ООО «Мирс»*
тел. (4212) 29-25-65, 29-25-67
sale_book@bookmirs.khv.ru

Челябинск *ООО «ИнтерСервис ЛТД»*
тел. (3512) 21-33-74, 21-26-52

INTERNET-МАГАЗИН

Все книги издательства в Internet-магазине «ОЗОН»
WWW.OZON.RU

КНИГА-ПОЧТОЙ

ЗАО «Ареал», СПб., 192236, а/я 300 тел. (812) 268-90-93;
www.areal.com.ru e-mail: postbook@areal.com.ru

к Сампетре
Остров Выдриное Кольцо
Дом Аутры
Лес Цветущих Мхов
Айсберги
Остров Сампетра
Море
Скала Скелета
Аббатство Рэдволл
Таверны и Пристань
Восточная бухта
Берег
Церковь Святого Виниана

«РЭДВОЛЛ»

Вот уже много сезонов в аббатстве Рэдволл течет спокойная жизнь, и только старые летописи помнят последнее происшествие — появление в аббатстве раненого горностая Седоглупа и его загадочную смерть. Зачем и от кого прятался зверь из войска императора Ублаза Безумного — обитатели Рэдволла так и не поняли. Лишь Мартин Воитель, потомок легендарного Мартина, — единственный, кто может разгадать эту загадку. Именно ему предстоит отомстить злодею Ублазу за всех тех, кого император погубил ради прекрасного жемчуга Лутры.

НАСТОЯЩИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ!

АЗБУКА

ISBN 5-352-00815-0

9 785352 008157